

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В Н О М Е Р Е:

А. Т. БОЛОТОВ — УЧЕНЫЙ-ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 год И НЕЗАВИСИМОСТЬ
ПОЛЬШИ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БРУСИЛОВ

ПИСЬМА А. М. ПАНКРАТОВОЙ

О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ФРИДРИХ ВТОРОЙ

11

МОСКВА · 1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Вопросы ИСТОРИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 11

НОЯБРЬ

1988

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- О. Е. Глаголева (Тула) — А. Т. Болотов — ученый, писатель, энциклопедист 3
М. Н. Бобрик — Революционный 1917 год и независимость Польши 17
А. М. Васильев — Египет: эволюция политической системы 28

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- Член-корреспондент АН СССР К. В. Чистов (Ленинград) — Нужна научная
концепция развития советской культуры 45

ПУБЛИКАЦИИ

- Письма Анны Михайловны Панкратовой (вступительная статья Ю. Ф. Иванова) 54

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Ю. В. Соколов — Алексей Алексеевич Брусилов 80
Л. И. Гиццберг — Фридрих II 98

СООБЩЕНИЯ

- Б. С. Итенберг — Первая в России книга о Французской буржуазной револю-
ции конца XVIII века 119

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- С. Б. Кузьмина — В защиту вице-адмирала В. А. Корнилова 127
Г. М. Коваленко (Новгород) — Договор между Новгородом и Швецией
1611 года 131
И. Е. Баренбаум (Ленинград) — К биографии Ивана Федорова 135

Л. Н. Сорокина (Алма-Ата) — Хайматкувст, харонцы и пангерманизм	128
В. Н. Дряхлов (Киров) — Янтарный путь	141

ИСТОРИОГРАФИЯ

В. А. Кучкин, Б. Н. Флоря — О профессиональном уровне книг по истории русской церкви	144
В. А. Гавриличев (Иваново), И. И. Шарифжанов (Казань) — Содержательная работа о творчестве Н. М. Лукина	156
А. П. Корелин, В. В. Шелохаев — Книга о системе политических сил в Эстонии начала XX века	159
Н. В. Минаева — Американский историк о Т. Н. Грановском	162
Ю. В. Костяшов — Пособие по историографии южных и западных славян	165
Член-корреспондент АН СССР А. А. Фурсенко (Ленинград) — Новое издание Протоколов федерального конвента 1787 года	167
Г. А. Архипова. — Н. И. Бушин. Социально-культурное развитие села на современном этапе. — Г. И. Всемихова (Минск), А. В. Манькин, Н. К. Петрова. Интернациональные связи рабочего класса СССР. — Н. С. Сташкевич (Минск), Г. И. Ильяшук (Минск). М. Н. Петров. Хранить вечно. Из истории борьбы с контрреволюционными выступлениями на Новгородчине. — К. Ф. Шаццлло. Л. Г. Бескровный. Армия и флот в России в начале XX в. — М. В. Кукушкина. Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора. — Ф. Г. Фанин, В. И. Уколова. «Последний римлянин» Бозэдий. — Ю. И. Поп (Винница). Я. Галандауэр. От Хайнфельда к возникновению КПЧ. Чешское рабочее движение 1889—1921 гг. — М. В. Загвоздкина. М. Кинг. Взгляд Пакеха. Встреча с Новой Зеландией и возрождение маори	171

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

А. Ш. — В Бюро Отделения	180
А. С. Гроссман — О социально-политическом характере второй мировой войны	181
В. М. Седых — К читателю — через читателя	184
В. Е. Кантор — Обсуждение работы журнала в Томске	186
Встречи в редакции	187
Новые книги	188
Резюме статей на английском языке	190

СТАТЬИ

А. Т. БОЛОТОВ — УЧЕНЫЙ, ПИСАТЕЛЬ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ

О. Е. Глаголева

Уроженец тульской земли Андрей Тимофеевич Болотов (7.X.1738—4.X.1833) был выдающимся человеком своего времени¹. Всесторонне одаренный, обладавший незаурядным, пытливым умом и необычайной работоспособностью, А. Т. Болотов оставил свой след во многих областях науки и культуры. В его творческом наследии свыше 350 томов произведений, в том числе около 4 тысяч опубликованных работ. Болотов был членом трех очень представительных научных обществ: Вольного экономического (с 1766 г.), Московского общества сельского хозяйства (с 1820 г.) и Королевско-Саксонского Лейпцигского экономического общества (с 1794 г.), печатавших сочинения Болотова в своих изданиях. По масштабу личности, научным достижениям Болотова можно сравнить с М. В. Ломоносовым, однако имя первого русского учено-агронома долгие годы было почти забыто, неизвестно широкому кругу читателей.

Болотов происходил из семьи мелкопоместного дворянина, полковника Архангелогородского полка Т. П. Болотова. Детские годы его прошли в Прибалтике и Финляндии, где располагался полк отца. Систематического образования он не получил, лишь один год проучился в Петербургском частном пансионе. В 1752 г., лишившись родителей, Болотов вынужден был оставить учение и вернуться в родовое имение — село Дворяниново Алексинского уезда Тульской губернии для ведения хозяйства. В 1755 г. он поступил на военную службу и принял участие в Семилетней войне: с 1757 по 1761 г. находился в Кёнигсберге, где служил переводчиком в канцелярии русского военного губернатора Восточной Пруссии генерала Н. А. Корфа.

Все свободное время Болотов посвящал чтению, переводам, изучению естественных наук. В Кёнигсберге он познакомился с немецкими учеными, посещал лекции в университете. В 1751 г. Корф был переведен

ГЛАГОЛЕВА Ольга Евгеньевна — кандидат исторических наук, зав. филиалом Тульского областного краеведческого музея «Мемориальный музей-усадьба А. Т. Болотова».

¹ Наиболее полный библиографический указатель работ о нем см.: Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833). М. 1984. К 250-летию со дня его рождения вышли в свет новые научно-популярные издания о его жизни и деятельности: Любченко О. Н. Андрей Тимофеевич Болотов. Тула. 1988; Бердышев А. П. Андрей Тимофеевич Болотов — основоположник русской сельскохозяйственной науки. 1738—1833. М. 1988. Частично переизданы его воспоминания: Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М. 1986; его же. Записки А. Т. Болотова. Тт. 1—2. Тула. 1988.

в Петербург на должность генерал-полицеймейстера города, и Болотов в качестве его флигель-адъютанта поселился в столице. Но, тяготясь военной службой, он мечтал о занятиях наукой, сельским хозяйством, поэтому, как только появился указ «О вольности дворянской», он подал в отставку и с 1762 г. поселился в своем имении. Здесь он всецело посвятил себя сельскохозяйственной, литературной и просветительской деятельности.

Еще в Пруссии Болотов изучал новейшие труды европейских ученых по сельскому хозяйству, пристально всматривался в жизнь местного населения. Его интересовало все, чем отличалось ведение хозяйства (возделывание почвы и прочее, «до экономии относящееся») у немецких жителей от привычного, русского. В своем имении Болотов начал вести хозяйство новыми, передовыми методами, о которых он узнал за границей и из книг. Он устроил прекрасный ботанический сад, выписывая семена и саженцы со всех концов России и из-за границы, изучал их приспособляемость к местным условиям. Много экспериментировал в саду, огороде, в поле, применял удобрения, конструировал новые сельскохозяйственные орудия, наблюдал, делал ежедневные записи. Поначалу трудно было, приходилось действовать в одиночку. У Болотова родилась идея передать свой опыт всем жителям России, приобщить их к передовой культуре.

В 1765 г. в России было основано Вольное экономическое общество, провозгласившее своей главной задачей распространение передовых методов ведения сельского хозяйства. Болотов стал одним из наиболее активных членов общества, напечатал в его Трудах 28 статей. Дважды награждался медалями Вольного экономического общества: за сочинение «Наказ к управителю» в 1770 г. и статью «О разделении полей» в 1771 году.

Однако Болотов видел узость читательской аудитории Вольного экономического общества и сожалел, что «большая часть деревенских жителей не знает о том, что оно есть на свете»². Чтобы сделать свой опыт достоянием более широкого круга «сельских хозяев», Болотов предпринял попытку издавать первый в России сельскохозяйственный журнал. Его «Сельский житель», единственным автором и редактором которого был сам Болотов, вышел в двух частях (1778—1779). В конце 1778 г. издатель «Московских ведомостей» предложил Болотову издавать агрономический журнал в качестве приложения к газете. Болотов стал сотрудничать с Н. И. Новиковым, и в течение 10 лет (1780—1789) они совместно издавали журнал «Экономический магазин». 40 томов «Экономического магазина» стали своеобразной энциклопедией сельского хозяйства, заполненной оригинальными статьями и заметками самого Болотова, его переводами из иностранных сочинений и журналов.

В ряде статей в «Экономическом магазине» и Трудах Вольного экономического общества Болотов впервые создал и научно обосновал стройную теорию агротехники, описал полный цикл земледелия, начиная с исследования структуры и состава почв, приготовления земли путем удобрения, отбора качественных семян, обращая особое внимание на сроки и нормы посева, уход за растениями, борьбу с сорняками и вредителями, и кончая рекомендациями по сбору и хранению урожая. Детально Болотов проработал способы повышения эффективности земледелия.

Болотов намного опередил достижения европейской агрономической науки, открыв теорию минерального питания растений. С начала XVII в. в Европе существовала водная теория питания растений, утверждавшая, что растения все необходимое для роста получают толь-

² Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1795. В 4-х тт. СПб. 1871—1873. Т. 2, с. 616.

ко из воды, а земля является лишь сосудом, удерживающим растения и воду. Однако личные наблюдения не давали Болотову возможности считать, что это так. Путем длительных опытов он пришел к выводу, что повышение урожайности напрямую зависит от минерального состава почвы, от удобрения земель. Свою теорию минерального питания растений Болотов подробно изложил в статье «Об удобрении земель» в 1770 г. и ряде других работ, однако открытие его не было оценено по достоинству. Еще 30 лет спустя, в 1800 г., Берлинская академия присудила премию немецкому ученому Шрадеру, вновь писавшему, что растения все необходимое берут из воды. А в России учение Болотова было применено, по существу, только в трудах Д. Н. Прянишникова спустя почти 150 лет.

В статье «О разделении полей» Болотов впервые ввел понятие многопольного севооборота, теоретически обосновал необходимость его применения, рассматривая севооборот как целостную систему агротехнических мероприятий, убедительно доказал его преимущество с точки зрения повышения урожайности, всей организации хозяйства. Вместо общепринятой трехпольной системы Болотов предложил семипольную систему севооборота, включающую чередование посевных культур, оставление полей под паром, удобрение, перелог, сочетание земледелия со скотоводством.

Большое количество работ Болотов посвятил полевым и овощным культурам, плодоводству, экологии растений. Впервые в России он начал опыты по выращиванию картофеля, открыл способ клубнеобразования путем затемнения стеблей, которым до сих пор пользуются картофелеводы. Но в литературе этот способ известен как опыт Фехтина, хотя Болотов открыл его на 150 лет раньше. В 1770 г. Болотов опубликовал статью «Примечания о картофеле». Это была первая русская научная статья о картофеле, вслед за ней появились еще 20 его статей на эту тему, где описывались его опыты, давались рекомендации по выращиванию картофеля, хранению, даже употреблению в пищу. Опыты и научные публикации Болотова о картофеле были первыми не только для России, но и для многих стран Европы. Впервые в России Болотов начал опыты и по выращиванию помидоров, доказав, что их можно употреблять в пищу, что они не ядовиты, как это считалось ранее.

Болотов был одним из первых русских селекционеров, выведившим новые сорта яблок, опираясь на научные методы. Составленный им первый в России труд по помологии «Изображения и описания разных пород яблок и груш, родящихся в Дворяниновских, а отчасти и в других садах» (1797—1800. 7 томов), включавший описания более 600 сортов яблок и груш с их изображениями, не утратил своего значения и в наши дни. Им было также составлено первое русское руководство по морфологии и систематике лекарственных растений (1781). Большое значение имели статьи Болотова по животноводству, пчеловодству, лесоводству. Был он и талантливым конструктором, изобрел и усовершенствовал ряд сельскохозяйственных машин и инструментов, создал электрическую машину, которую успешно применял для лечения ряда заболеваний.

В 1774 г. Екатерина II, оценив познания Болотова в сельском хозяйстве, поручила ему управление своими имениями в Киясовской волости (ныне Московская обл.), с 1776 г.— в Богородицкой волости (ныне Тульская обл.). До 1776 г. Болотов жил в Киясовке, а затем вместе с семьей переехал в Богородицк. Именно здесь, в Богородицке, проявился во всем блеске его многогранный талант. Не довольствуясь точным исполнением своих обязанностей, Болотов не только образцово поставил хозяйство царских имений, но и принял участие в строительстве дворца и соборной церкви, проявив незаурядный дар живописца; разработал проект будущего расположения города, прекрасно сочетая новые правила градостроения с местным пейзажем. Но главным результатом

деятельности Болотова в этот период оказался созданный им замечательный парк — один из прекраснейших пейзажных парков России. В нем воплотился выдающийся дар Болотова — ландшафтного архитектора, стремящегося придать садово-парковому искусству в России национальное своеобразие³.

В 1796 г. после смерти Екатерины II Богородицкая и Киясовская волости перешли к ее незаконнорожденному сыну А. Г. Бобринскому. Болотов не пожелал остаться богородицким управителем и вернулся в родное Дворяниново, где прожил до самой смерти, углубившись в сельскохозяйственные и литературные занятия. Работая над мемуарами, Болотов писал: «С науками не расстанусь я ни для кого и ни для чего в свете!»⁴. В Дворянинове Болотов продолжал писать статьи по агрономии, прудоводству, ботанике, минералогии, физике, медицине и пр. В течение 52 лет Болотов вел регулярные метеорологические наблюдения, делал ежедневные записи, переданные после смерти Болотова его сыном в Академию наук⁵.

До последнего дня своей жизни Болотов не прекращал работать, хотя в старости потерял зрение и почти лишился слуха. Болотов умер за три дня до своего 95-летия и был похоронен на кладбище села Русятино, в двух километрах от Дворянинова.

Выдающиеся заслуги Болотова-ученого, прежде всего как агронома, в наши дни получили заслуженную оценку: изданы «Избранные сочинения по агрономии, илодоводству, лесоводству, ботанике» (М. 1952), готовится издание ранее не опубликованных агрономических работ Болотова, его методы широко используются в сельском хозяйстве сегодня. Болотову-агроному посвящены специальные монографии, статьи⁶. Реже исследователи касаются его просветительской деятельности, его мировоззрения, вклада в развитие русской культуры.

В оценке общественно-политических взглядов Болотова существуют две почти полярные точки зрения: либо считают его «монархистом» «крепостником»⁷, либо причисляют к просветителям⁸. Ни та, ни другая точка зрения не отражает всей сложности общественно-политических взглядов Болотова, которые он достаточно полно и чрезвычайно колоритно выразил в собственных сочинениях, в первую очередь в мемуарах. Понять его мировоззренческую систему помогают также его неопубликованные дневники и письма, высказывания о прочитанных книгах, реконструкция круга его чтения. Книги, по выражению Болотова, — «первейшая драгоценность в свете»⁹ — оказали огромное влияние на формирование взглядов ученого.

Оставаясь сыном своего времени, дворянином-помещиком, Болотов в своем мировоззрении отразил все противоречия русского XVIII века, века Просвещения и жестокой расправы с восставшим народом, «столе́тия безумного и мудрого». Он был сторонником и апологетом монархии, крепостного права¹⁰, видел в крепостном труде крестьян основу

³ Любченко О. Н. Есть в Богородице парк. Тула. 1984, с. 7 и др.

⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 2, с. 492.

⁵ Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), ф. 89, Болотовы, д. 63; Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде (ОР БАН), ф. 69, д. 15.

⁶ Бердышев А. П. А. Т. Болотов — первый русский ученый-агроном. М. 1949; Липшиц С. Ю. Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. Т. 1. М. 1947; и др.

⁷ См., напр., Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. Т. 1. М. 1953, с. 214.

⁸ Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833), с. 5; Лазарев В. Тульские истории. Тула. 1977, с. 194; Гулыга А. Он писал о себе для нас. В кн.: Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. М. 1986, с. 5.

⁹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. (Здесь и далее цит. по изд. 1871—1873 гг.). Т. 2, с. 67.

¹⁰ Там же, с. 161 и др.

эффективности сельского хозяйства¹¹, резко осуждал крестьянскую войну под предводительством Е. Пугачева¹². Однако, с другой стороны, Болотов был против жестокого обращения помещиков с крестьянами, стремился к просвещению крестьян (как мы увидим ниже), оказывал им бесплатную медицинскую помощь¹³, что было нехарактерно для «крепостников». Но на основании этого еще нельзя причислять Болотова и к просветителям с их «горячей враждой к крепостному праву» и «отставанием интересов народных масс»¹⁴. Наиболее правильным было бы отнести взгляды Болотова к умеренно-консервативному направлению развития общественно-политической мысли. Представители этого направления, оставаясь идеологами правящего класса, тем не менее отразили кризисные явления крепостнической системы и разделяли некоторые идеи Просвещения: выступали за смягчение эксплуатации крестьян, призывали к распространению образования и т. д., но любые изменения существующего порядка считали допустимыми исключительно путем реформ и просвещения, без крестьянских выступлений. В моменты обострения классовой борьбы в конце XVIII — начале XIX в. обпадалась охранительная суть их идейных позиций.

О непоследовательности взглядов Болотова говорит то, что даже его монархизм не был цельным. Например, критическое отношение к европейским монархам не вызывало у него «священного ужаса». Ему попался рукописный перевод книги «Подарок китайского императора европейским государям на новый [1]782 год». «Книга сия,— писал Болотов,— переходит секретно из рук в руки... Сочинение, в самом деле, чрезвычайно острое и умное, состоящее в тонкой политической критике и ценении всех ныне существующих в Европе государей, каждому особо, и многие из них расчипаны тут в прах»¹⁵.

Когда же речь заходит о критике в адрес царского правительства, то тут уже Болотов по-настоящему гневается, не избегая весьма крепких выражений. В 1802 г. он прочитал «Тайные мемуары о России» К. Массона. Этот француз, долгое время живший в России, был приближен ко двору, обучал внуков Екатерины II, с 1795 г. стал секретарем великого князя Александра. При Павле I в 1796 г. без видимых причин он был удален из России с запрещением въезда в страну¹⁶. Впитавший освободительные принципы Французской буржуазной революции, Массон в своих записках обличал деспотизм и самодурство русских правителей, раскрывал некоторые неблагоприятные подробности жизни Екатерины II и Павла I. Мемуары Массона сразу по выходе в свет наделали много шума в Европе. В России власти старались помешать распространению этого сочинения и всячески очернить автора.

Интересно в этом смысле, как Массон представлялся Болотову. По его словам, автор мемуаров о России, «какой-то ракалаия французиска», живя в России, «отправлял сперва учительскую должность, а потом прибился как ко двору и был при конюшне каким-то надзирателем», затем «был взыскан и облагодетельствован [государыней] Марией Федоровной и наконец замешался в какой-то политический заговор... был выслан из России»¹⁷. В своих мемуарах о России, писал Болотов о Массоне, он «собрал все яды сколько их есть на свете и излевал их

¹¹ См. рукопись «Рассуждения А. Т. Болотова по вопросу о сравнительной выгодности крепостного и вольнонаемного труда» (ОР ГПБ, ф. 89, Болотовы, д. 104).

¹² Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 3, с. 349, 377, 486—491, 752.

¹³ Там же. Т. 3, с. 752; т. 4, с. 934.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2, с. 519.

¹⁵ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 4, с. 709.

¹⁶ Masson C. F.-Ph. Mémoires secrets sur la Russie et particulièrement sur la fin du regne de Catherine et le commencement de celui de Paul I formant un tableau de mœurs de Saint-Petersbourg à la fin du XVIII siècle. Tt. 1—2. Amsterdam. 1800; Т. 3. P. 1803; Массон. Секретные записки о России. Т. 1. М. 1918, с. 3 (предисл.).

¹⁷ ОР БАН, ф. 69, д. 5, лл. 5—5об.

на нас бедных: и что это не пощажены тут никто и никто, от государей наших до последних подданных, и досталось от сего архибездельника всем и всем на лапу и на всяком месте к одной правде прибавлено 100 неправд. Словом он изобразил всех нас и все государство таким, что хоть брось. Истинно без крайней досады на сего бестию слов его читать не можно».

Преданный царскому престолу немецкий драматург А. Коцебу написал «Опровержение тайных мемуаров о России»¹⁸, в котором, к восторгу Болотова, «опровергал все его (Массона.— О. Г.) злословия и клеветы и как же? — так, что без особенного удовольствия читать не можно. Смешал его так с грязью и на всякий шаг в нос ему щелчок, то в рожу оплеуху, то в рыло толчок, то заушину хорошую, то за волосы и таскает, словом, так его отбаловал, как лучше требовать невозможно: да и есть за что, и Г[осподину] Коцебу есть истинно за то сказать большое спасибо, и я его одно полюбил за нею»¹⁹.

История воцарения Екатерины II была одним из вопросов, которые тщательно замалчивались русским правительством, но остро интересовали современников и потомков. Манифест Екатерины II об отречении от престола Петра III и указ о перенесении его тела ходили в списках спустя десятилетия²⁰. Болотова тоже интересовали эти моменты русской истории. Кроме сочинений Массона, он, видимо, читал и другие книги на эту тему. Так, при составлении собственного описания событий 1762 г.²¹ Болотов, по мнению В. А. Бильбасова²², широко использовал брошюру немецкого офицера С. де ла Марша, жившего в те годы в России²³. В тетрадь под названием «Собрание достопамятных вещей или разных сочинений, носившихся в народе» Болотов переписывает «Письмо французского учителя своему другу во Францию об обстоятельствах восшествия на престол Екатерины II» (1762 г.), содержащее восторженные отзывы о русской царице и полное оправдание свержения Петра III. Для выяснения взглядов Болотова интересно то место в письме, где говорится, что власть в России переходит по завещанию и подданные обязаны подчиняться своему государю, но и он обязан защищать своего подданного. «Ежели монарх нарушает свои обязательства, то не бывает ли и подданный через то самое свободным и от своих обязательств?»²⁴.

Русская подцензурная литература о царствовании Екатерины II и Павла I также попадала в руки Болотова. В сборник «Магазин достопамятных и любопытных бумаг, носившихся в народе» он поместил «дерзкое и ядом и злостью дышащее и сожжения достойное» стихотворение Д. Давыдова «Орлица, Турухтан и Тетерев»²⁵. Туда же он списал и «Стихи, носившиеся в народе на случай смерти Потемкина» неизвестного поэта²⁶. Смерть Г. А. Потемкина в 1791 г. вызвала появление ряда сочинений, обличавших этого вельможу. Болотов в том же году сочинял

¹⁸ Сочинение под заглавием «Refutation de mémoires secrets sur la Russie» Коцебу поместил в конце одной из своих книг (Kotzbuë A. de. L'année la plus remarquable de ma vie, suivie d'une réfutation des Mémoires secrets sur la Russie, par Auguste de Kotzbuë. Tt. 1—2. P. 1802).

¹⁹ ОР БАН, ф. 69, д. 5, л. 5об.

²⁰ В архиве тульских помещиков Олсуфьевых сохранилась копия Манифеста, изготовленная в самом конце XVIII или начале XIX в.— на бумаге «белая дата» — 1796 г. (Государственный архив Тульской области, ф. 2252, оп. 1, д. 2), а помещик Чернского уезда А. Д. Сонин хранил копию указа Екатерины II, выполненную примерно в 1770-х годах (там же, ф. 114, оп. 1, д. 18).

²¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 2, с. 265—283.

²² Бильбасов В. А. История Екатерины II. Т. 2. СПб. 1891, с. 452—453.

²³ Marche S. de la. Anecdotes russes ou lettres d'un officier allemand. Lnd. 1769

²⁴ Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОФ ГБЛ), ф. 475, л. 6, лл. 12—26.

²⁵ Литературное наследство. Т. 9—10. М.—Л. 1933, с. 98; Альтшуллер М. Мартынов И. Звучащий стих свободы ради. М. 1976, с. 28—29.

²⁶ Литературное наследство. Т. 9—10, с. 18.

«Анекдоты о князе Потемкине». Известны были ему и рукописные возражения на сочинения Павла Потемкина, брата екатерининского фаворита, «Глас Невинности». О правлении Павла I он писал, что «никогда не было в народе и в Москве столько едких сатир и пасквилей, как ныне». В числе «тайно носившихся в народе» сочинений Болотов называет оду Державина «Счастье», стихотворение генерала Волкова «Глас Москвы», направленное против французского засилья²⁷.

Резко отрицательным было отношение Болотова к Французской революции. Черпая сведения о событиях во Франции из зарубежных газет, Болотов излагал их на русском языке в особых тетрадах, названных им «Богородицким вестником»²⁸, которые затем передавал для прочтения своим соседям²⁹. Болотов не только был хорошо знаком с событиями Французской революции, но и пытался разобраться в ее социальной сущности, оценить различные политические направления. Известия в «Гамбургских газетах» «о бешенстве французских революционистов и казниении ими своего доброго и невинного короля Людвига XVI» Болотов не мог читать «без содрогания». Очень «полюбилось» Болотову сочинение реакционного историка Гиртанера «Исторические сообщения и замечания о Французской революции», содержащее критику революционных событий, и Болотов взялся его переводить³⁰.

Возмущение Болотова вызвали «Оставшиеся творения Фридриха Второго короля прусского» (Тт. 1—8. СПб. 1789—1791), автор которых, по мнению Болотова, «обезумел столь много, что, будучи уже одною погою в гробу, наилучшее утешение находил в том, чтоб вредить закону христианскому и насмехаться всему хорошему и радоваться, что развращены все умы и нравы». Подобная оценка Фридриха II, демагогически провозглашавшего близость своей политики идеям французского Просвещения, вполне закономерна для Болотова, всячески порицавшего французских просветителей. С ужасом отмечал он увлечение «вольтеризмом» некоторой части тульского дворянства; Вольтера, Гельвеция называл «извергами и развратителями человеческого рода». В своем критическом обзоре литературы «Мысли и беспристрастные суждения о романах» Болотов, оценивая повесть Вольтера «Принцесса Вавилонская» (М. 1770), отдает должное уму автора, но утверждает, что главная цель Вольтера — «вперясть папхитрейшим и коварнейшим образом в умы смертных наивредительнейшие и опаснейшие сумнительствы, развращая злодейски сердца невинные и непорочные, потравляя оные хуже нежели ядом и отравою, губить людей душевно и телесно»³¹. Эта характеристика относится далеко не к самому обличительному сочинению Вольтера: в нем «фернейский патриарх» говорит главным образом о любви, а изображение политического состояния Европы XVIII в. дано скорее в тонах легкой проныи, нежели губительного сарказма. Видимо, все в Вольтере, ставшем для лучших умов Европы символом свободы и независимости, было чуждо верноподданному, глубоко религиозному Болотову.

Формирование мировоззрения Болотова шло главным образом в кёнигсбергский период. Система его взглядов, сложившаяся тогда, в дальнейшем не претерпела существенных изменений, с годами лишь обретая все большую четкость и определенность. В Кёнигсберге произошло первое его знакомство с трудами европейских философов и богословов.

²⁷ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 4, с. 873; его же. Памятник протекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшестввах и носившихся в народе слухах. Ч. 1. М. 1875, с. 12, 18, 91.

²⁸ ОР ГБЛ, ф. 475, 1.8, 9.

²⁹ Штранге М. М. Русское общество и Французская революция. 1789—1794 гг. М. 1956, с. 68.

³⁰ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 4, с. 1074, 1110.

³¹ Там же, с. 538; т. 3, с. 164—165, 186, 927—928; Литературное наследство. Т. 9—10, с. 210.

Труды немецкого философа-рационалиста Х. Вольфа, сторонника просвещенного абсолютизма, призывавшего к достижению «всеобщего блаженства людей», первоначально привлекли вниманис и симпатию Болотова точностью и ясностью изложения, последовательностью выводов. Однако со временем даже весьма умеренные взгляды Вольфа казались ему «вольнодумными». Вероятно, он был знаком и с трудами философов более радикального направления. О книгах, прочитанных в кёнигсбергский период, Болотов писал: «Стали мне попадаться в руки и самые вольнодумческие и такие, которые мало-по-малу и совсем неприметным и нечувствительным образом, стали вперять в меня некоторые сумнительствы о истине всего откровения и христианского закона».

К собственному ужасу, вследствие этого чтения Болотов «впал, наконец, в совершенное сумнительство о законе и едва было не сделался и сам совершенным деистом и вольнодумцом»³². Из-под «пагубного» влияния вольнодумных сочинений он вышел благодаря знакомству с трудами немецкого теолога и философа-идеалиста Х. А. Крузиуса. Купив для своей библиотеки «весь философический курс, или всю философию Крузианскую»³³, по его мнению, «глубокомысленную и высокую», он «для лучшего понятия и незабвения выучил даже от слова до слова наизусть» труды любимого философа. Тогда же Болотов пытался переводить на русский язык труды Крузиуса, а по возвращении в Россию неустанно пропагандировал их³⁴.

Богословские сочинения занимали важное место в сфере духовных интересов Болотова. Сочинения французских и немецких проповедников И. Л. фон Мосгейма, И. Ф. Иерусалема, Ф. В. Закка, И. А. Бенгеля, митрополита Платона являлись его постоянным чтением³⁵, побуждали его к написанию собственных богословско-философских трудов «Путеводитель к истинному человеческому счастью» (М. 1784), «Чувствования христианина при начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу» (М. 1781) и др.

Неожиданным является наличие в книжном собрании Болотова масонских изданий, так как на страницах мемуаров он неоднократно и настойчиво подчеркивал свою непричастность к масонству, резкое неприятие его учения³⁶. На полках его библиотеки стояли труды «духовных пастырей» русских масонов: рукописный список с сочинения И. Арндта «Об истинном христианстве»³⁷, тайно изданного в типографии И. В. Лопухина в переводе И. П. Тургенева (М. 1784) и запрещенного сразу после выхода в свет; труд Г. Т. Оксенштерна «Размышления и нравоучительные правила»; И. А. Гофмана «О спокойствии и удовольствии человецеском». (чч. 1—2. СПб. 1762—1763). О последней книге Болотов писал: «Книга сия послужила потом основанием всей последующей моей философической жизни». Очень авторитетными для масонов были сочинения английского автора книг духовного содержания и естествоиспытателя У. Дерама, чья «Физико-геология» имелась в собрании Болотова³⁸. Читал и переводил Болотов сочинение немецкого мистика И. С. Галле «Открытые тайны древних магиков и чародеев,

³² Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 2, с. 59, 60.

³³ Там же, с. 56—57 (вероятно, имеются в виду: Crusius Chr. Anweisung, vernünftig zu leben. S. I. 1744; e j u s d. Entwurf der notwendigen Vernunftwahrheiten. S. I. 1745; e j u s d. Anleitung über natürliche Begebenheiten ordentlich und vorsicht-lich nachzudenken. Bd. 1—2. Leipzig. 1749; e j u s d. Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntnis. S. I. 1777).

³⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 3, с. 165.

³⁵ Там же. Т. 2, с. 125; т. 4, с. 1134; т. 2, с. 852; т. 3, с. 108.

³⁶ Там же. Т. 3, с. 932—935, 1134.

³⁷ ОР ГБЛ, ф. 475, 65.

³⁸ Oxenstierna J. T. Pensées et réflexions morales de M. le Cte d'Oxenstiern sur divers sujets. Tt. 1—2. La Haye. 1776; Derham W. Physiko-Theologie, oder Naturleitungen zu Gott. Dresden. 1764; Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 1, с. 762—763, 896; т. 3, с. 751.

или Волшебные силы природы», позже переведенное на русский язык другом Болотова, известным писателем XVIII в., жившим в Тульской губернии, масоном В. А. Левшиным (М. 1798—1804). В типографии Новикова издал Болотов свой перевод имевшейся в его книжном собрании на немецком языке книги реакционного богослова пастора И. М. Гёце «Рассуждения о начале и конце нынешнего и о состоянии будущего мира» (М. 1783)³⁹. По просьбе Новикова Болотов переводил с немецкого «Вечерние размышления на каждый день года» И. Ф. Тиде, но, вероятно, перевод книги не был закончен, так как он «нашел ее хотя распрекраснейшею, но для перевода по особому слогу своему не совсем легкою»⁴⁰. Впоследствии Болотов приобрел для своей библиотеки это сочинение в переводе Н. М. Карамзина и А. А. Петрова, изданное под названием «Размышления в вечерние часы» (М. 1789)⁴¹. Русский перевод сочинения Тиде стал третьим отделением издававшегося Типографической компанией Новикова богословского журнала «Беседы с Богом» (М. 1787—1789), подписчиком которого был и Болотов⁴². Большой популярностью в масонских кругах пользовались религиозно-мистические поэмы типа «Авелевой смерти» С. Геснера (М. 1780) и «Иосифа» П. Ж. Битобе (М. 1769). Болотов не только имел эти поэмы и, читая, получал «душевное удовольствие», но и делал их собственные переводы⁴³.

Несмотря на большую социальную и политическую неоднородность, масонство было в какой-то степени оппозиционным движением и именно так воспринималось правительством, которое в итоге запретило его и подвергло гонениям его виднейших деятелей. Во время проведенной в 1787 г. по указу Екатерины II кампании против «вольнодумных» и масонских изданий сочинения Арндта, Оксенштерна, Гофмана, Дерама, Тиде, Геснера, Битобе, журнал «Беседы с Богом», болотовский перевод Гёце и его собственное сочинение «Чувствования христианина» были изъяты из книжных лавок. Болотов же, прекрасно знавший о гонениях на масонов, сохранил эти издания в своем книжном собрании. Присутствие в нем масонских книг и рукописей говорит о широте натуры Болотова, разносторонности его интересов, об отсутствии у него нетерпимости к взглядам, не всегда разделяемым им самим. Об этом свидетельствуют и другие факты его биографии.

Известно, что сын его Павел был активным масоном, поддерживал тесную связь с виднейшими деятелями масонства. В мемуарах Болотов неоднократно говорил о духовной близости с сыном, общности их интересов. Большинство принадлежавших ему книг масонского содержания перешли затем к сыну. Многолетняя совместная деятельность связывала Болотова с видным масоном Н. И. Новиковым, «самая дружба» между ними⁴⁴ продолжалась и после начавшегося преследования Новикова. 12 октября 1791 г. Болотов принимал у себя уже опального просветителя. А в 1796 г. сын сообщал ему из Тулы важные новости: «Русский вояжер наш в великом духе: типографии их уцелели и ожидают себе великой свободы»⁴⁵ (речь идет об освобождении Новикова). Вновь

³⁹ Halle J. S. Magie, oder die Zauberkräfte der Natur. Tt. 1—4. Brl. 1784—1786; Götz J. M. Betrachtungen über die Zustand der Welt und des Menschen nach dem jüngsten Gericht. Breslau. 1765; Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 3, с. 1006; ОР БАН, ф. 69, д. 25, с. 31.

⁴⁰ Tiede J. F. Unterhaltungen mit Gott in den Abendstunden, auf jeden Tag des Jahres. Halle. 1771; Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 3, с. 929—930.

⁴¹ Книга находится в частном собрании (см. Лавров В. Среди рукописей. В кн.: Альманах библиофила. Вып. 5. М. 1978, с. 240).

⁴² Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 4, с. 282.

⁴³ Там же. Т. 3, с. 162—163; ОР ГБЛ, ф. 475, 5.1. Автограф 1770-х годов.

⁴⁴ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 3, с. 859.

⁴⁵ ОР ГПБ, ф. 89, д. 111, л. 42об.

затеваается переписка между Болотовым и Новиковым, не прекращавшаяся почти до самой смерти последнего⁴⁶.

Вряд ли это было бы возможно, относись Болотов так непримиримо к масонским и «вольнодумным» убеждениям Новикова, как он это старался изобразить в мемуарах, написанных уже после запрещения масонских лож. Да и было бы весьма странным столь резкое неприятие Болотовым идей масонства, так увлекавших просвещенных людей конца XVIII века. Широту распространения масонства хорошо выразила одна мемуаристка. «Отец мой,— писала она,— как большая часть образованных людей своего времени, принадлежал масонству»⁴⁷. Да и масонская этическая программа самоусовершенствования по своему духу должна была быть очень близка Болотову. Трудно утверждать, был ли он масоном, но его интерес к этому движению, отсутствие резкой непримиримости к нему несомненны.

Философско-богословским трактатам обязан Болотов и направлением своих главных интересов в сторону естественных наук, «сельской экономии». Врожденная наблюдательность и любовь к природе особенно развились у него под влиянием книг философа-эстета И. Г. Зульцера, немецкого последователя философско-дидактического идеализма А. Попа, в которых Зульцер утверждал, что созерцание красот природы должно пробуждать в человеке чувства истины и добра. С книгами Зульцера Болотов познакомился еще в Кёнигсберге, и они оказали на него огромное влияние. «Не успел я их прочесть,— писал он в мемуарах,— как не только глаза мои властно как растворились, и я начал на всю натуру смотреть совсем иными глазами и находить там тысячу приятностей, где до того ни малейших не примечал; но возгорелось во мне пламенное и ненасытное желание читать множайшие книги такого же сорта и узнавать от часу далее все устройство света. Словом, книжки сии были как фитилем, воспалившим гнездившуюся в сердце моем и до того самому мне неизвестную охоту ко всем физическим и другим так называемым естественным наукам»⁴⁸.

Ученый-агроном, сельский хозяин-экспериментатор, он знал и имел в своей библиотеке лучшие сочинения по «сельской экономии» русских и зарубежных авторов. «В сельском домоводстве,— писал он, вспоминая первые годы деревенской жизни,— становился я час от часу более знающим, ибо, с одной стороны, прилежное чтение иностранных и всех экономических книг, какие только попадались мне в руки, и замечания и выписки из оных всего того, что могло быть и у нас употребляемо,— а с другой стороны, самая опытность и действительное упражнение во всех разных частях сельского домоводства,— доставляло мне со всяким днем новые о вещах понятия». Настольными книгами Болотова являлись немецкие экономические лексиконы и энциклопедии. Из них Болотов делал извлечения «для сообщения своим соотечественникам», они были для него «неисчерпаемым кладезем» и «превеликим пособием» в занятиях сельским хозяйством и написании «экономических сочинений»⁴⁹.

Определяющей чертой личности ученого было желание содействовать распространению в России передовых научных взглядов и методов хозяйствования, просветить прежде всего дворянское сословие. На это была направлена деятельность Болотова-агронома, о чем было сказано выше. Этому содействовало и активное участие в издательской и про-

⁴⁶ Киселев Н. П. Письма русских масонов.— Голос минувшего, 1922, № 2, с. 182—184.

⁴⁷ Раевская (Бибикова) Е. И. Хроники.— Государственный литературный музей, ф. 155, ОФ 2880, л. 19.

⁴⁸ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 1, с. 863; Sulzers J. G. Moralische Betrachtungen über die Werke der Natur. Brl. 1750; ejusd. Unterredungen über die Schönheit der Natur. Brl. 1750.

⁴⁹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 2, с. 558; т. 3, с. 824.

светительской деятельности Новикова. В типографии Новикова Болотов издал большинство своих сочинений и переводов. Наиболее известными из переводов были «Генриетта, или Гусарское похищение» А. Бевиуса (М. 1782) и «Жизнь и странные приключения умершего в 1788 году Карла Эдуарда» (М. 1794). Значение исторического источника приобрели теперь мемуары «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1795» (СПб. 1871—1873). Болотов описывает наиболее значительные исторические события того времени (Семилетняя война, восшествие на престол Екатерины II, Крестьянская война под предводительством Пугачева и др.), характеризует крупных деятелей и рядовых современников, прекрасно передает дух эпохи, раскрывает мировоззрение и психологию людей, быт русского человека XVIII века.

Однако необходимо помнить о некоторой тенденциозности воспоминаний Болотова, об умеренно-консервативной направленности его общественно-политических взглядов. При жизни Болотова его записки были известны лишь узкому кругу его родственников и знакомых, однако и тогда они выполняли некоторую просветительскую роль и могли служить для современников примером образа жизни культурного человека. Такие сочинения Болотова, как «Историческое обозрение всего происшедшего в свете в течение минувшего 1792 г.», «Современные известия о первой французской войне» (1805—1810), «Описание последней французской войны. В 30 частях. С 1811 по 1815 гг.», «Отечественник, содержащий в себе современные записки и замечания о происшествиях в России, также важнейшие издаваемые в ней указания и другие интересные и любопытные бумаги за 1814—1826 годы», и другие являлись переработкой сведений по истории, политике, литературе, полученных главным образом через русскую и иностранную прессу. Эти записки Болотова служили просвещению провинциального дворянства.

Дать критическую оценку новинок, привлечь внимание современников к наилучшим образцам русской и иностранной прозы было призвано сочинение Болотова «Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российского, так и переведенных с иностранных языков» (1791)⁵⁰. Это был один из первых русских трудов литературно-критического свойства.

Исследования Болотова в области сельского хозяйства, его творчество, просветительская и научно-популяризаторская деятельность оказывали определенное воздействие на жизнь дворянского сословия, формировали его мировоззрение, интересы и читательские вкусы. Просветительская направленность его деятельности выразилась также в содействии развитию книжной торговли. В 1781—1785 гг. Болотов был агентом Новикова по продаже книг и журналов, распространял присылаемые им книги сам в Богородицке, возил их на Лебедянскую ярмарку, нашел в Туле комиссионера для Новикова — тульского купца И. Т. Неврева⁵¹.

В 1770-х годах в Дворянинове Болотов устроил нечто вроде учебно-го пансиона для своих детей и детей родственников и знакомых помещиков, обучал их арифметике, географии, рисованию, началам землемерия, ведя с ними «философические разговоры». Переехав в 1776 г. в Богородицк, он продолжил свои занятия с детьми, в частности обучал письму, арифметике «и прочему, чему мог» мальчика Пахомова из семьи своих обедневших дальних родственников и двух крестьянских мальчиков из детей конюхов. Последних, уже умевших писать, он учил «лучшему и

⁵⁰ Литературное наследство. Т. 9—10, с. 194—218.

⁵¹ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 3, с. 949, 952, 954, 1029, 1112; Новиковские росписи 1782—1785 гг. В кн.: Ульяновский Д. В. Среди книг и их друзей. М. 1903, с. 114—117.

правильнейшему писанию», чтобы в дальнейшем использовать их в качестве секретарей⁵².

При его непосредственном участии в 1778 г. в Богородицке организовался пансион француза Дюблюе для дворянских детей, где их обучали французскому и немецкому языкам, арифметике, истории, географии. По словам Болотова, Дюблюе был знающим человеком, одаренным учителем. Болотов отдал в пансион своего сына и мальчика-родственника. Его примеру последовали судьи, жившие в Богородицке, а затем и многие дворяне, владевшие имениями вокруг Богородицка. «Словом,— пишет Болотов,— не успело пройти несколько месяцев по открытии его (пансиона.—*О. Г.*), как он наполнился учениками и сделался почти славным и довольно хорошим». Болотов не только всецело поддерживал пансион, но и сам принимал участие в обучении детей. По средам и субботам он приглашал всех учеников к себе домой и обучал их предметам, не преподававшимся в пансионе,—геометрии, физике, «нравов-учению». Дело прекрасно шло до 1782 г., пока учитель пансиона Дюблюе не уехал из Богородицка. Он передал пансион старику-французу де Брини, «гораздо худшему учителю», и многие дворяне забрали своих детей из пансиона. В 1783 г. появился новый учитель, немец Эйзенберг, «много-знающий и хороший человек», по словам Болотова, и пансион вновь возродился. Болотов между тем продолжал обучать у себя дома детей родственников, а кроме того, обучал крестьянского мальчика рисованию⁵³.

С именем Болотова связано и создание в Богородицке в 1784 г. первого в Тульской губернии волостного училища для крестьянских детей. Правда, основанием для постройки послужил декоративный принцип, и в этом, как замечает дореволюционный исследователь, отразился свойственный XVIII столетию «дух декорации на первом плане»⁵⁴. Появление этой идеи характерно: посетивший Богородицк тульский наместник М. Н. Кречетников приказал заполнить пустующее место у пруда зданием волостного училища. Однако необходимость создания школы для народа и без того ощущалась, это было в духе просвещенного абсолютизма. Болотов горячо принялся осуществлять идею создания народного училища. Он объездил окрестные деревни и набрал около тридцати мальчиков. Школа была призвана служить целям подготовки грамотных слуг. «Собственное намерение наместника,— писал Болотов,— состояло в том, чтобы мальчиков сих, выучив грамоте, обучать потом музыке и сделать из них людей, годных к служению в различных должностях при волости, а если они впоследствии отдадутся г. Бобринскому, то и при нем в доме».

О воспитанниках школы Болотов писал, что «все они... равно как отцы их, сначала крайне были тем недовольны и пролито об них множество слез». Обучение в волостном училище было поставлено не на должную высоту. Учитель был «малой еще совсем молодой... и характера совсем распутного и негодного». Болотов неоднократно пытался образумить его, однако ничто не помогало, и учитель продолжал «делать... с учениками своими разные безчинства и проказы». По приглашению Болотова в 1787 г. в волостное училище прибыл капельмейстер для обучения мальчиков духовой и смычковой музыке. Ревизор из Петербурга О. П. Козодавлев, осматривавший волостное училище в 1788 г., «всем был доволен», но, будучи отменно угощен и «очарован» приемом Болотова, вряд ли мог быть объективным⁵⁵. Как долго существовало волост-

⁵² Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 2, с. 1093—1094; т. 3, с. 102, 120—121, 431, 455, 469, 628.

⁵³ Там же. Т. 3, с. 766—769, 771, 1027, 1030, 1058, 1112—1113; т. 4, с. 69, 109, 111, 799, 865 и др.

⁵⁴ Череметев П. С. Народные учителя и учительницы в Тульской губернии. Тула. 1898, с. V.

⁵⁵ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 3, с. 1090, 1119, 1166, 1208—1209; т. 4, с. 114, 128—129, 309—311.

ное училище в Богородицке, неизвестно, но налицо несомненная польза от этого первого опыта просвещения народа в Тульской губернии: «счастье», как писал Болотов, тех крестьянских детей, которые получили там образование, при всем его несовершенстве; распространение музыкальной культуры среди простого народа и среди дворян, которые пользовались трудом подневольных музыкантов; и, конечно, прецедент, создавший более благоприятные условия для развития народного образования. Позже в Богородицке неоднократно создавались школы для народа.

Потребности духовной жизни, стремление к общению породили различные дворянские литературные общества, салоны, где умственная жизнь дворянской интеллигенции находила порой единственное средство самовыражения. Складывание своеобразных культурных очагов, особенно в провинции, было характерной чертой того времени. Вместе с тем эти очаги культуры (усадебные и дома, где имелись библиотеки, театры, картинные галереи, школы) способствовали проникновению идей Просвещения в более широкие слои дворянства. Именно таким культурным центром был дом Болотова в Богородицке. Умный, образованный хозяин, «охотник до книг» и ученых разговоров, огромная библиотека, домашний оркестр, детский театр— все это делало дом Болотова средоточием духовной жизни местного дворянского общества. Регулярно к нему съезжались местные помещики и чиновники, слушали музыку, читали вслух, танцевали, гуляли по садам, любовались фонтанами, лабиринтами и другими парковыми сооружениями. В мемуарах он писал, что жизнь их сделалась «и в самой Туле славна и известна и приобрела нам всеобщую похвалу и одобрение».

Частыми гостями «богородицкого управителя» были директор тульского народного училища М. В. Хомяков, его брат тульский помещик-библиофил И. В. Хомяков, тульский губернатор М. В. Муромцев, обладавший библиотекой, собранием редких картин, прекрасным парком с прудами и зверинцем; алексинский дворянин, «умнейший, любопытнейший и ученейший человек» А. А. Змеев, одоевский помещик, «человек молодой, умный, от части ученый» А. С. Жданов, близкий друг Болотова «наилучший и знаменитейший во всем околотке» своим книжным собранием и образованностью И. Г. Полонский; родственники Болотова, помещики-соседи, не выделявшиеся особым умом и начитанностью, но тянувшиеся к нему, принимавшие «соучастие в... литературных и ученых упражнениях»⁵⁶.

Значительную роль в жизни Болотова и его окружения играла музыка. Об одном из обычных вечеров он вспоминал: Ф. А. Левшин (брат писателя В. А. Левшина) «был превеликий мастер играть на бандуре и на балалайке, а Батищев затем и взят [в композицию], что очень хорошо играл на скрипиче, а Шахматов для пляски и подпевания. Они тотчас и составили свой концерт, который, в самом деле, был приятен для слуха и, можно сказать, что день сей был у нас прямо весь музыкальный, ибо тотчас потом загремела наша духовая музыка во время обеденного стола, а после обеда оркестренная и вокальная, вместе и попеременно»⁵⁷.

Поляк-капельмейстер, обучавший мальчиков духовой и смычковой музыки, дело свое «разумел довольно» и вскоре организовал из учеников училища и крепостных Болотова оркестр, который увеселял игрою гостей «богородицкого управителя». Приезд городничего князя Е. М. Назарова в 1789 г. он отметил «маленьким концертником»: «Начало сделали мои валторнисты... потом играли мои флейтраверсисты дуэты и пленили

⁵⁶ Там же. Т. 3, с. 49, 807, 820, 842, 900—901, 1031, 1128; т. 2, с. 604—605, 616, 633; т. 4, с. 187, 194, 935, 757, 1150 и др.

⁵⁷ Там же. Т. 4, с. 329.

тем князя, да и меня увеселили. После того играли на трех инструментах арии из опер, трио и дуэты, а наконец Роман с сыном моим на фортепианах»⁵⁸.

Музыка звучала в богородицком доме ежедневно, играли «симфонии и концерты», но также исполняли и русские песни. Об одном из таких концертов сын Болотова Павел писал: «Составили мы маленький наипростейший концерт из русских песен. Я играл на скрипке, Роман [капельмейстер] мне вторил, сестры аккомпанировали пению, а батюшка в первой раз от роду одною по наставлению Романа подыгрывал с нами на басу — пошла хоть простейшая и неискусная, однако приятная деревенская музыка»⁵⁹.

Страстный театрал, Болотов возил своих детей на представления в тульский губернский театр. Вскоре он заметил, что театральные спектакли оказывали огромное воспитательное, эмоциональное воздействие на детей, которые «при частых между собой свиданиях декламировали нередко друг перед другом кое-какие затверженные ими из трагедий и других театральных сочинений монологи и речи и друг друга тем утешали»⁶⁰. Это побудило Болотова устроить у себя детский театр, первый в России. Для представления была выбрана пьеса М. М. Хераскова «Безбожник», премьера состоялась 24 ноября 1779 г. в большой комнате болотовского дома. На представление, прошедшее с большим успехом, были приглашены соседние помещики с детьми. Театр насчитывал в своем репертуаре около 20 пьес, причем некоторые из них были написаны А. Т. Болотовым специально как пьесы для детей. Интересно, что театр Болотова в отличие от большинства помещичьих театров не был крепостным. Роли в пьесах исполняли дети Болотова и его родственников, играли и взрослые, в том числе и сам Болотов. В театр допускались не только дворяне, но и мещане и, видимо, крестьяне⁶¹.

В 1781 г. Болотов пригласил способного театрального педагога Кошелева. Однако театр, достигший своего расцвета, пришлось закрыть в конце того же года по приказанию непосредственного начальника Болотова по богородицкому именованию князя И. С. Гагарина, который счел, что дворянину не пристало быть «комедиантом и фигляр»⁶². С закрытием театра дом Болотова, однако, не потерял своего значения как культурного центра региона.

Мы рассмотрели некоторые аспекты жизни и творчества А. Т. Болотова, его мировоззрения и вклада в развитие русской культуры второй половины XVIII — начала XIX века. Тему эту нельзя считать исчерпанной, так как большинство сочинений Болотова как научного, так и литературного, мемуарного характера еще не изучены, остаются по сей день в рукописях и ждут своих исследователей и издателей. Выдающиеся заслуги в области науки, и в первую очередь агрономии, весомый вклад в развитие русской культуры, талант писателя, художника, ландшафтного архитектора, энциклопедические познания — все это поставило Болотова в один ряд с лучшими людьми своего времени. Практическая деятельность ученого была гораздо шире, прогрессивнее его умеренно-консервативных общественно-политических взглядов и воплощала, а порой и предвосхищала многие достижения отечественной науки и культуры следующего столетия.

⁵⁸ Там же, с. 114, 128—129, 498—499 и др.

⁵⁹ Из дневника Павла Болотова за 1789 г. В кн.: Музыка и музыкальный быт старой России. Т. 1. Л. 1927, с. 201—212, 205.

⁶⁰ Болотов А. Т. Жизнь и приключения. Т. 3, с. 867.

⁶¹ Там же, с. 904.

⁶² Там же. Т. 3, с. 867—877, 902—915; Привалова Е. П. А. Т. Болотов и театр для детей. В кн.: XVIII век. Сб. 3. М. — Л. 1958, с. 242—261; Сетин Ф. Детский театр Андрея Болотова (1738—1833). — Театр, 1973, № 9, с. 55—57; Тебев В. К. и др. Тульский театр. Тула. 1977, с. 16—17.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД И НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ

М. Н. Бобрнк

Рассмотрение вопроса о воссоздании в 1918 г. Польского государства, выяснение предпосылок, обусловивших его появление на карте Европы, — одна из задач, стоящих перед советской исторической наукой, тем более важная, что судьбы польского народа всегда были и остаются тесно связаны с нашей историей. Восстановление самостоятельного Польского государства явилось итогом внутреннего развития польской нации и вместе с тем результатом изменений в европейских международных отношениях, происшедших прежде всего под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России.

В конце XVIII в. польские земли были разделены между тремя державами с абсолютистской формой правления: Австрией, Пруссией и Россией. Соответственно в начале XX в. в Галиции, принадлежавшей Австро-Венгрии, проживало почти 4 млн., в Пруссии — 3,5 млн. и в Королевстве Польском, входившем в состав России, — 9,5 млн. поляков¹. В последние десятилетия прошлого века тенденции германизации и русификации в политике этих держав проявились со всей остротой, вызывая противодействие польского народа, усиливая его национально-освободительное движение.

Вынужденная делить с иностранными завоевателями власть над крестьянами шляхта была, конечно, заинтересована в восстановлении независимости Польши. Груз же вдвойне тяжелой жизни простых людей определял их неопределимое отношение к борьбе за освобождение. Как отмечает польский историк Т. Налэнч, «крестьяне наиболее остро ощущали социальную, а не национальную несправедливость. Барщина, феодальная зависимость создавали пропасть, через которую десятилетиями не удавалось перекинуть мост национального согласия»². Поэтому неудивительно, что участие крестьянства в национально-освободительном движении во многом зависело от выдвигаемых в ходе шляхетских по своему характеру восстаний задач. Однако будучи исторической традицией, эти восстания укрепляли волю народа к независимости, способствовали утверждению идей борьбы за свободу, идей, в распространении

БОБРИК Марина Николаевна — кандидат исторических наук, Институт славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Groniowski K., Skowronek J. Historia Polski 1795—1914. Warszawa. 1987, s. 370; ср.: Historia Polski. Т. 3. Warszawa. 1960, s. 588; Tanty M. Rewolucja rosyjska a sprawa polska 1917—1918. Warszawa. 1987, s. 26.

² Nałęcz T. Sprawa polska w wojnie światowej. In: Z dziejów Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa. 1986, s. 8.

которых в Польше активно участвовал и католический клир, что в условиях всеобщей религиозности населения было немаловажно.

Противоречивое влияние на формирование активной воли крестьянского большинства польского народа снова обрести независимое государство оказало освобождение крестьян от крепостной зависимости иностранными монархами. С одной стороны, само по себе облегчавшее существование крестьян освобождение способствовало росту самосознания и просвещения масс, а национальная агитация могла лучше воздействовать еще и потому, что в авангард борьбы за национальную свободу постепенно выдвигалась уже не шляхта, а интеллигенция. С другой — получение освобождения из чужеземных рук в сочетании с усиленной пропагандой защиты крестьян от гнета шляхты именно иностранными монархами вызывало чувства благодарности к последним, а это тормозило возрастание национально-освободительных настроений в среде крестьянства.

Важные социально-экономические перемены происходили в это время и в городе. Здесь вместе с развитием промышленности в ходе утверждения капитализма быстро росли ряды пролетариата. Этот политически активный класс был чуток ко всем формам проявления несправедливости, как социальной, так и национальной. Большое влияние на формирование идеи восстановления независимости в его самосознании оказывала национальная агитация.

Таким образом, развитие капитализма и создание новой социально-классовой структуры способствовали формированию самосознания польской нации. В начале XX в. идея восстановления независимого государства охватила широкие слои польского общества, став волей всего народа. В этом заключался основной итог его развития за долгие годы, прошедшие со времени разделов Речи Посполитой. Показательными в этом отношении были революционные события 1905—1907 гг. в Королевстве Польском, когда социальные лозунги тесно переплелись с национальными (в польской исторической литературе можно даже встретить мнение, что первая российская революция в польских землях ознаменовалась еще одним национально-освободительным восстанием).

К этому времени длительное национально-освободительное движение в польских землях уже имело богатый исторический опыт. Жестокое подавление польские восстания XIX в. показывали, что сохранение нации, жертвенность, стремление к освобождению — все это необходимые, но еще недостаточные условия, поскольку в польском вопросе угнетатели были сильнее и всегда проявляли союзническую солидарность. Борьба за независимость укрепляла волю народа, его национальное самосознание, хотя объективно и не приводила, да и не могла в международных условиях XIX в. привести к цели. Все более осознававшаяся польским обществом зависимость свободы от развития международной ситуации существовала одновременно с романтической традицией национальных восстаний и настроем молодого поколения на активные действия.

С национально-освободительной тенденцией с конца XIX в. переплетались и распространявшиеся тогда социалистические идеи. Программа польских социалистов длительное время совмещала как национальные, так и социальные задачи, и вопрос о приоритете каких-либо из них не ставился. После поражения первой российской революции часть польских социалистов усмотрела причины ее неудачи лишь в отсутствии революционной армии, способной противостоять царским войскам, и многие из них встали на путь подготовки вооруженной борьбы, сосредоточив свое внимание на организации боевых групп. Вдохновителем и организатором таких форм борьбы был один из лидеров Польской социалистической партии (ППС) Ю. Пилсудский, еще до 1905 г. делавший в борьбе за создание независимого Польского государства на территории Королевства Польского ставку на вооруженные отряды. Этому сопутст-

вовало равнодушие Пилсудского к социальным проблемам, хотя будучи в руководстве ППС вплоть до 1914 г. он открыто не выявлял своего безразличного отношения к классовым задачам пролетариата.

Неминуемый раскол ППС произошел в ноябре 1906 г., когда Пилсудский и его сторонники создали ППС—Революционную фракцию в отличие от остальных членов партии, объединившихся в ППС—Левицу. В дальнейшем Пилсудский образовал конспиративный Союз активной борьбы, который, однако, будучи нелегальной вооруженной организацией, не мог стать массовым. Чтобы выйти из подполья, Пилсудский после тайных переговоров с австрийскими властями, рассчитывавшими за счет поляков увеличить боевую мощь Австро-Венгрии, сформировал в 1910 г. под их эгидой польские подразделения, входившие в австрийскую армию,—Стрелок в Кракове и Союз стрелков во Львове. На той же основе отделившимися от партии эндеков ее членами были несколько позднее созданы Польские дружины стрелков. А в августе 1914 г. возникла еще и тайная Польская военная организация (ПОВ), сформированная по инициативе Пилсудского его сторонниками.

Начало в августе 1914 г. первой мировой войны вызвало в польских землях бурную реакцию. Надежды на обретение в результате ее свободы, несмотря на всю их иллюзорность в условиях разгоревшейся империалистической схватки за передел сфер влияния, охватили все польское общество: от консерваторов до радикалов. Опасения братоубийственной войны, поскольку поляки были подданными обеих воюющих сторон, еще более усиливали необходимость консолидации польского общества, способствовали усилению национально-освободительных тенденций. Польские земли стали театром крупных военных действий или непосредственным тылом для армий противостоящих друг другу коалиций.

В экстремальной, по существу, ситуации поляки, настроенные на вооруженную борьбу за независимость в благоприятных для этого, как им казалось, условиях начавшейся мировой войны, искали человека, в котором они могли бы видеть своего вождя. Используя это обстоятельство, многие политические деятели способствовали приданию ореола героя Пилсудскому. Мифологизация его личности была только отчасти стихийной. Рождение легенды вокруг его имени в гораздо большей степени было результатом сознательной пропаганды³. Пилсудский в 1914 г. и не мог быть широко известен. Его конспиративная деятельность как одного из лидеров ППС и организатора тайных вооруженных формирований исключала возможность такой популярности, а как создатель польских стрелковых подразделений, входивших в австрийскую армию, он если и был известен, то только в Галиции.

Раздувание в начале войны культа его личности было прежде всего делом его соратников и сторонников. Материал для этого давала богатая разнообразными событиями жизнь Пилсудского (случайная связь с народовольцами, ссылка в Сибирь, лидерство в ППС, арест, побег из царской тюрьмы, конспиративная деятельность, руководство сформированными им польскими вооруженными подразделениями). Как подчеркивают Д. и Т. Налэнчи, «богатая и таинственная биография Пилсудского давала широкие возможности для различных интерпретаций»⁴. Немаловажную роль играло и то, что он соответствовал отведенной ему роли вождя, поскольку был человеком действия, главой польских военных формирований как легальных, так и конспиративных. Эмоционально-психологический настрой польского общества, послуживший основой создания культа личности Пилсудского, во многом определил его будущую попу-

³ Это убедительно показано в книге: Nałęcz D., Nałęcz T. Józef Piłsudski — legendy i fakty. Warszawa. 1986, s. 20.

⁴ Ibid., s. 80.

лярность, что выразилось в том, что с этим именем в годы войны стали прежде всего связываться надежды на освобождение. Этому способствовала и его активная деятельность по формированию и руководству сначала польскими стрелками, а затем легионерами.

С началом войны, как и предполагалось, появилась возможность вооруженного выступления польских стрелков. Однако долго готовившаяся акция уже в сентябре 1914 г. потерпела фиаско, поскольку польское общество оказалось глубоко разделенным по своей внешнеполитической ориентации. Расчет на широкую поддержку польских стрелков поляками Королевства Польского не оправдался. Его население встретило их крайне неприветливо. Это объяснялось непопулярной в Королевстве Польском проавстрийской политикой стрелковых формирований. Сыграло свою роль и отсутствие у них установки на решение социальных проблем в условиях, когда радикализм трудящихся масс быстро возрастал.

Так Пилсудский и его стрелки были скомпрометированы в глазах Центральных держав. Надежды последних на значительное приумножение сил в войне с Россией обманулись, и сотрудничество с Пилсудским становилось бессмысленным. В связи с этим австрийцы отобрали у него данное ими право самостоятельно действовать в Королевстве Польском. В это время по инициативе краковских консерваторов был создан Главный национальный комитет и началось формирование польских легионов как части австрийской армии. Выход из критической ситуации был найден, стрелки, став легионерами, были спасены от расформирования. Пилсудский, впрочем, не изменил своих планов: в качестве руководителя 1-й бригады, а затем коменданта всех польских легионеров он по-прежнему возлагал большие надежды на взятие ими Варшавы. Но здесь его ждала та же неудача, что и год назад. Более того, значительная часть поляков эвакуировалась из Королевства Польского в глубь России, а оставшееся население восприняло приход легионеров равнодушно и даже враждебно. Национальное правительство в Варшаве сразу и без усилий, как это предполагал Пилсудский, не было создано.

Оба эти поражения, однако, консолидировали стрелков, а затем и легионеров, поскольку и те и другие чувствовали себя непонятыми соотечественниками в их заботе о свободе родины и еще больше отделились от остального народа, замкнулись в собственной среде, а авторитет Пилсудского как вождя еще более возрос. Несмотря на это, переоценкой своей политики он не занялся, хотя в своих расчетах на Центральные державы также обманулся.

В польском вопросе Австро-Венгрия и Германия долго не шли ни на какие уступки. Только 5 ноября 1916 г. ими был издан Акт, декларирующий создание Временного государственного совета, который, как и позднее образованный Регентский совет, был лишь совещательным органом оккупационных властей. Главой военной комиссии совета был назначен Пилсудский с тем, чтобы реализовать непопулярную в народе идею набрать среди поляков как можно больше рекрутов в австрийскую армию. Вскоре стало очевидным расхождение в планах оккупантов и Пилсудского, думавшего о восстановлении независимости Польши. Конфликт проявился летом 1917 г., когда отказавшиеся давать присягу оккупантам польские легионеры были интернированы.

Итак, с точки зрения международной постановки и решения польского вопроса деятельность польских стрелков и легионеров не принесла ожидаемых результатов. Создание непопулярного в народе правительства, находившегося под германской опекой, было единственной уступкой со стороны Центральных держав. К тому же на появление Акта 1916 г. решающее влияние оказало развитие военных действий на Восточном фронте: наступление русских армий на Волыни и обозначившееся в связи с ним явное падение военного престижа Австро-Венгрии.

С военной точки зрения, как это аргументированно показал польский историк М. Гертых, легионы Пилсудского значения не имели⁵. Некоторые польские авторы даже утверждают, что идея легионов потерпела фиаско, и более того — создание легионов было ошибкой⁶. Подтверждением данного вывода является то, что вошедшая в историю легионов как наиболее значительное сражение битва на Волыни под Котюхновкой (июль, 1916 г.) закончилась поражением австрийской армии, в том числе и польских легионов. Таким образом, объективно реального значения для восстановления независимости Польши акции стрелков и легионеров не имели, да и не могли иметь.

Тем не менее имя Пилсудского за годы войны стало известным во всех польских землях. Несмотря на неудачу в осуществлении задуманных планов, число его сторонников росло. Идея восстановления независимости страны путем вооруженных выступлений была понятна многим в силу ее близости традиции национальных восстаний. Поэтому базой для формирования сложного социального организма, именуемого «лагерем пилсудчиков», были достаточно широкие слои польского общества.

Акция Пилсудского и его стрелков и легионеров совпала с подъемом патриотизма и сильным идеологическим течением (особенно среди интеллигенции), целью которого была реабилитация польской традиции романтизма и независимости⁷. Польские историки отмечают эти эмоционально-психологические особенности состояния общества, характеризовавшие «неповторимую атмосферу» начала первой мировой войны в польских землях, с которой и было связано зарождение мифа о Пилсудском⁸.

Пилсудскими были прежде всего стрелки и легионеры, т. е. военные люди. Политические взгляды большинства из них выражались, если слегка упростить проблему, в их полной уверенности в правильности решений Пилсудского. Именно перекладывание задачи политического мышления на пользующегося безусловным доверием вождя было свойственно пилсудчикам и в дальнейшем. Кроме того, работала пропагандистская машина культа личности Пилсудского, что играло немаловажную роль в привлечении людей на его сторону. Назревавший среди легионеров конфликт (часть из них начинала сомневаться в верности оказавшейся проигрышной ставки на Центральные державы) разрешился сам собою, когда 22 июля 1917 г. Пилсудский был арестован немцами⁹. Сохранение единства лагеря пилсудчиков, разделение его вождем судьбы своих солдат и в итоге еще большая их привязанность, а также снятие небезосновательных слухов о его сотрудничестве с немцами — все это способствовало росту авторитета Пилсудского и расширению круга его сторонников.

Освобождение польских земель от немецких оккупантов началось осенью 1918 года. В то время Пилсудский являлся «магдебургским узником», а его легионеры все еще были интернированы. 10 ноября 1918 г. Пилсудский приехал в Варшаву по приглашению Регентского совета, а практически по воле сориентировавшихся в обстановке оккупантов. К тому времени, начиная с 7 ноября, в стране уже действовало люблинское «народное» правительство во главе с лидером галицийских социал-демократов И. Дашиньским, и активно шел процесс освобождения поляков от немецкой оккупации.

Действительное значение деятельности стрелков и легионеров заключалось, следовательно, в постоянном декларировании стремления поль-

⁵ Giertych M. Dmowski — Pilsudski. — Ład, 6, 10.II.1985.

⁶ Dziejewianowski K. Pamflet o świętościach. — Przegląd Powszechny, 1985, № 9, s. 356.

⁷ Friszke A. Pilsudski. — Więz, Warszawa, 1985, № 4–6, s. 139.

⁸ Nałęcz D., Nałęcz T. Op. cit., s. 16.

⁹ После интернирования легионеров у Пилсудского возникла даже мысль пересечь линию фронта, чтобы создать в России вооруженные подразделения поляков, — до такой степени сложным стало его положение накануне ареста.

ского народа к независимости. Вместе с сохранением самобытности активная его воля восстановить собственную государственность являлась необходимой предпосылкой достижения национального освобождения. А Пилсудский в результате сложного сплетения объективных и субъективных реальностей являлся в годы первой мировой войны символом стремления поляков к национальной независимости. Однако большинство из в силу причин чисто субъективного характера (сильные романтические традиции в обществе, эмоционально-психологический настрой на культ героя, пропаганда пилсудчиками своего вождя и его идей) символичность значения данной личности, как и акций его стрелков и легионеров не осознавало. «Современники тех событий были поставлены историей перед фактом огромного значения,— говорится в одном из посвященных этой проблеме исследований польских историков.— После стольких лет неволи возродилась Речь Посполитая. За нее боролись из поколения в поколение. И все напрасно. А теперь повезло, и к тому же благодаря усилиям, несравнимым с жертвенностью периода восстаний. Неминуемо напрашивался вопрос об истоках такого успеха. Наиболее простым ответом было указать на заслуги гения, который смог достичь того, что так долго не удавалось многим его выдающимся предшественникам»¹⁰.

Действовавший тогда стереотип мышления имел серьезное значение в судьбе Пилсудского, сыгравшего заметную роль в истории Польши, после того как в ноябре 1918 г. почти все политические партии выступили за передачу ему власти в создававшемся в благоприятный для этого момент Польском государстве. Непонимание современниками, да и не только ими, символичности роли Пилсудского в приближении независимости повлияло на ход событий, а в дальнейшем осложняло формирование адекватного исторического сознания польского народа. «Больше всего проблем из-за легенды о маршале, которая как и прежде жива в нашем обществе,— пишет Е. М. Новаковский.— Поляки, так бурно живущие историческими мифами, не любят, когда смывают позолоту даже тогда, когда, счищая ее, стоят на совершенно объективных позициях»¹¹.

Решение польской проблемы в ходе первой мировой войны, как и в XIX в., зависело от развития межгосударственных отношений в Европе. Акт 5 ноября 1916 г. создавал почву для международной постановки этого вопроса. В то же время было очевидно, что Центральные державы идти на дальнейшие уступки в этом вопросе не собираются. Поэтому много зависело здесь от позиции России, определявшейся факторами как внутреннего, так и внешнего порядка.

Перед оставлением русскими войсками Варшавы в сентябре 1915 г. летом того же года 3 млн., а по другим данным, почти 4 млн. поляков¹² эвакуировались в глубь России. Этот факт со всей остротой ставил польский вопрос перед самодержавием, с одной стороны, подталкиваемым изнутри политическими активными польскими гражданами, и не только ими, а с другой — пугавшимся необходимости устройства судьбы аппарата царских ведомств Королевства Польского, его высших учебных заведений, различных институций и т. п., в полном составе эвакуированных на время войны в Россию. И конечно, традиционные великодержавные и бюрократические интересы брали при этом верх.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. внесла некоторые изменения в политику России в польском вопросе. Шагом Временного правительства в направлении его решения было создание

¹⁰ Nałęcz D., Nałęcz T. Op. cit., s. 79.

¹¹ Nowakowski E. M. Mit Marszałka.— Tygodnik Polski, 1985, г. 4, № 20, s. 12.

¹² Tanty M. Op. cit., s. 54; ср.: Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. Польское рабочее движение в борьбе за социализм. М. 1986, с. 173; Kwartalnik Historyczny, 1977, № 4, s. 831.

15 марта 1917 г. Ликвидационной комиссии по делам Королевства Польского¹³. Хотя в ее деятельности и были положительные моменты (составление описи принадлежавших польскому народу культурных ценностей, определение статуса поляков, проживавших в России, особенно выходцев из Австро-Венгрии и Германии), работа комиссии продвигалась крайне медленно и так и не была завершена.

16 марта 1917 г. Временное правительство опубликовало воззвание, в котором как в документе международного значения впервые был поставлен вопрос о независимом Польском государстве. В. И. Ленин раскрыл империалистическую сущность этого документа, оговаривавшего необходимость «свободного» военного союза маленькой Польши с великой Россией¹⁴. Воззвание было сделано под давлением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и его приветствия к польскому народу, принятого 14 марта и однозначно провозглашавшего независимость Польши. Как известно, Королевство Польское находилось в то время в руках немцев. Тем не менее воззвание Временного правительства было официальным актом, с которым считались не только в России, но и вне ее. Дело в том, что шла война, и рассмотрение государствами Антанты точки зрения союзной им России на польскую проблему как на ее внутреннее дело усиливало международное значение мнения Временного правительства относительно создания независимого Польского государства.

Провозглашение буржуазно-демократической Россией независимости Польши и особенно решительная позиция, занятая Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, способствовали привлечению большинства поляков, проживавших на территории России, на сторону революции. Так, съезд военнотружущих-поляков Западного фронта послал приветственные телеграммы Временному правительству и Петроградскому Совету. Особенно теплыми были слова второй телеграммы: «Братский привет русской демократии, которая первая искренно и безоговорочно начертала на своем знамени лозунг независимой и объединенной Польши. Одновременно с этим съезд, верный традициям своих дедов и отцов, которые всегда сражались там, где лилась кровь в борьбе за свободу народов и победу демократии, заявляет, что всеми силами будет поддерживать русскую демократию в ее дальнейшей борьбе за права человека и права народов»¹⁵.

Поддержка революции многочисленным польским населением России имела существенное значение, поскольку в то бурное время поляки были в большинстве своем политически очень активны. Как отмечает польский историк А. Сквишек, после Февральской революции центр политической жизни поляков ненадолго переместился в Россию, где было создано множество польских политических, общественных, профессиональных и благотворительных организаций, проводились митинги и демонстрации, издавалось большое количество газет и журналов¹⁶. В этот период польские левые революционные партии — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), ППС-Левица и в некоторой степени ППС-Революционная фракция, — перешедшие на легальное положение, смогли значительно оживить свою деятельность.

Развитие событий, когда не только польская левица, но и многие другие представители польской эмиграции в России включились в дело революции, подтверждало правильность ленинской политики в польском

¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. М. 1963, с. 34.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 373—374, 392.

¹⁵ Документы и материалы, с. 59.

¹⁶ Skrzypek A. Rewolucja Październikowa a niepodległość Polski. — Kwartalnik Historyczny, 1977, № 4, s. 831.

вопросе, основанной на принципе права народов на самоопределение. Отмечая прогрессивный характер национально-освободительных движений в эпоху империализма, В. И. Ленин считал, что определенные международные условия, такие, как истощение великих держав в ходе мировой войны, обострение противоречий между ними, революция в России, могут сделать возможным создание национальных государств¹⁷. В признании исторической законности национально-освободительных движений и права угнетенных наций на самоопределение он видел путь к решению национальных проблем.

Четкая ленинская программа по национальному вопросу, позволила еще до первой мировой войны наиболее революционному крылу рабочего движения России занять позицию, благоприятную для дела независимости Польши, что имело для польского народа большое значение. «Это обстоятельство,— пишет польский историк Я. Томицкий,— стало особенно очевидным в момент начала войны, когда польский вопрос наряду с другими стал элементом торга между Центральными державами и Антантой»¹⁸.

Единственной политической силой, благожелательно относившейся к идее возрождения Польши, была партия большевиков, признававшая за польским народом неотъемлемое право на самоопределение и воссоединение всех его земель. Твердая позиция ленинской партии, поддерживаемая революционным энтузиазмом поляков и всеми прогрессивно мыслящими гражданами России, несомненно, повлияла на решение польского вопроса. Особое значение имела победа Великой Октябрьской социалистической революции и образование в России первого в мире государства рабочих и крестьян. Отстаивая в своей внешней политике ленинские принципы, в том числе право наций на самоопределение, Советская Россия внесла серьезные изменения в систему международных отношений в Европе и во всем мире, создала благоприятные для решения польского вопроса международные условия.

В Декрете о мире впервые прозвучало понятие демократического мира — мира без аннексий и контрибуций. Важным для справедливого урегулирования польской проблемы было в этой связи сформулированное Лениным определение аннексии, которое отклоняло всякие территориальные захваты и насильственное удерживание народов без их согласия в границах империалистических держав, требовавшее признания за каждой (недержавной) нацией, входящей в состав данной воюющей стороны, права на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства¹⁹. Прямое отношение к борьбе за освобождение Польши имела и Декларация прав народов России от 15 ноября 1917 г., которая касалась всех народов России в границах 1914 года. Большое впечатление на польское общественное мнение оказало также опубликование тайных договоров и соглашений царского и Временного правительств.

Эти первые внешнеполитические акции Советской России имели конструктивное значение для развития национально-освободительной борьбы всех угнетенных народов Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе поляков. Хотя Польша как таковая в этих актах не упоминалась, а этнографически польские земли в тот момент находились по другую линию фронта, тем не менее объявленный Советским правительством курс на демократический мир и скорейшее окончание войны оказал благотворное воздействие на политику стран Антанты в вопросе признания независимости Польши, политику, которую они всегда рассмат-

¹⁷ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 8.

¹⁸ Томицкий Я. Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша.— Вопросы истории, 1977, № 12, с. 8.

¹⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 14, 121.

ривали через призму своих отношений с Россией, переставшей теперь быть их союзницей.

В условиях начавшихся в декабре 1917 г. в Брест-Литовске мирных переговоров страны Антанты, отказавшиеся от участия в них, с одной стороны, почувствовали себя более свободными в отношении поляков, а с другой — должны были реагировать на решительное признание независимости Польши Советской Россией, будучи более чем прежде заинтересованы — с выходом ее из войны — в «польском козыре».

Как подчеркивает Я. Томицкий, успешные декларации государственных деятелей главных империалистических держав Запада, появившиеся в январе 1918 г., были связаны не только с желанием решить польский вопрос, но и со стремлением ослабить положение Центральных держав, способствуя пробуждению национальных чувств народов Центральной и Юго-Восточной Европы, а также с необходимостью противодействовать позитивному влиянию на них Октябрьской революции²⁰. Другой польский автор пишет, что 13-й пункт из «14 пунктов Вильсона» был лишь повторением права народов на самоопределение, провозглашенного большевиками и русской революцией²¹. Таким образом, внешнеполитический курс первого в мире социалистического государства повлек за собой благоприятные для поляков изменения в политике Запада, способствовал еще большей интернационализации польского вопроса.

В Брест-Литовске советская делегация стремилась реализовать демократические принципы международных отношений, в частности, последовательно добивалась предоставления польскому народу права на самоопределение и воссоединение всех польских земель²². Именно принцип самоопределения был в центре противоборства советских и немецких дипломатов на мирных переговорах. Признание его требовало от Центральных держав освобождения всех польских земель и обеспечения народам возможности путем референдума самоопределиться, а также предоставления беженцам и переселенцам возможности возвратиться на родину²³.

Соблюдение права наций на самоопределение и уважение к польскому народу определило и включение в состав советской делегации на переговорах его представителей. 7 февраля 1918 г. на заседании Политической комиссии мирной конференции в Брест-Литовске выступил представитель СДКПиЛ С. Бобиньский и потребовал выведения оккупационных войск и предоставления возможности польскому народу свободно проявить свою волю²⁴. Германская сторона, придерживаясь лишь на словах принципов самоопределения и демократического мира, отказалась обсуждать советскую мирную программу, к тому же ею, несмотря на неоднократные просьбы поляков, не был допущен к участию в переговорах ни один официальный представитель польского народа. Характеризуя ход советско-германских мирных переговоров, польский историк Е. Дурачинский отмечает как наиболее светлые для поляков дни 3 и 7 февраля 1918 г., когда Л. Д. Троцкий от имени Советской России декларировал безоговорочное признание независимости польского народа и его государства²⁵.

После Октябрьской революции отношение к судьбе поляков со стороны Центральных держав, равно как и стран Антанты, в значительной мере зависело от их политики в Советской России и в Восточной Европе в целом, особенно от их контактов с контрреволюционными силами. Организованная Англией, Францией и США вооруженная интервенция

²⁰ Томицкий Я. Ук. соч., с. 15.

²¹ Najnowsza historia Polski, 1914—1983. Warszawa. 1987, s. 22.

²² Документы и материалы, с. 192—194, 199—200, 227—229.

²³ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 1. М. 1957, с. 76—79.

²⁴ Документы и материалы, с. 300—304.

²⁵ Trybuna Ludu, 27—28.VIII.1988, s. 5.

против молодого социалистического государства, их сотрудничество с белогвардейцами — противниками освобождения Польши — осложняли положение с решением польского вопроса.

К сожалению, молодому Советскому государству не удалось в ходе мирных переговоров в Брест-Литовске добиться от Центральных держав отказа от польских земель. Вынужденное принятие тяжелых условий мира (не только Польша, но и Прибалтика и Украина оставались в руках немецких оккупантов) не ослабило, однако, благоприятного впечатления от проводившейся Советской страной политики, подтверждавшей декларированные ею сразу после победы Великого Октября демократические принципы внешней политики рабоче-крестьянского государства. Более того, проявляя свою твердую приверженность праву наций на самоопределение, Советская Россия в одностороннем порядке обязалась денонсировать явно противоречащие демократическим принципам международных отношений царские договоры²⁶, в том числе и акты о разделах Польши.

Миролюбивая внешняя политика Советской России усиливала симпатии народов к власти Советов, революционность масс и их антивоенные настроения. В польских землях под влиянием мирных переговоров в Брест-Литовске укреплялись идеи независимости и объединения, усиливалось революционное брожение, о чем свидетельствуют сообщения оккупационных властей²⁷. Брестский мирный договор активизировал антивоенные выступления также в Германии и Австро-Венгрии, что имело важное значение для последующего развития событий в этих странах, оккупировавших польские земли.

Во внутренней политике Советской России также четко прослеживается стремление к справедливому урегулированию польской проблемы: В соответствии с Декларацией прав народов России в ноябре 1917 г. при Народном комиссариате по делам национальностей был образован Народный комиссариат по польским делам, в ведение которого была передана вскоре Ликвидационная комиссия. При Польском комиссариате действовал Совет польских революционно-демократических организаций. Большое значение имело также принятие 17 января 1918 г. Декрета Совета Народных Комиссаров об охране памятников и предметов искусства, принадлежащих польскому народу, с целью их передачи польским музеям²⁸, а также деятельность Польского общества охранения древностей.

Важной стороной деятельности Польского комиссариата было возвращение массы польских беженцев и солдат бывшей русской армии на родину, ставшее возможным вскоре после подписания 3 марта 1918 г. Брестского мира. Сложную саму по себе, особенно в организационном плане, задачу реэмиграции такого большого количества людей затрудняли чинимые немецкими властями препятствия. В основе попыток затормозить начавшееся переселение лежали опасения влияния идей Октября, о чем свидетельствовал характер некоторых мер, принимавшихся оккупационными и местными властями: принудительный вывоз в Германию поляков — бывших солдат русской армии, ограничения в предоставлении работы радикально настроенным учителям, возвращавшимся из Советской России, и т. п., а также многочисленные циркуляры об установлении надзора за лицами, возвращавшимися из Советской России²⁹.

Репатрианты, активно участвовавшие в Октябрьской революции, несли в Польшу ее идеи. В донесениях политического отдела МВД при Регентском совете неоднократно подчеркивалось их революционизирующее влияние на население. 27 апреля 1918 г. в донесении отмечались в

²⁶ См. ДВП. Т. 1, с. 724.

²⁷ Документы и материалы, с. 284—291, 330.

²⁸ Документы и материалы, с. 262.

²⁹ Там же, с. 380, 399, 406, 433—435.

ряде польских местностей «организованные реэмигрантами, главным образом солдатами, собрания, на которых вопросы ставились с решительностью, соответствующей большевистским рецептам»³⁰. Эти донесения показывают усиление революционных настроений, особенно среди фабрично-заводского пролетариата, ремесленников, других плохо обеспеченных слоев населения, стремившихся к социально-экономическим и политическим преобразованиям в польских землях. Их политические требования сопровождались также национальной агитацией³¹.

Благоприятную почву для урегулирования польской проблемы создал ленинский декрет от 29 августа 1918 г. об аннулировании в одностороннем порядке всех трактатов о разделах Польши³². Этот документ, по существу, разрушил установленный еще в XVIII в. международно-правовой порядок, признававший ликвидацию польской государственности. Принятие Советским правительством этого важнейшего акта ставило под сомнение права Австро-Венгрии и Германии на польские земли. Известный польский ученый акад. Г. Яблоньский справедливо отмечает решающее значение с точки зрения создания международно-правовых основ для восстановления Польского государства таких актов Советской России, как ее отказ в Брест-Литовске от суверенитета над Королевством Польским, а также декрет от 29 августа³³.

Великая Октябрьская социалистическая революция стимулировала национально-освободительное движение в Польше. Основанный на традициях совместной борьбы с царизмом русско-польский революционный союз, проявлением которого была интернационалистская политика Советского государства в польском вопросе, явился важным фактором радикализации польского общества. А ведь без усиления политической активности народных масс, их национально-освободительного движения нельзя было достичь освобождения польских земель и восстановления их независимости.

Начатый российским Октябрем революционный процесс стремительно приближался к центру Европы. В октябре 1918 г. революция произошла в Австро-Венгрии, в ноябре — в Германии. Это окончательно определило исход первой мировой войны не в пользу Центральных держав, оккупировавших польские земли.

Развитие польской нации, которая, несмотря на разделы, сохранила свою самобытность и в начале XX в. активно стремилась к воссоединению, вступило в революционном 1917 г. в новый этап. Победа Великого Октября, однозначность позиции Советской России, высказавшейся за свободное самоопределение польского народа, революции в Австро-Венгрии и Германии и поражение этих стран в войне повлекли за собой такие перемены в международных отношениях в Европе, которые сделали возможным восстановление польской государственности. В результате мечта многих поколений поляков стала в ноябре 1918 г. реальностью.

³⁰ Там же, с. 348.

³¹ Там же, с. 348, 366, 386, 406, 416—417, 433—435.

³² ДВП. Т. 1, с. 460.

³³ J a b ł o ń s k i H. Rewolucja Październikowa a sprawa niepodległości Polski. Warszawa. 1967, s. 75.

ЕГИПЕТ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. М. Васильев

За последние четыре десятка лет Египет пережил крутые повороты в своей социально-экономической и политической ориентации и изменения в политической структуре. Революционные преобразования 50—60-х годов привели к переходу страны от буржуазно-помещичьей псевдолиберальной модели политической структуры с элементами полукOLONИАЛЬНОЙ зависимости к ее революционно-демократической модели. После контрреволюции начала 70-х годов в стране сложилась в конце 70-х — начале 80-х годов авторитарная, капиталистически ориентированная политическая структура, прикрытая элементами «контролируемой демократии». Неся в себе черты национального своеобразия и уникального исторического опыта, эволюция политического устройства Египта предвосхитила многие черты развития других стран Азии и Африки.

Насеровская революция 1952 г. родилась в результате кризиса зависимого, полукOLONИАЛЬНОГО общества, который привел к разложению его политической надстройки, не способной решить ни национальных, ни социально-экономических проблем, стоявших перед страной. Революцию совершила организация «Свободные офицеры», с самого начала неоднородная, выражавшая различные социально-политические тенденции, которые впоследствии вылились в столкновения. Революционно-демократическое развитие Египта прошло несколько периодов. Пик его левого направления приходится на 1963—1967 годы. В 1967—1970 гг. началась эрозия режима, а смена президента в 1970 г. вылилась в контрреволюционный переворот. Революционно-демократические структуры складывались постепенно в ходе практики, находя потом правовое выражение или идеологическое оправдание.

В области внешней политики насеровский режим решил ряд национально-освободительных задач: вывод английских войск с территории Египта, возвращение ему суверенитета над Суэцким каналом, ликвидация позиций иностранного капитала внутри страны, установление ее сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами на международной арене, противодействие империалистической политике на Ближнем Востоке. После арабо-израильской войны 1967 г. встали задачи освобождения оккупированных территорий и борьбы за возвращение национальных прав арабского народа Палестины.

Революционные демократы достаточно успешно решили одну из острых внутренних проблем Египта — провели аграрную реформу, буржуазно-демократическую по своей сути, приведшую к расковыванию

сил капиталистического развития в деревне. В городе мелкий капитал и часть среднего были освобождены от конкуренции инационального капитала, действовавшего до революции в Египте. Но индустриализация с помощью буржуазии, экономическое развитие с опорой на свободную игру рыночных сил не удалась. В результате, исходя из практики, революционные демократы пошли на антикапиталистические преобразования, национализацию собственности крупной и значительной части средней буржуазии и объявили о своем намерении строить в Египте «социалистическое общество».

Создав мощный государственный сектор, взяв в руки государства экономические рычаги, они начали осуществлять экономические задачи: индустриализацию, строительство высотной Асуанской плотины, а также предприняли ряд социальных мероприятий в интересах трудящихся. При проведении своей политики революционные демократы в военной форме опирались на армию и репрессивный аппарат. Сложился режим личной власти президента, выполнявший национальные, буржуазно-демократические, а затем антикапиталистические задачи. Но этому режиму были необходимы приводные ремни, соответствующие политические структуры и институты. Поисками подходящих политических структур и их эволюцией был наполнен весь период революционно-демократического развития Египта.

После революции 1952 г. в стране были запрещены все старые партии, а затем и религиозно-политическая ассоциация «Братья-мусульмане». Начался поиск путей создания единой партии или надпартийной организации. Сначала была учреждена Организация освобождения, затем Национальный союз, наконец, в 1962 г. — Арабский социалистический союз (АСС). Эта организация носила черты как партии, так и широкого блока политических сил, поддерживавших революцию. Одновременно функционировал парламент — Национальное собрание (затем — Народное собрание). Была сделана попытка ввести во все выборные органы рабочих и крестьян путем установления для них 50% квоты, однако без четкого указания, кто входит в эту категорию. Определенное политическое влияние стала оказывать пресса. Демократизация общества, поворот влево в 1963—1967 гг. сопровождалась усилением позиций левых сил в средствах массовой информации.

Параллельно с официальными политическими структурами и институтами над ними или внутри них существовала традиционная для Египта система групповых и клановых связей и влияния, замыкавшаяся на президенте. Временами она была более действенной в смысле принятия политических решений, чем официальная.

Революционно-демократический курс нашел законодательное оформление в нескольких конституциях. Но главными политическими документами революционных демократов стали Хартия национальных действий, принятая в 1962 г., и Программа 30 марта 1968 г., в которых провозглашался курс на строительство в Египте социалистического общества, но отвергались такие положения марксизма, как классовая борьба и необходимость диктатуры пролетариата. «Союз трудовых сил народа» был объявлен основой АСС¹, а Программа 30 марта 1968 г. провозглашала «верховенство власти народа», включая в понятие «народ» рабочих, крестьян, военнослужащих и национальный «неэксплуататорский» капитал². АСС считался «единственным выразителем интересов трудового народа». Его роль была закреплена и в конституции 1971 г., принятой при А. Садате, но разработанной во времена Г. А. Насера.

Оппозиция, нелегально существовавшая внутри страны, сначала была представлена коммунистическими группами и «Братьями-мусульмана-

¹ Национальная хартия. Каир. 1962, с. 64—65 (на араб. яз.).

² Программа 30 марта 1968. Каир. 1968, с. 3—4 (на араб. яз.).

ми». Репрессии обрушились на оба эти политических течения. Однако в 1963—1964 гг. коммунисты стали сотрудничать с насеристами и были кооптированы в органы АСС, хотя и не на первые роли. Фундаменталисты отвергали революционно-демократический режим и представляли для него растущую опасность. Но главной формой политической борьбы стало не столкновение революционно-демократического режима и нелегальной оппозиции, а борьба внутри политических структур — внутри АСС, правительств, Народного собрания, в средствах массовой информации. Шла борьба между революционной и буржуазной, точнее, между революционно-демократической, антикапиталистической и капиталистически ориентированной тенденциями.

Определенную роль играл и внешний фактор. Естественно, что тесное сотрудничество с СССР оказывало благоприятное воздействие на укрепление революционно-демократических сил. В то же время сохранявшаяся, хотя и уменьшившаяся связь Египта с мировым капиталистическим рынком оказывала противоположное воздействие. Пробуржуазная тенденция особенно усилилась в результате поражения 1967 г. в войне с Израилем, когда революционные демократы оказались вынуждены в своей внутренней политике учитывать ту помощь, которую оказывали Египту нефтяные арабские монархии.

На политический процесс в Египте существенно воздействовали личности президентов страны, их жизненный и интеллектуальный опыт, эволюция их взглядов. И Насер, и Садат, и Х. Мубарак были выходцами из той среды, которая в России получила название «разночинцев». Однако, как показывает практика, они стали выразителями различных тенденций политического развития. Смена Насера Садагом на рубеже 70-х годов была важным событием, развязавшим силы контрреволюции, которая вернула страну на путь капиталистического развития.

Насер создал и руководил организацией «Свободные офицеры», которая совершила революционный переворот 1952 г., стал первым едва ли не с фараоновских времен выходцем из коренных египтян, занявшим пост главы Египетского государства. Тонко чувствуя настроения населения, как национальные и религиозные, так и социальные, Насер был убежден, что все египетское общество — это единая семья, и теорию классов и классовой борьбы на первом этапе своей деятельности отвергал категорически. Однако социально-политическая действительность заставила его отказаться от многих взглядов.

Насер — был трибуном и организатором, крупномыслящим политическим деятелем и гибким прагматиком. Проделав за годы своего президентства значительную эволюцию в сторону научного социализма, он так и не стал социалистом, оставшись по своим убеждениям революционным демократом. У него были недостатки: недоверие к массам, определенные политические просчеты и неудачи — выход Сирии из состава Объединенной Арабской Республики, поражение в войне с Израилем в 1967 г., неудачный ход операций в Йемене. Но он не терял стратегической цели — укрепления независимости Египта, поисков механизма его экономического развития.

Насер — человек горячего темперамента, оказывался легкоранимым, когда речь шла о национальном или человеческом достоинстве. Ряд вопросов он решал эмоционально. Но трезвый политик в Насере всегда побеждал, и решения он принимал после взвешенного анализа. Учитывая враждебное отношение к Советскому Союзу, созданное западной пропагандой в глазах египтян, решение Насера установить дружеские связи с СССР и приобрести советское оружие можно считать мужественным, но одновременно и продуманным шагом. Насер пошел далее на широкое сотрудничество с СССР, считая это жизненно важным для своей страны. Его вообще отличала готовность к решительным и мужественным действиям, о чем свидетельствует не только переворот 1952 г., но и национа-

лизация компании Суэцкого канала, «египтизация» западных капиталов; отказ капитулировать после вторжения Израиля, Англии и Франции в 1956 г. и после поражения 1967 г. в войне с Израилем.

Имя Насера, возродившего у арабов веру в свою историческую миссию, вернувшего им человеческое и национальное достоинство, пользовалось огромной популярностью от Атлантики до Персидского залива. Этому немало способствовал его талант оратора. Его голос благодаря транзисторным радиоприемникам звучал в домах десятков миллионов арабов. Популярность Насера была такова, что, когда он подал в отставку с поста президента страны после поражения в 1967 г., миллионы египтян вышли на улицы, чтобы вернуть его на этот пост.

Насер знал колебания и влево, и вправо. Репрессии обрушивались и против коммунистов и других левых, и против религиозно-политической организации «Братья-мусульмане». Но логика политической борьбы приводила Насера к выбору внутренних и внешних союзников, которые обеспечивали продвижение страны по революционному пути. Насер как революционер и политик был противоречив, но в этих противоречиях сказались опыт революционных демократов на новом этапе развития освободившихся стран. Когда Насер скончался, он оставил семье скромный дом, который ему принадлежал еще до 23 июля 1952 года. У него не было счетов в иностранных банках, он вел скромный, пожалуй, пуританский образ жизни и работал по 18 часов в день.

Садат был связан с Насером со времени совместной учебы в военной академии. С первых шагов своей общественной деятельности он проявил авантюристические склонности и правые убеждения. Он был связан с организацией «Братья-мусульмане». Во время рискованного военного переворота в 1952 г., Садат тем не менее зачитал с пафосом по радио первое заявление организации «Свободные офицеры», взявшей власть в Египте.

Долгое время при Насере он был в тени. Именно потому, что Насер не рассматривал его в качестве своего политического преемника или соперника, он назначил его вице-президентом. Насера окружали гораздо более сильные политические деятели, и комплекс неполноценности в Садате, совмещавшийся с необузданным честолюбием, проявился в полной мере, когда он получил президентскую власть. «Переиграв» своих противников в борьбе за руководство страной и расправившись с насеристами, Садат резко повернул вправо руль государственного управления. Новый, пробуржуазный египетский классовый конгломерат нашел в нем лидера и выразителя своих интересов.

Став президентом, Садат не отказался от авантюры — и таких крупных, как приостановка операций на восточном берегу Суэцкого канала после успешного его форсирования в первые часы войны 1973 г., и мелких — посылки египетских «командос» с целью захватить авиалайнер в Ларнаке, где несколько террористов держали заложников, в том числе и египтян, и где многие погибли. Национальные интересы страны Садат понимал как собственные, свободу мнений как официально разрешенное восхваление своей персоны, международные встречи как телевизионное шоу. В своих политических заявлениях он не чуждался клеветы и грязных приемов, в особенности когда сжигал мосты сотрудничества с Советским Союзом, к которому питал личную ненависть. Дремучий антисоветизм стал важнейшим компонентом его внешней политики.

Неудавшийся артист и посредственный писатель в прошлом, Садат как будто брал реванш за прежние провалы, наполняя телевизионное время своими речами и приемами, газеты — бесконечными интервью и книжные магазины — собственными книгами. Он пытался уверить себя и свой народ, будто его судьбой водила рука провидения. Изображая себя радетелем национальных интересов и «отцом нации», Садат не брезговал обогащением, особенно через родственников. Он оставил после себя «са-

давовский клан» — тесно связанную между собой группу или мафию преуспевающих дельцов, спекулянтов, высших чиновников государственного аппарата, соединенных деловыми и родственными узами.

Обмениваясь поцелуями с М. Бегином, правосионистским лидером Израиля, сделав ставку на американскую поддержку, Садат в силу неумолимой логики развития перешел от капитуляции перед Израилем и США к проведению курса, враждебного интересам арабских народов и коренным национальным интересам самого Египта. Он заигрывал с мусульманскими фундаменталистами в надежде создать противовес левым, демократическим силам. Он поздно осознал, что выпустил джинна из бутылки, и после того, как «Братья—мусульмане» и другие мусульманские организации отвергли сепаратный мир с Израилем, обрушил на них репрессии, чтобы пасть затем от пуль мусульманских боевиков. Характерный для него авантюризм, утрата чувства реальности и самоконтроля, элементарного здравого смысла особенно проявились в конце его правления.

И все же объяснять садатовскую контрреволюцию личностью нового президента, его симпатиями и антипатиями и даже политическими убеждениями означало бы игнорировать реальные особенности эволюции египетского общества, объективные предпосылки контрреволюции. Революционно-демократическая власть в любом обществе по сути своей противоречива. Она несет в себе взаимоисключающие элементы, хотя продолжительность их сосуществования, переплетения, борьбы, а также победы или поражения зависит от конкретных исторических условий, национальных и других особенностей, накала классовой борьбы, соотношения сил на мировой арене. В условиях Египта революционные демократы, с одной стороны, содействовали развитию капиталистических отношений в деревне и в городе, а с другой — осуществляли антикапиталистические мероприятия: проводили социальные мероприятия в интересах трудящихся и способствовали росту богатства и привилегий бюрократической военной и гражданской верхушки; заявляли о необходимости расширить участие масс в выработке и осуществлении политических решений и лишали их доступа к реальным рычагам политического влияния; создавали некое подобие массовой партии (АСС), но в управлении страной опирались на армию, органы безопасности, на административно-бюрократический аппарат, в придаток которого была превращена сама партия; говорили о социализме, но отвергали классовую борьбу, провозглашали опору на религию; сотрудничали с левыми и марксистами после периода репрессий против них, но на ключевые посты ставили людей правых убеждений.

Если Насер и некоторые его ближайшие сподвижники эволюционировали влево, то большая часть революционных демократов — вправо, вплоть до полного перерождения в бюрократическую буржуазию. В недрах египетского революционно-демократического режима набирал силу классово-социальный конгломерат, или альянс, состоявший из обуржуазившейся военной и гражданской верхушки, окрепшей подрядной и спекулятивной («паразитической») буржуазии, альянс, опиравшийся на массовую базу кулачества в деревне и мелкой и средней буржуазии в городе. Его объективные требования, отнюдь не всегда четко выраженные идеологически, включали в себя прекращение и свертывание антикапиталистических мероприятий, превращение госсектора в государственно-капиталистический, ограничение мероприятий, проводимых в интересах трудящихся, гарантии собственности и обогащения, вытеснение левых из политических структур, переориентацию внешней политики на союз и сотрудничество с Западом.

Главным препятствием на пути этой тенденции было личное влияние Насера, принципиально важная роль президента во всей структуре власти египетского общества. Политической организации, которая обеспечи-

ла бы преемственность курса Насера после его смерти, создано не было. Партия «Авангард социалистов» осталась в зародыше и формировалась сверху не на политической платформе, а на основе преданности тем или иным личностям, а АСС состоял из бюрократизированных высших органов, лишенных связи с массами и реального воздействия на политику³. Поэтому если чрезвычайно сильная президентская власть в период Насера способствовала развитию революционной демократии влево и сдерживала или ограничивала правых, то, очутившись в руках представителя правого крыла, она стала орудием контрреволюции. Именно традиции сильной президентской власти помогли Садату сначала «переиграть», а затем расправиться со своими соперниками, стоявшими во главе АСС, органов безопасности, ключевых министерств.

Определенную роль в вызревании контрреволюции сыграли и внешние факторы. К ним относятся и неудачная война в Йемене на стороне республиканцев, и поражение в июньской арабо-израильской войне 1967 г., приведшей к израильской оккупации Синая, закрытию Суэцкого канала, значительным экономическим трудностям. Внешнеполитические и военные неудачи ослабляли революционное крыло насеровского руководства. Но при всей весомости внешних факторов главными были внутренние: саморазвитие противоречий революционно-демократического режима. Широкие полномочия президента, сложившиеся еще при Насере, были закреплены конституцией 1971 г., которая расширила власть президента по сравнению с насеровским периодом. Опираясь на них, Садат создал авторитарный капиталистически ориентированный режим.

Сильная центральная власть — феномен отнюдь не только последних десятилетий в истории Египта. Политическую структуру современного Египта сформировал комплекс факторов. Детерминанты политического процесса включают географию, историю, социально-классовую структуру, культуру, сочетание традиционных и современных институтов, уровень и особенности экономического развития. На протяжении тысячелетий взаимодействие этих факторов формировало определенный вид политического поведения и параметры, в которых происходят политические процессы, в том числе современные. В этом контексте нужно отметить постоянную тенденцию к централизации власти — местной, египетской или делегированной извне имперскими правителями, господствовавшими в Египте, тесную связь экономики с политикой (экономика — главная забота в деятельности государства, начиная с поддержания единой системы ирригации и кончая руководством государственным сектором), увязку внутренней и внешней политики — постоянную заботу президента, наконец, готовность египтян ожидать и принимать сильное руководство и уважать его прерогативы.

Естественно, что социально-классовое содержание власти менялось на различных этапах истории, а процесс вестернизации, модернизации политических структур, начатый со времени французской экспедиции в конце XVIII в., не завершен в Египте и поныне. Согласно Конституции 1971 г., его президент избирается Народным собранием — однопалатным законодательным органом — большинством в $\frac{2}{3}$ голосов, а потом утверждается на всенародном референдуме. Власть Народного собрания, однако, лишь теоретически велика при избрании президента. На самом деле состав парламента заранее подбирается президентом. Противостояния президента и Народного собрания в истории республиканского Египта ни разу не наблюдалось⁴.

Президентская власть в Египте более чем какой-либо другой государственной институт — центр, фокус власти в обществе. Арабский термин

³ Аль-Ахрам, 16.V.1972.

⁴ Хильми М. Конституция современной АРЕ. Б. м. 1983, с. 44 (на араб. яз.).

для обозначения президентской власти — ар-рияса — предполагает более могущественный институт, чем русский, английский или другой эквивалент этого слова. Комплекс традиций, статуса и социально-культурной обстановки предоставляет в руки президента огромную власть, характеризующуюся колоссальной ответственностью. Функции исполнительной власти, находящиеся в руках президента, более широкие, чем у президента США или Франции, или даже британского премьер-министра. В своей исполнительной власти президент обладает широкими административными полномочиями. Он может назначать не только вице-президента или нескольких вице-президентов, но также членов Совета министров, советников и других высших чиновников. Особенно важна его роль в выборе руководителей военного ведомства, полиции, разведки.⁵ При Садате бюрократический аппарат собственно президентства вырос до 4 тыс. чиновников по сравнению с небольшой канцелярией при Насере.

Сочетание исполнительной власти и права назначать на административные должности превращает президента в главного правительственного бюрократа. Через премьер-министра и других министров он контролирует обширный бюрократический аппарат, состоящий из министерств и большого количества различных ведомств, которые действуют на национальном, провинциальном или местном уровне. Практически каждый, кто работает на государство, считается чиновником, а это означает, что бюрократический аппарат охватывает 20% рабочей силы. Но эта цифра нередко вводит в заблуждение, поскольку в это число входят и рабочие на предприятиях госсектора, учителя и врачи.

При Насере революционное правительство попыталось поставить бюрократический гражданский аппарат под контроль революционных офицеров. По закону 1964 г. было ликвидировано различие между администраторами, технократами и другими типами функционеров⁶. Реформа 1965 г. была вызвана массовой национализацией частных предприятий на основе законов 1962 года. В 1969 г. тех, кто получал зарплату от государства, было 900 тыс. человек, в 1980 г. — 2 млн. человек⁷, в 1987 г. — более 3 миллионов⁸. Государство было обязано принимать на работу всех оставшихся не у дел выпускников университетов, хотя в последнее время в эту практику введены ограничения⁹.

Сохранение автономности или даже независимости государственной машины, бюрократии — характерная черта политической структуры Египта как в революционной демократии, так и при авторитарно-буржуазном режиме. В стране существует определенный баланс классовых сил, проявляющийся в конкретно-исторических и национальных условиях, который не позволил ни пролетариату возглавить движение по пути революционно-демократических преобразований, к социализму, ни буржуазии получить власть для движения по пути капиталистического развития на своих условиях. История Египта продемонстрировала отнюдь не уникальный пример, как из среды военной части государственной машины выходят деятели для осуществления сверху как революционных, так и контрреволюционных перемен. Государственная машина обладает не только политическими, административными, но и экономическими рычагами, начиная от идущего с древности контроля над ирригационными работами и кончая появлением мощного государственного сектора в экономике.

С некоторыми оговорками к ситуации в египетском обществе как во времена президента Насера, так и после него, может быть применено

⁵ Там же, с. 48.

⁶ Аль-Ахрам, 20.III.1964.

⁷ Borthwick M. Comparative Politics of the Middle East. New Jersey. 1980, pp. 170—171.

⁸ The International Herald Tribune, 21.VII.1987.

⁹ The Washington Post, 3.I.1987.

высказывание Ф. Энгельса: «В виде исключения встречаются... периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними»¹⁰. В результате роста размеров и функций египетской бюрократии она становится обширной социальной прослойкой общества, несущей в себе определенные классовые черты. В своей совокупности, но прежде всего в высшем эшелоне, она стала коллективным эксплуататором общества, в котором лишь часть ее выполняет нужные обществу полезные функции, а большая часть является просто паразитическим наростом. Поэтому у египетской бюрократии есть собственные интересы, которые могут не совпадать с интересами, с политической линией режима, приводным ремнем которого она формально является.

В период правления Насера египетская бюрократия успешно саботировала его революционно-демократические преобразования, будучи объективно к ним враждебна. Но и при Садате и Мубараке она отнюдь не является носителем капиталистической тенденции в чистом виде, а тормозит развитие национального капитала, представляет собой питательную среду для бюрократического, «паразитического» капитала. Развитие частного предпринимательства лишь в незначительной степени сократило вес бюрократического аппарата в египетском обществе, и президентская власть вынуждена с ним считаться.

Египетская политическая традиция предполагает, что президент страны, в отличие от американского, несет обязанности настоящего главнокомандующего вооруженными силами, в особенности во время войны, и осуществляет контроль над военными операциями. Как верховный главнокомандующий он возглавляет Совет национальной обороны¹¹. Несмотря на падение роли вооруженных сил в садатовском Египте по сравнению с насеровским, они остаются ключевым фактором во внутренней политике и гарантом существования режима. Участие вооруженных сил в подавлении «бунта полицейских» в 1986 г. было новым реальным проявлением зависимости режима от лояльной к нему армии. Садат рассматривал высших генералов армии как своих соперников. Поэтому он последовательно убирал министров обороны, начальников генерального штаба, других генералов с их постов. Постоянная и большая роль министра обороны Абу Газала при Мубараке — скорее аномалия для Египта, чем правило. Со стороны какой-то части армии наблюдалась оппозиция действиям Садата, особенно в результате его курса на сепаратный сговор с Израилем. Эта оппозиция проявлялась даже в некоторых вооруженных выступлениях. Поэтому президент вынужден был проводить чистки в армии, сочетая их с предоставлением ряда привилегий офицерам, лояльным режиму.

В Египте внешняя политика — постоянная забота президента и воздействует на его внутреннюю политику. Президент ответствен за главные внешнеполитические акции. Он может объявлять войну с согласия Народного собрания, вводить чрезвычайное положение и призывать к национальному референдуму по важным вопросам. Народное собрание может предоставить президенту право издавать указы, имеющие силу закона¹².

Подразумевается, что президент в качестве главы административно-бюрократического аппарата отвечает и за экономику, социально-экономическую ситуацию в стране, хотя на практике значительная часть экономических функций передается кабинету министров. В условиях Египта государство рассматривается как главный гарант социального и

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 172.

¹¹ См. Хильми М. Ук. соч., с. 54.

¹² Там же, с. 50.

экономического благосостояния, и президент претендует на роль патриархального традиционного лидера в отношении населения, на патерналистское отношение к обществу. В особенности Садат пытался выступать в качестве «отца нации». Он говорил «мой народ», «моя армия», «мои дети (студенты)». По иронии судьбы именно в этом качестве он оказался банкротом, а его социально-экономическая политика привела к резкому росту неравенства в доходах и была одним из главных катализаторов роста оппозиции его режиму.

Вице-президент не обладает реальной властью и полностью зависит от назначившего его президента. Выбор Мубарака соответствовал традициям назначения президента из числа военных, но Садат не рассматривал его ни в качестве конкурента, ни в качестве преемника. Вице-президент не обязательно становится президентом даже после смерти главы государства. В случае смерти президента или его полной недееспособности, функции главы государства временно исполняет спикер Народного собрания. Если последнее распущено, то в течение 60 дней временным президентом является председатель Высшего конституционного суда¹³.

Совет министров — это институционализированное продолжение президентской власти. Он состоит из премьер-министра, нескольких его заместителей, министров и государственных министров¹⁴. Министерство ответственно перед Народным собранием, но главный, перед кем отчитывается кабинет министров, — это президент. Кабинет министров в Египте более схож с правительством США, но власть отдельных министров, их участие в определении политики меньше, чем у членов американской администрации. Начиная с 1953 г. в правительство входят офицеры. Наибольшее число военных в правительстве (65%) наблюдалось в июне 1967 г., но в 1980 г. из бывших офицеров было лишь 7% министров. Это было частью кампании Садата по деполитизации армий. В правительствах, назначенных Мубараком, также мало военных¹⁵.

До 1953 г. в Египте действовали сразу три юридические системы: гражданский и уголовный кодексы, экстерриториальное право для иностранцев и шариат. Юрисдикция религиозных судов охватывала гражданский статус, включая браки, разводы, наследование. В 1966 г. все религиозные суды были запрещены и их функции переданы гражданским судам. Юридическая система дополняется системой генеральной прокуратуры¹⁶. Кроме обычного прокурора, есть и «социалистический»; должность была введена в 1971 г. с целью создать орган, призванный оберегать «социалистические завоевания» народа. Этот прокурор, назначаемый лично президентом, но формально подотчетный Народному собранию, получил чрезвычайно широкие полномочия уголовного и другого преследования граждан, воздействия на суд и на судебный процесс¹⁷. Институт «социалистического» прокурора стал орудием в руках исполнительной власти для подавления оппозиции. Против него выступают и левые, и буржуазно-либеральные круги, и практически все юристы и судебные органы.

Убрав соперников и сторонников революционно-демократических образований из высшего руководства в 1971 г., Садат стал готовить условия для возвращения страны на путь капиталистического развития. При этом в первые годы своего правления он почти не ломал политических структур, в том числе АСС, унаследованных от Насера, но пытался наполнить их новым содержанием, прикрываясь лозунгами своего предшественника. До поры до времени он делал вид, что соблюдает прежнюю внешнеполитическую ориентацию. Но уже в 1971 г. Садат стал отказы-

¹³ Там же, с. 92.

¹⁴ Там же, с. 101.

¹⁵ Cooper M. N. The Transformation of Egypt. Lnd.—Canberra. 1982, p. 145.

¹⁶ Egypt. The American University. 1983, pp. 184—185.

¹⁷ Аль-Ахрам, 2.1.1977.

ваться от секвестра имущества крупных собственников, выплачивать помещикам компенсацию за отобранную землю, провозглашать «суверенитет закона» в отличие от «революционной законности», намекая на то, что им взят курс на защиту частной собственности и предпринимательской деятельности¹⁸. Были расширены возможности инвестиций иностранного капитала.

Но реальные меры по «либерализации» экономики, получившие название «инфитаха» (приблизительный перевод — «политика открытых дверей»), начали реализовываться с 1974 г., когда стал действовать закон № 43 об арабских и иностранных инвестициях в свободных зонах¹⁹. Он предоставлял широчайшие возможности для деятельности иностранного капитала. За последующие годы было издано более 100 законов, законодательных актов и распоряжений, облегчавших и поощрявших деятельность иностранного и египетского частного капитала, ограничивавших сферу деятельности государственного и кооперативного секторов. Все это дополнялось рядом законов, менявших отношения между трудом и капиталом в пользу капитала. К началу 80-х годов были отменены секвестры, повышена арендная плата за землю в деревне²⁰.

Развитие событий показало, что капиталистическая ориентация режима требовала новых политических структур, которые могли бы отвечать и интересам египетской буржуазии, и политическим идеалам Запада или по крайней мере — нового фасада авторитарной власти. Идеологические пробуржуазные установки режима достаточно ясно были сформулированы в Октябрьском документе 1974 г., первом программном манифесте саадатовского режима. В нем содержались намеки на необходимость новой политической структуры. На практике шел отказ и от Хартии национальных действий 1962 г., и от Программы 30 марта 1968 года. Для правых АСС был враждебной организацией, в которой якобы «объединились насеризм и коммунизм на базе вражды к политической свободе и демократии»²². На это левые силы отвечали, что на самом деле АСС недоставало подлинной связи с массами, он плелся в хвосте исполнительной власти и во главе его стояли бюрократы²³.

Прежние институты, созданные для проведения в жизнь социалистической ориентации, — пусть непоследовательной, смутно выраженной, половинчатой — стали препятствием для осуществления курса на капиталистическое развитие. С 1975 г. начался процесс организационного разрушения АСС с помощью «трибун» — трех политических организаций (правой, левой и центристской), разрешенных в его рамках, затем произошло преобразование «трибун» в политические партии с сохранением за ЦК АСС функций органа, контролирующего политическую жизнь в стране. Потом ЦК АСС был заменен на т. н. консультативный совет, на две трети выборный, на одну треть назначаемый президентом. К этому совету перешли функции контроля за политической деятельностью²⁴.

В Египте, начиная с 1975 г., шло создание фасада «плюрализма», возвращение видимости буржуазной демократии, хотя новый закон о партиях (1977 г.) запретил их образование на «классовой, социальной и религиозной основе», поставил ряд преград на пути возникновения новых политических организаций, не подконтрольных властям²⁵. Закон о партиях формально противоречил Конституции, а также закону о национальном единстве 1972 г., запрещавшему учреждать организации вне

¹⁸ Сада т А. В поисках самого себя. Каир. 1978, с. 285 (на араб. яз.).

¹⁹ См. подробнее: Раковский Н. С. Иностранный капитал в экономике Египта. М. 1983.

²⁰ Аль-Ахрам, 13.IX.1981.

²² Аль-Ахбар, 25.I.1976.

²³ Ат-Талиа, 1976, № 3.

²⁴ Аль-Ахбар, 20.XI.1975.

²⁵ Аль-Ахрам, 21.VI.1977.

рамok ACC²⁶, но с прежними правовыми законодательными актами не посчитались.

Авторитарный характер режима начал драпироваться покрывами «контролируемой демократии». Ему нужны были политические рычаги, политические организации или партии, а не просто личности. Это означало бы и большую устойчивость политической системы, и возможность переключать ответственность за неудачи на определенные политические структуры и институты или конкретных их представителей. Одновременно буржуазии давалась надежда на будущее соучастие в политических делах, а для Запада демонстрировалась «демократизация», якобы проходившая в стране. Левым предоставлялась возможность под контролем правительства играть роль легальной оппозиции, причем из игры выводилась часть насеристов, которые не имели права организовать самостоятельную партию, а из легальных политических структур — коммунисты, которым оставалось только действовать в подполье.

Многopартийный режим на первом этапе олицетворяли правая партия (либералы-социалисты), левая (национально-прогрессивный юнионистский блок, или Национально-прогрессивная партия) и центристская Арабская социалистическая партия (АСП). На первых порах президент оставался вне партий и якобы стоял над партийной борьбой в качестве «отца нации».

Просуществовавшая немногим более двух лет АСП представляла собой союз всех преданных режиму или оппортунистически поддерживающих его политических сил — от представителей бюрократии и торгово-спекулятивной буржуазии в городе до кулачества в деревне и официального духовенства. Программа «центристов» полностью совпадала с Октябрьским документом 1974 года. Она выступала за классовый мир, «социальную справедливость», отказ от политики национализации, углубление «инфитаха», поощрение частного сектора при сохранении государственного в качестве основы экономики²⁷. Внешнеполитическая программа и последующие декларации полностью поддерживали переход Садата к ориентации на союз с США и Западом, фактический разрыв сотрудничества с СССР, курс на сепаратный мир с Израилем. АСП, во главе которой стоял бывший министр внутренних дел, а затем премьер-министр М. Салем, настолько отождествлялась с правительством и госаппаратом, что общественное мнение не воспринимало ее как самостоятельную политическую партию.

Либерально-социалистическая партия, призванная играть роль «правой оппозиции», была близка к режиму, и различия между программами ее и АСП были трудно уловимыми. Лишь благодаря усилиям Садата депутаты от этой партии в парламенте не перебежали в правящую партию и не испортили игру в «плюрализм». В составе партии были некоторые представители государственных служащих, студентов, лиц свободных профессий, национальной буржуазии. В ее программе большой упор был сделан на обеспечение «свободной экономики» при гарантии основных демократических свобод. Партия настаивала на большей свободе частного сектора, передаче ему легкой промышленности. Среди требований партии была защита национального капитала в конкурентной борьбе с иностранным и торгово-спекулятивным («паразитическим») ²⁸. По основным политическим вопросам либералы-социалисты во главе с одним из представителей промышленной буржуазии Египта, М. К. Мурадом, проявляли полный конформизм. Однако их критика правительства по частным вопросам порой была острой, особенно когда речь шла о коррупции отдельных звеньев государственного аппарата.

²⁶ О развитии демократии в Египте. Кувейт. 1977 (на араб. яз.).

²⁷ Программа Арабской социалистической партии Египта. Каир. 1977 (на араб. яз.).

²⁸ Партия либералов-социалистов. Программа партии. Каир. Б. г. (на араб. яз.).

Национально-прогрессивная юнионистская партия (НПП) во главе с бывшим членом организации «Свободные офицеры» Х. Мохи эд-Дином объединяла тех, кто поддерживал курс революционной демократии. В ее рядах были насеристы, убежденные, что необходимо бороться за осуществление лозунгов революции 1952 г. — «Свобода, социализм, единство». В партию вошли марксисты из числа бывших членов Египетской коммунистической партии (ЕКП) и других коммунистических групп. Арабские националисты, разделявшие лозунги панарабизма, также нашли в партии подходящую организационную форму для своей деятельности. К ней присоединились и религиозные деятели, стоявшие на патриотических позициях.

Программа НПП исходит из задач завершения национально-освободительной революции, углубления ее социальных преобразований, создания основ для перехода в будущем к социализму, критикует курс режима в экономической и социальной областях, требует изменения политической структуры с целью ее демократизации. В области внешней политики партия призывает к совместной борьбе арабских народов против империализма во главе с США, сионизма, арабской реакции, против сепаратного мира с Израилем. НПП выступает за развитие всесторонних отношений с Советским Союзом²⁹.

Не все левые течения вошли в НПП. Часть насеристов во главе с депутатом парламента К. Ахмедом, которым Садат не позволил создать самостоятельной партии, выступала в качестве независимых насеристов. На позиции независимых остается и ряд других деятелей, имеющих левые настроения.

В мае 1975 г. была нелегально восстановлена компартия, объединившая несколько групп марксистов³⁰. Члены прежней ЕКП в 1965 г. объявили о самороспуске. Первый съезд ЕКП, принявший программу и устав, состоялся в 1980 году. Партия заявила, что ее идеология базируется на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. В программе отмечалось, что партия — часть арабского национально-освободительного движения и отряд мирового коммунистического движения. Во внутренней политике ЕКП высказалась за демократизацию общества, во внешней — против кэмп-дэвидских соглашений, за устранение американского военного присутствия в стране, за возвращение внешней политики Египта в рамки антиимпериалистического курса³¹.

Спектр политических партий дополнила возрожденная либерально-буржуазная партия «Новый Вафд» во главе с Ф. Сираг эд-Дином и рядом других бывших лидеров старого «Вафда». Опираясь на закон о партиях, они собрали необходимое число депутатов парламента (согласно закону, их должно быть не менее 20), достаточное число учредителей и зарегистрировали партию в феврале 1978 года. Всего к неовафдистам присоединилось 40 членов Народного собрания. Программа этой партии не отличалась резко от программы центристов. Требования ограничить государственный сектор и дать большую свободу частному предпринимательству сближали ее с социалистами либерального толка³².

Однако появление этой партии отнюдь не по воле президента, а, так сказать, «снизу» означало политический вызов режиму Садата со стороны той части буржуазии, которая не хотела быть ведомой и делегировать власть «разночинцам» и бюрократам. Дело в том, что как во времена

²⁹ Программа Национально-прогрессивной юнионистской партии. Каир. Б. г. (на араб. яз.).

³⁰ Михайлов А. М. 60 лет коммунистического движения в Египте. — Вопросы истории КПСС, 1981, № 8, с. 108.

³¹ См. подробнее: Бакланов А. Г. Рабочий класс современного Египта. М. 1981, с. 177—185.

³² Ахмед М. Будущее партийного режима в Египте. Каир. 1984, с. 90—92 (на араб. яз.).

Насера, так и в период правления Садата, а затем Мубарака рычаги власти находились в руках «разночинцев», сознательно проводивших определенную классовую политику — революционно-демократическую при Насере и капиталистически ориентированную при Садате и Мубараке. Буржуазия реально не обладала властью, но могла оказывать давление на нее, на политический курс, на законодательство, формировать политические организации с претензией на долю власти или на ее полный захват. Но как Садат, так и Мубарак были представителями военных «разночинцев», не желавших делить власть с классом, реальные интересы которого они выражали.

Социальной базой «Нового Вафда» стала национальная буржуазия, часть сельских капиталистов, либерально-буржуазной интеллигенции, коптов, интересам которых отвечало положение программы неовафдистов, что шариат — органический, но не единственный источник законодательства. Садат почувствовал реальную угрозу со стороны неовафдистов и нанес ответный удар, уже не заботясь о «демократическом» фасаде своего режима. На референдуме в мае 1978 г. был «одобрен» закон о национальном единстве и социальном мире, который, в частности, запрещал участие в любой политической деятельности ряду лиц, не угодных режиму как справа, так и слева³³. В «черный список» попали лидеры «Нового Вафда», которые вынуждены были после этого объявить о саморпуске партии³⁴.

Недолгое существование «Нового Вафда» продемонстрировало слабость центристов — АСП. Режим все болезненнее ощущал критику внутренней коррупции и nepотизма, антидемократических действий, а также сепаратных переговоров с Израилем и односторонней ориентации на США. Чтобы перегруппировать силы своих сторонников и укрепить позиции нового режима, Садат решил отказаться от роли лидера, стоящего «над партиями», и основать в 1978 г. собственную партию, названную им Национально-демократической³⁵. Суть нового названия была двойственной. Во-первых, из него исключалось слово «социализм», во-вторых, Садат апеллировал к ранней националистической партии М. Кямиля, существовавшей в начале века под названием Национальная партия и ставшей затем соперником «Вафда». Программы НДП и АСП существенно не отличались³⁶. С первых ролей был убран «лидер» АСП М. Салем, практически все ее члены тут же перебежали в НДП. Председателем ее стал Садат, генеральным секретарем — копт Ф. М. Убейд, заявивший, что партия является «национальной, демократической, социалистической, научной, народной, революционной, верящей в бога и духовные ценности»³⁷.

Садат попытался избавиться также и от НПП, создав Социалистическую партию труда (СПТ) во главе с бывшим министром освоения земель И. Шукри в качестве «честной оппозиции» слева³⁸. Ядро новой партии составили сторонники немногочисленной националистической партии 30—40-х годов «Миср-аль-фатат» («Молодой Египет»). Вначале партия неукоснительно следовала линии президента, а затем все более решительно стала критиковать и коррупцию в высших сферах бюрократического аппарата, и сепаратный договор с Израилем, и экономическую политику правительства. Постепенно СПТ стала выразителем интересов левоцентристского крыла буржуазии.

³³ Maghreb-Mashrek, P., 1984, № 106, с. 67.

³⁴ Le Monde, 1.VI.1977; 25.I, 7.II, 20.V, 14.VI.1979 г.; Аль-Ахрам, 2.VI.1978.

³⁵ Аль-Ахрам, 2.VIII.1978.

³⁶ Программа национально-демократической партии. Каир. 1979 (на араб. яз.); Mirel P. Egypte: Du parti unique au parti dominant, 1975—1979.— Le moi en Afrique, juin—juillet 1980, № 174—175, pp. 75—76.

³⁷ Аль-Ахрам, 12.VIII.1978.

³⁸ Программа социалистической партии труда. Каир. Б. г.

Особенностью политического процесса как при Садате, так и при Мубараке было частое обращение к массам через голову конституционных органов и партии. Ряд законов был принят с помощью заранее подготовленных «народных референдумов». Таким путем был одобрен, в частности, упоминавшийся закон о национальном единстве и социальном мире³⁹, а также «Закон о пороке»⁴⁰, наложивший жесткие ограничения на политическую деятельность лиц, неугодных режиму.

В условиях растущей неустойчивости определенную оппозиционную политическую роль стали играть союзы адвокатов, журналистов, инженеров и т. п., в которых сохранились традиции уважения к демократии, законности, национальным интересам. Садат распустил эти союзы, ссылаясь на «Закон о пороке»⁴¹.

Не имея реальных каналов для того, чтобы их голос был услышан, массы, как во времена Насера, так и при Садате и Мубараке, выходили на улицы, демонстрируя свою политическую волю. Но если при революционно-демократическом режиме они выражали поддержку этому режиму и олицетворявшему его Насеру, то после контрреволюционного переворота стали выступать против него. Массы вернули Насера на пост президента после его отставки в результате поражения в июньской войне 1967 года. Массы выразили поддержку курсу Насера, выйдя миллионами на его похороны. Практически весь народ своими антиправительственными выступлениями в январе 1977 г. добился отмены решения правительства об отказе от субсидий на товары первой необходимости, в результате чего выросли цены. Бойкотировав похороны Садата, массы тем самым продемонстрировали свое отношение к его правлению. В меньших масштабах Египет знал волнения и выступления масс при Мубараке — от «бунта полицейских» до стихийных «незаконных» забастовок и других волнений. «Законопные» демонстрации и митинги оппозиционных сил были исключением, а не правилом.

К началу 80-х годов система «контролируемой демократии» трещала по швам. В оппозиции режиму оказались не только левые и насеристы, но и многие представители национальной буржуазии, буржуазно-либеральные круги, интеллигенция, копты, многие независимые, «Братья-мусульмане», мусульманские экстремисты.

Мощное движение мусульман-фундаменталистов, — как правило, нелегальное, а в отдельные периоды полуполегалное — находилось в оппозиции и к революционно-демократическому, и к буржуазно-авторитарному режиму. Это движение существовало в виде организации «Братья-мусульмане» и ряда ответвлений от нее, в том числе экстремистских, которые в настоящее время представляют собой единственную вооруженную оппозицию режиму. «Братья-мусульмане» были одновременно политической организацией, культурным и образовательным союзом, экономической компанией и социальной идеей. Ислам для них был «доктриной, культом, национальностью, религией, государством, духовностью, действием, кораном, копьем»⁴².

Ряд депутатов парламента был известен своими фундаменталистскими настроениями⁴³. Сводить движение фундаменталистов просто к религиозным вопросам, к взаимоотношениям религии и государства, религии и светской идеологии, наклеивать на него ярлыки «реакционного» или «прогрессивного» означало бы давать искаженную картину социально-политической обстановки в Египте, уходить от выяснения глубинных причин возрождения влияния «религиозного фактора» на политическую и не только политическую жизнь.

³⁹ Аль-Ахрам, 2.VI.1978.

⁴⁰ Аль-Ахрам, 30.IV.1980.

⁴¹ Князев А. Г. Египет после Насера 1970—1981. М. 1986, с. 245.

⁴² Mirel P. Op. cit., p. 76.

⁴³ Ibid.

В условиях Египта, как и всего мусульманского Востока, ответ на вопрос о выборе пути социально-политического и экономического развития искали разные социально-политические течения — буржуазно-либеральное, выступавшее за движение по западному, буржуазному пути, революционно-демократическое, искавшее свою модель движения к социализму, марксистское, призывавшее к переходу к научному социализму, но одновременно и мусульманско-фундаменталистское. Если ревюмировать установки последнего, то они сводились к провозглашению превосходства мусульманской «духовности» над западным «материализмом», будь это капитализм или социализм. Отвергая как буржуазную демократию (парламент, партии, игру политических сил и т. п.), фундаменталисты одновременно отвергали и социализм, социалистическую демократию⁴⁴. Путь к возвращению «золотого века ислама» они видели в установлении «мусульманского государства», основанного на шариате, в котором сольются светское и духовное начала и будет обеспечена социальная гармония и экономический прогресс⁴⁵.

В Египте сохранялись многочисленные традиционные и нетрадиционные социальные структуры (деревенская или соседская община, большая семья, религиозное братство и т. п.) со свойственными им политической культурой и политической организацией. В условиях, когда капиталистическая модернизация шла за счет масс, входивших как раз в традиционные социальные структуры, свой политический протест они выражали в привычной им религиозной форме, придавая политическое направление религиозным организациям. Впрочем, речь шла не только о массах, но и об интеллигенции, части чиновничества, студенчества. И в период существования революционно-демократического режима, когда часть масс получила определенные блага, другая или страдала от ухудшения экономического положения в конце 60-х годов или ее большие ожидания оказались обманутыми. Это подогревало религиозные настроения, в том числе и политическую оппозицию в религиозной форме. Отсутствие канала для выражения интересов масс также подталкивало их к религиозной форме деятельности.

В своей борьбе с революционными демократами Садат попытался опереться на фундаменталистов. Организация «Братья-мусульмане» приобрела полулегальный статус, фундаменталисты установили контроль над студенческими организациями, стали легально выходить их печатные издания, резко усилилась религиозная пропаганда по радио и телевидению. Шариат был объявлен «одним из источников законодательства». Согласно конституции 1971 г., мусульманская религия была поставлена в привилегированное положение⁴⁶. Статьи о свободе совести в конституции 1971 г. отсутствовали. В 1979 г. была принята поправка к конституции, и исламские законы были объявлены «главным источником законодательства»⁴⁷.

Но разделяя враждебность Садата к революционным демократам и коммунистам, фундаменталисты отнюдь не принимали его «инфитаха» и внешней политики, особенно сепаратного мирного договора с Израилем, диктаторских действий президента, коррупции его аппарата, роста западного (американского) культурного и политического влияния в Египте, разрыва с арабо-мусульманским миром. Религиозная система оказалась расколота на прорежимный, институционализированный ислам во главе с мусульманским университетом Аль-Азхар и на оппозиционный, независимый ислам — десятки тысяч самостоятельных мечетей, ре-

⁴⁴ См. Кутб С. Битва ислама и капитализма. Каир. 1952, с. 7, 47—66 (на араб. яз.).

⁴⁵ См. Smith W. C. Islam in Modern History. Ch. 1. Princeton — N. Y. 1957.

⁴⁶ См. Iwasio w - P a r d u s B. Islam w konstytucjach Egiptu republikańskiego. — Studia Religiołogica, Warszawa—Kra k ó w. 1977. № 1, s. 96—97.

⁴⁷ The International Herald Tribune, 27.VII.1987.

лигиозных организаций — от обществ взаимопомощи до вооруженных боевиков.

Водоразделом во взаимоотношениях режима с религиозными организациями стал сепаратный договор с Израилем. Его осудили «Братья—мусульмане», а наиболее экстремистские группировки, такие, как «Ат—такфир уаль—хиджра», «Гунуд аллах», «Джихад», встали на путь вооруженных акций. Именно группа боевиков из «Джихада» совершила убийство Садата во время военного парада в октябре 1981 года⁴⁸. Надежды этих организаций вызвать широкие волнения в Египте в результате смерти Садата и прийти к власти оказались, однако, химерическими. На религиозных экстремистов обрушились репрессии. Одновременно режим Мубарака пытается найти способ сосуществования с более умеренными фундаменталистами, рассчитывая кнутом и пряником предотвратить расширение их влияния и воздействие на политику. Однако усиление фундаментализма продолжается.

Религиозная ситуация в стране обостряется, особенно из-за учащающихся столкновений мусульман и христиан. Значительная христианская община, составляющая 7—10% населения Египта⁴⁹, оказывает политическое влияние на режим через коптскую церковь, в частности через институт коптского папы. Учитывая наличие среди коптов значительной прослойки буржуазии и их буржуазно-либеральные традиции, их опасения в отношении мусульманских экстремистов, можно понять, почему коптская верхушка традиционно выступает за светский характер государства, за буржуазно-либеральный курс, отдавая предпочтение египетскому национализму против панарабизма. Требования верхушки коптов близки установкам «неовафдистов».

Итак, режим Садата оказался несостоятельным во внутривнутриполитическом и внешнеполитическом плане. В последние месяцы своего правления Садат начал метаться, нанося удары по всем направлениям. В сентябре 1981 г. были арестованы более 1500 деятелей оппозиции⁵⁰: от членов НПП до лидеров «Братьев—мусульман». Был снят и сослан в отдаленный монастырь коптский папа Шенуда III. Последовали новые аресты. Затем произошло убийство Садата и к власти пришел Мубарак.

Мубарак был кадровым военным, не имевшим политических амбиций. Определенное время он провел в Советском Союзе на учебе, но вернулся на родину без симпатий к социализму. Он стал отличным боевым летчиком, вырос до командующего египетской авиации. Последние годы правления Садата, который назначил его вице-президентом, Мубарак держался в тени. Убийство Садата вывело его на роль лидера Египта. Личная честность и национализм помогли ему заняться постепенно коррективной внешнеполитической курса страны, нормализацией отношений с СССР и рядом арабских стран. Внутри страны он попытался повернуть садатовский «инфитах» в направлении развития производительных сил, снизить социальную напряженность. Он вернул в Египет некоторые элементы буржуазной демократии, сменил руководство правящей партии и укрепил свои позиции, справившись с оппозиционными выступлениями, в том числе вооруженными. Он продемонстрировал себя гибким и прагматическим деятелем, который в состоянии поддерживать баланс между противоборствующими силами в египетском обществе.

Смена президента привела к изменению стиля политики авторитарного режима и к восстановлению функционирования «контролируемой демократии», созданной и разрушенной Садатом. Несколько облегчена

⁴⁸ The Middle East Magazine, January 1982, № 87, pp. 17—19.

⁴⁹ По официальным данным, несколько меньше (см. Соловьев А. К. К вопросу о значении коптской общины в Египте. В кн.: Ближний и Средний Восток (экономика, история). М. 1976, с. 184).

⁵⁰ Аль-Ахрам, 3, 6, 7.IX.1981; Згерский Д. Охота за ведьмами.— Новое время, 1981, № 38, с. 14—15.

была деятельность партий. Возродилась и стала значительной силой партия «Новый Вафд». Была создана шестая партия «Аль-Умма», стоящая на националистических позициях. Однако механизм «выборов» действовал по-прежнему, обеспечивая подавляющее большинство в парламенте правящей партии⁵¹ и в 1984 и в 1987 гг., несмотря на увеличение численности избираемых депутатов до 448. На партию, олицетворявшую истеблишмент и связанную с президентом, работали деполитизация масс, традиционная сакрализация власти в египетском обществе, реальные рычаги воздействия на общественное мнение в виде средств массовой информации, давление и репрессии в ходе выборов, их прямая фальсификация. Оппозиция, допущенная к существованию, по-прежнему контролируется с помощью законодательных ограничений, нарушения политических свобод и ударов по парламентскому иммунитету. Новый закон о выборах, принятый в 1983 г., установил жесткий ценз в отношении оппозиции: партия, набравшая менее 8% голосов, лишалась права на места в выборных органах. Одновременно затруднялась возможность создавать блоки левых партий⁵².

Режим Мубарака вновь начал использовать насеровское знамя для привлечения на свою сторону симпатий определенной части общества. В 1983 г. был опубликован проект документа «Идеологические рамки Национально-демократической партии»⁵³. В нем признавалась важность революционных завоеваний Египта в 50–60-е годы, были ссылки на Хартию национальных действий и Программу 30 марта 1968 г., в то время как в прежней программе правящей партии такие ссылки отсутствовали. В качестве реверанса в сторону фундаменталистов большое место уделялось в проекте исламу как источнику законодательства и взглядов египтян. Во внешнеполитической части новой программы говорится о необходимости «бороться за поддержание мира во всем мире», о законных правах арабского народа Палестины, опущены определенные антисоветские выпады прежней программы. Большой учет интересов национальной буржуазии стал особенностью режима Мубарака, хотя влияние «инфитавхской» «паразитической» буржуазии отнюдь не подорвано.

Революционная демократия остается действенным фактором оппозиции режиму на внутриполитической арене, но ее успех зависит от многих факторов, как внешних, так и внутренних, прежде всего от того, в состоянии ли режим справиться с растущими социально-экономическими трудностями. Неясно, как будет развиваться движение набирающих силу мусульманских фундаменталистов, питаемое острыми социальными противоречиями быстро трансформирующегося египетского общества. Неустойчивость ситуации усиливается и тем, что политические структуры, в целом скопированные с Запада, ориентированы на него, а политическая культура масс опирается прежде всего на ислам, на традиционную систему ценностей. Столкновение этих двух политических культур препятствует нормальному функционированию политических институтов. Внутренние социально-экономические противоречия египетского общества, его внешнеполитические сложности и мощь оппозиционных сил будут определять будущую трансформацию политической структуры Египта.

⁵¹ Maghreb-Mashrek, pp. 56, 70.

⁵² Ibid., p. 71.

⁵³ Маю, 14. II. 1983.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

НУЖНА НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К. В. Чистов

Разработка общей концепции развития советской культуры, столь необходимая для научно обоснованного и целеустремленного управления ею, предполагает не только трезвую оценку успехов и достижений в этой области, но и не менее реалистическое осмысление негативных аспектов и последствий, неизбежно сопровождающих каждый процесс развития. Современное состояние массовых форм культуры во всем ее многообразии нуждается в детальном анализе. Здесь могут быть намечены только некоторые узловые моменты, которые особенно тревожат и которые профессионально особенно близки.

Достижения советской культуры несомненны. Сопоставляя нашу страну с дореволюционной Россией, мы имеем бесспорное право говорить о подлинной культурной революции, сопровождавшейся ликвидацией массовой неграмотности и былой отстраненности широких масс от лучших достижений профессионального искусства, литературы, науки, развитием сети школ, вузов, учреждений культуры, театров, библиотек, кино и т. п., развитием и распространением технических средств массовой информации. Особенно значительные достижения можно констатировать, когда речь идет о народах, еще в недавнем прошлом бесписьменных или младописьменных, культура которых по своей структуре и содержанию была архаичной. Впечатляющие статистические данные, связанные с этим процессом, хорошо известны. Однако надо иметь в виду, что они характеризуют развитие культуры вширь, которое явно обгоняло и до сих пор обгоняет ее развитие вглубь. Здесь и далее мы имеем в виду не достижения культуры как таковой, не общие ее показатели, а ее массовые формы, ее функционирование в быту народа.

Следует назвать ряд причин подобной деформации.

1) В стремлении добиться всеобщего обязательного среднего образования наша средняя школа резко снизила свои требования к учащимся. Обязанность «протащить» каждого через среднюю школу, какой бы он ни был лентяй, безобразник или просто неспособный человек, обусловила снижение общего уровня образования, культивирование спускательного отношения к поверхностным знаниям, полужнаниям, а также привела к ликвидации действенного механизма отбора и поощрения наиболее перспективных учеников к получению высшего образования. Особенно заметно это снижение уровня не только в сфере специальных знаний (по математике, физике, химии и т. д.), но прежде всего в сфере общей культуры — культуры общественного поведения, эстетических вкусов, начитанности, знания иностранных языков и т. д. Между тем без общей культуры не может сформироваться специалист ни в одной из областей техники, науки, производства.

2) Такие же процессы развивались и в высших учебных заведениях. Стремление к благополучным количественным показателям («валу студентов» — столько-то принято и столько-то выпущено!), нехватка общежитий, что ограничивает приток наиболее способных студентов из невузовских городов и сел, ослабление конкурсов в технические вузы, система «путевок», подготовительных курсов и других неоправданно искусственных благоприятных условий приема и обучения части студентов привели не только к падению престижа высшего образования, но и к снижению общего уровня знаний у студентов и лиц, окончивших вузы и средние специальные учебные заведения.

Особенно все это сказалось на вечерних и заочных отделениях, существование которых давно перестало быть мотивированным, — каждый стремящийся к высшему образованию и имеющий для этого соответствующие данные в наши дни может получить его на дневном отделении. Действие неблагоприятных социальных и материальных факторов, подобных тем, которые существовали в 20-е — начале 30-х годов, во время войны и в первые послевоенные годы, в целом перестало оказывать влияние на отбор студентов и получение образования. Поэтому не нужна, по крайней мере в действующих масштабах, и система компенсации в виде заочного и вечернего образования, которое не может быть полноценным, а в действительности стало рассадником невежества или в лучшем случае поверхностного овладения знаниями.

3) Сказывается державшаяся довольно долго низкая оплата труда массовых интеллигентных профессий (учителя, врачи, агрономы, инженеры и т. п.). Она также вела к падению престижа этих профессий и явной нехватке учителей и врачей, работающих по призванию и с полной отдачей в школах, поликлиниках и больницах. Низкая оплата с определенного времени перестала компенсироваться жаждой знаний, пафосом социального продвижения, характерных для 20-х и 30-х годов и для советской интеллигенции первого и даже второго поколения. Все это не могло, в свою очередь, не сказаться на школе и вузе, на общем уровне культуры, на глубине ее. Низкая оплата труда инженерно-технических работников, сохраняющаяся до сих пор, плохо согласуется с задачами научно-технической революции и модернизации техники.

4) Развитию культуры и образования вширь более, чем вглубь, как это ни парадоксально, способствовала также сформировавшаяся за последние десятилетия сеть технических средств массовой информации, особенно телевидения, теснящего книгу, театр и даже кино. Как бы ни были замечательны достижения телевидения и разнообразных средств звуковоспроизведения, нельзя не видеть и их отрицательного воздействия. Если книга, театр, концертный зал, публичная лекция требуют максимум внимания читателя, зрителя и слушателя, его творческого участия в процессе коммуникации и рецепции, то телепередачи могут восприниматься без отвлечения от быта, от привычной и рутинной домашней обстановки, без творческого напряжения воображения. Активность воспринимающего при этом, как правило, явно снижена. Очень важно также, что возможность сознательного выбора, соответствующего устремлению воспринимающего, его умственной и эмоциональной интенции, которую может использовать всякий читатель книги или посетитель спектакля (концерта), у телезрителя тоже весьма незначительна (максимум 3—4 программы, как правило — 2). «Потребляется» то, что предложено.

Телевидение, которое само по себе является мощным источником информации для миллионов телезрителей и не имеет сейчас конкуренции (она только намечается в перспективе в употреблении видеокассет), стало одновременно средством распространения полужнаний, их широты, но не глубины, дилетантского всезнайства. Это хорошо известно современным учителям и преподавателям вузов. Школьные ученики и даже

студенты считают обычно, что знают значительно больше, чем знают в действительности.

Телевидение (так же, как и кино) оказало значительное воздействие и на все формы художественной самодеятельности — семейное пение и музицирование, кружки самодеятельности. Все это существует, но резко снизилось по сравнению с 20—30-ми годами (и охват, и престиж, и энтузиазм). В такой же мере развилось и пассивное отношение к спорту. Миллионы зрителей охотно смотрят соревнования на стадионах или (еще в большей мере) у телевизоров, но сами ни в чем не участвуют. Как это неоднократно отмечалось в печати, детских физкультурных кружков и «групп здоровья» крайне мало, их вытеснили детские спортивные школы, школы олимпийского резерва и прочее. Школьные преподаватели физкультуры выискивают кандидатов в рекордсмены, значительно меньше заботясь о физическом развитии рядовых школьников. По существу, это значит, что профессиональный спорт вытесняет массовую физическую культуру. Об этом тоже много пишут в последние годы.

Издержки или отрицательные последствия растекания культуры вширь при поверхностности фундаментальных и основательных знаний, падении активности массовой творческой деятельности (не только в области культуры) обусловлены не одной какой-либо причиной, которую легко устранить, а целым спектром причин. Бездуховность определенных слоев и возрастных групп, о которых теперь с такой тревогой много говорится и пишется, несомненно, является не причиной, а следствием этого процесса.

Что же следует предпринять, чтобы устранить деформацию массовых форм культуры? Напрасно было бы искать какой-то единый спасительный рецепт. Преодоление деформации массовых форм культуры требует не отдельных организационных, административных или политических решений, а целой системы мер, которые должны действовать на протяжении ряда лет, и прежде всего решительного совершенствования школы (реформа которой до сих пор явно буксует), вузов, общественных организаций, кино, телевидения и т. д., переживших достаточно длинный период застоя и стагнации, требует развития массовой инициативы и расширения демократии в самых различных сферах культуры, открытого обсуждения сложившейся ситуации и способов ее преодоления.

Современная культурная ситуация (она, разумеется, далеко не одинакова в разных республиках и даже в разных областях и районах, и это тоже должно быть соответствующим образом изучено и оценено) сложилась, помимо всего, под сильным влиянием ускоренного и во многом болезненного процесса урбанизации, который переживала страна с 30-х годов. Дело не только в росте городов и миграции значительной части сельского населения в города, что само по себе достаточно важно, но и в стремительной переориентации сельских жителей (горожан в первом и втором поколениях) на «городскую» модель культуры и «городские» стереотипы быта. Это вело к отказу от традиционной сельской культуры, обесцениванию ее в сознании мигрантов, как правило, едва успевающих приобщиться к подлинным и действительно лучшим достижениям профессиональной городской культуры, стереотипам общественного поведения, нормам трудовой морали и т. д.

Это создало целый слой маргинальных групп, растерявших традиционную культуру, но не выработавших органических форм приобщения к культуре «городской», или, точнее, к лучшим достижениям обобщенной в «городских» формах национальной культуры. Проблема маргинальных групп нашла сравнительно широкое отражение в художественной литературе, кино, живописи (В. М. Шукшин, В. С. Высоцкий, В. И. Попков и др.), но до сих пор не поставлена в нашей социологической, исторической и социально-психологической науке. Маргинальные группы, о которых идет речь, оторвавшись от архаических форм традиционной сель-

ской культуры, в то же самое время попали под сильнейшее воздействие телевидения, радио, кино и испытали на себе значительно меньшее влияние культуры книги (художественной, научной), театра, концертного зала (за исключением, вероятно, эстрадной музыки) ¹.

Одна из важнейших проблем развития культуры — обеспечение преемственности, равноценное и активное участие в ее функционировании разных поколений и возрастных групп. В связи с этим для построения общей концепции развития советской культуры весьма важна трезвая оценка современного соотношения традиции и новаций, появившихся в предыдущий период развития и возникающих в период перестройки в разных областях современной общественной и культурной жизни. Годы застоя способствовали превращению целых сфер культуры (социальной, политической, художественной) в окостеневшую систему самовоспроизводящихся шаблонов, выветривания несомненных ценностей, запутанности ценностных ориентаций, разрыву вкусов и устремлений поколений. Стремление к преодолению шаблонов, которые действительно надо преодолеть, к обновлению устоявшейся системы также породило неприятие ряда традиций, которые представляют несомненную ценность, и невырабатанность того, что должно было быть им противопоставлено.

Интенсивная перестройка самых различных сторон нашей общественной жизни, обновление социального и экономического мышления, казалось бы, создают весьма благоприятные условия для изживания сложившейся деформации. Однако ситуация сложнее, чем можно было бы предполагать еще 5—6 лет назад. Она и по существу сложнее, чем 5—10 лет назад. Сейчас она обозначается все более отчетливо, и это вселяет надежду, что ее в конце концов можно будет подвергнуть реалистическому анализу.

Уже сейчас видно, что дело не в обычном для истории естественном различии «отцов» и «детей» во вкусах, тенденциях, способах создания культурных ценностей. Оно всегда существовало, то ослабляясь, то обостряясь под воздействием определенных социальных, экономических и политических факторов. Годы застоя, стагнации сменились бурным обновлением, которое захватило и сферу культуры, и сферу быта, но это пока не только не привело к ликвидации культурного обособления поколений, а, пожалуй, еще явственнее выявило его. С еще большей силой обозначилось стремление некоторых слоев молодежи всячески его подчеркивать и настаивать на нем (ср. отношение к «молодежной субкультуре» и тенденцию распространить ее не только на 18—20-летних, но и на 25—30—35-летних). Это различие охватывает не только определенные участки культуры в собственном смысле этого слова, но и все больше проникает в сферу быта (общественное и внутрисемейное поведение, одежда, музыка, танцы и т. д.).

Ситуация представляется особенно серьезной, так как для самых различных вариантов «молодежной субкультуры» характерны не только разрушение действительно отживших стереотипов, но и потеря ясной и осознанной нравственной, эстетической и этнической ориентации. Это следует подчеркнуть, поскольку в печати стала обычной оценка «молодежной субкультуры» (например, музыки и танца) как естественной смены стилей, жанров, языка искусства. Однако это не так, и, к сожалению, далеко не так. Нельзя не отметить положительной стороны ши-

¹ Впрочем, не следует преувеличивать однородность современных форм массовой культуры. Так, в конце 70-х — начале 80-х годов было обнаружено, что в Ленинграде в парке Челюскинцев по субботам собираются мужчины и женщины среднего возраста и поют фольклорные песни (наблюдения Г. Г. Шаповаловой). В начале 80-х годов В. С. Бахтин разыскал в Ленинграде рабочего завода, казака по происхождению, Д. И. Карагальского, прекрасно исполнявшего не только доские песни, но и былины. Последующие обследования, проведенные в его родной станице, показали, что его земляки не помнят уже ни тех, ни других.

рокого развития рок-групп и ВИА (вокально-инструментальных ансамблей) — это, несомненно, отражение поиска того, в чем можно выразить себя творчески, быть не только потребителем, но и творцом культуры (словесный текст, музыка, вокал)². При жесткости структуры массовой информации, которая существовала в годы застоя, все это более чем понятно.

Вместе с тем, бурное скачкообразное возникновение сотен новых рок-групп и ВИА не означает простого следования старым традициям джаза, оно повлекло за собой обесценивание мелодического начала музыки, сверхъестественное напряжение ритмов, резкое усиление громкости звучания, т. е. по существу деструкцию гармонического начала, которое было выработано сотнями лет развития музыкальной культуры, как народной, так и профессиональной. Ставка на невротическое взвинчивание и эмоциональный шок приводит к тому, что такая музыка не благоустраивает и не обогащает человека, а опустошает его (это отмечалось и физиологами). Одновременно до предела развивается дилетантское подражательство, усреднение исполнительской манеры и, что особенно существенно, выветривание этнических традиций (ср. даже «русский рок», не говоря уже о «тяжелом металле», «ретро» и т. д.).

«Дискотеки» (т. е. вечера танцев и слушания музыки), «тусовки» (уличные встречи полужнакомых людей), молодежные кафе, клубы силовых тренировок (типа люберецких) мотивируются их участниками жаждой неформального общения. Однако, как правило, участники их лучше знают, чего они не хотят и что отвергают; позитивные мотивы часто отсутствуют или весьма наивны или примитивны. Между тем они, отрывая молодежь (какую-то ее часть) от семейной рутины, одновременно отвлекают ее и от участия в «нормальном» функционировании различных форм культуры (книги, театры, концертные залы, не отданные на откуп рок-группам, кружки самодеятельности — фольклорные и нефольклорные, даже кино и телевидение), способствуют дальнейшему растеканию культуры вширь, уплощению, потере объемности, разнообразия, стереофоничности. Мы, несомненно, присутствуем при ярко выраженном явлении культурной энтропии.

Рок-группы и их музыка, манера сценического поведения (вульгарноватое ритмическое подергивание) становятся все более безнациональными, однообразно безличными. Такие «старые» ансамбли, как грузинский «Ореро» или белорусский «Песняры», тонут среди сотен похожих друг на друга полупрофессиональных или вовсе непрофессиональных ВИА. Это очень выразительно показали всесоюзные фестивали в Юрмале. Не случайно в русских ВИА модно так произносить текст, что не сразу можно угадать, каким языком (русским? английским? еще каким-нибудь?) пользуются певец или певицы. Характерная для русского языка и русской песенной традиции естественная речевая интонация деформируется. Она столь же оторвана (и тоже не случайно) от традиционных форм, как и распространенная манера поведения на улице, на концертах, в общественных местах и т. п.

Ситуация усугублена тем, что длительное время многие формы «молодежной субкультуры» находились под запретом. Печальный опыт убедительно свидетельствует: запретами ничего не исправишь. Ситуация становится только еще более запутанной. Необходима продуманная, тактичная и разносторонняя социальная педагогика, тщательно разработанная программа приобщения детей и молодежи к классическому и современному высокопрофессиональному искусству, включая традиционные и народные его виды. Например, если говорить о профессиональной музы-

² Кстати, совершенно неоправданно стремление некоторых журналистов, радиоведущих и телекомментаторов объявить творчество рок-групп новым фольклором. Это массовая форма музыкальной и вокальной культуры, совершенно иная по своему происхождению, функциям, стилю, содержанию и т. д.

ке, то творчество С. С. Прокофьева, Д. Д. Шостаковича, Г. В. Свиридова, А. Г. Шнитке, В. А. Гаврилина, Б. Бартока, Д. Гершвина, Б. Бриттена и других, не менее современно, чем рок-музыка. Это любителям рока, как правило, просто неизвестно! Атрофировано умение воспринимать разные музыкальные жанры и стили, а не только эстрадные (они якобы только и есть современные!).

Как в целом неформальные объединения молодежи («неформалы», «система», «пиплз», «кришнаиты» и т. д.), так и рок-группы и ВИА должны быть систематически и специально изучены в идеологическом, социологическом, культурологическом (этнографическом) аспектах. Недавнее совещание при Академии педагогических наук это ясно показало. Только в таком случае возможно рассчитывать на тактичное и разумное воздействие на эти движения. Теледискуссии и «круглые столы» делают весьма нужное дело, но нельзя не сказать о том, что это — только импровизации разной ценности, а не создание научного представления об этих явлениях. Следовало бы создать междисциплинарную комиссию, которая занялась бы систематическими исследованиями всей этой проблемы в целом.

Несмотря на многолетнее обсуждение проблем эстетического воспитания детей, школа не готовит достаточно культурного читателя, слушателя, зрителя. Подчеркнем, что это не только эстетическая, но и нравственная и общекультурная проблема. Из всех искусств только литература занимает относительно более прочное место в программах средней школы. Однако и она все более теснится другими предметами. Даются обрывки литературы XIX в. и советской литературы; древняя русская литература и русский фольклор по существу выпали из программ русской школы.

В последние годы возникло и успешно развивается общественное движение в защиту памятников культуры, за их выявление, постижение и восстановление. Сделано уже много и, видимо, будет делаться еще больше. Характерно возникновение ряда общественных организаций, берущих на себя заботу о той или иной сфере общественной жизни и культуры (Общество охраны памятников, Советский фонд культуры, «Милосердие», Детский фонд и т. д.), и рядом с этим как уродливое отражение этих же процессов — националистической и шовинистской, антиинтернационалистской организации, присвоившей себе название «Память». Психологическая, социальная и политическая вредность такой организации должна быть четко осознана. В нашей многонациональной стране концепция развития каждой национальной культуры должна быть открыто и разумно согласована с общесоветскими интересами, взаимосвязями и взаимоотношениями. Вопрос это далеко не простой, особенно если учесть падение доли лиц, пользующихся для своих производственных, общественных и культурных потребностей языком своей национальности, которое наблюдается в ряде союзных и автономных республик.

Субъективные и объективные причины, которые порождают вспышки национализма в республиках, а также великорусского шовинизма, должны быть тщательно проанализированы. Субъективные причины подобного рода явлений требуют конкретного анализа отдельных «случаев» и специфических ситуаций, сложившихся в каждой республике, области, районе, городе. Объективные же причины имеют, видимо, более общий характер. Коснемся некоторых из них только в связи с общими проблемами развития культуры.

В современном мире, как на социалистической, так и на капиталистической основе, развивается закономерный и неотвратимый процесс интернационализации экономики, а вслед за ней науки, культуры и других жизненных сфер. Этот процесс неизбежно вызывает своеобразную реакцию, принимающую разную форму (ранимость, напряжение, взрыв и т. д.) в зависимости от конкретных социальных, политических и этни-

ческих ситуаций, существующих в разных странах. Это обстоятельство надо иметь в виду не только для того, чтобы не делать ошибок, но и для того, чтобы вполне естественный процесс не приводил к конфликтам и даже просто к искусственному обострению национального самосознания. Культура — одна из наиболее чувствительных сфер, в которой это может случиться и подчас случается.

Концепция развития культуры каждого из советских народов может быть достаточно убедительной только в том случае, если она сопрягается с общесоветской концепцией развития культуры, учитывает ее многонациональность, сложные взаимные связи и отношения культуры различных народов между собой, бикультуризм национально-смешанных семей, процент которых в отдельных районах колеблется от 8 до 40. Не касаясь конкретных проблем, которые существуют в отдельных республиках, остановимся на некоторых из этих проблем, связанных с современной русской культурой.

Создалось парадоксальное положение. Русская культура и ее деятели (писатели, художники, музыканты, ученые, инженеры, хозяйственники и т. д.) на всех этапах существования Советского государства активно содействовали развитию культуры национальных республик, пропагандировали ее, работали рука об руку с деятелями культуры других наций и народностей. В то же время русская культура постепенно сама оказалась в менее благоприятной ситуации. Так, следует со всей решимостью констатировать, что в целом состоянии памятников культуры в РСФСР, особенно памятников русской культуры, далеко отстает от положения в других союзных республиках. Об этом в последние годы писалось так много, что здесь нет смысла перечислять разрушающиеся памятники.

Значительно отстает и музейное дело. Так, в Эстонии есть музей Л. Койдулы, в Латвии — музей А. Бригадере и многие другие, что не может не вызывать всяческого одобрения. Обе поэтессы сыграли значительную роль в развитии своих национальных литератур. Между тем, только сравнительно недавно были открыты в Ленинграде музеи таких писателей, как Ф. М. Достоевский и А. А. Блок. Все еще нет музеев А. А. Ахматовой, М. И. Цветаевой, Б. Л. Пастернака. В Ленинграде нет музеев М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. В. Гоголя. В Москве нет музея Аксаковых, А. Т. Твардовского, С. Я. Маршака и т. д. и т. п. Нет русского этнографического музея (а только небольшая экспозиция в Музее этнографии народов СССР в Ленинграде) и общерусского этнографического музея на открытом воздухе (типа украинского музея под Киевом, латышского под Ригой, эстонского под Таллином и т. д.). Москва — едва ли не единственная столица европейского государства, в которой нет этнографического музея (Музей декоративно-прикладного и народного искусства и Музей игрушки его не способны заменить).

Недостаточно делается и в других сферах культуры для того, чтобы традиции русской культуры (как народной, бытовой, так и профессиональной) активно воспринимались как детьми, так и подростками и взрослыми. Так, мы располагаем, например, прекрасными академическими собраниями сочинений многих классиков (хотя до сих пор нет современного академического комментированного собрания сочинений А. С. Пушкина, оно должно быть теперь издано только к 1999 году — к 200-летию со дня рождения поэта). Издаются и отдельные произведения, предназначенные для массового чтения. Правда, тиражи их, как правило, занижены. К сожалению, нельзя, придя в любой книжный магазин, купить необходимые каждому читателю книги А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева, Н. А. Некрасова, А. А. Блока, С. А. Есенина или наиболее замечательных писателей нашего времени — В. Распутина, Ю. Трифонова, Ф. Абрамова, Д. Гранина и др. Необходимо увеличивать тиражи (что по-

высит и самоокупаемость книгоиздательского дела) с тем, чтобы каждый книжный магазин располагал, кроме текущей литературы, обязательным набором необходимых книг как классической, так и современной русской литературы. Совершенно недостает также по-настоящему хороших популярных книг по русской истории и истории культуры, которые вытеснили бы из сознания читателей историческое чтиво, поставляемое в магазины и на «черный» рынок В. Пикулем и некоторыми другими подобными сочинителями.

Казалось бы, издается довольно много популярных книг по русскому фольклору, особенно сборников русских сказок. Однако и их не хватает. Вот один лишь пример. В 1984 г. был издан трехтомник «Русская народная поэзия» тиражом 200 тыс. экземпляров. Он разошелся за несколько дней. Русские фольклористы до сих пор не осуществили издание критического современного академического свода русского фольклора, в отличие от фольклористов, например, Украины, Белоруссии, Мордовии и некоторых других республик. Необходимы совместные усилия Госкомиздата, Академии наук СССР, Союза писателей СССР и Союза композиторов СССР для скорейшего издания запланированной 50-томной академической серии «Свод русского фольклора», в которой будет по современным текстологическим правилам переиздан и прокомментирован основной фонд русского фольклора, составляющий огромную культурную ценность, великое культурное наследие русского народа. Такой многотомный свод должен пополнить фонд основных библиотек страны и вместе с тем явиться основой для популярных изданий, ликвидировать царящую в этом деле кустарщину. Еще одно примечание — песни должны издаваться не в их словесной форме и даже не только с мелодическими примерами, а с вкладными долгоиграющими пластинками, как это делается во многих странах. Популярная 15-томная серия, недавно объявленная, подобных задач явно не выполнит. В то же время и этот план следует приветствовать.

Можно привести один вполне бытовой пример: когда собираются под одной крышей представители разных народов СССР, оказывается, что грузины, армяне, украинцы, литовцы и т. д. помнят и поют свои народные песни, т. е. почти все поют, кроме русских. Кроме естественных потерь (прогресс всегда в какой-то мере сопровождается ими), явно теряется то, что могло быть и должно было быть сохранено. Нечто подобное происходит и в других сферах традиционной культуры. Этнографические серии, которые издавались в последние десятилетия («Народы мира», «Страны и народы», том «Восточные славяне. Очерки традиционной культуры» и др.), все-таки не выполняют задачи широкой популяризации русских этнокультурных традиций.

Многотомное и хорошо продуманное издание русского этнографического свода могло бы лечь в основу серии популярных книг о русской традиционной культуре — материальной (хозяйственные навыки и орудия труда, архитектура, ремесла, одежда, пища, народное искусство), духовной (фольклор, народная музыка, в том числе и инструментальная, обряды, народный театр и т. п.), о социальной организации (семья, община и другие первичные группы), о народной этике и т. д. В подобном издании должны быть не только описаны, но и оценены достижения народной культуры прошлого — формы продуктивные и исчерпавшие себя (но много в свое время давшие), перспективные и тупиковые, явления бессмертные и негативные, оценена роль этнических традиций для современной русской культуры.

Все это необходимо не только для углубления современной культуры самых различных слоев нашего общества, но и для текущих потребностей. Полное или почти полное отсутствие курсов народной традиционной архитектуры в архитектурных и вообще в художественных вузах приводит к дурному и безвкусному стилизаторству при проектировании

птерьеров туристских центров, общественных зданий, ресторанов, кафе и т. д. Одежда современных фольклорных ансамблей, даже профессиональных, ниже всякой критики. С купеческим шиком расшитые золотом мужские рубахи ничем не мотивированы, так же, как фантастические «шикарные» девичьи сарафаны и кокошники, они — плод полуграмотного воображения художников, не знающих этнографической литературы, не похожи ни на крестьянскую, ни на купеческую, ни на боярскую одежду прошлого. Дело дошло до того, что даже такой знаток деревенского быта, как В. Белов, пишет, что масленица была после Великого поста³, хотя общеизвестно, что «масленой» называлась последняя неделя перед Великим постом.

Одним словом, для того чтобы отнестись к достижениям народной культуры прошлого (включая народное жилище, народное искусство, фольклор и т. д.), как к памятникам культуры, как они того заслуживают, нужна не только перестройка в сфере школьного и вузовского образования, издательского дела, сценического искусства, но и создание надежной научной основы, обобщение необходимых сведений в капитальных научных изданиях, на которые должны быть выделены фонды бумаги, типографские возможности, специальные ставки, ибо современные кадры профессиональных этнографов и фольклористов немногочисленны и сосредоточены в основном в Москве и Ленинграде. При современных условиях столь необходимое дело может быть растянуто на десятки лет и потеряет свой смысл.

³ Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М. 1982, с. 221.

ПИСЬМА АННЫ МИХАЙЛОВНЫ ПАНКРАТОВОЙ

В последние годы наша общественность стала получать информацию о тех событиях и явлениях в истории нашей Родины, которые именуются «белыми пятнами». Но мало кто знает, что своеобразные «белые пятна» имеются и в истории самой советской исторической науки. В частности, лишь узкий круг исследователей старшего поколения что-то слышал о совещании историков в ЦК ВКП(б), которое проходило в мае — июле 1944 года. Факт сам по себе уже знаменательный: видные партийные деятели в напряженный момент подготовки на фронте Белорусской наступательной операции нашли время для встречи с представителями исторической науки. Созыв совещания был связан с обращением к секретарям ЦК ВКП(б) чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратовой (с 1953 г. — академик). Этому предшествовал ряд обстоятельств.

В 1941—1943 гг. Панкратова вместе с частью Института истории АН СССР была эвакуирована в Алма-Ату и включилась там в научную жизнь Казахской ССР. Результатом совместных усилий местных и приехавших ученых явилось создание «Истории Казахской ССР»¹ — первого обобщающего труда по истории республики. Появление такой работы, да еще в военную пору, явилось крупным событием научной жизни. Полагали, что книга сможет послужить своего рода образцом при подготовке аналогичных трудов по истории среднеазиатских союзных республик.

Панкратова вложила в создание книги много сил. Она написала в ЦК КП(б) Казахстана письмо, в котором изложила важнейшие установки для написания «Истории Казахской ССР»² и тем самым взяла на себя ответственность за научное и идейное содержание книги. По выходе работы в свет ее выдвинули на соискание Сталинской премии. Но последняя не была присуждена. Панкратова, естественно, тяжело переживала случившееся. Отказ от премирования она связывала с отрицательной рецензией чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлева, представленной в историческую секцию Комитета по Сталинским премиям, а также с якобы предубежденным отношением лично к ней акад. Е. В. Тарле, с которым у нее сложились натянутые отношения еще со времени работы в ленинградском филиале Института истории РАН ИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов). Кстати, поскольку в публикуемом документе Тарле подвергается суровой критике, нелишним будет сказать, что историк, возраст которого тогда приближался к 70 годам, был изрядно издерган предъявлявшимися ему ранее мало-корректными научными и несправедливыми политическими обвинениями³.

¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. — Алма-Ата. 1943.

² Архив АН СССР, ф. 697, оп. 3, д. 39, л. 6об.

³ См. Троицкий Н. А. Евгений Викторович Тарле (1875—1955) — Историкографический сборник, Саратов, вып. 6, 1977, с. 45—47.

Предполагая, что всему виной недоброжелательность отдельных лиц. Панкратова обратилась за содействием к руководителям партии, но в своих обращениях ставила вопрос шире личной обиды. По ее мнению, «среди работников идеологического фронта появились тенденции, с которыми никак нельзя согласиться, ибо в основе их лежат полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание под флагом патриотизма самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области истории, отказ от классового подхода к вопросам истории»⁴. И она просила помочь разобраться в вопросе, «поскольку война требует ясности, принципиальности и твердости не только в политике, но и в пропаганде, а в последней — история в условиях войны занимает важное место»⁵.

Настойчивость Панкратовой победила. Сөвещание историков началось 29 мая 1944 года. Провели несколько заседаний. На них был затронут широкий спектр сложных вопросов, не все из которых решены и теперь, когда движение научной мысли активизируется. Критические высказывания участников совещания в адрес Панкратовой были использованы в рецензии⁶ и постановлении ЦК КП(б) Казахстана от 14 августа 1945 г. «О подготовке второго издания истории Казахской ССР»⁷. Институту истории АН СССР начали оказывать больше внимания. При первой же возможности в нем увеличили штаты научных сотрудников, организовали новый сектор — по истории СССР XIX — начала XX века. Расширилась аспирантура, главным образом за счет прикомандированных из союзных республик.

Важным позитивным результатом совещания явился постепенный отход от сталинской трактовки истории присоединения новых народов к общей российской территории как «наименьшего зла». Во-первых, возникло понимание того, что оценка факта присоединения любой страны к другой должна исходить из объективного значения этого события для ее судеб. Во-вторых, поняли, что эта формула не подходит к истории народов, присоединившихся добровольно, отчетливо сознавших всю выгоду данного шага.

Панкратова осталась не совсем довольна результатами совещания. С одной стороны, ее противники победы не одержали. Но с другой — никто из секретарей ЦК не выступил с их осуждением, не отменил критику в ее адрес. И вот, имея перед собой стенограммы заседаний, копии своих писем в ЦК ВКП(б), стенограмму доклада Тарле на Ученом совете Ленинградского университета «О роли территориального расширения России в XIX—XX вв.», Панкратова принялась за написание «Записки о моих впечатлениях и выводах по поводу совещания историков в ЦК ВКП(б)». Получилось обширное сочинение. Ныне оно с отрывками стенограммы совещания, с текстом указанного доклада Тарле и некоторыми другими материалами находится в Архиве АН СССР в папке «Материалы совещания историков в ЦК ВКП(б), июнь 1944 г.»⁸. Документы, в нее вложенные, выполнены на некачественной бумаге военной поры и вот-вот развалятся окончательно, поэтому дело практически на руки исследователям не выдается.

Там же находится переложенный бумагой документ, который те, кто сдавал и принимал архив Панкратовой на государственное хранение, не знали, как озаглавить. Сначала он значился как «Доклад А. М. Панкратовой». Нелепость такого названия при знакомстве с текстом бросает-

⁴ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 3, д. 39, л. 3 (из письма А. А. Жданову).

⁵ Там же, лл. 8—8об.

⁶ Морозов М. Об «Истории Казахской ССР». — Большевик, 1945, № 6.

⁷ Постановление изложено в кн.: История Казахской ССР. Изд. 2-е. Т. I. Алма-Ата, 1949, с. 37—38.

⁸ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146.

ся в глаза. Тогда первоначальное название зачеркнули и написали «Записка неустановленного лица о совещании (пересказ письма А. М. Панкратовой)». Очевидно, отсутствие первых двух листов документа затруднило его атрибуцию. Документ представляет собой сокращенный вариант «Записки о моих впечатлениях»: опущены второстепенные подробности. Аналогичный экземпляр документа имелся у А. В. Фохт — кандидата исторических наук, доцента, которая была другом Анны Михайловны (они жили в одном подъезде дома 16/20 по Зубовскому бульвару) и соавтором ряда работ.

Фохт предоставляла историкам возможность ознакомиться с этим документом, в частности, им пользовался Е. И. Чапкевич⁹. Она сообщила, что документ написан самой Панкратовой; которая именовала его «Письма к друзьям» и давала читать своим единомышленникам. По просьбе коллег Фохт, работавших с нею в Московском заочном педагогическом институте, с писем Панкратовой было снято несколько копий.

Документ публикуется с экземпляра Фохт, сверенного с архивным в той части, где это возможно было сделать. Он интересен тем, что дает представление об историках 40-х годов, об их взглядах, суждениях, поведении, а через них и о времени. Документ — свидетельство того, что при И. В. Сталине родилась и развивалась тенденция брать на себя ответственность за внешнюю политику царизма, и, исходя из ложного понимания патриотизма, извращались ее оценки. Письма свидетельствуют также о том, что гиперкритика национального прошлого, которая была свойственна некоторым представителям советской исторической науки 20-х — начала 30-х годов в их борьбе с традициями русской дореволюционной историографии, в условиях войны, усиления культа личности и связанных с ним явлений породила ответную реакцию, вылившуюся в подобие русофильства. Все это дает представление о сложном пути развития нашей исторической науки на том этапе.

Разумеется, публикуя документ, редакция не берет на себя ответственность за точность передачи Панкратовой всех деталей совещания. Ее оценки и характеристики участников совещания достаточно субъективны. Но и сама эта субъективность представляет интерес для исследователей, в ней нашла выражение позиция одной из спорящих сторон.

Публикацию текста и комментарии к нему подготовил Ю. Ф. Иванов.

15.VI.1944 г.

Дорогие друзья!

Пишу Вам из нашего санатория «Узкое», где я намереваюсь недели две отдохнуть. Устала до последней степени — морально и физически. Немалую роль в моем крайнем переутомлении играет та идейная борьба на историческом фронте, которую мне больше чем кому другому приходится выдерживать за последние месяцы. Основные этапы этой борьбы Вы знаете. Сейчас мы, очевидно, подходим, в известной мере, к заключительному этапу, так как вопрос в целом перенесен в ЦК ВКП(б).

29 мая начались совещания в ЦК под непосредственным руководством секретарей ЦК. Председательствует тов. Щербаков, присутствуют (но не всегда оба) — гг. Андреев и Маленков.

Из историков присутствуют почти все наши виднейшие историки — партийные и беспартийные. Нет только акад. Тарле. Он почти перед самым совещанием уехал в Грузию на все лето — читать лекции и от-

ИВАНОВ Юрий Федорович — кандидат исторических наук, доцент.

⁹ Чапкевич Е. И. Евгений Викторович Тарле. М. 1977, с. 106.

дышать на курорте. Это, конечно, жаль, так как нет, собственно, главного «виновника торжества». Все остальные, разделяющие его точку зрения,— не самостоятельные голоса, а только подголоски. Расскажу Вам все, однако, по порядку.

Внешним поводом дискуссии явилась книга «История Казахской ССР», но она только заставила громко сказать то, о чем раньше говорилось глухо.

Рецензию проф. Яковлева на эту книгу Вы знаете. Это была первая попытка изложить «новую концепцию» (вернее, вернуться к давно разбитой старой, великодержавнической, реакционно-монархической концепции).

Вслед за этой рецензией последовала лекция Тарле в Саратове на тему «О роли территориального расширения России в 19—20 вв.». Основной его политический тезис довольно оригинален. «Если,— говорил он,— мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, то потому, что одним из решающих факторов нашей победы являются обширные пространства. Поэтому нельзя говорить о тех, кто завоевывал эти пространства, как о каком-то недоразумении».

И акад. Тарле говорил в своей лекции, прочитанной на Ученом совете ЛГУ в марте 1944 г., о тех, «кто завоевывал пространства», с величайшим уважением, а о народах, которые были подвергнуты завоеванию, с грустным сожалением, что они оказывали сопротивление завоеванию: «Разве можно оплакивать тот факт, что горцы теперь живут под солнцем Сталинской конституции, а не под имамом Шамиля?». Такова своеобразная аргументация, вернее, трюк, к которому прибегает историк Тарле, в каких-то целях переворачивающий самый подход к истории с ног на голову. «Диалектика (!),— говорит он далее,— требует, чтобы мы к истории подходили с точки зрения 1944 года!».

Покровский с его тезисом, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое»¹⁰, был невинным младенцем по сравнению с этим новым «диалектиком»! Хорошенькая бы у нас была наука, если бы мы пересматривали все исторические оценки каждый год с точки зрения политических событий данного года!

Но все эти политические и теоретические трюки понадобились Тарле только для того, чтобы показать в лекции на примере Кавказа, Ср[едней] Азии, Казахстана, Польши и Финляндии, что царская политика в отношении этих стран была не завоевательной и агрессивной, а диктовалась интересами обороны России и самих этих стран, которые к тому же приобщались к более высокой культуре.

Тарле повторял трюк Яковлева, во-1, спутывая политику царизма и объективный результат развития капитализма, и, во-2, сливая интересы царизма и русского народа. Таким образом, у него получается, что те народы, которые ныне живут под солнцем Сталинской конституции, должны благодарить за это... русских царей, которые их завоевывали и колонизовали. Ничего более вульгарного, антиисторичного и противоестественного я не могу себе представить, чем то, что нагородил в своей лекции этот академик. А так как он, конечно, не столь наивный и неграмотный, то, значит, в этой «концепции» есть свой умысел. Весь вопрос в том, какой именно?

В другой своей лекции в том же Саратове, посвященной истории русской дипломатии, раскрывается, в известной степени, и смысл всех этих антиисторических фокусов.

¹⁰ Данного тезиса в работах Покровского нет. Он был приписан историку недобросовестными оппонентами, вырвавшими из контекста мысли ученого и произвольно их истолковавшими, но до конца 50-х годов имел широкое хождение (см. Чернобаев А. А. М. Н. Покровский — ученый и революционер.— Вопросы истории,

В этой лекции Тарле ставит своей целью реабилитировать внешнюю политику русского царизма в 19 веке. Он говорит, что «замечания» Сталина, Кирова, Жданова о том, что «Царизм — жандарм Европы», — это «легенда, которую надо рассеять; более того, это шоры, мешающие развитию исторической науки». Это всё — его дословные выражения, в излюбленном им энергичном стиле! Оправдывая всю колониальную и внешнюю политику царизма в XIX веке, Тарле, конечно, с осуждением говорит о национально-освободительных восстаниях вообще и о польских восстаниях в частности. Он считает ошибкой Александра I, что он дал Финляндии конституцию и при этом добавляет, что за эту ошибку наши красноармейцы расплачиваются теперь кровью». >

Самое курьезное в этих рассуждениях историка, что он упрекает Александра за ошибку, допущенную им в отношении Выборга, будто бы Александр I должен был предвидеть, что Выборг явится опорным пунктом обороны советского Ленинграда от буржуазной Финляндии. Можно только указать, что Тарле забывает еще одну «ошибку» Александра I, что он по Тильзитскому договору признал Пруссию, за что мы еще больше расплачиваемся.

В таком стиле все содержание обеих упомянутых лекций. Я еще не знала об этих лекциях, когда писала мои письма секретарям ЦК, но факты, которые я приводила в них, шли по той же линии. Поэтому в моем последнем письме в 20 страниц на имя тт. Сталина, Жданова, Маленкова и Щербакова я просила созвать нас, историков, и побеседовать с нами, чтобы помочь людям правильно ориентироваться в основных вопросах истории.

Как видно, мое письмо (вернее, ряд моих писем к разным секретарям, а последнее — ко всем) обратило на себя внимание. На первом совещании 29.V, которое открыл тов. Маленков, он сказал, что ЦК обсудил этот вопрос и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы, а затем выработать принципиальные установки для всех историков. Такова цель нашего совещания. Как бы там ни было, уже одно это — факт замечательный! Надо полагать, что он будет иметь колоссальное значение для всего развития нашей исторической науки. То, что отдельных из нас крепко поправят, будет полезно всем, а не только этим тт.

Теперь перейду к краткому содержанию и оценке выступлений отдельных историков на этом совещании.

Выступления историков начались 1 июня. Первыми выступили Бушув, Аджемин, Панкратова и Нечкина¹⁴. Первые двое представляли позицию, разделяемую Тарле, а вторые — решительно против нее возражали.

Бушув ныне нач[альник] Высшей дип[ломатической] школы (до этого 10 лет был науч[ным] сотрудником и ученым секретарем Ин[ститу]та истории Академии Наук) начал свою речь с крайне неумной демагогии. Он обвинял всех и вся. Он кричал, что у нас нет никакой исторической науки, что историки ничего не делали и не сделали, что они не выполнили указаний тов. Сталина по вопросам создания гражданской истории, что они не развернули плодотворных дискуссий и т. п. Тон его речи был настолько демагогическим, а содержание настолько беспредметным, что т. Щербаков прервал его и сказал, что, если мы в таком стиле будем вести наше совещание, то надо заранее считать его провалившимся. Он попросил его высказаться по существу принципиальных исторических вопросов.

¹⁴ Бушув Семен Кузьмич (1906—1958) — доктор исторических наук, профессор (1941); Аджемин Хорен Григорьевич (1909—1968) — поэт, публицист; Нечкина Милица Васильевна (1901—1985) — доктор исторических наук, профессор (1935), академик (1958).

Тогда Бушуев перешел к своему выступлению в Институте на редколлегии II тома учебника для вузов по истории СССР, где он выступал с реабилитацией колониальной и внешней политики царизма, в частности, деятельности и роли Аракчеева и Каткова.

Это выступление наделало много шума. Все стали говорить, что Бушуев заявил все эти «новости» не от своего имени, а ссылаясь на свою «осведомленность» и ориентированность. На совещании Бушуев объявил, что его выступление исказили, что он после заседания изложил свои тезисы в письме и требует считаться только с этим письмом, а не с устной передачей его речи.

Его попросили (из зала) сказать о своих взглядах по существу. Он начал с большим количеством оговорок, а по сути пришел к тому же: нельзя царскую Россию рисовать только «черной краской», не вся ее внешняя политика была реакционная. Аракчеев не один прогнал сквозь строй, польская и славянская политики Каткова не были уж так неправомерны, надо к ним отнестись более объективно и т. д.

Бушуев не преминул заявить, что «История Казахской ССР» — книга антирусская, так как она идеализирует национальные восстания против России. Он демагогически и подчеркнуто заявил, что, видимо, не случайно такая книга вышла так быстро, когда обычно такие толстые книги выходят через несколько лет после написания.

После Бушуева выступил Аджемян. О нем я упоминала, как и о Бушуеве, в моем письме в ЦК ВКП(б). Что это за фигура, я точно не представляю себе. Он член Союза писателей, философ по образованию, историк по наклонностям, поэт-переводчик по специальности, армянин по национальности. Он прислал к нам в «Исторический журнал» свою статью на тему «О социальной сущности кавказского мюридизма». В этой статье, как и в лекциях Тарле, все было поставлено на голову и в том же направлении. Это была статья, в которой вопрос о мюридизме был только на самом последнем плане. На первом плане подчеркивалось, что классовая борьба в истории устарела, что слова первой строфы гимна о «Великой Руси» надо толковать так, что царская Россия объединила все народы и принесла им прогресс и культуру. Он подчеркивал, что Пугачев и другие вожди народных движений реакционны, так как разрушают государство, а Екатерина II и другие цари более прогрессивны, так как они укрепляли и расширяли государство.

Вместо выступления Аджемян зачитал значительную часть этой своей статьи, излагающую весь этот бред. Чтение продолжалось свыше часа. Впечатление было неотразимое. Собравшиеся не верили своим ушам и глазам. В президиуме молчали и внимательно слушали.

После этих двух ораторов выступила я. Моя задача была значительно облегчена. Мне не надо было на них ссылаться, их цитировать и критиковать, как я это сделала в своем письме. Я могла вообще не повторять содержание моего письма, а дополнить его новыми фактами, а главное — дать им принципиально-теоретическую и политическую оценку. Это я и сделала. Стенограмму своего выступления посылаю Вам.

Само собой разумеется, мне пришлось значительную часть моего выступления посвятить «Истории КазахССР». Я не могла злоупотреблять так временем, как это сделали Бушуев и Аджемян, которые говорили вдвое больше, чем полагалось, и говорила почти в пределах регламента, минут на пять больше.

Поэтому я могла остановиться только на принципиальных вопросах. Я очень решительно подчеркнула, что книгу по казахской истории надо было бы обсудить специально, между тем на совещание не был приглашен ни один из ее авторов.

Тов. Щербаков проявлял к этой части моего выступления большой интерес и задал мне вопросы, из которых я могла судить, что он книгу читал и что он... разделяет (или интересуется) вопросом о «наименьшем зле».

После меня выступила М. В. Нечкина. Она сначала поставила ряд вопросов, которые волнуют историков, но на эти вопросы она никаких ответов не дала. К таким вопросам она отнесла и вопросы по истории Русского государства, и по истории войн и внешней политики царизма, и по истории колониальных завоеваний и национально-освободительных восстаний, и по истории культурных влияний и т. п.

По последнему вопросу она попыталась дать нечто свое. По мнению М. В. Нечкиной, история русской культуры отражает лучше всего процесс формирования русской нации и ее идейную самостоятельность. Затем она попыталась поставить в связь вопрос о русской нации с вопросом о советском народе как новом качестве, сложившемся в условиях бесклассового социалистического общества. Эту связь я уловила плохо, у меня представление, что и сама М. В. тоже плохо ее представляет себе.

Вторую часть своего выступления она посвятила «разносу» Бушуева, который сделал против нее ряд выпадов. Нечкина сделала это, как потом говорили, «со злым изяществом». Она разоблачила его фокусы и оговорки метко и беспощадно. «Показала голеньким, освободив от последнего фигового листка!», — говорили остряки.

Слушая ее разоблачения, которые она делала очень спокойно, почти без комментариев цитируя по своей записной книжке выступление Бушуева на том совещании редколлегии, где она была председателем, Бушуев разбушевался, кричал с места, что это ложь, но Нечкина продолжала его цитировать спокойно и невозмутимо, не реагируя на его крики, а только показывая, что скрывалось под голыми перечислениями тех вопросов, которыми Бушуев позже ограничился в своем письме, которое он теперь попытался противопоставить своему выступлению.

Получилось, что Аджемян и Бушуев — родные братья по установкам. Бушуев заявлял (как и Аджемян), что «историки слишком шли на поводу у революционного движения» и недостаточно «объективно» относились к Аракчееву и Каткову. В отношении последнего он особенно одобрительно отнесся к его антипольской позиции: «Я бы и сейчас выпустил против Польши десять катковых». Нечкина сказала, что эти слова показали Бушуеву особенно остроумными, и он повторил их раза два.

Разоблачающая, но спокойно-деловитая речь Нечкиной произвела на присутствующих историков очень большое впечатление, которым они делились друг с другом все последующие дни.

Следующее заседание было 5.VI. На этом заседании выступали чл.-корр. Бахрушин, Сидоров, Рубинштейн, Сыромятников и Минц¹². Бахрушин подчеркнул большое значение для историков «Замечаний» Сталина, Кирова, Жданова, которые были большим этапом в развитии советской исторической науки. Они были толчком к громадному подъему, открывали новые пути, возможность выбора любой темы, требовали отказа от упрощенности и схематизма. В условиях Отечественной войны круг тем расширился. В особенности на должную высоту поставлена историческая роль русского народа. Но здесь не хватает историкам диалектики. Из признания высокой роли русского народа стали идеализировать все наше прошлое, а этого делать нельзя, не нарушая исторической правды.

Бахрушин остановился на двух вопросах, которые требуют диалектического подхода: 1) на роли государства, 2) на роли колонизации.

¹² Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) — чл.-корр. АН СССР (1939); Сидоров Аркадий Лаврович (1900—1966) — доктор исторических наук, профессор (1943); Рубинштейн Николай Леонидович (1897—1963) — профессор (1938), доктор исторических наук (1940); Сыромятников Борис Иванович (1874—1947) — доктор исторических наук (1938); Минц Исаак Израилевич (р. 1896) — чл.-корр. АН СССР (1939), академик (1946).

Покровский пренебрежительно относился к вопросу о роли государства. Мы в этом вопросе преодолели концепцию Покровского. Но до сих пор мы недостаточно конкретно разработали и оценили отдельные этапы в развитии государства, не поняли переходных моментов в его истории. Имеются попытки забыть или затушевать классовую основу государства. Отсюда идеализация Ивана IV, который представляется народным царем. Петр I был очернен «школой Покровского». Мы правильно подняли его роль. Но и у нас есть попытка (напр[имер], книга Сыромятникова¹³) представить Петра антифеодалом и антикрепостником вопреки исторической истине.

Второй вопрос — роль колонизации в русской истории. Раньше об этом было нельзя говорить. Надо было только говорить о колониальной политике царей. Но требуется более конкретно и глубоко вникать в условия царской колонизации.

Затем Бахрушин специально останавливается на вопросе о «наименьшем зле». Нельзя все присоединения объявлять «наименьшим злом». Это не общее явление. Постановление жюри распространило эту оценку только на Грузию и Украину. Что должно быть учтено при оценке присоединения как «наименьшего зла»? Для этого нужно учитывать следующие моменты: 1) присоединение без военного завоевания, 2) требования народа, 3) проблема выбора, 4) что несли завоеватели.

Напр[имер], Грузия и Украина были присоединены без завоеваний, по требованию народа, перед которым была возможность выбора. Кроме того, этот выбор меньшего из зол определялся тем, что угроза Турции или Персии означала физическое истребление Грузии, а угроза Польши несла денационализацию украинцам, которые могли быть ополячены.

Бахрушин говорил, что нельзя закрывать глаза на отрицательные стороны царской колониальной политики и замалчивать или прикрашивать ее темные стороны, ибо это будет антиисторично. Но царские завоевания способствовали капиталистическому развитию и имели некоторые объективно положительные результаты. Наша задача — не ограничиваться этикетками, а изучать историю глубоко, правдиво и документально.

В заключение он требует шире развивать нашу монографическую научно-исследовательскую работу.

Сидоров, выступивший после Бахрушина, сконцентрировал свое выступление против Тарле, но перед этим он энергично возражал Бушуеву, который огульно объявил советскую историческую науку бесплодной. Он показал, что было сделано положительного, какие новые проблемы разработаны, какие учебники были созданы и т. п. «Замечания» Сталина, Кирова, Жданова были толчком к плодотворной работе, но не все историки правильно восприняли их идейную сторону. Например, эти недостатки в идейной восприимчивости сказались и в позиции Тарле, который сделал шаг назад от этих «Замечаний» и даже стал на путь их полной ревизии.

Сидоров далее конкретно разобрал лекцию Тарле в Саратове по истории русской дипломатии, где пересматривается тезис о царизме как «жандарме Европы», а также критически разобрал II т. новой книги Тарле «Крымская война»¹⁴, в которой автор ревизует оценки классиков марксизма о поражении царизма в этой войне и изменении его внешнеполитической роли. Тарле утверждает, что царизм имел перед собой прогрессивно-историческую задачу овладения проливами, ибо «логика диктовала план овладения проливами». Затем Сидоров останавли-

¹³ Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. 1. М.—Л. 1943.

¹⁴ Тарле Е. В. Крымская война. Тт. I—II. М.—Л. 1941, 1943.

вается на замечаниях тов. Сталина на статью Энгельса и на ее истолковании в лекции Тарле.

В последней части своей речи Сидоров показывает, что историки некритически воспринимают и восстанавливают старые концепции и оценки Ключевского, Павлова-Сильванского и других буржуазных историков. Необходимо более внимательное, сознательное и активное изучение классиков марксизма-ленинизма.

Рубинштейн выступил в том же духе, что и Сидоров. Он тоже остановился на достижениях, а затем на недостатках историков и на источниках отдельных искажений в области истории. «Замечания» Сталина, Кирова, Жданова были восприняты некоторыми односторонне. Они не поняли необходимости изучать источники и более глубоко овладеть теорией марксизма в области истории. Некоторые поняли эти «Замечания», как призыв к изучению конкретных фактов, и только.

Поэтому стали говорить об освоении старого наследства, но освоение наследства старых историков сопровождалось упадком марксистской критики и слабой историографической работой.

Вот почему мы видим сильное влияние старой буржуазной историографии, которое сказывается и в стремлении идеализировать все прошлое. Эта идеализация особенно наглядно выступает в художественной литературе, например, личность Ивана Грозного и Малюты в произведениях Толстого и киносценарии Эйзенштейна. На примере работы т. Яковлева «Холопы»¹⁵ можно показать полное восстановление старой буржуазно-исторической «государственной теории» — восстанавливаются идеи и терминология Чичерина. То же можно сказать о теории сословной монархии, восстанавливаемой Сыромятниковым.

После Рубинштейна и с возражениями ему выступил проф. Сыромятников, автор книги «Регулярное» государство Петра». Сыромятников, как и Бушуев, резко напал на всех историков, что они ничего не сделали, что они плохо пользуются первоисточниками, не умеют критически подходить к ним и т. п.

Он привел примеры из статьи Базилевича в «Большевике» «Петр Великий»¹⁶, где неправильно цитируется «Табель о рангах». Затем остановился на книге Тарле «Нашествие Наполеона»¹⁷, где неверно процитирован Сперанский. На книге проф. Юшкова «Очерки по истории Киевской Руси»¹⁸, где дана неточно цитата Ленина. На книге Грекова «Киевская Русь»¹⁹, где неправильно доказывается наличие свободных и закрепощенных смердов, и т. п.

Его критика приемов исторического исследования отдельных историков носила такой демагогический характер, что А. С. Щербаков прервал его и попросил остановиться на собственной книге. Но Сыромятников ограничился тем, что его оппоненты не привели из его книги цитат, поэтому ему отвечать нечего.

Последним выступил т. Минц. Его выступление всех поразило какой-то непоследовательностью и двойственностью. Он решил взять на себя функции суперарбитра между двумя выступавшими сторонами. Он отметил две неправильные тенденции в освещении истории национального вопроса: одна — подыять на щит все, что было у народа в его борьбе с царизмом, и представить эту борьбу как прогрессивную, независимо от того, кто и почему вел эту борьбу. Эту тенденцию выражает книга «История Казах. ССР». Другая тенденция — ее представляет рецензия Яковлева на эту книгу — наоборот, чернит все прошлое этих народов.

¹⁵ Яковлев А. И. Холопы и холопство в Московском государстве XVII в. М.—Л. 1943.

¹⁶ Базилевич К. В. Петр Великий.— Большевик, 1943, № 17.

¹⁷ Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию 1812 г. М. 1938.

¹⁸ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л. 1939.

¹⁹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.—Л. 1939.

Нужен критический подход к оценке национальных движений. Энгельс в статье «Россия и Ср[едняя] Азия» не стеснялся резко оценивать эти движения.

«История Казах. ССР» — начинание ценное, но нужно к нему строго подойти, потому что это первая серьезная работа.

Затем Минц возражает против недооценки роли Абульхайныра²⁰, которого он считает дальновидным политиком. Он не согласен, что «переход каз[ахов] в подданство к России был результатом сговора» (стр. 155 кн.).

Вся вторая часть речи Минца была посвящена защите тезиса о том, что присоединение Казахстана было наименьшим злом для казах[ского] народа, но никаких фактов и материалов он для этого не привел, а заявил, что книга дает для этого достаточный материал.

Выступление Минца было воспринято всеми как полуофициальное.

Следующее заседание было 10.VI. На нем выступили Пичета, Ефимов, Яковлев, Городецкий, Греков²¹. Расстановка сил та же, что и на первых.

Пичета поставил вопросы об истории славянства и его роли, в частности, об оценке славянофилов и западников. Он заявил, что нельзя считать славянофилов реакционерами, а западников прогрессивным течением, что были различные течения среди них. Но когда он стал конкретизировать их теории, то у него получились западники реакционным, а славянофилы прогрессивным течением, так как западники недооценивали народ, переоценивали государство, а славянофилы боролись с гегельянскими теориями (Пичета при этом не указал, с каких позиций они критиковали Гегеля, и не подчеркнул, что славянофилы были на еще более реакционных философских позициях шеллингизма, а политически защищали крепостничество).

Второй вопрос, который меня не удовлетворил у Пичеты, — его попытка пересмотреть характер восточных войн, которые он объявляет прогрессивными, т. к. они способствовали освобождению Сербии, Болгарии от турок. При этом Пичета не сказал о собственной программе царизма, а в этом — вся суть при оценке характера этих войн. Он остановился также на взаимных влияниях славянства на запад и обратно и на роли Киевского государства как общей основы русского, белорусского и украинского народов. Во второй части своего выступления В. И. Пичета развернул резкую критику работы Яковлева «Холопы», подчеркнув, что еще в 1939 г. при обсуждении двух первых глав позиций Яковлева по вопросу о роли холопов была решительно отвергнута, но он в 1943 г. опять повторил все свои неправильные выводы. Колонизацию русской равнины при помощи холопского труда Яковлев аргументирует при помощи филологических упражнений, которые обнаруживают полную беспомощность автора. Словообразование «славянин» от «sclaven, sklaven» — раб несостоятельно. Книга является оскорблением русского народа и всего славянства.

В заключение Пичета остановился на польском вопросе в XIX веке и на характере восстаний 1830 и 1863 гг. Поляки требовали границ 1772 г., т. е. присоединения Литвы, Украины и Белоруссии. Говорят, что требования демократов и аристократов в этих восстаниях были различны. Это верно, но в данном вопросе было единство их точек зрения.

²⁰ Современная транскрипция — Абулхайр-хан (1693—1748). В 1726 г. обратился к русскому правительству с просьбой о подданстве.

²¹ Пичета Владимир Иванович (1878—1947) — академик (1946); Ефимов Алексей Владимирович (1896—1971) — чл.-корр. АН СССР (1939); Яковлев Алексей Иванович (1878—1951) — чл.-корр. АН СССР (1929); Городецкий Ефим Наумович (р. 1907) — тогда кандидат исторических наук, заместитель заведующего сектором науки ЦК ВКП(б), доктор исторических наук (1965); Греков Борис Дмитриевич (1882—1953) — академик (1935).

Говорят, что лучшие русские люди, в том числе Герцен, сочувствовали польскому восстанию. Но, анализируя переговоры Герцена с польским революционным Жондом, мы видим, что Герцен требовал для всех неполяков национ[ально-]культурной автономии. В 1943 г. вышел очередной том «Литературного наследия», в котором мы находим письмо Герцена к Огареву, в котором он пишет, что, если поляки не пойдут на эти требования, то мы мешать их восстанию не будем, но и поддерживать его не будем.

В заключение Пичета призывал более внимательно изучать и разоблачать польскую буржуазно-шовинистическую историографию. Так, перед войной в Польше вышла 4-томная книга под названием «От белого до красного царизма», не вызвавшая нашей критики.

В 1937 г. вышла книга Кукеля «Война 1812 г.», в которой критикуются позиции советских историков, а мы на эти книги никак не реагируем, т. к. мы не знаем, что выходит за границей.

Советское славяноведение возрождается. Необходимо его поддержать, в частности необходимо иметь специальный журнал по вопросам славяноведения.

Выступление Пичеты было несколько сумбурно и внутренне противоречиво, а главное и в нем не было четкой классовой марксистской позиции. Все время говорится о славянстве вообще, без малейшей попытки конкретно показать это движение и в классовом, а не только в национальном разрезе. Отсюда же происходят ошибки Пичеты в оценке восточных войн царской России, в частности войны 1877 г., объявляемых прогрессивными только потому, что объективным (и побочным!) результатом их была автономия Сербии или Болгарии. Но ведь мы знаем, что даже в империалистических войнах, как, например, в 1914 г., борьба Сербии за независимость была прогрессивна, однако этот факт не меняет характера войны в целом, а поддержка царизмом Сербии в этой войне не меняет нашей оценки роли царской России в первой мировой войне.

Столь же неполны, а следовательно, неверны и выводы В. И. Пичеты относительно польских восстаний. Во-первых, мы не можем оценивать эти восстания только с точки зрения требований польской шляхты. Конечно, Маркс, Энгельс, Ленин, как и Герцен и другие русские революционеры, знали и осуждали аннексионистские планы польских панов, но ведь они поддерживали не этих панов; а борьбу за революционно-демократическую Польшу, подчеркивали, что национальные восстания без крестьянских восстаний победить не смогут, что возрождение Польши возможно только как демократического государства и т. п. А во-вторых, они поддерживали польские восстания и как мощный фактор в борьбе с царизмом, а Пичета этот главный момент упускает. Отсюда он очень сближается с Тарле, по сути, оправдывая царизм и не признавая его «жандармом Европы».

Но если у В. И. Пичеты этот вывод идет от недостаточной классовой выдержанности в вопросах истории славянства, то у выступавшего вслед за ним члена-корр. Ефимова была зрелая и продуманная, а главное, активная антимарксистская позиция вообще и при этом тщательно маскируемая. Я была потрясена тем искусством эквилибристики и жонглирования, которую Ефимов проявил в своей речи. Это была речь виртуоза маскировки. По внешности это архиортодоксальная позиция, скрепленная массой цитат и правильных общих положений. Но как только Вы подойдете к его конкретным вопросам, а главное, к его выводам, то получается нечто прямо противоположное тем цитатам, которые он сам же приводит. «Основной вопрос, — так начал свою речь Ефимов, — как наиболее эффективно использовать исторические традиции?».

Затем он, конечно, поторопился заявить, что было бы неправильно сплошь идеализировать прошлое, что в этом вопросе у ряда историков

есть колебания и шатания и прямые ошибки (конечно, никаких имен или примеров Ефимов при этом не привел).

Затем с обычной для заправского жонглера грацией он сделал книксен в сторону Минца, поспешивши согласиться «с правильным мнением Ис[аака] Изр[аилевича], что тот уклон опасен, против которого не борются» (хотя, как известно, автором этого положения является отнюдь не И. И. Минц).

После этого, чувствуя дорогу расчищенной Минцем, он уже без труда бьет по «обоим уклонам», тем самым искусно отводя удар от себя и от своего идеолога Тарле, тем более, что подвернулся столь счастливый случай в лице этого «мальчика для битья» Аджемяна. Конечно, опытный мастер жонглирования знает наиболее слабые места и «увлечения» Аджемяна, и он бьет именно по этим наиболее заметным местам, не касаясь ни одним словом тех вопросов, где он с ним единоклубен.

Ефимов «бьет» Аджемяна за... Пугачева, он поучает его, что при всей своей незрелости и отсутствии марксистской идеологии крестьянские восстания при переходе от средних веков к буржуазному строю прогрессивны.

После этого коротенького «поучения» Аджемяну (с общеизвестными цитатами при этом) наш жонглер сделал ловкий «пируэт» на «второй фронт», на котором неожиданно оказались... Нечкина и Панкратова. Каким же образом? У них обеих Ефимов вдруг отыскал защиту «теории избранного народа».

Я не верила своим ушам, слушая его рассуждения на эту тему. Оказывается, тот факт, что М. В. Нечкина в своем выступлении заявила, что русская литература с наибольшей полнотой отражает национальный характер русского народа, Ефимов считает «пережитком неправильных идей славянофильства» и проявлением концепции «избранного народа». Следовательно, вообще нельзя говорить о национальном характере. И это после цитат тов. Сталина об известных признаках, определяющих нацию.

Не менее разительный пример и с моим именем: на стр. 225 «Истории Казах. ССР» (хотя я и не автор этой страницы!), говорит Ефимов, есть место, где русские войска изображаются врагами казахов, т. е. критерий в «книге Панкратовой — казахи — избранный народ»!!!

Только с трудом я сдержала себя — не расхохотаться или не выругать громко этого нечестного эквилибриста.

Дальше — не лучше.

Свое выступление Ефимов написал. Оно было очень отшлифовано по форме и весьма хитро и обдуманно по содержанию. Я считаю его самым вредным из всего, что было сказано, именно потому, что оно так искусно «закамуфлировано». Большие куски своего выступления он пропуская, но для стенограммы дал всю свою рукопись. Что там еще написано, не знаю.

Следующим трюком в его выступлении был вопрос о морально-политическом единстве в русской истории.

Ефимов выдвинул тезис, что испытания всегда сплачивали русский народ (он не досказал «вокруг престола», но из последующего это вытекало), и тогда выступало морально-политическое единство народа, которое нас спасало. Так было и в 1812, и в 1813 г., и в Крымской войне, и в 1918, и в Отечественной войне...

Конечно, делает Ефимов оговорку, это не значит, что в 1812 г. Россия не имела классов и что они не имели разных целей, но общая цель сплачивала и создавала морально-политическое единство.

В период кампании 1813 г. цели народа и царизма тоже были различны. Так, например, возможно, Александр I стремился стать «жандармом Европы», но Кутузов, отражавший волю народа в этом походе, выступил с манифестом, в котором говорил: «Вот мы на границе импе-

рии. Но не порабощения народов и не суетной славы мы ищем, а несем народам освобождение от тирана!».

И от этого длинного рассуждения о «морально-политическом единстве» народа в 1812 году Ефимов делает искусный пируэт к 1813 г., незаметно подводя своих слушателей к необходимости пересмотреть реакционный (по целям царской России) поход 1813 г. и объявить его освободительным, ибо «так было написано в манифесте Кутузова» (кстати, написанном тем же Шишковым и в том же «освободительном» стиле, в каком были написаны и все манифесты от имени самого Александра I).

Отсюда уже очень легко перейти (при помощи нового изящного пируэта — новых цитат или правильных общих положений!) к оправданию царизма как «жандарма Европы».

Конечно, говорит Ефимов, мы не должны подвергать сомнению, что Маркс и Энгельс правильно считали царизм жандармом Европы, но... нельзя показывать внешнюю политику царизма как сплошь реакционную. Наряду с царизмом выступали и другие жандармы. Австрийский император или король прусский были еще большими жандармами, чем русские цари. Наконец, тов. Сталин в своих замечаниях на статью Энгельса о внешней политике («Большевик» № 9 за 1941 г.) отметил, что Энгельс был неправ в оценке внешней политики царизма.

Таким образом, общий постулат о том, что царизм был «жандармом Европы» (на определенном этапе, конечно), Ефимов «опроверг» всей своей дальнейшей аргументацией.

В таком же стиле был проделан фокус и по вопросу об оценке колониальной политики царизма.

И здесь Ефимов начал с цитат и правильных марксистских положений о том, что нельзя противопоставлять классовую и национальную точки зрения, что каждый класс имеет свою национальную программу и т. п. Сослался на работу тов. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», рассказал общеизвестное учение его о нации.

Правильно подчеркнул, что процесс колонизации надо брать в целом, что этот процесс не идиллия, что «объективная прогрессивность колонизации совместима с признанием ее темных сторон». И вот отсюда — снова обычный пируэт в своем направлении!

Во-первых, ни у Ефимова, ни у Тарле, ни у Яковлева (да и всех других, выступающих по вопросу о колониальной политике царизма) нет и намек на насильственный характер «колонизации». Слова «колониальные войны», «завоевания», «захваты» исчезли. Все эти понятия покрываются одним общим «колонизация», которая есть «факт прогрессивный».

Во-вторых, эта «колонизация» есть «факт исторически неизбежный!». Ефимов приводит своих слушателей к этому выводу при помощи следующего трюка. Вот, говорит он, нам здесь заявляли, что англичане не оставили документов о своих планах экспансии в отношении Казахстана. Да это нам вовсе и не нужно. Достаточно вспомнить слова покойного историка Соловьева о судьбе малых народов, о том, что слабость одного государства неизбежно усиливает его соседей, ибо малое и слабое государство становится ареной борьбы своих сильных соседей и логика борьбы подсказывает для него необходимость искать защиты сильнейшего. Для сильного государства естественно также встает вопрос, выгодно ли ему иметь соседом слабое государство. Результатом и является присоединение слабого к сильному как единственный для него выход.

Это потрясающее «открытие» Ефимова о том, что слабые и малые народы не имеют права на независимое и самостоятельное существование, вообще не ново, а в эпоху империализма оно стало альфой и омегой всех колониальных экспансий и особенно всех фашистских завоевательных планов.

Но как осмелился Ефимов выступать на столь ответственном совещании с этим плохо замаскированным экспансионистским тезисом — непостижимо! В заключение Ефимов дал «теорию колонизации», достойную или превосходящую программу бернштейнцев на Штутгартском конгрессе. Ефимов сформулировал эту «программу» в виде пяти пунктов:

1. История колоний не должна отрываться от России и других колоний.

2. Колонизация — факт объективно прогрессивный.

3. Она сопровождается проявлениями насилия, поэтому не следует обелять колонизаторов.

4. Борьба масс против этих насильственных действий колонизаторов прогрессивна.

5. Но не следует идеализировать вожakov национально-освободительных движений.

Трудно себе представить что-нибудь более пошлое, преподносимое под флагом марксизма!

В чем короткий смысл этой ревизионистской программы по национально-колониальному вопросу? Его можно свести к следующему:

1. История отдельных народов России не может изучаться как субъект, а только как объект («не должна отрываться от России и др. колоний»), т. е. вне колониального существования малые народы не имеют своей истории («неисторические народы»).

2. Всякое завоевание или присоединение малого народа к большому — факт объективно-прогрессивный («колонизация — факт объективно-прогрессивный»).

3. Отрицательны лишь методы колонизации, поэтому не следует «обелять» колонизаторов и слишком откровенно возводить их в «герои русской истории» (как это громогласно сделал, например, Яковлев на заседании К[омитет]а по Сталинским премиям).

4. Борьба масс против насильственных действий (а не за независимость!) прогрессивна («борьба за реформы!»).

5. Но не следует «идеализировать вожakov нац.-осв. движений», т. е. нельзя признать за малыми и угнетенными народами права ни на своих героев, ни на свои героические боевые традиции борьбы за независимость и свободу.

Сформулировав с исчерпывающей ясностью эту ревизионистскую программу по национально-колониальному вопросу, Ефимов на всякий случай поспешил заявить, что «кое у кого марксистская теория умалется и недооценивается», поэтому перед нами стоит «задача поднятия теоретического уровня нашей исторической науки». В заключение своей речи он остановился на организационном вопросе, который свелся (как и у всех других его единомышленников) к критике Института истории, который «держится за бригады», не взял курса на серьезные монографические работы, ввел «уравниловку» в коллективных трудах, ослабил качество трудов и т. п.

После Ефимова, подготовившего почву для более решительных выводов, выступил член-корреспондент Яковлев, который в первой части своего выступления рассыпался в благодарностях «к тем, кто нас созвал и интересуется нашим мнением». Но при этом, тоже на всякий случай, он решил «предупредить события» и поэтому заявил: «Вместе с тем, из этого факта (что «спрашивают наше мнение») надо сделать ряд выводов. Очевидно, на нашем фронте не все благополучно. Нами недовольны, но и мы собой недовольны. Среди нас идут разговоры: «Кончится это плохо. Нам достанется!» И поделом! — патетически добавил Яковлев, а затем, как и все его единомышленники, решил «переменить направление огня». Значительная часть его речи превратилась в обвинительную речь по адресу всех историков, которые не выполнили решения ЦК от 16.V.1934 г. о том, чтобы дать учебники по гражданской истории.

У нас, говорил он, были прекрасные учебники Иловайского, Ключевского, Елпатьевского²², Платонова. Новые учебники написаны плохо. Исчезла «школа» прежних блестящих стилистов. Преподавание в вузах на низком уровне. В газетах помещают безграмотные исторические статьи. Например, в «Правде» помещена статья о Кутузове, в которой 22 ошибки, хотя статья подписана каким-то профессором. Очевидно, звание «профессора» не гарантирует от невежества. Наша цеховая ученая работа также не на высоте. От нас ждут серьезных исследований. Но наши архивы не разрабатываются.

В заключение своей критики Яковлев заявляет, что вносит следующие практические предложения:

Во-1-х, надо более солидно поставить систему преподавания: дать новые учебники средней школе и вузам, лучше поставить семинарскую работу в вузах, для чего восстановить издание учебных памятников русской истории. Ключевский, например, 5 лет барахтался в «Житиях святых», которых никто историческим памятником не считал, и дал классический образец исследования. А мы не имеем такой «школы» работы.

Во-2-х, надо создать советскую теорию эволюции Русской державы. У нас уже до революции сложилась общая схема эволюции Русского государства — это шедевр Ключевского. Ее поправила советская историография. Надо продолжать ее разработку. Каковы основные ее моменты? В основе истории русского народа лежат три идеи: первая — наша история есть история колонизации, овладения Русской равниной при помощи мирного динамического труда; вторая идея — через всю нашу историю проходит идея дружной обороны, обороны любой ценой, для которой объединяются церковные подвижники, общественники типа Минина и государственные деятели типа Петра. Мы не завоеватели, но нас не трогай! Третья идея нашей истории — это идея равноправного подхода к разным нациям. Если германизм говорит народам: «Я тебя уничтожу или я тебя унижу!», у нас таких идей не было у самых реакционных царей. Мы не занимались резней, а, как волжские бурлаки, приглашали другие народы: «Садись к общему горшку с кашей!».

На этом Яковлев уже хотел закончить свою речь, но А. С. Щербаков предложил ему сказать о его собственной книге «Холопы». Яковлев ворчливо возразил: «О чем говорить? Критика, которая здесь была по поводу книги, не имеет отношения к книге. Полабские славяне продавались на невольничьих рынках или были уничтожены. Спорить или негодовать по этому поводу сейчас нечего. Наши холопы колонизовали Дон, Сибирь, Урал, Север — что в этом плохого, что гонимые и протестующие элементы не хотели жить под ярмом? Критика была инфантильной, а на такую критику отвечать нельзя.

«Что касается вопроса о злополучном Казахстане, то я, как русский патриот, не могу согласиться с тем, что Амангельды Иманова изображают героем, хотя он поднимал восстание против русского народа, как нож в спину, в тот опасный момент, когда Брусилов совершал свой героический брусиловский прорыв и спасал нашу родину, стоявшую на волосок от гибели! Может быть, Амангельды хорош с точки зрения Алаш-орды²³, как ее герой, но не с русской точки зрения».

С места ему при этом крикнули: «Но Амангельды — большевик, а не алашордынец. Алашордынцы его убили!». Яковлев невозмутимо продолжал в том же духе. Впрочем, возможно, он даже и не знал этого факта, т. к. сам мне говорил, что «Историю Казахск. ССР» он читал только до Октябрьской революции. Очевидно, он и вообще не считает послеоктябрьский период «историей», а только политикой или публицистикой.

²² Допущена ошибка. С. Я. Елпатьевский (1854—1933) — народнический беллетрист и публицист, ни учебников по истории, ни курса лекций не составлял.

²³ Алаш-орда — националистическая партия, отражавшая интересы казахских баев.

После Яковлева, выступление которого поразило аудиторию своей открыто реставраторской программой в области истории (особенно его «три идеи!»), выступил Городецкий. Он возражал, хотя и не с той остротой, с какой должен был возражать, Ефимову и Яковлеву. Вообще, совещание ведется в крайне академических тонах, — вероятно, потому, что все стараются в присутствии руководителей держаться «прилично».

Городецкий заявил, что возражения Ефимова против Нечкиной и ее тезиса об особенностях русской национальной культуры несостоятельны, ибо они означают, что он отрицает самое наличие национального характера как одного из признаков нации. Затем он перешел к Яковлеву, показывая его общность взглядов с Аджемяном, который только обобщил антимарксистские взгляды и те идеи, которые развивал Яковлев. Остановившись на «трех идеях», лежащих якобы в основе русской истории, Городецкий отметил, как Яковлев конкретно представляет себе «третью идею» — равноправное положение наций, добровольно объединившихся вокруг царской России. 7 января 1944 г. Яковлев выступил в Наркомпросе по вопросу о новых учебниках. Он заявил, что надо написать не учебник по истории СССР, а по русской истории и выдвинуть на первый план «мотив русского национализма». «Всякий учебник для русских школ должен быть русским национальным учебником. Совмещать с этим содержанием интересы еще 100 народов нельзя».

Далее Городецкий указал, что непонимание марксистских позиций в истории довольно широко. Даже такой уважаемый историк, как акад. Греков, на совещании в редакции Военмориздата заявил, что сейчас историки отрезвели и поняли, что разделять государство и народ нельзя. Акад. Греков перенес единство Советского государства и советского народа на всю историю. Это антиисторично, ибо забывается классовая основа происхождения и развития государства. Городецкий далее остановился на беспринципности некоторых наших историков. Последнее время заговорили о «новых установках» и стали ждать их, отказываясь писать или выступать. Некоторые, даже очень уважаемые историки, охотно идут на поправки, которые вносят молодые или неопытные редакторы или рецензенты.

Например, проф. Бахрушин написал хорошую статью о Российской империи, но, очевидно, редактор потребовал от него положительной концовки, и Бахрушин, вразрез с содержанием статьи, приписал конец о том, что «Российская империя в течение 200 лет выражала мощь русского народа»²⁴.

Затем Городецкий остановился на книге Яковлева «Холопы» и на книге Рубинштейна «Русская историография»²⁵. Он упрекал эти работы в том, что они не борются с немецкими историческими теориями и концепциями, а в известной мере следуют за ними.

До сих пор не изжита норманская теория, отзвуки которой имеются даже в учебниках. Наши советские историки (например, Бахрушин в статье о Миллере, Нечкина — в статье об Эверсе)²⁶ слишком высоко ценят вклад немецких историков в русскую историографию. Необходимо ликвидировать эти пережитки реакционных представлений немецкой историографии.

С возражениями Городецкому выступил акад. Греков. Он заявил, что Городецкий не убедил его, и он продолжает думать, что государство и народ нельзя противопоставлять. Народ без государства — это хаос. Карам-

²⁴ Установить название статьи С. В. Бахрушина не удалось. Возможно, в печатном виде она не появлялась.

²⁵ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М. 1941.

²⁶ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.—Л. 1937; Нечкина М. В. Эверс. В кн.: Русская историческая литература в классовом освещении. Сб. ст. Т. 1. М. 1927.

зин и другие историки этот факт справедливо подчеркивали. Затем он возражает Городецкому, что в учебниках имеется пережиток норманской теории. Борьба с варяжским вопросом нужна, но нельзя искажать факты. Северная Русь была связана со Скандинавией, — надо этот факт объяснить, а не зачеркивать. Мы давно показали, что до варягов славяне имели свои государственные образования и этим самым опровергли норманские теории о происхождении государства от варягов-норманов.

Все же в области истории нам надо многое пересмотреть. События опередили историков, в свете этих событий нам надо откликнуться на такие стороны, которые раньше нами упускались. Творческий марксизм требуется и в применении к истории. Наши историки в смятении. Они потеряли контакт друг с другом, а многие — и с нашей новой действительностью. Наше спасение в единстве. Это единство всегда спасало русский народ. Кто стремится отклониться от этого единства, тот гибнет. В борьбе за единство русскому народу принадлежало первое место. Первая строфа гимна о том, что Великая Русь «навски сплотила наши народы» говорит об объединяющей роли русского народа. Чтобы ее понять, надо конкретно исследовать, когда и как вошли народы нашей страны в состав России, что заставило их вместе бороться. Надо сказать правду и о том, как строилось наше государство, какие переживало этапы, какое положение занимало в истории.

В частности, надо показать и роль Киевского государства как общей государственной колыбели русских и украинцев. Даже Грушевский, враждебно относившийся к Москве, не отрывал Украину от Руси. Родство русского, украинского и белорусского народов надо показать конкретно.

История Руси — это история преодоления таких трудностей, каких Запад никогда не знал. Историки, конечно, не могут отказаться от классового подхода, но у нас все еще преобладают либо черный, либо белый цвет, а история — многоцветна.

Затем Б. Д. Греков остановился на выступлении проф. Сыромятникова и изложил свою позицию по вопросу о рабовладельческом обществе на Руси.

В заключение он предложил оживить и поставить издание источников и издать собрание монументальных памятников, без которых нельзя изучать историю.

На этом заседание закрылось. Следующее намечено на 22.VI. Записалось еще свыше 15 ораторов.

А. С. Щербаков предложил на этом закончить совещание. Очевидно, картина получилась более или менее ясная.

Подведу некоторые итоги:

1) Совершенно несомненно, что среди историков имеется вполне единодушная и сплоченная группа, идейным вдохновителем которой является Тарле, выступающая сейчас с «новым словом», которое на поверку оказывается давно уже опровергнутым «старым словом» и фактической реставрацией «основ» дворянско-буржуазной историографии. Имеет ли эта группа еще и какую-нибудь политическую цель, сказать не берусь, но не исключаю и такой возможности.

2) Имеются заслуженные, честные и искренние историки, которые все же показали себя еще не вполне овладевшими марксизмом в истории (Пичета, Греков). Их ошибки скорее проистекают от «чувства» (они хорошие патриоты) и недостатка знаний в области теории.

3) Имеются беспринципные «конъюнктурщики», которые «ждут, чья возьмет» или «новых установок», чтобы затем выступить в качестве «никогда не ошибающихся» или, на всякий случай, бить «на два фронта».

А. Панкратова

После длительного перерыва в 12 дней наше совещание было вновь создано 22 июня.

Первый, кого я встретила в раздевалке ЦК, был академик Тарле. Он встретил меня с ледяной холодностью. Отсюда я заключила, что он уже знаком с моим выступлением, а, может быть, и с той ролью, какую я сыграла в борьбе с установками всей той группы, какую (волью или неволью — этого я не знаю) он возглавляет.

Я спросила его, давно ли он приехал.

— Третьего дня! Меня тов. Александров²⁷ вызвал телеграммой, которая разыскивала меня по всему Закавказью, — ответил Е. В. Тарле. Он нес свои книги — вторую часть «Истории Крымской войны», ту самую, которую он мне обещал дать еще в гранках, чтобы я написала рецензию. Он довольно демонстративно сказал, обращаясь к шедшему со мной С. В. Бахрушину, что он (Тарле) хочет преподнести ему свою книгу. Я не без лукавства и даже с улыбкой спросила:

— Ну, а мне Вы теперь своей книги не дадите?

— Если останется! Книг очень мало! — бросил он отрывисто.

Я была вполне удовлетворена: моя догадка подтвердилась. Она, с другой стороны, подтверждала и мои старые наблюдения и выводы относительно некоторых личных качеств нашего знаменитого академика. Мы поднялись наверх. Здесь я встретила, прежде всего, с тт. Генкиной и Городецким. Обменялись впечатлениями. Тов. Городецкий скавал: «Мы вызвали Е. В. Тарле, чтобы дать ему высказать свою точку зрения до конца. Он отнесся сначала равнодушно и даже несколько пренебрежительно к тому, что его критиковали. Но когда мы рассказали ему, что его критикуют за саратовские лекции, он всполошился и потребовал стенограммы выступлений тт. Сидорова и Панкратовой».

Итак, я ждала боя...

Совещание открылось в 1 час дня. Председательствовал снова т. Щербаков. Первым он предоставил слово т. Базилевичу. Затем выступили Тарле, Толстов, Генкина, Державин²⁸.

К. В. Базилевич начал свое выступление с того, что в предшествующих выступлениях наметилось три проблемы, на которых останавливались историки на этом совещании: 1) вопросы колониальной политики царизма, 2) вопросы внешней политики царской России и 3) проблема национального развития русского народа. Он остановился на последней из этих проблем.

Проблема национального развития русского народа, по мнению проф. Базилевича, распадается на три группы вопросов: вопрос об этногенезе русского народа, вопрос о формировании великорусской народности и вопрос о превращении народности в нацию.

Первый вопрос, в результате успешных археологических раскопок, решается довольно просто, подтверждая автохтонность происхождения нашего народа в нашей стране.

Третий вопрос об условиях образования нации в эпоху поднимающегося капитализма также не представляет трудностей в свете учения тов. Сталина о нации. Но вот второй вопрос — о формировании великорусской нации — является не столь простым.

К. В. Базилевич считает, что народность складывается в результате общения и слияния этнически-родственных племен и представляет собой этап на пути складывания национальности в нацию.

²⁷ Александров Георгий Федорович (1908—1961) — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

²⁸ Базилевич Константин Васильевич (1892—1950) — профессор (1935); Толстов Сергей Павлович (1907—1976) — профессор (1939), чл.-корр. АН СССР (1953); Генкина Эсфирь Борисовна (1901—1973) — доктор исторических наук (1939), профессор (1941); Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — академик (1941).

С этой точки зрения важно выяснить, в какой мере государство Ивана III или Ивана IV можно назвать национальным Русским государством?

Некоторые историки и даже студенты указывают, что ведь и в 15—16 вв. не было еще капитализма, как необходимого условия для создания нации. Этот вопрос проф. Базилевич решает так: при Иване III начало создаваться государство русской народности (или национальности), поэтому его и можно назвать национальным. Но неправильно называть государство при Иване IV многонациональным, а его следует назвать национальным вплоть до 18—19 вв., когда национальное государство уже сложилось и когда происходило его расширение путем завоевания.

На этой стадии будет вполне понятно и положение тов. Сталина об особенностях создания государств на Востоке Европы, сформировавшихся как многонациональные государства с одной нацией во главе и с различными народностями, не сложившимися в нации.

Затем проф. Базилевич поднимает несколько общих вопросов. Прежде всего, он решительно не согласен с теми, кто считает, что историки ничего не сделали. В Институте имеется свыше 40 исследовательских работ до 700 печ. листов, но их пока невозможно печатать из-за недостатка бумаги. Он считает, что у нас бумага неумело используется. Можно было бы некоторые работы специального характера печатать в меньшем тираже.

Переходя к нашим методологическим недостаткам, проф. Базилевич подчеркнул, что недостаточно серьезное и конкретное изучение некоторых проблем превращает верные положения в схемы. Отсюда и резкие переломы и шарахания из стороны в сторону. Вот, например, оценка Ивана Грозного. Раньше его недооценивали. Заслугой советских историков является то, что они его показали как крупного государственного деятеля. Но за последнее время его стали чрезмерно идеализировать, особенно в популярной и художественной литературе. Тот же схематизм можно отметить и в отношении крестьянских восстаний. Все они — восстания Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева, различные по существу, изображаются по общей схеме и совершенно одинаково. Отсюда и тот антиисторизм, который в нашей литературе наблюдается за последнее время в оценке разных исторических событий и личностей.

Можно сказать, что у нас нет правильного исторического подхода и в оценке нашей историографии. Раньше все изображалось как результат западных влияний, сейчас вообще отказываемся признавать какие-нибудь влияния, особенно если они исходили от Германии. Упоминание о влиянии Шлёцера считается оскорбительным. Почему же мы не отказываемся от Гете или Лейбница, которые почти в то же время оказывали свое влияние на нашу и мировую литературу и науку? Неужели мы были отгорожены китайской стеной от мировой культуры?

Необходимость глубокого и конкретного изучения теории тем более велика, что исторические вопросы многих интересуют, но историческими знаниями еще далеко в массе не обладают. Даже недавние вступительные экзамены в Высшую дипломатическую школу показали, хотя экзаменовались большей частью люди, имевшие специальное высшее образование (техники, инженеры, юристы и пр.), насколько мало они знали историю.

Дело доходило до курьезов, вроде таких: одного товарища спросили: «Кто такой папа римский?». Он ответил: «Отец римского короля». Другого спросили: «Кто такой Карл Маркс?» Ответил: «Диалектик». «Когда он жил?» — «В XVI веке!» — «В какой стране он родился?» — «Во Франции!»

Одного экзаменующегося спросили: «Когда жила Екатерина II?». «В XVIII веке». — «До или после монгольского нашествия?» — «До монгольского нашествия».

Другой товарищ на вопрос: «Кто такие утопические социалисты?» ответил: «Это те, которые хотели утопить социализм!»

К сожалению, это не анекдоты. Преподавание истории в средней школе, когда они учились, да и теперь, стоит на низком уровне. Вот почему нам необходимо работать над конкретными историческими вопросами.

В заключение ответил на обвинение проф. Сыромятникова в неправильном цитировании «Табели о рангах», указав, что, кроме «Свода законов», «Табель» (с некоторыми отступлениями) печаталась и в других источниках.

Тарле, выступивший после Базилевича, начал с того, что он «к величайшему прискорбию» не был в Москве, и телеграмма, приглашавшая его на совещание, застала его в Армении, на границе Ирана. Он приветствует «столь отрадный факт, как это совещание». Он понимает, что если оно созывается «учреждением, которое должно указывать на отклонения от правильных путей», то, значит, «еще не изжита ядовитая культура, которая насаждалась «школой Покровского». Движение науки вперед требует прогресса мысли, а «не попугайского повторения одних и тех же положений». Толкнуть вперед науку должны новые монографии, которые нужно писать «без оглядки на то, что писали 95 лет тому назад» (очевидно, Маркс и Энгельс, некоторые историки немедленно подсчитали, что 95 лет тому назад, т. е. в 1849 г. царская Россия выступила против революционной Венгрии, за что Маркс и Энгельс, а затем Ленин и Сталин и называли русский царизм «жандармом Европы»).

«Надо отбросить оглядки,— продолжал Тарле,— и раскрепостить историческую науку, как это было в 1934 г.»

После этого «введения» Тарле приступил к возражениям своим оппонентам. Здесь он был по методам ответа на критику столь же мало оригинален, как и его единомышленники. «Возражения моим критикам облегчаются природой их критики»,— заявил он (как и Яковлев, Сыромятников и др.). Характерно, что, как и они, он не говорил по существу спорных вопросов, а по тем цитатам, которые он нашел в выступлениях своих критиков.

Так, тов. Сидорову он возражал не о том, считает он или нет царизм «жандармом Европы», а лишь в ответ на приведенную им одну цитату о поражении царизма в Крымской войне, он привел две другие цитаты, в которых говорилось о положении царской России в момент поражения.

Тот же фокус был им проделан и в ответ на мою критику. Он не ответил по существу темы своей лекции — о роли завоеваний и характере колониальной политики царизма, а стал говорить, что приведенная мною цитата о пространстве как факторе победы неправильная, так как его плохо записали стенографистки. Неправленная стенограмма не может служить материалом для обвинений. Кроме того, что плохого в том, что он остановился на «факторе пространства», ведь известно, что Московия не могла бы победить столь сильного врага и нельзя не признавать этого факта.

О том, что из «фактора пространства» он сделал вывод о прогрессивности всей колониальной политики царизма, Тарле не сказал на этот раз ни слова. Вообще, будто бы и не существует никакого спора по этим вопросам. А ведь именно здесь лежит корень нашего спора.

Далее он заявил, что желал бы поделиться с товарищами своими соображениями, над какими темами нужно работать. Вскользь обронил, что надо дать «историю территории Советского Союза», но не раскрыл, что «сие значит», ограничившись буквально следующей сентенцией: «Такого рода antecedentes в истории темного: можно назвать разве Римскую империю, но точного исследования ее роста также не имеется».

Что могла означать такого рода «сентенция», как не «тех же щей, да пожже влей», да так, чтобы не сразу раскусили.

Вторая проблема, подлежащая изучению,— история дипломатии. Здесь наши историки совсем не работают, а «потребность в истории дипломатии насущная».

Выступление, которого все так ждали, было так бледно, растерянно и малосодержательно, что вызвало всеобщее недоумение и разочарование. Все спрашивали себя и друг друга: «Что это — ход назад или растерянность?».

После Тарле выступил декан истфака МГУ проф. Толстов, который слывет за специалиста по истории народов Средней Азии. Он заявил, что в изучении истории народов СССР наши историки делают большие погрешности. По мнению Толстова, разорванность этой работы объясняется отсутствием общей связи между научными центрами национальных республик. Каждая из республик руководится естественным стремлением выявить лучшее в своем прошлом, нередко его идеализирует и приходит к односторонним положительным выводам, избегая теневых сторон. Между отдельными историческими трудами поэтому возникают резкие расхождения. Это сказалось и на двух новых трудах: «Истории Казахской ССР» и «Истории Таджикистана». Последняя работа вышла недавно. Она базируется на мало известных источниках. Но в ней есть положения, вызывающие решительные возражения. Прежде всего, неверно искусственное вычлечение истории Таджикистана из Средней Азии. Это приводит к методологическим ошибкам. Историческое наследство таджиков является вместе с тем и наследством узбеков, а этот факт не показан.

Взаимоотношения тюркских и иранских элементов показаны неверно. Тюркские элементы представлены как носители разбоя, а иранские — прогресса и культуры. Историческая заслуга Саманидов показана правильно, но их падение, являющееся результатом внутренних причин, показано, как культурная катастрофа: период блестящего расцвета был оборван вторжением чужеземных захватчиков. Замолчено участие культурных тюркских элементов Таджикистана и процесс создания узбекского народа.

Вместо принятой концепции названия «таджик» приводится фантастическая теория о «таджике» — венце творения. Узбеки в 16 в. изображаются разбойниками и т. п.

Другая работа, «История Казахской ССР», представляет более солидный вклад в науку, но в ней тот же основной недостаток: замкнутость, отрыв от всемирной истории, элементы идеализации, так как на все события авторы смотрят сквозь «казахские очки». Нет характеристики отсталости казахского хозяйства и быта, отрыв от русской и мировой экономики. Процесс вхождения в состав России рисуется как процесс сплошного завоевания. Между тем «История Казахстана» связана еще с Древней Русью. Дешти-Кыпчак — это кочевые племена, связанные с южно-русскими племенами. После 13 века — это восточная окраина Золотой Орды, которая постепенно вошла в состав России. Политическое тяготение казахов особенно усилилось в 16—17 в. Абульхайыр — дальновидный и умный политик сделал в этом направлении необходимые шаги, а он изображен в книге отрицательно. Перед Казахстаном и тогда и позднее было только два пути — войти в состав России или расчлениться на мелкие части, что и случилось.

Также неверно поставлен в книге вопрос о боевых традициях и героях. Султан Кратай или бандит Садык Кенесары даны положительно. Образ Кенесары идеализирован. Его политическая программа была — захват Киргизии. Феодално-захватническая война, которую вел Кенесары, изображается как национально-освободительная.

Авторы пренебрегают киргизскими преданиями, которые рассказыывают, что киргизские женщины, чтобы преградить путь Кенесары, вынесли и положили перед ним своих детей, и он погнался по ним лошадей.

Таким образом, история казахов и история киргизов расходятся в оценке одних и тех же исторических событий. Надо все это согласовать и привести в соответствие с исторической правдой.

Выступление тов. Толстова, говорившего с обычной для него безапелляционностью, могло произвести впечатление на всех, кто не знает казахской истории или не читал этой книги. Но я не имела возможности полемизировать с ним, тем более, что мое заявление от имени авторов о том, что мы приступили к подготовке нового издания, я отдала тов. Щербакوفу в начале заседания, т. е. до выступления Толстова.

Следующей выступила тов. Генкина.

Она начала с того, что война поставила перед историками ряд новых вопросов и выдвинула задачу кое в чем пересмотреть наш подход к старым вопросам. Острота постановки многих вопросов показывает, что мы движемся вперед, но на фоне этого движения имеются тенденции такого пересмотра, который ведет нас в сторону от марксизма.

Все это было бы не так страшно, если бы эта тенденция не проникла на наши кафедры, в головы студентов и школьников, т. е. в головы миллионов, а уже этот факт означает, как указывал Ленин, политику. В обсуждении наших исторических вопросов мы не должны забывать основных положений и указаний нашей партии, в частности, решение ЦК о постановке пропаганды. Мы имеем еще в области нашей науки и тенденции к вульгаризаторству, и произвол, и неразбериху в освещении многих вопросов, и антиисторические попытки приукрасить историю, т. е. все те недостатки, которые в этом решении ЦК о пропаганде уже указывались в отношении изучения истории партии.

Так, например, есть прямые указания Ленина о том, в какое время царизм был главным оплотом реакции и в какое время положение изменилось, но эти указания Ленина не все наши историки учитывают.

Проф. Яковлев, который выдвинул свои три абсолютные идеи в истории, исключает всякое движение и прогресс одной такой постановкой вопроса. Из его выступления вытекает даже вопрос о том, правомерно ли Октябрьская революция. Нами недостаточно использована книга тов. Сталина о Великой Отечественной войне с методологической стороны.

Так, в ней мы находим прямое указание, как нужно подходить к проблеме национального воспитания русского народа. В докладе 6 ноября 1941 г. тов. Сталин подчеркнул, что фашизм — «копия царского режима». Как же можно его идеализировать? Тов. Сталин там же указал, на каком национальном наследстве надо воспитывать наш народ. Ленин в своей статье «О национальной гордости великороссов» также подчеркнул, что есть две нации и две национальные культуры. Все, кто пытается зачеркнуть Кутузова или тем более революционное движение и поднять Аракчеева, зачеркивают Ленина.

Неправ В. И. Пичета, когда он проводит водораздел между западниками и славянофилами, ссылаясь на их философию. Шеллигианство славянофилов не было более прогрессивным, чем гегельянство западников. Да и, по существу, тогдашние западники лучше отражали передовые национальные задачи русского народа, чем славянофилы.

Нам особенно важно изучать историю Советского государства и источники его силы, которые крылись в нем еще и до Октября. Например, дружба народов. Основы ее закладывались еще до октября 1917 г.

Мы не должны изолированно показывать историю народов нашей страны от общеисторического процесса. Царская Россия была империалистическим единством, но все же единством всех народов нашей страны. Поэтому неправильно показывать восстание 1916 г. в Казахстане в

отрыве от России. Подъем борьбы русского народа способствовал этому восстанию, а не наоборот. Не надо забывать, что русский народ поднимал на борьбу все другие народы. В историю Советского государства важно правильно поставить идею преемственности.

Нельзя также ограничиваться изучением истории советского периода, останавливая его на 1921 г. Хорошая идея Ин-та истории — создание истории коллективизации — может не быть реализована, так как строят проекты больших многолетних работ. Нам нужно создать эту книгу поскорее, а не растянуть на ряд лет.

Державин, выступивший после Генкиной, остановился на одном вопросе — о самодержавии и отношении к нему русской общественности в прошлом. История царского самодержавия еще не написана. Русский царизм, как и все на свете, развивался диалектически. Были этапы прогрессивного направления, но с Екатерины II это развитие царизма приняло реакционное направление. Были периоды, когда интересы классового государства и русского народа временно совпадали.

Но в 18—19 вв. они решительно разошлись. Глубочайшая ошибка отождествлять, как это делает Яковлев, интересы царизма и русского народа. Борьбу народов против аннексионистской колонизаторской политики царизма передовые люди всегда приветствовали. Они солидаризировались с национальным движением, а не с царизмом, который подавлял это движение. Поэтому он, Державин, как русский человек не может согласиться с Яковлевым и другими, которые упрекают прекрасную книгу «История Казахской ССР» и объявляют ее антирусской только потому, что в ней отрицательно обрисована колонизаторская политика царизма и положительно — национальные восстания. Иначе и не должно быть. «История Казахской ССР» должна стать образцом для такого рода работ. Советский патриотизм нельзя смешивать с патриотизмом Союза русского народа.

Академик Державин с особенной силой возражает проф. Толстому, выступление которого он считает неправильным и вредным. Нельзя искажать историческую правду и подходить к событиям прошлого с субъективными оценками. Нельзя также по-одному оценивать борьбу за свободу славянских народов, которые угнетались австро-венгерской или германской монархией, и по-другому относиться к борьбе за свободу и независимость народов царской России. Это и исторически неверно, и политически нельзя оправдать ни с какой стороны.

После очень горячей защиты «Истории Казахской ССР» акад. Державиным председатель совещания А. С. Щербаков вдруг заявил: «Слово для оглашения заявления предоставляется тов. Панкратовой».

Это заявление я подала ему в начале заседания. Не рассчитывая на то, что мне будет предоставлена еще раз возможность выступить, я решила в письменном виде высказать мое отношение ко всем тем, кто до сегодняшнего дня выступал против «Истории Казахской ССР».

Не отвечая на сегодняшние выступления (я ведь обязана была держаться в рамках ранее поданного письменного заявления) я зачитала следующий его текст:» *.

«Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Щербакову А. С. Прошу Вашего разрешения огласить следующее мое заявление:

1. Учитывая замечания критиков и рецензентов, а также сознавая необходимость всемерного улучшения напечатанной год тому назад книги «История Казахской ССР», являющейся первым в СССР опытом создания истории советской национальной республики с древнейших времен до наших дней, коллектив авторов постановил приступить к пере-

* На этом экземпляре, хранящийся у А. В. Фохт, обрывается. Далее ее рукой сделана запись: «конца нет». Но текст заявления Панкратовой сохранился в архиве.

работке книги на русском языке и к подготовке ее издания на казахском языке.

Стремясь сделать подлинно большевистскую книгу, воспитывающую казахский народ в духе преданности к советской родине и дружбе народов, особенно к великому русскому народу, авторы просят здесь присутствующих историков внести все имеющиеся у них поправки и конкретные замечания, чтобы учесть все возможное и необходимое для улучшения книги.

2. Вместе с тем авторы книги, дважды обсудив рецензию Яковлева и изложенные в ней установки, не считают возможным принять их как не соответствующие основам марксизма-ленинизма в вопросах национально-колониальной политики, а политически имеющие тенденцию великодержавного шовинизма, способную лишь вызвать реакцию местного шовинизма, а не бороться с ним.

3. Считаю своим долгом заявить мое решительное личное несогласие (авторский коллектив об этом не знает) с принципиальными установками проф. Ефимова, высказанными им в его выступлении 10.VI, которые, несмотря на всякие оговорки, правильные общие положения и цитаты, являются, как и все выступление проф. Яковлева, вопиющим разрывом с духом и смыслом учения Ленина—Сталина по национальному и колониальному вопросу. Так называемые «пять пунктов» теории колонизации проф. Ефимова, в которых нет ни малейшего классового подхода к колониальному вопросу, по сути дела, воспроизводят бернштейнианско-ревизионистскую позицию, как она особенно ярко проявилась на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году. Эта позиция, не признавая колониальных войн, захватов и завоеваний, все дело сводит к неправильным «методам» отдельных колонизаторов и так же безоговорочно, как это сделал проф. Ефимов, объявляет «колонизацию» фактом объективно-прогрессивным, осуждая «вожачков национально-освободительных движений».

Требую не отрывать «истории колоний от России и других колоний», проф. Ефимов фактически, как и проф. Яковлев, становится на путь отказа от первого и основного требования марксистско-ленинской исторической науки — рассматривать историю народов нашей страны не как объект, а как субъект истории. Фактически же это требование проф. Ефимова в замаскированной форме означает отнесение всех народов СССР, кроме русского, к народам «неисторическим».

Я не могу также ни согласиться, ни принять мотивировку проф. Ефимова в его возражении по поводу «теории» наименьшего зла в отношении к истории Казахстана. Ссылаясь на устаревшее и неверное положение историка Соловьева о том, что малая страна неизбежно становится ареной борьбы за нее и вокруг нее сильных соседей и поэтому (следует сделать вывод) малые и слабые страны не имеют права рассчитывать на самостоятельное и независимое существование, а должны искать себе сильного покровителя, в состав которого они должны войти, проф. Ефимов считает неизбежным присоединение в будущем Казахстана к Англии (если бы не царская Россия), хотя «Англия и не оставила документальных справок о планах своей экспансии».

Возможность (а не реальность в 18—19 вв.) экспансии Англии мы не отрицаем. Но не обладая документами и фактами переговоров, нападений и даже торговых или иных значительных операций англичан в Казахстане в этот период, мы не считаем себя вправе (ни с научной, ни с политической стороны) становиться на путь сомнительных оценок, намерений и замыслов англичан в Казахстане в будущие времена.

4. Выступление тов. Минца по вопросу о применении «теории наименьшего зла» в отношении Казахстана, к сожалению, ничего не дало для улучшения нашей книги, так как тов. Минц не привел ни одного факта и ни одного документа, а ссылаясь на то, что наша книга дает

материал для такого рода общей оценки присоединения. Действительно, мы старательно отметили все факты двойной агрессии в отношении Казахстана, чтобы казахи знали, что им приходилось бороться за свою независимость и до русского завоевания, и во время этого завоевания. Мы показали, что казахам несли Китай, Джунгария, Среднеазиатские ханства и т. п. Но к концу XIX века, когда завершилось завоевание, эти агрессоры были все слабее царской России. Мы не считали необходимым говорить казахам, что у них была какая-то возможность выбора (ее и не было уже), но отделили царизм и его политику от русского народа и его жизненных интересов, показав, что свержение царизма и его национального и социального гнета отвечает коренным интересам русского, казахского и всех остальных народов России.

Если по каким-либо соображениям, каких мы, видимо, не учли, необходимо подчеркнуть, что изложенная в нашей книге двойная агрессия и есть «теория наименьшего зла», мы оставляем за собой возможность вернуться к этому вопросу и продумать, в какой форме и степени эту «теорию» применить в истории Казахстана.

5. От имени авторского коллектива, из членов которого здесь, к сожалению, никто не присутствует, я еще раз убедительно прошу организовать (может быть, в Управлении пропаганды) конкретное обсуждение «Истории Казахской ССР» с вызовом местных авторов и редакторов, поскольку этот вопрос встал крайне остро именно в Казахстане и является для него вопросом решающего значения, затрагивая все вопросы пропаганды и агитации и глубоко задевая национальное чувство казахов.

А. Панкратова»²⁹.

Третьего письма А. М. Панкратова не написала, однако в ее бумагах имеются два варианта рассказа о последнем заседании, состоявшемся 8 июля. Разночтения в них незначительны, но по ним видно, что она старалась как можно точнее передать атмосферу совещания. Перескажем основное содержание рукописи.

«Первым выступил работник Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Ковалев. Он критиковал учебник по истории СССР, в котором подчеркивались влияния и заимствования, и отмечал недостаточное внимание к самостоятельности русской культуры. Акад. В. П. Волгин³⁰ заявил, что взгляды М. Н. Покровского сказываются в оценке людей, «связанных с государством. Раз они слуги царизма, то полностью игнорируются их исторические заслуги»³¹. Б. М. Волин³² отметил, что больше следует заниматься историей советских национальных республик. К. Р. Аманжолов³³ критиковал «Историю Казахской ССР» за то, что в ней спутан вопрос о происхождении казахского народа и казахского языка и неверно охарактеризована история завоевания Казахстана Россией. В заключение многие из выступивших дали справки.

На этом, — пишет А. М. Панкратова, — совещание кончается. Историки окружают тов. Щербакова. Акад. Тарле оправдывается и говорит, что он постарается исправить свои выступления. Тов. Щербаков замечает ему: «Вы не должны забывать, что если вас слушает только 120 человек, то через 2 дня все, что вы говорили, становится достоянием аудитории во много десятков больше. Надо действительно помнить об ответственности перед народом».

Акад. Тарле обращается к тов. Панкратовой с предложением прочесть лекцию и разъяснить то, что он хотел сказать в Саратове. Он готов

²⁹ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, лл. 35—36об.

³⁰ Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — академик (1930).

³¹ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, л. 43.

³² Волин Борис Михайлович (1886—1957) — профессор.

³³ Аманжолов Касым Рахымжанович (1911—1955) — казахский советский поэт.

также принять ее предложение сделать доклад на августовском совещании историков на тему: «О царизме — жандарме Европы». Если нужно, он готов написать в Саратов и Ленинград официальный отказ от тех стенограмм, которые там остались, и выяснить свою настоящую позицию.

К тов. Панкратовой подходит и проф. Яковлев: «Пожалуйста, на меня не сердитесь, в «Истории Казахской ССР» надо изменить не более 10 стр. отдельных мест. Книга вообще хорошая».

С предложениями встретиться и обсудить спорные вопросы по существу подходит к ней и проф. Ефимов. Он говорит, что ее заявление, в котором она пишет против его выступления, основано на недоразумении. Кроме того, он решительно не согласен с выступлениями академика Тарле и проф. Яковлева и с их установками.

Историки долго не расходятся и, разбившись на кучки, оживленно комментируют итоги совещания. Тов. Щербаков заявляет, что будет выработано решение по принципиальным вопросам и своевременно будет доведено до сведения всех историков. Участники совещания благодарят тов. Щербакова за созыв совещания и постепенно расходятся»³⁴.

³⁴ Архив АН СССР, ф. 697, оп. 2, д. 146, лл. 47—47об.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БРУСИЛОВ

Ю. В. Соколов

«Очень уж путаная внутренняя обстановка, потому тяжело. Ты не можешь себе представить, сколько получаю писем из разных концов России со всевозможными жалобами, в особенности от крестьян и духовенства на разные неправды». Генерал, писавший эти строки, встал, подошел к окну салон-вагона и долго стоял, глядя в ночную мглу. Его худое нервное лицо с большим лбом, едва уловимым восточным разрезом глаз и длинными, «кавалерийскими», полуседыми усами было задумчивым. Передернув плечами, на которых поблескивали вензеля генерал-адъютантских погон, он снова сел за стол. «Возмущаются главным образом на дворян, купцов и вообще на богатых людей», — продолжал писать он, обращаясь к жене. Его худощавая фигура в кителе с белым крестом офицера Георгия 3-й степени на шее отбрасывала тень на стену. «Это ужасно. Общее неудовольствие этими беспорядками и мародерами тыла...». Автор письма оставил перо и задумался.

Не спавший той декабрьской ночью 1916 г. генерал был командующий войсками Юго-Западного фронта Брусилов. Война длилась уже более двух лет. Крупнейшее военное достижение летом 1916 г. — Луцкий прорыв, прозванный «Брусиловским», остался позади, не получив развития и завершения. Брусилов понял, что армиям его фронта бесполезно ждать поддержки от войск Западного и Северного фронтов. Одним же фронтом достичь конечного успеха было невозможно. Генерал-адъютант считал, что при одновременном давлении на противника трех фронтов, даже несмотря на громадную нехватку вооружения и боеприпасов, удалось бы отбросить австро-германские войска далеко на юго-запад. Успех всего русского фронта, в свою очередь, мог ускорить победоносное для стран Антанты завершение войны. Но возможность эта, по мнению Брусилова, теперь была утеряна, виновниками чего он в глубине души считал бездарного Верховного главнокомандующего — Николая II и его начальника штаба генерала от инфантерии М. В. Алексеева.

Брусилов не знал о той закулисной интриге, которая плелась вокруг его имени и организованного им ранее наступления. Инициаторами ее были настолько могущественные люди, что против них не могли устоять ни царь, ни тем более Алексеев. Этими людьми были Григорий Распутин и царица Александра Федоровна. Распутин-Новых к той поре уже приобрел огромную власть над истеричной царицей, а через нее влиял и на «самодержца всея Руси». «Старец» беззастенчиво пользовался этим и вмешивался даже в «высокую политику». Он принадлежал к придворной партии примирения с Германией. Эта группировка ярых монархистов боялась, что при неудачном исходе войны либо власть перейдет к

либеральным буржуазно-помещичьим кругам, либо вообще грянет революция, а династия Романовых падет. После того как Николай II сменил на посту Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, попытки вести тайные переговоры о сепаратном мире стали более активными.

Что касается майского прорыва на Юго-Западном фронте, то за день до его начала, 21 мая, Алексеев передал Брусилову высказанное царем желание «переменить в корне» план прорыва. Как вспоминал Брусилов, Алексеев «вызвал меня к прямому проводу и при Клембовском (начальник штаба Юго-Западного фронта, генерал-лейтенант.— Ю. С.) передал мне, что Верховный главнокомандующий желал бы отложить атаку, чтобы собрался кулак и ударил в одном месте. На это я ему ответил, что каждый имеет свою методику, а я задумал ударить по всему фронту и менять этого не могу и не хочу. Если недовольны мною, то надо сменить, а не требовать перемены действий»¹. Пожелание царя срочно возникло после того, как к нему в Ставку приехала царица.

А 4 июня, когда обозначился крупный успех Брусилова, Александра Федоровна передала мужу слова Распутина: «Он просит, чтобы мы пока не наступали слишком усиленно на Севере, потому что, по его словам, если наши успехи на Юге будут продолжаться, то они (немцы.— Ю. С.) сами на Севере станут отступать либо наступать, и тогда их потери будут очень велики, если же мы начнем там, то понесем большой урон»². «Он,— писала царица уже 25 июля,— находит, что во избежание больших потерь, не следует так упорно наступать»³. В то же самое время проходило «стокгольмское свидание» — встреча товарища председателя Государственной думы А. Д. Протопопова с представителем Берлина банкиром Вартбургом. 8 августа в письме царицы царю говорится: «Наш друг надеется, что мы не станем подниматься на Карпаты и пытаться их взять, так как, повторяет он, потери снова будут слишком велики»⁴. Усилия придворной партии возымели действие, и Николай II отдал распоряжение приостановить наступление. «Наш друг,— тотчас откликнулась царица,— говорит по поводу новых приказов, данных тобой Брус. и т. д.: «Очень доволен распоряжением Папы, будет хорошо». Однако наступательные бои армий Брусилова продолжались, ибо их невозможно было сразу оборвать. «Милый, наш друг совершенно вне себя,— жаловалась царица в письме царю от 24 сентября 1916 г.,— оттого, что Брусилов не послушался твоего приказа о приостановке наступления. Он говорит, что тебе было внушено свыше издать этот приказ»⁵.

Брусилов же всего этого, конечно, не знал, хотя кое-что слышал, а кое о чем догадывался. Но он не понимал тогда главного: что самодержавная система прогнила и была обречена. Старый царский генерал, всю жизнь веривший в существующий строй и мучительно переживавший утрату былых идеалов, отождествлявший царя с Россией, народом и армией, он любил родину. Проигрыш войны означал для него гибель России. Рушились цели всей его жизни и долгой военной службы...

Дальние предки Алексея Алексеевича были выходцами из Речи Посполитой. Они вели происхождение от известного польско-украинского дипломата и воеводы Адама Киселя, недруга Богдана Хмельницкого и противника воссоединения Украины с Россией. Многие Брусиловы служили затем в российской армии XVIII и XIX столетий. Прадед и дед имели младший штаб-офицерский чин секунд-майора, отец Алексей Николаевич в чине майора участвовал в Бородинском сражении и был там

¹ Луцкий прорыв. Труды и материалы к операции Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. М. 1924, с. 22—23.

² Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV. М.— Пг. 1926, с. 286.

³ Там же, с. 391.

⁴ Там же, с. 406.

⁵ Там же. Т. V. М.— Л. 1927, с. 59.

ранен. Его сын родился 19 августа 1853 г. в Тифлисе, когда отец стал уже генерал-лейтенантом и занимал должность председателя полевого аудитора (военного ревизионного суда) Кавказской армии. Вслед за Алексеем в семье родились Борис, Александр (вскоре умерший) и Лев. Борис впоследствии был крупным московским землевладельцем, самым богатым из братьев Брусиловых, но в конце концов разорился. Лев, как и Алексей, посвятил себя военной службе, участвовал в русско-японской войне 1904—1905 гг., командуя крейсером «Громобой», и умер контр-адмиралом, будучи начальником Генерального морского штаба.

Их родители скончались рано, оставив детей на попечение богатой бездетной тетки А. Т. Гагемейстер, которая со своим мужем старалась дать племянникам «подобное» дворянам воспитание и образование. 14-летнего Алексея отвезли в петербургский Пажеский корпус, куда отец записал его еще четырехлетним. Там в старших классах преподавались тактика, артиллерия, фортификация, топография, военная история. Юноша обнаружил склонность к этим дисциплинам, а в строевой отдавал предпочтение кавалерийской езде. 18 лет он окончил Пажеский корпус. Согласно традиции пажи могли после выпуска служить по выбору в любых частях. Гвардия оказалась Алексею не по карману, и он избрал 15-й драгунский Тверской полк, стоявший на Кавказе. Четыре года прослужил прапорщик Брусилов в родных для него местах. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. прервала полупраздную жизнь молодого офицера. Боевое крещение поручик Брусилов получил под Карсом в мелких кавалерийских стычках, несколько раз оказывался под прицельным огнем. В одном из боев под ним была убита лошадь, но он остался невредим. В ночь на 6 ноября 1877 г. Брусилов участвовал в штурме Карса. За войну он получил три боевых ордена.

Позднее Брусилов продолжал служить в том же полку, затем поступил в петербургскую Кавалерийскую школу и по окончании ее в 1883 г. по разряду «отличных» в чине ротмистра был зачислен преподавателем той же школы. Хорошие познания в военном и кавалерийском деле, принципиальность и прямота характера снискали ему уважение среди сослуживцев. Несколько лет подряд он избирался членом и председателем офицерского суда чести, в 1890 г. был произведен в подполковники, в 1892 г. «за отличие по службе» — в полковники с «зачислением по гвардейской кавалерии», в 1900 г. стал генерал-лейтенантом, а в 1902 г. — начальником этой школы. К той поре он уже был известен в военных кругах и как автор статей по специальности.

В апреле 1906 г. по настоянию генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича Брусилова назначили начальником 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. То была высокая честь, поскольку дивизия считалась при дворе одной из лучших и была «любимым детищем». В январе 1909 г. он получил в командование 14-й армейский корпус, стоявший в Люблине, — крупное войсковое соединение, включавшее пехоту, кавалерию и артиллерию. Брусилов понял, что ему не хватает прежних, кавалерийских познаний и опыта. Он начал усердно работать над изучением мало известных ему прежде видов войск. Как военачальник он отличался особой подтянутостью, аккуратностью, не переносил неряшливости в одежде и плохой выправки, считал молодцеватость показателем дисциплины и выучки. В одном из тогдашних приказов по войскам он отмечал небрежность в одежде офицеров одного из своих полков и, напротив, отличную выправку солдат. Брусилов ненавидел пьянство и неоднократно подвергал разжалованию офицеров за пьяные дебоши в ресторанах или даже за посещение кафешантана. Ту же линию он проводил в Варшавском военном округе, где в 1912—1913 гг. служил помощником командующего войсками округа.

Известие о Сараевском убийстве, послужившем в июне 1914 г. поводом для начала первой мировой войны, Брусилов получил в Киссингене,

курортном городе на юге Германии, где он отдыхал и лечился вместе с женой. Курортная публика нимало не была обеспокоена новостью. Но последовавшие затем газетные сообщения об австро-венгерском ультиматуме Сербии и заявлении России о поддержке ею последней убедили Брусилова в неизбежности войны. 18 июля он прибыл в штаб 12-го корпуса, командиром которого стал в 1913 г., а с началом войны принял командование 8-й армией, входившей в состав Юго-Западного фронта. Его армия занимала самый южный участок фронта — от румынских границы до Проскурова и 5 августа начала наступательные действия. В газетах появилась телеграмма: «Армия Брусилова взяла Галич». Взятие крепости Галич с его тяжелой артиллерией и большим запасом снарядов к ней явилось значительным успехом.

Эта операция обеспечила левый фланг для дальнейшего наступления на сильно укрепленные позиции австрийцев. Затем в 6-дневном Гродекском сражении русские армии вновь нанесли поражение противнику. Открылся путь на Венгерскую равнину. Кровопролитным сражением под Перемышлем закончилась победная для русских войск Галицийская операция, длившаяся более месяца. В ней проявился оперативный талант Брусилова и его стремление наступать, опережая удары врага. Сражения 1914 г. показали, что австро-венгерская разведка ошиблась до войны, когда характеризовала Брусилова в одном из своих донесений в Венский штаб как человека, который «едва ли сможет справиться с должностью командира корпуса». Выявилось, что он «тянет» и на командарма.

Брусилов был известен заботой о «нижних чинах», воевавших в тяжелых условиях. Характерен его приказ от 6 декабря 1914 г. «Об обеспечении войск горячей пищей»: «Мы требуем от солдата громадного напряжения, и солдат это дает, но необходимо, чтобы он был сыт. Ставлю заботу, чтобы солдат имел ежедневно горячую пищу, первейшею обязанностью всех начальствующих лиц, несмотря ни на какие препятствия. Те начальники, у которых солдат голоден, должны быть немедленно отрешаемы от занимаемых ими должностей»⁶. Имелись и другие его распоряжения подобного рода. Заботливое отношение Брусилова к солдатам создало ему большую популярность.

В конце апреля 1915 г. немцы, перебросив с Запада несколько лучших корпусов, развернули мощное наступление в районе Горлицы, на правом крыле Юго-Западного фронта. Русские армии дрогнули. В июне пал Львов, затем Перемышль. Большая часть Галиции снова оказалась в руках противника. 8-я армия, которая защищала Перемышль, отступала вместе с другими. Это отступление из Галиции Брусилов называл катастрофой, а причиной ее считал, помимо «неосмотрительной стратегии» Верховного командования, непонимание местной обстановки командующим Юго-Западным фронтом генералом от артиллерии Н. И. Ивановым. Немалую роль сыграли тогда небезопасность русских армий боевыми средствами, общее техническое превосходство немцев и просчеты Петербурга. На фронте из-за нехватки боеприпасов гибли или попадали в плен целые полки, бригады и дивизии, а в Архангельске лежали горы снарядов, привезенных из Англии, но не доставленных на фронт, потому что железнодорожному начальству и чинам Артиллерийского управления никто не дал взятки.

Американский журналист Дж. Рид в качестве корреспондента журнала «Metropolitan Magazine» летом 1915 г. побывал в России на Юго-Западном фронте и затем изложил свои впечатления в очерке «Как они воевали», впервые опубликованном на русском языке в журнале «30 дней». Он рассказал о случае пропажи 17 млн. мешков муки, предназначенных как раз для армий Юго-Западного фронта. Полковник,

⁶ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, Приказный отдел, д. 1866, л. 288.

разговаривавший с Ридом, предполагал, что мука была продана румынам, а затем переправлена в Австрию⁷. Рид приводил также много других чудовищных фактов неорганизованности, халатности, воровства, взяточничества и беззакония, царивших в русском тылу и на фронте летом 1915 года.

Удручающие результаты кампании 1915 г. на Восточном фронте заставили задуматься англо-французские правящие круги о дальнейшем положении России как союзника. Уже было ясно, что Николай II и его камарилья могут привести страну к поражению и возможному сепаратному выходу из войны. Последнего Антанта допустить не хотела. В марте 1916 г. во французском городе Шантийи состоялось совещание представителей союзников. Важнейшим его решением было признание необходимости общего наступления на всех фронтах против Германии и Австро-Венгрии, причем Россия должна была развернуть его в начале мая, другие союзники — спустя две-три недели. Вскоре Париж и Лондон потребовали от Петербурга выполнения решения совещания в более ранние сроки, чем намечалось, поскольку в мае итальянцы потерпели от австрийцев поражение под Трентино.

На Восточном фронте началась спешная подготовка к наступательным операциям, намеченным на 22 мая (4 июня н. ст.). Юго-Западному фронту, как стало известно Брусилову, предстояло играть сравнительно пассивную роль в предстоящей операции. Но Брусилов стал готовить 8-ю армию к активным действиям и разработал план наступления, решив нанести главный удар в направлении Луцка и еще несколько вспомогательных, после чего начал перегруппировку войск. А затем он был назначен командующим Юго-Западным фронтом и предложил Ставке развернуть главное наступление именно на его фронте. Когда согласие было получено, Брусилов изложил командующим армиями свой план. Он в корне отличался от общепринятых тогда взглядов на осуществление прорыва фронта противника. Считалось, что прорыв лучше начинать на одном участке, сосредоточив там максимальное количество артиллерии и людских резервов. Но такой удар, как считал Брусилов, мог принести успех лишь в случае, если оборона противника оказывалась недостаточно прочной. Ведь именно слабость русской обороны явилась одной из причин успеха Горлицкого прорыва в 1915 году.

Новое в плане Брусилова заключалось в том, что прорыв австрийских позиций должен был осуществляться на четырех направлениях сразу — главном и вспомогательных, чтобы рассредоточить внимание, силы и средства неприятеля и лишить его возможности маневрировать резервами. 8-я армия наносила основной удар через Луцк. Южнее 11-я армия наступала на Золочев, 7-я — на Станислав и 9-я — на Коломыю. Войскам фронта предстояло прорвать мощные оборонительные позиции, состоявшие из двух—четырех укрепленных полос, расположенных одна за другой на расстоянии 5—10 км, каждая в две-три линии окопов с узлами сопротивления. Позиции австрийцев оборонялись почти полумиллионными войсками с многочисленной артиллерией и пулеметами. По огневой мощи противник значительно превосходил русские войска, которые ощущали особенно большой недостаток в тяжелой артиллерии.

Брусилов отдавал себе отчет в громадных трудностях прорыва мощной обороны и потребовал максимальной тщательности при подготовке наступления. Район расположения противника был хорошо изучен пехотной и авиационной разведкой. С самолетов были сфотографированы укрепленные позиции, затем фотографии увеличены и развернуты в планы. Когда каждой армии был намечен участок для удара, туда скрытно подтягивались войска, заранее тренировавшиеся во втором эшелоне в преодолении препятствий. 22 мая около 5 час. утра орудия Юго-Западного

⁷ 30 дней, М., 1927, № 7, с. 61—62.

фронта открыли общий огонь по проволочным заграждениям и окопам противника. Временами обстрел прекращался. Оглушенные солдаты врага выбирались из укрытий для отражения атаки русской пехоты. Но через 15 мин. огонь возобновлялся. Так происходило несколько раз, причем на некоторых участках артиллерийская подготовка длилась двое суток.

Первой двинулась вперед 9-я армия в Буковине. 8-я армия перешла в наступление 23 мая. Тут наметился главный успех. 4-я австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа-Фердинанда представляла собой в тот день сравнительно мало организованную толпу, практически брошенную офицерами. К 26 мая она была разгромлена в излучине р. Стырь. За три дня австрийский фронт был здесь прорван на протяжении до 80 км и отброшен на несколько десятков км, а в дальнейшем откатился до Киселина и Горохова. К концу июля соседняя, 3-я армия Западного фронта стояла у р. Стоход, 11-я дошла с боями до истоков Буга, 7-я пробилась к Галичу, 9-я взяла Черновцы и ворвалась в Карпаты. Однако Ставка Верховного командования не сумела развить этот успех в стратегическом масштабе. Правда, этот прорыв облегчил положение французов под Верденом и итальянцев у Трентино. Ускорились вступление Румынии в войну на стороне Антанты. Четверной союз потерял здесь в мае — июле 1916 г. до 1,5 млн. убитыми, ранеными и пленными и много боевой техники⁸. И в то же время продолжить эффективное наступление Юго-Западному фронту после сентября уже не удалось.

Когда начался революционный 1917 год, на этом фронте было тихо. Шла позиционная война. В тылу же надвигалась буря. Она разразилась в Феврале и, набирая силу, неудержимо понеслась к Великому Октябрю. В те месяцы Брусилов активно поддерживал линию Временного правительства на войну «до победного конца». 22 мая (4 июня), в годовщину прорыва на Юго-Западном фронте, он был назначен Верховным главнокомандующим, 19 июля (1 августа) замещен Л. Г. Корниловым и временно оставлен «не у дел». В конце октября 1917 г. этот генерал от кавалерии, вокруг имени которого уже сложились легенды, проживал в Москве, в Мансуровском переулке на Остоженке. Эта улица, а также и соседняя Пречистенка (ныне Кропоткинская) стали тогда местом одного из самых ожесточенных сражений между силами революции и контрреволюции. В начале ноября отряды краспогвардейцев и революционных солдат стремились овладеть главным центром контрреволюции — штабом Московского военного округа, находившимся на Пречистенке. В боях применялась и артиллерия.

Осколком снаряда, влетевшим в квартиру, Брусилов был ранен в ногу. Как только об этом стало известно, у его дома была поставлена революционная охрана, сам он вскоре перенесен в ближайшую хирургическую лечебницу, а затем отправлен в госпиталь к известному в то время хирургу С. М. Рудневу. Рана оказалась серьезной, Брусилову предстояло длительное лечение. Началось подлинное паломничество к нему в госпиталь представителей различных контрреволюционных организаций, старавшихся привлечь известного военачальника на сторону врагов Советской власти. Он получил письмо от «граждан Москвы», подписанное священниками, купцами, фабрикантами, офицерами и чиновниками, с соболезнованием по поводу страданий, причиненных ему «врагами и предателями родины», и с выражением надежды, что он пребудет «верным сыном отчизны»⁹. Письмо, однако, осталось без ответа. Брусилова посетила некая М. А. Нестерович-Берг, выполнявшая тогда роль связной между московским контрреволюционным подпольем и белыми генералами на Дону — М. В. Алексеевым, А. И. Дутовым, А. М. Калединым. Она передала Брусилову письмо, в котором ему предлагалось бежать на Дон.

⁸ См. подробнее: Ростунов И. И. Русский фронт первой мировой войны. М. 1976.

⁹ ЦГВИА СССР, ф. 162, оп. 1, д. 3, лл. 298—299.

Генерал ответил: «Никуда не поеду. Пора нам забыть о трехцветном знамени и соединиться под красным»¹⁰.

О переписке бывших царских генералов, разворачивавших на Дону белое движение, с Брусиловым в ноябре 1917 г. вспоминал и А. И. Деникин. Он утверждал, что Брусилов просил у Алексеева «полномочия для работы в Москве», на что Алексеев «дал полномочия и поставил задачу — направлять решительно всех офицеров и все средства на Дон». Вскоре, однако, белогвардейцы убедились, что «Брусилов переменил направление и, пользуясь остатками своего авторитета, запрещает выезд офицеров на Дон»; далее Деникин, одно время командовавший тем же фронтом, что ранее Брусилов, писал: «Вероятно, нет более тяжкого греха у старого полководца, потерявшего в тисках большевистского застенка свою честь и достоинство, чем тот, который он взял на свою душу, давая словом и примером оправдание сбившемуся офицерству, поступавшему на службу к врагам русского народа»¹¹.

Попытки перетянуть Брусилова в стан врагов трудового народа начались еще до Октябрьской революции. Первой из них явилось назначение его Верховным главнокомандующим в мае 1917 года. Временное правительство рассчитывало использовать в своих интересах популярность Брусилова и его убежденность в необходимости довести войну до победного конца. Одним из действенных средств борьбы с нараставшей революционностью масс и усиливавшимся влиянием большевиков буржуазно-помещичьи круги считали наступление на фронте: успех его приведет к усилению дисциплины, которая покончит с большевиками. «Едва ли можно сомневаться, — писала кадетская «Речь», — что наступление может нанести внутреннему врагу — большевикам не менее тяжкий удар, чем внешнему врагу»¹². Успехи на фронте вызвали бы также подъем оборончества, использовав которое можно было попытаться отложить, а затем и совсем снять решение главных внутренних вопросов — о мире и земле; в случае же неудачи наступления — свалить вину на тех же большевиков.

Организовать победоносное наступление как раз и должен был новый главковерх Брусилов. Брусилов согласился занять предложенный пост. Это соответствовало в ту пору его воззрениям. Сообщая брату Борису о новом назначении, он писал: «Одно тут чрезвычайно тяжело — это грандиозная ответственность перед Россией. Ответственности вообще не боюсь, да и личных целей не имею и славы не ищущу, но от всей души желаю и имею лишь одну цель — спасти Россию от развала, неминуемого в случае проигрыша войны»¹³. В своем первом приказе по войскам новый главковерх, искренне веривший в то, что писал, призвал войска сплотиться вокруг красного стяга с девизом «Свобода, равенство и братство» и ринуться на врага, навсегда сокрушив германский милитаризм, угнетающий народы всего мира¹⁴.

В те дни Брусилов продолжал следовать империалистической политике Временного правительства, поддерживал и проводил все его мероприятия, направленные против демократизации армии, делал все, чтобы укрепить дисциплину в целях продолжения войны. Он принимает крутые меры против митингов и собраний в войсках, дает согласие на восстановление

¹⁰ Нестерович-Берг М. А. В борьбе с большевиками. Париж. 1931, с. 100.

¹¹ Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.—Л. 1926, с. 29. Брусилов впоследствии, прочитав мемуары бывшего сподвижника, в своем «Ответе А. Деникину» категорически отверг обвинения в предательстве интересов России. Он писал, что всегда считал себя принадлежащим к народу России и полагал вполне естественным делить с ним его участь.

¹² Цит. по: Милиц Н. И. История Великого Октября. В 3-х тт. Изд. 2-е. Т. 2. М. 1978, с. 509.

¹³ Центральный Государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 5972, оп. 3, л. 69, л. 122.

¹⁴ ЦГВИА СССР, ф. 162, оп. 1, д. 6, л. 60.

полевых судов и смертной казни на фронте, распоряжается применять оружие в случае неисполнения приказов командования¹⁵.

Документы свидетельствуют о том, что генерал пытался также пресечь влияние большевиков в армии, просил Временное правительство присылать на фронт своих комиссаров для агитации против большевиков, требовал признать их пропаганду государственной изменой и сурово карать за нее и в районе боевых действий, и в тылу¹⁶.

Во время июньского наступления под Львовом Брусилов телеграфировал А. Ф. Керенскому: «Считаю, что оздоровление в армии может последовать только после оздоровления тыла, признания пропаганды большевиков и ленинцев преступной, караемой как за государственную измену»¹⁷. Сразу же после провала этого наступления Временное правительство стало активнее вынашивать антинародные планы. А правые откровенно мечтали о военном диктаторе, который не остановится перед кровавыми репрессиями. 16 июля на совещании у главноверха премьер Керенский предлагал подготовить Петроград к эвакуации, имея в виду и возможную сдачу его немцам. Брусилов, правда, возражал, говоря, что столице ничто не угрожает. «Страна искала имя»¹⁸ — так выразил позднее Деникин желание контрреволюции иметь во главе сильного человека. Несмотря на свое отрицательное отношение к пролетарской революции и популярность в кругах правых, Брусилов для этой цели не годился из-за своей честности. К тому же, когда ему было сделано подобное предложение, он решительно отказался.

19 июля 1917 г. Брусилов был заменен на посту главноверха Л. Г. Корниловым, которого еще в 1914 г. он едва не отдал под суд за неумелое командование войсками и неисполнение приказа. Корнилов оказался для контрреволюции более подходящей фигурой. Он не поколебался ни сдать немцам Ригу, ни готовить ту же участь революционной столице, ни начать подготовку переворота. По распоряжению Керенского Брусилов еще до приезда Корнилова передал дела начальнику штаба, после чего должен был направиться в распоряжение правительства. Обиженный скоропалительным и немотивированным смещением, Брусилов попросил разрешения уехать в Москву.

К вспыхнувшему вскоре корниловскому мятежу он отнесся резко отрицательно. Об этом свидетельствуют мемуары Нестерович-Берг — активной деятельницы контрреволюционного «Союза бежавших из плена», одним из руководителей которого был Корнилов. На одном из заседаний Союза в сентябре 1917 г., писала она, было решено захватить власть и объявить диктатором Корнилова, содержащегося тогда под арестом в Быховской гимназии. Для руководства войсками возникла необходимость в подходящей фигуре. Вновь обратили взоры к Брусилову, о чем и сообщили ему. Генерал ответил: «Вы не первые ко мне с таким предложением, но должен вам сказать, как всем вашим предшественникам, что почитаю всю эту затею авантюрой, во главе которой я, генерал Брусилов, стоять не намерен. Довольно того, что генерал Корнилов оказался изменником и, собрав бунтовщиков, пошел против правительства»¹⁹.

Во время боев в Москве за власть Советов контрреволюционный Комитет общественной безопасности надеялся использовать Брусилова и предпринял попытку вывезти генерала из его дома, находившегося в зоне артиллерийского обстрела, чтобы затем объявить его диктатором Москвы вместо полковника К. И. Рябцева. Белые очень хотели, чтобы авторитетный военачальник приказал офицерам, которых в Москве было в то вре-

¹⁵ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. 1983, с. 238; ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 15, л. 130.

¹⁶ ЦГВИА СССР, ф. 2067, оп. 1, д. 10, л. 216; ф. 366, оп. 1, д. 391, л. 67об. и др.

¹⁷ Цит. по: История гражданской войны в СССР. Т. 1. М. 1936, с. 235.

¹⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Париж. Б. г., с. 29.

¹⁹ Нестерович-Берг М. А. Ук. соч., с. 23—24.

мя несколько тысяч и большинство которых занимало выжидательную позицию, выступить на стороне контрреволюции. Такой приказ, несомненно, сыграл бы свою роль, но Брусилов наотрез отказался²⁰. Это случилось еще до его ранения. Оставшись сторонним наблюдателем, он присматривался к действиям Советской власти.

На излечении Брусилов находился восемь месяцев. После его выписки из госпиталя в июле 1918 г. давление на генерала со стороны белогвардейцев возобновилось. Нейтральность его позиции внушала им уверенность, что в конце концов он все же встанет под белые знамена. Некоторые знакомые советовали ему просто уехать в Одессу, где жили родственники жены. Вспоминая позднее об этих месяцах своей жизни, Брусилов писал: «Одно время, под влиянием больших семейных переживаний и уговоров друзей, я склонялся к отъезду на Украину и затем за границу, но эти колебания были непродолжительны. Я быстро вернулся к моим глубоко засевшим в душе убеждениям... Это тяжело, конечно, но иначе поступить я не мог, хотя бы это стоило жизни. Скитаться же за границей в роли эмигранта не считал и не считаю для себя возможным и достойным»²¹.

Летом 1918 г. положение Советской Республики осложнилось. Как характеризовал его А. Н. Толстой, «стиснутая до пределов княжения великого князя Ивана Третьего, Советская Россия отчаянно билась на четыре стороны,—пробивалась к хлебу, к морю, к золоту»²². Контрреволюционеры поднимали мятежи по всей стране. Республика трудящихся была зажата в кольце фронтов. В августе 1918 г. Брусилова посетил английский дипломат и шпион Б. Локкарт. Не назвав вначале себя, он попытался уговорить генерала согласиться, чтобы его переправили в Самару. И вновь Брусилов отказался.

Вскоре ВЧК перехватила письмо Локкарта, в котором тот, в частности, сообщал о планах контрреволюции сделать Брусилова белым вождем, используя его популярность. ВЧК не смогла пренебречь этим обстоятельством — Брусилов был арестован. В письме Ф. Э. Дзержинскому он просил объяснить причину задержания, поскольку не знал за собой никакой вины и неизменно отвергал предложение перейти к белым или уехать за границу. Дзержинский посетил арестованного и, рассказав ему о письме Локкарта, объяснил, что его напрямую ни в чем не обвиняют, но, учитывая планы врагов, вынуждены продержать некоторое время под стражей. Генерал отнесся к сказанному с пониманием. Жене он писал: «Сидим на гауптвахте в Кремле. Пожалуйста, будь спокойна и не огорчайся. Ты хорошо знаешь, что ни я, ни Ростя ни в чем перед правительством не провинились, а потому спокойно ждем решения»²³.

Вначале на гауптвахте к нему относились как к «контре» (время было сложное и драматичное: начало гражданской войны, убийство эсерами В. В. Володарского и М. С. Урицкого, покушение на Ленина, антисоветские заговоры, бандитизм). К Брусилову даже не допускали врача, ежедневно наблюдавшего его до ареста, несмотря на то, что рана вновь открылась и вызывала большие страдания. По воспоминаниям Локкарта, арестованного несколько позднее Брусилова и также содержавшегося в Кремле на гауптвахте, генерал выглядел больным, истощенным и старым, передвигался с трудом, опираясь на палку. Жена Брусилова Н. В. Желиховская энергично хлопотала за мужа: она обращалась в Совнарком и ВЧК, добилась, чтобы ее принял Ф. Э. Дзержинский, и доказывала, что

²⁰ Московский военно-революционный комитет, октябрь—ноябрь 1917 года. М. 1968, с. 167—168; Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917—1920 гг. М. 1988, с. 33.

²¹ Брусилов А. А. Ук. соч., с. 246.

²² Толстой А. Собр. соч. Т. 3. М. 1958, с. 397.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 5972, оп. 3, д. 80, л. 198; «Ростя» — Р. Н. Яхонтов, брат жены Брусилова Н. В. Желиховской, арестованный вместе с А. А. Брусиловым.

генерал в силу своих убеждений не мог примкнуть к контрреволюции, да и не в состоянии был участвовать в каком-либо контрреволюционном заговоре, ибо более восьми месяцев находился в больнице. Желиховская просила облегчить участь мужа, разрешить ей и врачу посещать его и получила разрешение ежедневно приходить к мужу. С пропуском, подписанным Дзержинским, Брусилова начал посещать профессор С. К. Лесной, сделавший в свое время ему две операции и продолжавший теперь прерванное лечение. А через два месяца Брусилов и брат его жены были освобождены.

После этого к нему «снова посыпались бесконечные требования со стороны всевозможных политических партий и людей различных каст, классов, состояний. Все тянули его на свою сторону, все требовали, чтобы он поступил так, как им желательно, а не так, как он хочет»²⁴. Однако генерал так и не перешел в лагерь контрреволюции. Но далеко не сразу встал он и на сторону Советской власти. Прежде он пережил душевную борьбу. Бывшему царскому генерал-адъютанту, потомственному дворянину, человеку монархических убеждений, хотя и презиравшему Николая II, глубоко религиозному, нелегко было отрешиться от привычных идей и понятий своего сословия, признав Советскую власть в России законной и справедливой. Ему помогло то обстоятельство, что он был большим патриотом Родины и честным человеком. Не принял он и интервенцию, ибо он полагал, что независимость страны необходимо беречь и защищать.

К середине июля 1919 г. в Красную Армию было зачислено, добровольно или по мобилизации, 32 с лишним тысячи бывших генералов и офицеров. А к августу 1920 г. Советской власти служили свыше 48 тыс. офицеров, более 10 тыс. военных чиновников и около 14 тыс. врачей. К концу гражданской войны они составляли треть комсостава Красной Армии и Красного Флота²⁵. Большинство из них «либо внутренне стали на точку зрения Советской власти, либо силой вещей увидели себя вынужденными добросовестно служить ей»²⁶. В числе таких генералов и офицеров уже находились тогда М. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Вацетис, К. И. Величко, С. С. Каменев, А. А. Самойло, Д. П. Парский, Б. М. Шапошников, М. П. Каменский, Ф. Ф. Новицкий, С. Г. Лукирский, А. И. Егоров, А. И. Корк, Д. М. Карбышев, В. М. Альтфатер и мн. др. Генералы А. П. Николаев, А. В. Станкевич, А. В. Соболев участвовали в сражениях с белыми, были взяты ими в плен и казнены (первые два посмертно награждены орденом Красного Знамени). От рук белых погиб и единственный сын Брусилова (от первого брака) Алексей, вступивший в 1919 г. в Красную Армию. Об этом сообщила газета Политотдела 7-й армии: «В Киеве по приговору военно-полевого суда белыми был расстрелян б. корнет Брусилов, сын известного царского генерала. Он командовал Красной кавалерией и попал к белым в боях под Орлом»²⁷.

Генералы Н. И. Ратэль, В. Н. Клембовский, А. М. Зайончковский, которых знал и уважал Брусилов и которые тоже служили в Красной Армии, неоднократно убеждали его доказать свою любовь к Родине, к русскому народу. В апреле 1919 г. Брусилов писал Клембовскому, что состояние его здоровья (раненая нога и большой желудок) не позволяет ему поступить на военную службу, но что он мог бы принять участие в работе Военно-законодательного совета РККА. Прямое служение делу обороны Советской страны реально началось для Брусилова с работы в Военно-исторической комиссии по изучению и использованию опыта

²⁴ Там же, д. 80, л. 198.

²⁵ Кавтарадзе А. Г. Ук. соч., с. 167; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1967, с. 107.

²⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 2, с. 99.

²⁷ Боевая правда, 20.XII.1919.

первой мировой войны при Всероссийском главном штабе²⁸ в апреле 1920 года. Брусилов разрабатывал тему «Действия 8-й армии в 1914 году до начала Галицийской битвы». Но ему не удалось закончить этот труд вследствие, как он отмечал²⁹, новых своих обязанностей и занятий. Они появились в связи с нападением белополяков на Советскую Республику. Долгое время оставаясь нейтральным в ходе гражданской войны, Брусилов теперь решил принять участие в защите Родины от интервентов.

1 мая 1920 г. он обратился с письмом на имя начальника Всероглавштаба Раттэля, предложив организовать «совещание из людей боевого и жизненного опыта для подробного обсуждения настоящего положения России и наиболее целесообразных мер для избавления от иностранного нашествия»³⁰. Это письмо было одобрено Политбюро ЦК РКП(б), а 2 мая 1920 г. приказом Реввоенсовета Республики было образовано Особое совещание (ОСО) при главнокомандующем всеми вооруженными силами; председателем ОСО назначался Брусилов. В состав ОСО вошли также А. А. Поливанов — бывший военный министр России, В. Н. Клембовский — бывший начальник штаба Юго-Западного фронта, А. Е. Гутор — бывший командующий Юго-Западным фронтом, сменивший на этом посту Брусилова, и некоторые другие крупные военачальники старой армии. Кроме них, в работе совещания принимали участие видные большевики, в том числе Н. И. Подвойский, которого Брусилов высоко ценил.

Вскоре «Правда» опубликовала письмо Брусилова во Всероглавштаб, сопроводив его следующей статьей: «Назначение А. А. Брусилова председателем Особого совещания, естественно, вызвало к себе значительный интерес. Создание Особого совещания, в состав которого наряду с опытнейшими военными специалистами входят виднейшие работники-коммунисты, было понято некоторыми в прямом противоречии с текстом и смыслом приказа РВСР как создание нового командного состава, притом коллегиального характера. Разумеется, ни о чем подобном не может быть и речи. Особое совещание состоит при главнокомандующем С. С. Каменева, в руках которого сосредоточена вся полнота военно-оперативной власти. Особое совещание имеет своей задачей разработку военно-административных и хозяйственных вопросов, связанных с обслуживанием Западного фронта (формирование, воспитание командного состава, пополнение, все виды снабжения, работа транспорта и пр.). Незачем пояснять, какое значение имеет этот круг вопросов и как важно внести в разрешение их опыт тех важнейших военных работников, которые входят в состав совещания. Сам председатель Особого совещания А. А. Брусилов слишком хорошо знает военную историю и достаточно богат личным военным опытом широкого масштаба, чтобы допускать мысль о раздроблении командной власти. Он это достаточно ярко выразил в печатаемом ниже письме на имя начальника Всероглавштаба. Из текста этого письма, которое дало в значительной мере толчок к созданию Особого совещания, читатели увидят как те мотивы, которые побудили А. А. Брусилова предложить свои услуги Советскому правительству в деле обороны России от польско-шляхетского нашествия, так и те взгляды А. А. Брусилова, которые достаточно объясняются его прошлым и которые целой исторической эпохой отдалены от взглядов Советской власти... В высокой степени знаменательно, что А. А. Брусилов признает безусловно правильной советскую политику, выразившуюся в безоговорочном признании не-

²⁸ Всероглавштаб — один из центральных органов Народного комиссариата по военным делам. Создан в мае 1918 года. Занимался формированием и обучением частей Красной Армии. В феврале 1921 г. слит с Полевым штабом в Штаб РККА.

²⁹ Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 11, оп. 2, д. 1043, л. 585.

³⁰ Военно-исторический журнал, 1963, № 3, с. 80.

зависимости Польской Республики. Не менее знаменательно и то, что А. А. Брусилов самим фактом предложения своих услуг для дела борьбы с буржуазно-шляхетской Польшей как бы подтвердил от лица известных общественных кругов, что рабоче-крестьянская власть имеет право желать и требовать поддержки и помощи от всех честных и преданных народу граждан, независимо от их прошлого воспитания, в той великой борьбе на Западе, от которой зависит будущее трудовая России»³¹.

Эта статья свидетельствовала о большом значении, которое придавала РКП(б) патристическому поступку группы генералов бывшей царской армии. Ленин сказал в этой связи: «Даже бывшие царские генералы признают несправедливыми притязания Польши и идут помогать нам»³².

Особое совещание рассмотрело многие вопросы организации, вооружения и снабжения Красной Армии. Были подробно разработаны структура и штаты пехоты, кавалерии, артиллерии, авиационных и санитарных частей с учетом опыта мировой и гражданской войн. Выступления Брусилова в Особом совещании говорят о его искреннем стремлении передать Красной Армии свои разносторонние военные знания и боевой опыт. Заслуживает внимания его высказывание о подготовке командного состава. На другом заседании Брусилов подчеркнул необходимость отличной организации разведки, которой он, еще будучи командующим Юго-Западным фронтом, придавал первостепенное значение и хорошо ее налажил, что в значительной степени предопределило успех наступления его войск летом 1916 года.

25 мая 1920 г. в Особом совещании обсуждался вопрос о воззвании ко всем бывшим царским офицерам с призывом добровольно вступать в РККА. «Нужно так эти письма написать, — говорил Брусилов, исходя из характерной для него тогда позиции, — чтобы они ясно поняли, что дело в данный момент вовсе не в классовой борьбе, а в том, чтобы нашу самостоятельность отстоять и вместе с тем отстоять пределы, в которых находится наше государство»³³. Совещание поручило Брусилову составить проект документа, что он и сделал. Текст воззвания «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» был опубликован за подписью Брусилова и других членов Особого совещания. В нем говорилось: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к Родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче-Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своею честною службою, не жалея жизни, отстоять во что бы ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения»³⁴.

Вслед за тем был опубликован декрет Совнаркома РСФСР за подписью Ленина об освобождении от ответственности за совершенные в прошлом преступления против Советской власти тех бывших офицеров-белогвардейцев, которые помогут ликвидировать последние очаги контрреволюции в Крыму, на Кавказе и в Сибири и тем самым ускорят победу Советской Республики на польском фронте. После декрета на содержавшийся в воззвании призыв откликнулось несколько тысяч бывших офицеров, прежде уклонявшихся от службы в Красной Армии или воевавших в белых армиях³⁵.

Брусилов имел прямое отношение и к другому воззванию, адресованному Советской властью врангелевским офицерам. История этого дела

³¹ Правда, 7.V.1920.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 121.

³³ ЦГАСА, ф. 33988, оп. 1, д. 276, лл. 54—55.

³⁴ Правда, 30.V.1920.

³⁵ Кавтарадзе А. Г. Ук. соч., с. 169.

такова. 8 сентября 1920 г. в распоряжение 13-й армии РККА (Юго-Западный фронт) перешел врангелевец поручик Яковлев. Он рассказал о разложении войск Врангеля и заговоре большой группы офицеров, находящихся в штабах; тайная организация «намерена низвергнуть Врангеля и объявить его армию красной Крымской под командой Брусилова», — сообщил перебежчик, но для этого необходимы от Советского правительства гарантии полной амнистии всем врангелевцам, а также соответствующее обращение Главкома Красной Армии. В качестве доказательства серьезности сообщения и реальности предложения заговорщиков Яковлев готов был выдать руководителей белогвардейской организации, действующей на советской территории и готовящей контрреволюционное восстание.

Это сообщение, переданное в Центр членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта С. И. Гусевым, Ленин назвал «архиважным» и в телеграмме в Реввоенсовет посоветовал принять предложение Яковлева, проверив его предварительно; независимо от этого «тотчас же изготовить обращение-манифест» с точными предложениями и гарантиями³⁶. Манифест был составлен. Он призывал офицеров-врангелевцев отказаться от постыдной роли на службе у польских панов и французских ростовщиков и сложить оружие, бесчестно направленное против собственного народа; добровольно перешедшим на сторону Советской власти гарантировалась полная амнистия. Манифест был включен в листовку, распространенную затем среди врангелевских войск. «Все, что есть честного в русском офицерстве, — говорилось в ней, — уже встало на защиту Советской России и борется за ее независимость, за возможность мирного труда, за власть трудящихся на фронтах против Польши и Врангеля, и только вы до сих пор еще ведете братоубийственную войну, находясь в стане наших врагов»; далее напоминалось об образовании Особого совещания, проделавшего большую и полезную работу, о выпущенном им воззвании и подчеркивалось, что «теперь выпущено еще обращение к вам, подписанное вождями Советской России и А. Брусиловым».

В листовку вошел и текст «Воззвания к офицерам армии барона Врангеля», подписанного председателем ВЦИК М. И. Калининым, председателем Совнаркома В. И. Ульяновым (Лениным), наркомом по военным и морским делам Л. Д. Троцким, главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики С. С. Каменевым и представителем Особого совещания при главкоме А. А. Брусиловым³⁷. Воззвание было опубликовано также в центральной печати³⁸. Манифест произвел сильное впечатление на войска белой армии, засевшей в Крыму. Заместитель председателя РВС Э. М. Склянский позднее рассказывал Брусилову, что среди врангелевцев брожение усилилось, многие солдаты не хотят воевать, так что их силой заставляют идти в бой либо эмигрировать.

Работая в Особом совещании, Брусилов получил возможность детальнее наблюдать ход гражданской войны и обобщать ее опыт. Он письменно высказал ряд важных мыслей о развитии Красной Армии, ее видов и родов войск. Как бывший кавалерийский офицер, много сделавший для прогресса конницы, он тем не менее признавал, что общая роль кавалерии резко упала, что объяснялось развитием авиации и новых средств связи, которые способны ограничить действие таких факторов, как скрытность, внезапность и подвижность кавалерии. Он придавал очень большое значение сравнительно новому роду войск — военно-воздушным силам и писал: «Совершенно необходимо обратить самое усиленное внимание, не жалея ни средств, ни трудов, на самую энергичную постройку воздушных судов вполне современных типов и необходимо твердо помнить, что наша отсталость в этом отношении грозит Красной Армии в

³⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51, с. 277.

³⁷ ЦГАСА, ф. 198, оп. 2, д. 193, л. 43.

³⁸ Правда, 12.IX.1920.

будущем, а следовательно, и всей Советской Республике большой бедой. Героическими усилиями нам необходимо догнать наших возможных врагов и в дальнейшем никак не отставать в развитии этого нового вида оружия»³⁹.

Интересны размышления Брусилова о народной армии, высказанные им в конце 1920 г. в беседе с сотрудником журнала «К новой армии» — органа Главного управления Всевобуча. Брусилов считал, что «многомиллионная народная армия может быть только милиционного характера»⁴⁰. Вопрос о создании милиционной армии (т. е. широкое обучение масс военному делу вместо создания профессионально-регулярных войск) впервые после Октябрьской революции специально обсуждался на VIII съезде РКП(б) в 1919 г.; IX съезд партии принял в 1920 г. резолюцию о переходе к милиционной системе строительства РККА. Однако провести эту реформу в жизнь не удалось: помешали война с Польшей и борьба с Врангелем. Сама жизнь диктовала создание регулярной Красной Армии. Брусилов же, говоря о милиционной армии, вовсе не имел в виду те классовые причины, которые побуждали партию большевиков обратиться к этой идее. Понятия «буржуазный государственный аппарат», частью которого являлась старая армия, «пролетарская милиция» и т. п. были ему чужды. Высказываясь за милиционную армию, Брусилов вкладывал в данное понятие лишь мысль о необходимости всеобщего военного обучения, чтобы обеспечить вооруженные силы хорошо подготовленным пополнением и кадрами.

В октябре 1920 г. Особое совещание, выполнив возложенные на него задачи и принеся значительную пользу делу обороны страны, стало свертывать свою работу. После ликвидации совещания Брусилов был включен в состав Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете Республики, занял должность главного инспектора ГУКОН (Главного управления коннозаводства и коневодства РСФСР). Несмотря на возраст, он энергично взялся за восстановление коневодства⁴¹. Одновременно он занимается в 1921—1924 гг. военно-педагогической деятельностью: читает лекции в Академии РККА, преподает теорию езды и выездки в 1-й кавалерийской школе, начальником которой был его давний знакомый, также бывший генерал, Д. Н. Логофет.

В феврале 1923 г. Брусилова назначают на должность инспектора кавалерии РККА и одновременно представителя Реввоенсовета в Главном управлении коневодства Наркомзема СССР. В 1924 г. 70-летний Брусилов, выйдя в отставку, остался в распоряжении Реввоенсовета СССР «для особо важных поручений». Ему была назначена пожизненная пенсия. У него появилась возможность отдохнуть, поправить здоровье. Он получил бесплатную путевку в санаторий «Узкое» под Москвой, принадлежавший Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ). Там он много читал и писал.

Брусилова уважали в Красной Армии за ум, прямоту взглядов, патриотизм и искреннюю лояльность по отношению к Советской власти. На вопрос одного иностранного корреспондента, как Брусилов относится к ней, Алексей Алексеевич ответил: «Я подчиняюсь воле народа — он вправе иметь правительство, какое желает. Я могу быть не согласен с отдельными положениями, тактикой Советской власти, но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною родины»⁴². Эти слова объективно выражали убеждения Брусилова.

³⁹ Военно-исторический журнал, 1963, № 3, с. 83.

⁴⁰ К новой армии, 1920, № 16, с. 32.

⁴¹ О соответствующих планах стало известно Ленину (см. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11, с. 83).

⁴² Гудок, 26.VIII.1921.

В одном из пражских архивов сохранилась запись его беседы с чехословацким инженером И. Шромом, находившимся в январе 1922 г. в Москве⁴³. Беседа проходила наедине. Брусилов говорил предельно откровенно. Как писал Шром, несмотря на то, что 68-летний генерал выглядел не совсем здоровым, утомленным, он высказывался «спокойно, связно, логично, с огромной верой в лучшее будущее России, к которому она, по его мнению, все-таки должна прийти и придет сама, своим собственным трудом». В ходе беседы, продолжавшейся более часа, Брусилов отметил, что из-за революции он, конечно, многое потерял: победоносное завершение первой мировой войны с участием старой России принесло бы ему и славу, и большие почести,— но он не жалеет о потерянном, т. к. значение всего того, что произошло и происходит в России, огромно и личные интересы тут не имеют значения.

Россия, говорил Брусилов, находится сейчас в неизмеримой нужде, в которую ее свергли разные причины, и нельзя в этом обвинять новую власть. Большевики во многом оказались правы: они с корнем вырвали русскую прогнившую аристократию, лишили фабрикантов и помещиков их богатств, накопленных в течение многих лет за счет народа, сохранили целостность России. Подчеркнув, что он не социалист и никогда им не станет, Брусилов сказал, однако, что революция была необходимостью, и выразил уверенность в том, что страна выкарабкается из той нищеты, в которой она находилась и пока еще находится. «Россия будет строить и уже сейчас начинает строить. Русский народ сейчас ничего не хочет, кроме мира, чтобы иметь возможность трудиться и вырваться из упадка». С самого начала Брусилов был против иностранного вмешательства в русские дела: «Я знаю, что любая иностранная помощь, а особенно военная, очень многого стоит той стране, которой ее оказывают». И напомнил, что он категорически воспротивился настояниям жены бежать за границу, ибо считал своей обязанностью остаться в России во время революционных бурь: «Революция — это наше внутреннее дело. Те русские, которые бежали из России и из-за границы указывают, как мы должны здесь действовать, совершенно не имеют на это права».

На вопрос, почему он не выступил вместе с Колчаком, Юденичем и Деникиным, Брусилов ответил, что их дело было обречено на провал. Стремления белых генералов оказались антинародными, и народ за ними не пошел. Всюду, куда бы они ни вступали со своими войсками, восстанавливались старые порядки. Белые генералы руководствовались в своей борьбе личными интересами, воевали за возвращение старых привилегий, опирались на иностранную помощь и потому не смогли добиться успеха. После падения этих трех белых командующих остался Врангель. Если Колчак, Юденич и Деникин, объединившись, могли бы еще иметь какие-то шансы на успех, то Врангель с самого начала не мог ни на что рассчитывать. Что он мог сделать с 50-тысячной армией против всей России? Его действия, во время которых он подверг неслыханным жестокостям население Крыма, нельзя назвать не чем иным, как преступлением. Кроме того, на совести Врангеля судьба тех 100 тыс., которых он эвакуировал и которые сейчас тяжело страдают, физически и духовно, разбросанные по всей Европе.

Брусилов объяснил Шрому, почему он поднял голос в защиту Советской России, когда на нее напала Польша: он руководствовался патристическими мотивами, не желая, чтобы его Родина потерпела поражение или понесла какой-то урон, и посчитал долгом предложить свои знания и опыт делу обороны страны. В конце беседы Брусилов сказал, что всегда относился к Чехословакии с симпатией и уважением, что ему особенно нравится в чехах и словаках их горячий патриотизм. Брусилов, как

⁴³ Фотокопия записи беседы хранится в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР.

выяснилось из беседы, живо интересовался новыми, послеверсальскими государствами, их границами и населением. Он расспрашивал Шрома также о положении русских эмигрантов в Юго-Восточной Европе, заметив: «С этим элементом вам трудно будет».

Затем Брусилов коротко поведал гостю о себе, сказав, что им с женой живется нелегко. Приходится много работать. Цель его работы сейчас — восстановить пришедшее в упадок коневодство. Трудиться тяжело, т. к. отсутствуют должная организация дела и согласованность усилий. Но он надеется, что постепенно все наладится. Служба дает ему заработок, которого хватает на скромную жизнь. Пришлось привыкнуть и к домашней работе, которой Брусилов и его жена не знали до революции. «Но мы все не жалеем, что здесь остались и что страдали и еще должны страдать. В России растут и раскрываются из народных глубин новые силы, могущество которых мы не можем оценить даже приблизительно. Я твердо уверен, что Россия из всего этого выкарабкается, оживет, медленно, но верно». В заключение Шром записал, что Брусилов «находится в хорошем расположении духа, в его непосредственных словах звучит разумная и трезвая гордость и вера в русское будущее».

С большим уважением относился к Брусилову наркомвоенмор СССР М. В. Фрунзе. Когда в 1925 г. у Брусилова начала болеть раненая нога, Фрунзе ходатайствовал перед правительством о разрешении для больного выехать на лечение в Карловы Вары, и разрешение было получено. В свою очередь, и Брусилов очень уважал Фрунзе. Высокого мнения о личности Брусилова были А. И. Егоров, Р. П. Эйдеман⁴⁴, другие видные советские военные деятели. До конца жизни сохранял благодарность к Брусилову герой гражданской войны Г. И. Котовский. В октябре 1916 г. он за революционную деятельность был приговорен военным судом к повешению и за день до исполнения приговора обратился к Брусилову как командующему Юго-Западным фронтом, утверждавшему приговоры, с просьбой заменить ему повешение отправкой на фронт в самое опасное место или же в крайнем случае расстрелять. Брусилов помиловал Котовского⁴⁵.

Нежелание Брусилова стать на сторону контрреволюции и честное его служение Советской власти вызывали бешеную злобу ее врагов. В конце гражданской войны в белоэмигрантской газете «Общее дело», издававшейся в Париже В. Л. Бурцевым, появилась в четырех номерах статья «Как они продались III-му Интернационалу». В ней приводился перечень 12 бывших царских генералов, которые теперь ставились белой эмиграцией «вне закона» и подлежали смертной казни через повешение, когда «законная власть» снова водворится в России. Первым в списке стоял Брусилов. «Перечисленные же поименно удовлетворяют всем условиям, способным определить суд над ними или их памятью в будущей России, — говорилось в статье. — То есть они: 1) поступили на советскую службу добровольно, 2) занимали посты исключительной важности, 3) работая не за страх, а за совесть, своими оперативными распоряже-

⁴⁴ Эйдеман, начальник тыла Юго-Западного фронта, затем командарм-13 в 1920 г., а с 1925 г. начальник и комиссар Военной академии, лично знакомый с Брусиловым, после его смерти вел переговоры с вдовой генерала об издании его воспоминаний в СССР (таково было завещание Брусилова) и написал предисловие ко второму изданию. Однако второе издание «Мои воспоминания» Брусилова вышло в 1941 г. уже с предисловием другого автора, ибо Эйдеман был в 1937 г. репрессирован. В своем предисловии Эйдеман, в частности, писал: «В 1925 году Брусилов едет на лечение в Чехословакию — в страну, вооруженные силы которой зародились на Юго-Западном фронте мировой войны, возглавлявшемся А. А. Брусиловым. В Чехословакии печать и официальные круги окружают Брусилова исключительным «вниманием». Ему делаются предложения остаться за границей, Брусилов — человек долга и чести — отвергает эти предложения. Глубоко честный и прямой во всех своих мыслях и поступках, он не мог быть ни вредителем, ни предателем» (ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 240, л. 31).

⁴⁵ Военно-исторический журнал, 1962, № 10, с. 54.

ниями вызвали тяжелое положение армий Деникина, Колчака, Петлюры... Летом 1920 года в Крыму было опубликовано воззвание офицеров Генерального штаба к находившимся в армии Врангеля. После прочтения имен подписавшихся стало жутко: оказалось, что громадное большинство мозга армии — генеральный штаб — не здесь, с нами, а там — с ними⁴⁶. И их уμεлую предательскую руку чувствовали в критическую минуту и Колчак, и Деникин, и Врангель»⁴⁷.

Брусиллов скончался 17 марта 1926 г. в Москве от воспаления легких. На следующий день был опубликован некролог «Памяти А. А. Брусиллова», в котором говорилось: «Брусиллов гораздо раньше других понял гниль царского самодержавия. В феврале 1917 года он оказал энергичное давление на бывшего царя, убеждая его отречься от престола. После Февральской революции Брусиллов неоднократно подчеркивал, что свои посты он намерен занимать лишь по соглашению с Советами рабочих и солдатских депутатов. После Октября А. А. Брусиллов остался лояльным гражданином Советской Республики. Он не ушел в стан врагов рабочекрестьянской власти. Наоборот, в грозную годину наступления белополяков он возвысил свой голос и обратился к населению с просьбой и горячим призывом помочь Красной Армии отразить врага»⁴⁸. Алексей Алексеевич был похоронен со всеми воинскими почестями на Новодевичьем кладбище. Среди венков, возложенных на его могилу, находился большой венок с кумачовой лентой, на которой было написано: «Честному представителю старого поколения, отдавшему свой боевой опыт на службу СССР и Красной Армии, А. А. Брусиллову от Реввоенсовета».

Советские историки и писатели уделили значительное внимание военному таланту Брусиллова, его роли в истории отечественной армии и воинского искусства. Издан ряд книг, посвященных ему⁴⁹. Во время Великой Отечественной войны на сцене Малого театра в Москве с успехом шла драма И. Л. Сельвинского «Генерал Брусиллов». В 1943—1944 гг. был опубликован роман С. Н. Сергеева-Ценского «Брусилловский прорыв», в 1947 г. — роман Ю. Л. Слезкина «Брусиллов». Но в 1948 г. имя Брусиллова исчезло со страниц печати, а книги о нем — с библиотечных полок. Что же было причиной такого поворота в его оценке?

В 1923 г. Брусиллов завершил работу над книгой «Мои воспоминания». Изложение кончалось в ней тем, что, смещенный Временным правительством с поста верховного главнокомандующего, он покинул армию. В заключение Брусиллов выражал надежду, что ему удастся написать второй том воспоминаний, где он постарается вспомнить подробности его жизни при Советской власти. После смерти Брусиллова его жена, получавшая за мужа пенсию в СССР, уехала в Чехословакию лечиться и не вернулась на родину. Она увезла с собой личный архив мужа, включая рукопись воспоминаний. Алексей Алексеевич, умирая, завещал издать их только на родине. Н. В. Желиховская выполнила его завет: отрывки из «Моих воспоминаний» были опубликованы в №№ 4 и 5 журнала «Война и революция» за 1927 г., затем в 1929 г. вышли полностью отдельным изданием⁵⁰. В дальнейшем они выпускались у нас в 1941, 1943 и 1946 годах.

⁴⁶ Газета перепугала воззвание «К офицерам армии Врангеля», подписанное Калининим, Лениным и Брусилловим, с первым воззванием, подписанным членами Особого совещания.

⁴⁷ Цит. по: Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М. 1958, с. 318—320.

⁴⁸ Правда, 18.III.1926.

⁴⁹ Обзор литературы о Брусиллове см.: Смолин А. В. На службе победившего пролетариата (А. А. Брусиллов). В кн.: Научная биография — вид исторического исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Л. 1985.

⁵⁰ Впервые отрывок из воспоминаний был опубликован при жизни Брусиллова в журнале «Россия» (М., 1924, № 3); упомянем также о рижском издании книги в 1928 году.

Личный архив Брусилова после смерти его жены в Праге в 1938 г. перешел в Русский заграничный исторический архив (РЗИА), созданный в 1923 г. в Праге белоэмигрантами.

В 1946 г. большая часть РЗИА, в которую входили и брусилевские материалы, поступила в СССР. Среди них был обнаружен машинописный оригинал со вставками от руки, где от лица Брусилова описывалась его жизнь в Советской России. Содержание рукописи было антисоветским и имело целью как бы оправдать Брусилова, хотя бы и после его смерти, перед белой эмиграцией.

Тогдашнее руководство Министерства внутренних дел СССР (государственные архивы в то время входили в ведение МВД), не разобравшись в происхождении рукописи и не проведя ее исследования, сообщило в 1948 г. И. В. Сталину, что автор рукописи — сам Брусилев, написавший ее в 1925 г. во время пребывания на лечении в Чехословакии. Дело усугубилось тем, что наиболее антисоветские и антисемитские места рукописи использовались в своей пропаганде органы фашистской Германии после нападения на СССР в 1941 году. Вот почему имя Брусилова и все, что было с ним связано, оказалось у нас с 1948 г. под запретом. Замалчивание этого имени вызывало недоумение у советских людей. Усилиями Военно-научного управления Генерального штаба, Главного архивного управления при Совете Министров СССР, редакции «Военно-исторического журнала» и других заинтересованных учреждений вопрос об отношении к Брусилеву был в начале 1960-х годов еще раз рассмотрен.

Рукопись т. н. второй части воспоминаний, приписываемой Брусилеву, была исследована во Всесоюзном институте криминалистики. Графологическая экспертиза установила, что эта часть «воспоминаний» написана другим лицом, скорее всего его вдовой. Кроме того, рукопись подвергалась затем редактированию кем-то из лиц, ненавидевших Советскую страну⁵¹. Был проведен также лингвистический анализ рукописи комиссией Института русского языка АН СССР во главе с проф. С. И. Ожеговым. На основе сравнительного изучения стилистических и грамматических особенностей изданных «Моих воспоминаний» и рукописи комиссия определила, что вторая часть «воспоминаний» — подделка⁵². А выявление и изучение всех архивных документов, относящихся к советскому периоду жизни Брусилова, позволило установить, что он вообще не оставлял какой-либо рукописи воспоминаний о своей жизни после Октября, кроме некоторых отрывочных заметок.

Так было восстановлено честное имя А. А. Брусилова, и оно вновь появилось на страницах советской печати. К 110-й годовщине со дня рождения генерала, отмечавшейся в августе 1963 г., многие газеты и журналы напечатали материалы о нем, в том числе много новых и интересных, а Воениздат выпустил 5-е издание «Моих воспоминаний». Следующее увидело свет в 1983 году.

⁵¹ Подробнее см.: Ваксберг А. Преступник будет найден. М. 1963, с. 154—155.

⁵² Оговек, 1964, № 31, с. 24—25.

ФРИДРИХ II

Л. И. Гинцберг

Известному пемедкому живописцу XIX в. А. Менцелю принадлежат несколько картин из жизни прусского короля Фридриха II (которого его соотечественники-историки обычно именуют Великим). Король предстает в пышных интерьерах своего потсдамского дворца Сан-Суси (в переводе — «без забот»); на одной из картин изображено застолье, где Фридрих II запечатлен в окружении друзей-немцев и гостей из Франции. Король внимает тому, что говорит один из них — это Ф. М. Вольтер, здесь же и другие французские писатели и философы: Ж. Д'Аржан, П. Мопертюи, Ж. Ламетри. Все персонажи, по моде того времени, в напудренных париках; хорошо передана художником роскошь обстановки, сквозь открытую дверь виден дворцовый парк, который своим совершенством мог поспорить с версальским. Место действия другого полотна — музыкальный салон Фридриха II: он занимается музицированием, солируя на своем любимом инструменте — флейте в сопровождении клавишина и струнного квартета.

Живописец избрал в этих случаях те занятия короля, которые характеризуют возвышенность его натуры. У Менцеля есть, правда, и картина, на которой король изображен во время путешествия по стране: поданные целуют ему руки и полы сюртука. Все сюжеты, конечно, не выдуманы, но какое бы важное место они ни занимали в жизни Фридриха II, не это было в ней главным и определяющим, а войны, которые «просвещенный монарх» вел с целью «округления» владений Пруссии, и заботы об удержании, закреплении завоеванного. Последнее требовало от Фридриха II максимума изворотливости и незаурядного дипломатического искусства (нередко он практиковал прямое вероломство по отношению к союзникам и перемену фронта на 180°).

Это вовсе не означает, что Фридрих II был чужд интеллектуальных интересов, не имел вкуса к литературе, философии, музыке. Наоборот, он стоял в этом отношении на голову выше других европейских монархов, ибо едва ли не профессионально занимался каждой из названных материй. Прусский король писал стихи (мнения об их качестве, правда, расходятся), многочисленны прозаические его произведения, среди них — трактат «Антимакиавелли», два пространных политических завещания — по существу, тоже серьезные трактаты, книга «История моего времени», ряд более поздних воспоминаний, в частности за период с 1763 по 1775 г., о событиях 1778 г. и др., обстоятельные специальные труды — «Генеральные принципы ведения войны», где Фридрих II обобщил опыт военных действий 1740—1744 гг. за обладание Силезией, и «История Семилетней войны», работы «Критика «Системы природы» (Гольбаха), «О немецкой литературе» и др. Писательство было страстью короля; его литературное наследие огромно. И сочинения Фридриха II, и его многочисленные письма — наибольшая часть наследия (политическая переписка занимает 35 томов, есть и весьма обширная личная, например,

три тома писем к Вольтеру) — были написаны на французском языке, на языке страны, которая с молодых лет пользовалась особыми симпатиями Фридриха и литературу которой он предпочитал всем другим, в том числе немецкой (его владение родным языком было далеко от совершенства).

Музыкальные достижения Фридриха II были значительны: он не только играл на флейте, но и выступал в качестве композитора. Прусскому королю приписывается авторство многих музыкальных произведений (оно не всегда может быть установлено с полной достоверностью), в том числе двух симфоний (или увертюр), четырех концертов для флейты, девяти арий, более 120 сонат для флейты. Творчеством — литературным или музыкальным — король, когда не было войн, занимался по 2—3 часа в день. В то время, когда он находился в Сан-Суси, музыкальные вечера устраивались ежевечерне, и лишь в последние годы жизни, когда игра на флейте стала даваться Фридриху II с трудом, они прекратились¹.

А зародились эти увлечения в ранней юности Фридриха, родившегося в 1712 году. Он был старшим сыном короля Фридриха-Вильгельма I, прозванного «фельдфебелем на троне» и не одобрявшего пристрастий своего наследника, особенно его интереса к вольнодумным сочинениям французских просветителей. Из них будущий властитель Пруссии черпал некоторые идеи, сформировавшие его мировоззрение, например, отношение к религии, которую Фридрих II оценивал весьма скептически. Вот почему, познакомившись с сочинениями Вольтера, с его призывом: «Уничтожьте гадину!», тогдашний кронпринц стал рьяным поклонником выдающегося французского мыслителя; в 1736 г. началась их переписка, длившаяся вплоть до смерти Вольтера. Кроме того, последний в течение почти трех лет (1750—1753 гг.) был гостем прусского короля, задавая тон застольным беседам в Сан-Суси, что весьма тешило самолюбие Фридриха II. Правда, столь тесное сосуществование не пошло на пользу взаимоотношениям, и Вольтер покинул Пруссию, раздосадованный недостаточностью внимания, уделявшегося ему монархом; переписка между ними после этого прекратилась, но спустя ряд лет, в период Семилетней войны, Фридрих II (при посредстве сестры) добился ее возобновления, ибо это могло быть ему полезно для нормализации отношений с Францией².

В ранние годы Фридрих познакомился и с сочинениями немецких мыслителей, в частности Х. Вольфа, но придавал им гораздо меньшее значение. Ведь французские просветители в соответствии с большей развитостью общественных условий во Франции оставили своих немецких собратьев далеко позади. По той же причине Фридрих II мог не скрывать симпатий к французскому Просвещению, публикуя свои произведения, близкие к идеям последнего: в Пруссии не существовало общественного мнения, которое могло бы подхватить эти идеи и обратить их против королевской власти³.

Кронпринц все более страдал из-за безапелляционности своего отца, стремившегося полностью подчинить его и подавить все попытки к самостоятельности. Кризис в их отношениях достиг апогея в связи с тем, что Фридрих и его мать предприняли в 1730 г. шаги, чтобы добиться его женитьбы на дочери английского короля. Фридрих-Вильгельм I резко воспротивился этому, и тогда принц решил бежать. Подготовка к побегу велась дилетантски, и план быстро стал известен королю. Фридрих II

¹ Augstein R. Preussens Friedrich und die Deutschen. Frankfurt-a. M. 1968, S. 100—101.

² Schieder Th. Friedrich der Grosse. Frankfurt-a. M. 1983, S. 454ff.; Preussens grosser König. Würzburg. 1986, S. 186.

³ Mittenzwei I. Friedrich II. und die Übergangsepoche vom Feudalismus zum Kapitalismus.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1986, № 8, S. 691.

и его помощники были схвачены и заточены. Их предали военному суду, но никто не был приговорен к смерти; тогда король, недовольный «мягкостью» судей, вынес собственный приговор, предусматривающий для одного из подсудимых смертную казнь. Она была приведена в исполнение под окном помещения, в котором содержался под арестом Фридрих⁴.

Естественно, что это было для кронпринца сильнейшим потрясением и не могло не ожесточить его. Тогда, вероятно, и зародилась та мизантропия, которая просматривается практически во всех сочинениях короля. В то же время Фридрих, чтобы выжить (а до его восшествия на престол оставалось еще 10 лет), вынужден был прибегнуть к притворству и лицемерию, что наложило отпечаток на всю его последующую деятельность. Во всяком случае, уже в 30-е годы XVIII в. наметился тот разрыв между положениями, которые он формулировал в своих сочинениях, и его подлинными намерениями. Это видно на примере произведения Фридриха II «Антимакиавелли» (1739—1740 гг.); в нем автор высказывается в принципе против методов, которые рекомендовал флорентийский мыслитель в качестве наилучших для управления государством, но фактически допускает некоторые из них.

Особого интереса заслуживает позиция кронпринца по вопросам войны и мира. Здесь он подчас не скрывал своих взглядов, хотя и избегал конкретизации, предпочитал рассматривать все в теоретическом плане⁵. В одном из писем 1731 г. Фридрих сетовал на чересполосицу прусских территорий и утверждал необходимость их «округления». В «Соображениях о современном состоянии Европы», относящихся к 1738 г., он писал, что необходимые территориальные изменения следует осуществлять силой; в «Антимакиавелли» санкционировал превентивные войны и войны, имеющие целью реализацию претензий и прав того или иного властителя на чужие территории⁶. В то время на соответствующие формулировки не обратили должного внимания, и поэтому переход Фридриха II к завоевательной политике оказался для многих неожиданным. На деле его можно было предвидеть, хорошо изучив сочинения кронпринца.

Фридрих II пришел к власти в 1740 г., и некоторые мероприятия первых месяцев его правления могли возбудить надежды на лучшее. Среди них — отмена пытки как важного элемента судопроизводства. Это вызвало недовольство королевского окружения, которое полагало, что без пытки обойтись нельзя. Однако монарх настоял на своем, исходя из того, что справедливее оправдать 20 виновных, чем принести в жертву одного невиновного. Лишь в случае преступлений, направленных против личности короля, могли применяться прежние методы следствия⁷; в этом ярко проявилось весьма высокое представление Фридриха II о себе и своем назначении.

В отмене пытки, безусловно, сказалось влияние просветительских идей на молодого короля. Тем же было продиктовано и принятое им после восшествия на престол решение освободить берлинские газеты от цензуры. То была мера, призванная засвидетельствовать свободомыслие Фридриха II, о чем было сказано так много красивых слов в переписке с Вольтером. Но это не значит, что в Пруссии действительно была введена свобода печати. Еще в том же, 1740, году король повелел, чтобы газеты вновь перед выходом просматривались военным цензором; в следующем году это распоряжение подтверждалось дважды. Известно, что в течение 1740 г. некоторые иностранные государства обратились к Пруссии с протестами против публикации в берлинских газетах сведений,

⁴ K a t h e H. Der Soldatenkönig. Brl. 1976, S. 150—152.

⁵ С м. R o h m e r. D. Vom Werdegang Friedrichs des Grossen. Greifswald. 1924.

⁶ Friedrich II. von Preussen. Schriften und Briefe. Leipzig. 1985, S. 132; Германская история в новое и новейшее время. Т. 1. М. 1970, с. 117.

⁷ Preussen in der deutschen Geschichte vor 1789. Brl. 1983, S. 284.

огласки которых правительства этих стран хотели бы избежать⁸. Было ли это истинной причиной восстановления цензуры или только поводом для этого, сказать трудно. Следует иметь в виду, что новое ужесточение совпало по времени с переходом Фридриха II к политике захватов, реализация которой была для Пруссии возможна только в союзе с теми или иными иностранными державами, и поэтому король стремился избегать каких-либо конфликтов, могущих возникнуть из-за нежелательных сообщений прессы. Так или иначе, в этой области все оставалось по-прежнему.

Еще одним нововведением было учреждение т. н. пятого департамента — Генеральной директории (в добавление к четырем уже существовавшим). Это фактически министерство торговли и промышленности, задачей которого было совершенствовать мануфактурное дело в стране, прежде всего в области производства полотна и шелкоткачества. Ввиду того, что в Пруссии наблюдалась значительная нехватка рук для этих отраслей, новый департамент должен был осуществить широкую вербовку специалистов из других стран. Приток людей из-за рубежа был необходим и ввиду малой населенности ряда районов Пруссии, из-за чего их освоение очень отставало от Берлина и других местностей, где плотность населения была выше. Вербовка велась целенаправленно, со знанием ситуации в соседних странах, в первую очередь в различных немецких княжествах. Особое внимание уделялось тем из них, где имели место стихийные бедствия или усиливались религиозные гонения. Агенты Фридриха II перехватывали также (в пути или в портах) жителей немецких государств, отправлявшихся в эмиграцию в Америку. За каждого завербованного полагалось вознаграждение: за холостого — 3 талера, за женатого — 5.

Отдавая себе отчет в неблагоприятности такого переманивания людей, Фридрих II наставлял своих агентов: «Действуйте с величайшей осторожностью и не подавайте ни малейшего повода к упреку в том, что вы подстрекаете подданных покинуть своего государя»⁹. В некоторых же случаях прусский король не церемонился: в 1769 г. его войска (силой в 3 полка) предприняли форменный набег на территорию Польши, дойдя в погоне за «живым товаром» до Познани.

Всеми правдами и неправдами удалось заполучить примерно 300 тыс. поселенцев, что сыграло некоторую роль в преодолении отставания в промышленном развитии Пруссии. Правда, случались побегы, они приводили Фридриха II в ярость — он требовал ужесточить надзор и делать поголовные смотры людям по 2 раза в неделю. Но колонисты в своей массе не стремились покинуть Пруссию, и прежде всего из-за царившей здесь веротерпимости. «У меня, — любил говорить Фридрих II, — пусть каждый очищается от грехов, как ему больше нравится»¹⁰. Такая позиция (она очень способствовала сохранению ореола «просвещенного монарха», хотя во многих других отношениях прусский король отошел от идей Просвещения) определялась не только насущными экономическими интересами, но и тем, что Фридрих II невысоко ставил религиозные догмы, а потому не принимал фанатического преследования церковью тех или иных отступлений от общепринятых религиозных обычаев и установлений.

Будучи прекрасно знакомым с различными вероучениями, с церковной литературой и многими «еретическими» произведениями, сам он был весьма близок к атеизму; но в то же время полагал, что «простому народу» религия нужна, ибо она помогает удерживать его в рамках законопослушания. Форма религии — протестантизм, католицизм, ислам, иудаизм и т. д. — для него не играла большой роли. Естественно, что

⁸ Mittenzwei I. Friedrich II. von Preussen. Köln. 1980, S. 42—44.

⁹ Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. М. 1915, с. 249—254.

¹⁰ Германская история в новое и новейшее время. Т. 1, с. 126.

это привлекало многих, особенно жителей католических стран, где веро-терпимости не было и в помине.

Каковы бы ни были реформы, осуществленные Фридрихом II в самом начале его правления, основные его мысли заняты были иным — армией и военными планами. Воцарение Фридриха II совпало со смертью австрийского императора Карла VI (одновременно являвшегося главой Священной Римской империи германской нации). В связи с этим возникли осложнения, которые сразу же попытался использовать прусский король. За признание наследницей австрийского престола Марии-Терезии он потребовал присоединения к Пруссии Силезии, находившейся в австрийском владении; получив отказ, Фридрих II начал активно готовиться к захвату этой провинции. Не прошло и месяца после восшествия на престол (и об этом он сообщил Вольтеру), как новый прусский король приступил к наращиванию армии, которая к тому моменту насчитывала 81 тыс. человек. Для начала Фридрих создал 22 новые воинские части, в том числе 16 батальонов пехоты, 5 гусарских и 1 гвардейский эскадрон¹¹.

Расширение армии происходило в течение всех 46 лет пребывания короля у власти, ибо в его государстве армия, как писал он в своем политическом завещании 1752 г., должна занимать «первое место». Ему же принадлежит изречение, что в Пруссии простой солдат представляет бóльшую ценность, чем камергер. Это может показаться неожиданным для «философа из Сан-Суси» (как король называл себя); если для его отца армия представляла единственный интерес, то для его преемника, который отличался подлинной духовностью и был ценителем литературы, философии, музыки, казалось бы, военное дело не должно было находиться в центре мироздания. Тем не менее это было именно так. Продолжая флирт с французскими просветителями, принимая их у себя (прибежище во владениях короля нашел и Ж.-Ж. Руссо), Фридрих II ни на миг не отвлекался от своей главной цели — расширения владений Пруссии, а для этого необходимо было все время наращивать численность и мощь ее армии, обеспечивать пополнение ее офицерскими кадрами и т. п. Этому в конечном счете была подчинена вся жизнь подданных королевства.

Фридрих II добился усовершенствования кантональной системы, введенной его отцом с целью бесперебойного пополнения армии. Отдельные кантоны были прикреплены к полкам и поставляли новобранцев, которые обязаны были затем числиться в армии всю жизнь. Правда, в мирное время служба не превышала 2—3 месяцев в году, остальное время солдат находился в поместье (где его хозяином нередко являлся офицер, под началом которого он служил в армии). Офицерские посты занимали исключительно представители дворянства; таким образом, военная система, сложившаяся при Фридрихе II, имела вполне определенное социальное содержание. Он предпочитал офицеров и на гражданских должностях, ибо они, по его словам, умели и сами повиноваться, и заставлять повиноваться других. Содержание армии поглощало большую часть доходов, и вполне оправданна была характеристика Пруссии как «армии со страной в придачу»¹².

Подготовка прусского воинства основывалась на жестокой муштре, которая нередко сопровождалась наказанием провинившихся солдат шпицрутенами (Фридрих II иногда наблюдал эти экзекуции). Армейский устав соблюдался неукоснительно во всех своих статьях. Король не раз говорил, что солдат должен бояться своего офицера больше, чем неприятеля¹³. Но если в годы правления Фридриха-Вильгельма I эта армия фактически бездействовала, то его преемник пустил ее в ход уже

¹¹ Frank B. Friedrich der Grosse als Mensch. Brl. S. a., S. 28.

¹² Preussens grosser König, S. 98; Preussen in der deutschen Geschichte vor 1789, S. 67.

¹³ Hegemann W. Fridericus oder das Königsopfer. Brl. 1924, S. 670.

через несколько месяцев после своего восшествия на престол. В конце 1740 г. прусские войска вступили в Силезию, развязав тем самым первую силезскую войну.

Фридрих II действовал в соответствии с принципом, который он сформулировал так: «Если вам нравится чужая провинция и вы имеете достаточно сил, занимайте ее немедленно. Как только вы сделаете это, вы всегда найдете достаточное количество юристов, которые докажут, что вы имеете все права на занятую территорию»¹⁴. Этот циничный принцип вполне оправдал себя в дальнейшей завоевательной практике «философа на троне», который вел ряд длительных войн, проходивших на территории германских государств. Имея это в виду, Ф. Энгельс писал: «Со времен Фридриха II Пруссия видела в Германии, как и в Польше, лишь территорию для завоеваний, территорию, от которой урывают, что возможно, но которой, само собой разумеется, приходится делиться с другими. Раздел Германии при участии иностранных государств и в первую очередь Франции — такова была «германская миссия» Пруссии, начиная с 1740 года»¹⁵.

Развязывая в конце 1740 г. войну за раздел «австрийского наследства», Фридрих II заручился поддержкой Франции, которой обещал территориальные приращения за счет немецких земель. В эту коалицию вошли также Бавария, Саксония, Пфальц, Испания и Сардиния. Таким образом, это была война ряда германских государств, которые при помощи иностранных держав стремились ослабить наиболее крупного члена Священной Римской империи германской нации — Австрию. Непосредственной целью Фридриха II было овладеть Силезией, в прошлом составной частью Польши (а в рассматриваемое время — Австрии), обширной по своим размерам (превышала Бранденбург и Восточную Пруссию, вместе взятые), плодородной и промышленно развитой провинцией. Силезия имела и большое стратегическое значение: она являлась удобным плацдармом для нападения на Пруссию; в то же время Фридрих II учитывал выгоды Силезии для последующей экспансии Пруссии на Восток — против Польши и других славянских земель.

Кампания прошла удачно для прусского короля. Его войска оккупировали Силезию, преодолев лишь слабое сопротивление австрийцев, силы которых были распылены. В апреле 1741 г. у Мольвица произошла первая крупная битва этой войны; сражение вначале складывалось неблагоприятно для Фридриха II (его главная опора — кавалерия — бежала под натиском австрийцев, сам он уже не верил в успех и покинул поле боя, едва избежав плена), но стойкость прусской пехоты переломила ход боя¹⁶. Как отмечал Энгельс, «эта пехота развернулась в линию и своим частым огнем отразила все атаки австрийской кавалерии, которая только что наголову разбила прусскую конницу; покончив с кавалерией австрийцев, прусская пехота атаковала австрийскую пехоту, нанесла ей поражение и таким образом выиграла сражение»¹⁷. Это была несомненная победа, но одновременно выявились и существенные недостатки, не устранив которые нельзя было рассчитывать на реализацию планов дальнейшей экспансии. Нужна была передышка, и Пруссия получила ее, ибо правители Австрии пришли к выводу, что им не справиться со столь мощной коалицией, и стремились нейтрализовать самого опасного из ее участников — Пруссию.

Австрия решила удовлетворить домогательства Пруссии и согласилась передать ей часть Силезии и крепость Нейссе (ввиду того, что соглаше-

¹⁴ Цит. по: Лависс Э., Рамбо А. Всеобщая история от IV столетия до нашего времени. Т. VII. М. 1898, с. 163.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 435.

¹⁶ Bachmann P., Zeisler K. Der deutsche Militarismus. Brf. 1971, S. 70.

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 14, с. 35.

ние было секретным, была имитирована сдача названной крепости)¹⁸. Но Фридрих II не собирался ограничиться полученным, хотя временное прекращение военных действий вполне устраивало его. Правда, спустя некоторое время он вновь послал войска — в Моравию, но, встретив там вооруженное сопротивление, вынужден был отозвать их (за время оккупации население было обложено контрибуцией, что Фридрих II делал особенно охотно, зная, что эта территория не будет присоединена к Пруссии, хотя и Силезия тоже облагалась в достаточной степени; полученные благодаря этому средства шли на нужды армии).

В мае 1742 г. прусские войска нанесли новое поражение австрийцам, а 11 июня между Пруссией и Австрией был заключен предварительный мирный договор, согласно которому первая получала всю Силезию вместе с графством Глац; тем самым Пруссия увеличивала территорию и население на треть, значительно улучшив при этом свое стратегическое положение. Взамен она принимала на себя числившийся за Силезией долг Англии в 1,7 млн. талеров.

Последующие два года Фридрих II использовал для существенного совершенствования армии. Он полностью реорганизовал кавалерию, придав ей невиданную в те времена стремительность¹⁹, которая сыграла важную роль в дальнейших сражениях — и в ближайшие, и в более отдаленные годы. Были и другие нововведения. «Фридрих Великий ввел новый род войск, посадив на коней артиллеристов некоторых своих батарей и создав таким образом конную артиллерию, предназначенную оказывать кавалерии такую же поддержку, какую пешая артиллерия оказывала пехоте. Новый род войск оказался чрезвычайно эффективным и очень скоро был принят в большинстве армий»²⁰.

Хотя Фридрих II и не был уверен в надежности своих завоеваний, он был не прочь захватить еще что-либо, помимо Силезии. Его опасения за последнюю подогревались известием, что Австрия, Англия и Сардиния (к ним позднее присоединилась Саксония) заключили между собой союз. В августе 1744 г. Пруссия вновь вступила в войну против Австрии; в качестве повода Фридрих II использовал «необходимость» защиты интересов империи и особы императора, которым в то время являлся баварский монарх. Прусская армия, нарушив суверенитет Саксонии, двинулась в чешские земли и овладела Прагой (ее население король обложил контрибуцией в 1,3 млн. гульденов). Но успехи длились недолго; с большими трудностями происходило снабжение войск, очень удалившихся от своих баз в Пруссии, развернулась борьба части местного населения против оккупантов, в рядах последних началось дезертирство. Фридриху II пришлось отозвать свои войска, которые после этого обосновались в Силезии.

Короля охватила паника (это случилось впервые и в дальнейшем не раз повторялось). Своему министру иностранных дел Г. Подевилльсу он весной 1745 г. писал: «Если все мои средства окажутся неэффективными, а переговоры не принесут успеха, короче говоря, если обстоятельства обратятся против меня, тогда лучше погибнуть с честью, чем потерять на всю оставшуюся жизнь и славу и уважение»²¹. Но в течение того же года произошло еще несколько сражений между прусскими и австрийскими войсками, и все они закончились победой короля. В итоге в декабре 1745 г. был заключен мирный договор, окончательно закрепивший Силезию за Пруссией (правда, Мария-Терезия утверждала, что не пожалеет и последней юбки, чтобы вернуть эту провинцию). Фридрих II писал: «Если оценивать вещи, исходя из их подлинной ценности, то надо признать, что война (имеется в виду вторая силезская война.— Л. Г.) в не-

¹⁸ Mitenzwei I. Friedrich II. von Preussen, S. 60.

¹⁹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 14, с. 307, 308.

²⁰ Там же, с. 206.

²¹ Mitenzwei I. Friedrich II. von Preussen, S. 70.

которых отношениях была бесполезным кровопролитием и что Пруссия в результате серии побед не добилась ничего иного, чем утверждения во владении Силезией»²².

Очень верное признание, но приобретенный в 40-х годах опыт так ничему и не научил Фридриха II, который вновь и вновь рвался в бой, не считаясь с огромными людскими потерями, с гибелью многих материальных и культурных ценностей. Он не учитывал и того обстоятельства, что его вероломство, пренебрежение заключенными соглашениями не прошло незамеченным; у правителей Франции появилось недоверие к Фридриху, и они стали подумывать об улучшении отношений с Австрией.

Осваивая Силезию, прусский король разрабатывал планы новых захватов. Он мечтал о подчинении Польши, к которой относился с нескрываемой враждебностью, лелеял надежду на присоединение Чехии, а Курляндии предназначал роль зависимого от Пруссии княжества (с братом короля Генрихом на престоле). Но наиболее заманчивой добычей для Фридриха II была Саксония — одно из наиболее развитых в промышленности отношений немецких государств того времени, располагавшее также огромными культурными богатствами. Пруссия вела против Саксонии (как и против Гамбурга) ожесточенную экономическую войну, стремясь ослабить конкурента, используя, в частности, тот факт, что после захвата Силезии под контролем Пруссии оказалось все течение Одера; это позволяло диктовать условия транзита, которые иногда становились разорительными. Одновременно происходила дипломатическая и военная подготовка вооруженного выступления с целью захвата Саксонии.

Что касается дипломатии, то здесь Фридрих II добился немногого; его предложения, сделанные в 1755 г. Людовику XV, об одновременных действиях — Франции в Бельгии, а Пруссии — в Богемии с тем, чтобы в дальнейшем совместно господствовать над Германией, еще более настрожили французского короля (тем более что Фридрих II вел аналогичные переговоры и с Англией)²³ и побудили его заключить соглашение с Австрией: ей был обещан нейтралитет, а в случае нападения на нее Пруссии или Турции — военная помощь. Это стало основой мощной антипрусской коалиции, которая сложилась не сразу, ибо некоторые государства еще колебались и выступили лишь тогда, когда сражения между Австрией и Пруссией уже шли полным ходом (Фридрих II уповал на нейтралитет этих государств, и появление их в качестве противников Пруссии намного ухудшило ее положение — обнаружилось серьезные ошибки в расчетах короля). Коалиция эта получила название по имени австрийского канцлера В. А. Кауница и включала в себя, помимо Австрии и Франции, Россию, Польшу, находившуюся в личной унии с Саксонией, а позднее и Швецию.

Готовясь к новой войне, Фридрих II успешно продолжал дело реорганизации своей армии, усиления ее боеспособности. Энгельс, досконально изучивший военную реформу Фридриха II, подчеркивал, что прусская пехота — это классическая пехота XVIII века. Король «умудрился выработать такой способ атаки и так организовать свою армию, что был в состоянии, с ресурсами королевства, меньшего, чем нынешняя Сардиния, и при скудной денежной поддержке Англии, вести войну почти против всей Европы». Энгельс отмечал, что к линейному боевому порядку Фридрих II применил способ косой атаки, что расширило потенциальные возможности пехоты²⁴. Большое значение имели и коренные преобразова-

²² Ibid., S. 73.

²³ С Англией была достигнута договоренность о субсидиях. Лишь за четыре года до этого Фридрих II утверждал: «Мы никогда не получали от кого-либо субсидий. Фридрих I был единственным, кто пошел на этот позорный шаг... Каждое государство, поступающее так, связывает себе руки. Оно играет только вторые роли, будучи постоянно зависимым от того, кто платит» (Friedrich II. von Preussen, S. 193).

²⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 14, с. 372, 373.

ние кавалерии, осуществленное после силезских войн. «Он имел,— писал Энгельс,— великолепного помощника в лице Зейдлица, который всегда командовал его кирасирами и драгунами и сделал из них такие войска, что по стремительности и организованности атаки... быстроте сбора и перегруппировки после атаки ни одна кавалерия не могла сравниться с прусской кавалерией времен Семилетней войны»²⁵.

Оценка Марксом и Энгельсом места Фридриха II в развитии военного искусства видна из того, что они называли его, наряду с Наполеоном I, великим военным деятелем²⁶. Обобщая свои изыскания в этой области и говоря о вкладе Фридриха II, Энгельс подчеркивал: «Историческая заслуга старого Фрица в военной науке заключалась в том, что он, в общем оставаясь в пределах тогдашнего способа ведения войны, преобразовал и усовершенствовал старую тактику, применительно к новым видам оружия»²⁷. Однако несовершенство линейной тактики, которой придерживались в тогдашних армиях, становилось очевидным. Отказаться от нее не решались, ибо лишь при этой тактике можно было эффективно следить во время боя за личным составом и предотвращать дезертирство.

Коалиция Кауница представляла для Пруссии серьезную опасность. Но Фридрих II, отличительными чертами которого всегда являлись быстрота и решительность (правда, не без элементов авантюризма), опередил своих противников. В августе 1756 г. он, по своему обыкновению, без объявления войны вторгся в Саксонию и оккупировал ее²⁸. Саксония была весьма заманчива для прусского короля; за несколько лет до вторжения он писал: «Этот корабль, лишенный компаса,— игрушка ветра и волн»²⁹. И вот настало, по мнению Фридриха, время, чтобы прибрать «игрушку» к рукам, хотя ею его аппетиты не исчерпывались: он зарился и на Богемию.

Выглядеть агрессором прусский король, однако, не хотел и в проекте «Манифеста против Австрии», который должен был быть обнародован с началом войны, писал: «Но нападающая сторона — не та, которая произвела первый выстрел, а та, которая замышляет нападение на соседа и обнаруживает это, занимая угрожающую позицию»³⁰. Здесь, конечно, имелась в виду Австрия (которая не скрывала намерения отвоевать Силезию); но «честь» развязывания военных действий принадлежала все же прусскому монарху³¹.

Так началась европейская война, длившаяся целых семь лет — вопреки расчетам Фридриха II, надеявшегося на то, что несколько военных успехов его армии предотвратят дальнейшее расширение вооруженного конфликта. Пруссия с ее ограниченными экономическими и иными ресурсами не могла вести длительную войну, и ей необходима была относительно быстрая победа; отсюда от Фридриха II идет доктрина молниеносной войны, прочно взятая на вооружение германскими милитаристами позднейших времен. Расчеты на скоротечность войны были не просто рискованны, а даже авантюрны, если учесть мощь коалиции держав, которые противостояли Пруссии или могли бы стать и стали ее противником. Но Фридриха II это не остановило, как не остановило и то обстоятель-

²⁵ Там же, с. 308.

²⁶ Там же. Т. 28, с. 24.

²⁷ Там же. Т. 7, с. 513.

²⁸ Всего за четыре года до того король утверждал: «Для нас ни в каком отношении не имеет смысла вновь начинать войну; сенсация, вызванная завоеванием Силезии, наводила на мысль, что если оригинальные издания книг имеют большой успех, то подражания терпят провал» (Friedrich II. von Preussen, S. 196—197).

²⁹ Ibid., S. 189.

³⁰ Mittenzwei I. Friedrich II. von Preussen, S. 105.

³¹ На примере вторжения в Саксонию Фридрих II «обосновал» необходимость «немедленно упредить противника нападением», а также «перенести войну на территорию враждебного соседа и уберечь собственные земли» (А-буш А. Ложный путь одной нации. М. 1962, с. 119; подробнее см.: G r o e h l e r - O. Die Krüge Friedrichs II, Brl. 1968).

ство, что военные действия проходили преимущественно на немецкой земле и вели к разорению обширных территорий самой Пруссии, других германских государств. Заняв Саксонию, прусская военщина распорядилась там по своему усмотрению: мужчин насильно загоняли в прусскую армию, с населения взималась контрибуция и т. п.

Вначале военное счастье улыбалось Фридриху II. Его войска вновь дошли до Праги и одержали победу в происшедшем там сражении (хотя город не сумели занять). Но затем начались осложнения, вызванные недостаточностью материальных и людских ресурсов. В июне 1757 г. австрийцы нанесли пруссакам тяжелое поражение под Колином, заставив их очистить Богемию. Примерно тогда же русская армия под командованием фельдмаршала С. Ф. Апраксина вступила в Восточную Пруссию и, разбив неприятеля под Гросс-Егерсдорфом, заняла эту область. Фридрих II вынужден был вести войну одновременно на два-три фронта (в том числе и против имперских войск). Перешла в наступление и французская армия; разбив противостоявшие ей прусские войска, она проложила себе путь в Среднюю Германию и в сентябре 1757 г. у Эйзенаха соединилась с австрийскими войсками.

Это не значит, однако, что уже тогда поражение Пруссии полностью определилось. По своей боевой мощи прусская армия превосходила другие, а военное искусство Фридриха II, его военачальников было выше, чем у большинства его противников. В том же году прусский король разбил наголову австрийцев под Лейтеном, а затем — объединенную австро-французскую армию под Росбахом, несмотря на значительное численное превосходство последней. Это сражение — одно из самых удачных в военной биографии Фридриха II. Большую роль в победе сыграл массированный артиллерийский огонь, открытый пруссаками по неприятелю, когда он первым начал атаковать. Австрийцы и французы понесли большие потери и еще не успели перегруппироваться, когда Фридрих II нанес им сокрушительный удар своей кавалерией и частью пехоты. После этого судьба сражения была решена. Потери австрийцев и французов составили около 10 тыс. человек, в том числе 7 тыс. пленными (среди них было 11 генералов); пруссаки потеряли всего 548 человек. В их руки попали 72 пушки — более половины орудий, которыми располагала австро-французская армия³².

Исходу сражения способствовало недостаточное взаимопонимание и взаимодействие австрийского и французского командования; к тому же соответствующие командующие в своих действиях должны были соотноситься с указаниями монархов, тогда как Фридрих II объединял в одном лице полководца и монарха. Сказывался и состав армий: прусская состояла из жителей разных кантонов — многие из них полагали, что отстаивают независимость своей страны от объединившихся для ее уничтожения врагов; французские же войска рекрутировались из наемников, боевой дух которых был низок (не слишком высок он был и среди австрийцев). Победа под Росбахом, прежде всего урон, понесенный французскими войсками, имели серьезное политическое значение: хозяйничанье Франции на западных землях Германии порождало растущее недовольство не только со стороны их населения, но и у жителей других германских государств.

Несмотря на столь крупную победу, Фридрих II пытался завязать мирные переговоры, но не нашел отклика у противников. Наиболее важное сражение 1758 г. произошло под Цорндорфом, где прусская армия столкнулась с русской. Это была чрезвычайно кровопролитная битва (потери составили соответственно 12 и 19 тыс. убитыми), но она не принесла решающего военного успеха ни той, ни другой стороне. Тем не менее

³² Postier D. Die Schlacht bei Rossbach 1757.— Militärgeschichte, 1980, № 6, S. 693—694.

перспективы антипрусской коалиции были, безусловно, предпочтительнее, и она наращивала силы. Одно из главных событий Семилетней войны относится к 1759 г.; то была битва при Кунерсдорфе, где прусская армия выступила против русских и австрийских войск. Фридрих II потерпел здесь сокрушительный разгром и вновь едва не попал в плен³³. Пруссию оказалась на грани катастрофы.

О мрачных настроениях короля после ряда поражений наглядно свидетельствуют его письма. Уже в сентябре 1757 г. Фридрих II сообщал сестре Вильгельмине: «Мир стал так невыносим для меня, мое положение столь нетерпимо, а будущее столь безрадостно, что я все более укрепляюсь в своем решении» (покончить жизнь самоубийством). Спустя три месяца Фридрих II писал своему французскому приятелю Д'Аржану: «Я вполне сыт этой жизнью... Я потерял все, что более всего любил и чем более всего дорожил на земле»³⁴. А после сражения при Кунерсдорфе он информировал своего министра К. В. Финкенштейна: «Это чудовищный поворот судьбы, и я не переживу его; последствия этого события будут еще хуже, чем оно само по себе... Полагаю, что все потеряно. Я не переживу гибели своей родины»³⁵.

То, что последовало далее, подтверждало тяжелые предчувствия короля. В 1760 г. русские войска, хотя и на короткое время, заняли Берлин; ключи города были поднесены императрице Елизавете Петровне и отданы на вечное хранение в Казанский собор Петербурга³⁶. Русская армия овладела Померанией, другими восточными владениями Пруссии, австрийская — освободила Саксонию и вновь обосновалась в Силезии. Фридрих II все настойчивее думал о самоубийстве. В письме к Д'Аржану он объяснил свое намерение так: «Несчастливую жизнь заканчивают самоубийством не потому, что чувствуют себя слабым, а вполне обдуманно, руководствуясь разумом»³⁷. И даже в начале 1762 г. он сообщает одному из своих корреспондентов, что у него нет никакого проблеска надежды на спасение³⁸. Ко всем злоключениям прибавилось и то обстоятельство, что после ухода в отставку правительства В. Питта в Англии последняя перестала выплачивать Пруссии субсидии, что делало продолжение войны вообще проблематичным.

Таким образом, положение, причем во всех его аспектах, было катастрофическим. Фридрих II уповал лишь на... турок, которые, по его расчетам, вот-вот должны были ввязаться в войну с Россией. Человек мыслящий, он, однако, не видел закономерности того, что его завоевательные походы кончились столь плачевно. Соответственно особенностям своего характера король был склонен винить в поражениях кого угодно — своего брата, командовавшего одним из подразделений армии, других военачальников, военных инженеров, объективные причины, изменившие обстоятельства к худшему, — но не самого себя. А ведь именно ему принадлежали не только общие замыслы и цели, которые ставились перед армией, он, будучи и формально, и фактически главнокомандующим, разрабатывал и диспозиции сражений, и отдавал по ходу их конкретные приказы. Обвинения в адрес своих сотрудников Фридрих II сохранил и в более поздних оценках, которые содержатся в его исторических сочинениях (их объективность, таким образом, весьма относительна).

Любое повествование о Фридрихе II будет неполным, если оставить без внимания вопрос о том, кто поднял на щит милитаристские традиции, связанные с его именем и обозначаемые обычно термином «реакционное пруссачество». В деятельности короля было достаточно много

³³ Семилетняя война. М. 1948, с. 482—489.

³⁴ Frank B. Op. cit., S. 59, 63.

³⁵ Ibid., S. 69.

³⁶ Коробков Н. Семилетняя война. М. 1940, с. 285.

³⁷ Frank B. Op. cit., S. 70.

³⁸ Augstein R. Op. cit., S. 78.

черт, которые были подхвачены наиболее воинствующими социальными силами Германии в их ненасытном стремлении к захватам. Для них «старый Фриц» служил примером; он импонировал им своей постоянной нацеленностью на приобретение чужих территорий силой оружия, беззастенчивостью в средствах, невероятными цепкостью и изворотливостью в тяжелых ситуациях, в которые заводили его авантюрные наклонности. То, что он находил выход из этих ситуаций, вдохновляло любителей ناجивы. Но у позднейших его последователей еще больше, чем у самого Фридриха II, сказывались преувеличенное представление о собственной военной мощи и недооценка военных сил противников.

С первых же шагов нацистская партия, возникшая в 1919 г., поставила себе на службу идеологическое наследие реакционного пруссачества. Гитлер едва ли не в каждой речи, как и его подручные, высказывал восхищение Пруссией и ее политикой, восхвалял Фридриха II. В своих речах «фюрер» распространялся о «деятельности этого светлого гения, которого некогда назвали великим, но которого мы ныне должны скорей назвать «единственным»³⁹. В качестве «гениальных» Гитлер характеризовал самые разные действия и высказывания короля, но наибольшее его внимание в тот период, когда НСДАП рвалась к власти, привлекал постулат Фридриха II, гласивший, что «власть никогда не бывает идентична праву». Этот тезис как нельзя лучше отвечал намерениям фашистов, всему их мировоззрению.

Символичной стала церемония открытия 21 марта 1933 г. фашизированного рейхстага в помещении гарнизонной церкви в Потсдаме — древней резиденции властителей Пруссии. Представитель «старых» реакционных сил П. Гинденбург, в то время президент республики (!), встал рядом с Гитлером у гробницы Фридриха II, как бы освящая этим новый режим. Антинародные идеи пруссачества были приняты фашистами на вооружение. С 1933 г. в Германии стали в большом количестве выходить биографии Фридриха II, где, помимо обычных славословий, неизменно подчеркивалась актуальность его наследия для нацистского режима. Имелись в виду не философские и литературоведческие сочинения короля, а его милитаристский опыт и соответствующие высказывания.

Нацисты неоднократно обращали свои взоры к Фридриху II в ходе подготовки ими новой войны. Выступая 5 ноября 1937 г. перед руководителями деятелями фашистской Германии с изложением тактики будущих захватов, Гитлер ссылаясь на пример Фридриха II, который умел рисковать и, вторгшись в 1740 г. в Силезию, действовал с максимальной решительностью. Спустя два года, после того как Германия развязала вторую мировую войну и поработила Польшу, «фюрер» на совещании руководителей вермахта 23 ноября 1939 г. заявил: «Я должен сделать выбор между победой и гибелью. Я выбираю победу. Это величайшее историческое решение, которое можно сравнить лишь с решением Фридриха Великого перед первой силезской войной. Пруссия обязана своим возвышением героизму одного человека»⁴⁰.

Гитлер уподоблял себя Фридриху II и при этом был уверен, что Германия победит. В годы второй мировой войны фашисты особенно часто прибегали к параллелям, заимствованным из истории Пруссии, из времен Фридриха II. Это происходило на всех этапах войны — и в годы побед, и еще более в годы тяжелых поражений, предопределивших крах фашистского рейха. В первый из этих периодов, когда временные успехи вскружили им голову и они даже перестали заботиться о вразумительном объяснении очередной агрессии (что Фридрих II всегда старался делать), Гитлер приказал изготовить на фарфоровой фабрике близ Мюнхена, принадлежавшей нацистской партии, 100 конных статуэток прусского коро-

³⁹ Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924. Stuttgart, 1980. S. 377.

⁴⁰ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Док. и м-лы. Т. 1. М. 1973, с. 126, 486.

ля, которые он презентовал фельдмаршалам и другим высокопоставленным деятелям «третьей империи», чтобы воодушевить их на дальнейшие завоевательные походы⁴¹.

Но уже после первого большого поражения гитлеровской армии — ее разгрома под Москвой — Геббельс в спешном порядке выпустил на экран помпезный фильм «Великий король», который, по словам оберпропагандиста нацистского рейха, был призван явиться «вдохновляющим примером стойкости в несчастье»⁴². Фашисты всячески старались уверить себя, а еще более военнотружущих и население, что не все потеряно — и это должно было доказать «чудесное спасение» Фридриха II в 1762 году. Гитлер и его приспешники упускали при этом из виду, что ничего подобного тому, что произошло тогда и что позволило Пруссии избежать неминуемого разгрома, в 1945 г. случиться не могло. Тем не менее выступления Гитлера в последние месяцы, его заявления на встречах с еще имевшимися «союзниками» буквально пестрят ссылками на «величие» Фридриха II, который-де никогда не падал духом (о лживости этих утверждений свидетельствуют приведенные выше панические сентенции прусского короля), на его «выживаемость во что бы то ни стало», его «фанатическое упорство» и т. д.⁴³.

Памятью о Фридрихе II и истории его завоевательных походов питались упования фашистских главарей на раскол антигитлеровской коалиции. В августе 1944 г. Гитлер изрек: «При всех обстоятельствах мы будем вести эту борьбу до тех пор, пока, как сказал Фридрих Великий, кто-либо из наших проклятых врагов устанет бороться долее»⁴⁴. И так продолжалось до самого конца. Даже в апреле 1945 г. Геббельс читал «фюреру» те места из биографии Фридриха II, написанной Карлейлем, где речь шла о том, как «провидение» спасло его кумира⁴⁵.

Возвращаясь к ситуации, в которой оказалась Пруссия к началу 1762 г., можно лишь гадать, действительно ли осуществил бы прусский король угрозу покончить с собой. Имелись факторы, сохранявшие ему определенные шансы; и в первую очередь медлительность, а то и бездеятельность французских и австрийских генералов, отражавшая разногласия между союзниками относительно политических целей войны против Пруссии⁴⁶. Но Фридрих II был спасен от полного краха благодаря событию, происшедшему в Петербурге. Речь идет о смерти в январе 1762 г. императрицы Елизаветы и восшествии на престол Петра III — немца по происхождению и давнего поклонника Фридриха II (и вообще всего прусского). Тот сразу же прекратил военные действия против Пруссии, а эмиссару Фридриха II, прибывшему в Петербург, не пришлось даже изложить мирные предложения своего монарха, готового на значительные территориальные уступки. Положение Пруссии улучшилось. Сам Фридрих II позднее писал: «Если подвести итог, то Пруссия в конце последней кампании была близка к полному краху. По мнению всех государственных деятелей, она уже погибла: но она смогла вновь подняться в результате смерти женщины и благодаря помощи государства, которое наиболее активно действовало во вред Пруссии»⁴⁷.

Екатерина II, хотя и она была немецкого происхождения, отказалась от заключенного ее незадачливым мужем союза с Фридрихом II. Принадлежа к правящему дому одного из самых мелких и захудалых германских княжеств, она не могла не испытывать неприязни к прусским

⁴¹ Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier. Stuttgart. 1970, S. 10.

⁴² Barthel K. Friedrich der Grosse in Hitlers Geschichtsbild. Wiesbaden. 1977, S. 10.

⁴³ Ibid., S. 19.

⁴⁴ Bleyer W., Drechsler K. e. a. Deutschland 1939—1945. Brl. 1975, S. 396.

⁴⁵ Trevor-Roper H. Hitlers letzte Tage. Frankfurt-a. M. 1965, S. 116.

⁴⁶ Эпштейн А. Д. История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М. 1961, с. 290.

⁴⁷ Mittenzwei I. Friedrich II. von Preussen, S. 125.

монархам, не ставившим эти карликовые государства ни в грош и рассматривавшим их в качестве разменной монеты в большой игре, где ставкой являлось господство над Германией. Но войну с Пруссией она не возобновила, ибо ее интересы отличались от тех, которыми руководствовалась Елизавета. Фридрих II сумел заключить также мир с Швецией, некоторыми другими противниками Пруссии. После этого и Австрия пошла на мирные переговоры, которые завершились в 1763 г. Губертусбургским миром, по которому Пруссия и Австрия согласились на сохранение статус-кво. Таким образом, Семилетняя война, унесшая около полумиллиона жизней, приведшая к колоссальным разрушениям, уничтожению невосполнимых культурных ценностей, по существу, не внесла изменений в политическую карту Европы. Но война, конечно, не прошла бесследно; она придала еще большую остроту соперничеству Австрии и Пруссии за гегемонию в Германии. А это предвещало новые вооруженные конфликты между ними, что отрицательным образом сказывалось на перспективах объединения германских государств, тормозило их развитие.

После окончания войны Фридрих II столкнулся с серьезными трудностями, вызванными ее последствиями, в первую очередь — с острой нехваткой финансов и необходимостью стабилизации бюджета, снижения огромного его дефицита. Король был последовательным сторонником меркантилизма во внешнеэкономических отношениях, и в соответствии с этим главные предметы ввоза подвергались очень высокому обложению; нередко запрещался импорт различных изделий и некоторых видов сырья (с другой стороны, строжайше запрещался вывоз из Пруссии сырья, в особенности шерсти). Все это, по мысли Фридриха II, должно было прежде всего способствовать пополнению пустующей казны (повышение цен на внутреннем рынке он оставлял без внимания), а также стимулировать отечественное мануфактурное производство. Высокими ввозными пошлинами Фридрих II намеревался нанести ущерб конкурентам Пруссии, но он упускал из виду, что те примут ответные меры, которые затруднят сбыт продукции ее мануфактур на рынках других стран.

В последние десятилетия своего царствования король в недостаточной степени представлял себе тенденции в этой области. Тем не менее он лично решал, какие фабрики следует основать, сколько должно быть на каждой из них рабочих и сколько товаров следует производить. И хотя Фридрих II понимал необходимость повышения производительности в различных отраслях экономики, применявшиеся им при этом меры часто препятствовали достижению цели и вызывали протест части бюргерства. Иногда этот протест достигал цели, как было, например, с попыткой ввести табачную монополию в одной из западных провинций — Клеве⁴⁸. Подобные монополии практиковались широко, ибо они были выгодны казне, а о том, к чему это может привести, не очень заботились. Чем-то похожим, но с еще большими отрицательными последствиями было учреждение в Пруссии после Семилетней войны нового налогового управления, отданного на откуп французским «специалистам», уже накопившим соответствующий опыт обирания населения у себя на родине.

Большое недовольство вызывал и введенный в 60-х годах XVIII в. запрет представителям бюргерства приобретать землю; эта мера отвечала одному из главных постулатов, которыми всегда руководствовался Фридрих II, — сохранению социальных привилегий дворянства, которое для него неизменно было «наилучшей расой», заслуживающей всяческих наград и поощрения⁴⁹. Но подобная позиция шла вразрез с насущными потребностями экономического развития. Примером того, как столь явное

⁴⁸ Mittenzwei I. Preussen nach dem Siebenjährigen Krieg. Brl. 1979, S. 125.

⁴⁹ Mehring F. Zur preussisch-deutschen Geschichte vom Mittelalter bis Jena. Erl. 1930, S. 118.

предпочтение дворянству препятствовало прогрессивным преобразованиям даже тогда, когда король склонен был осуществить их, может послужить его попытка отменить в 1763 г. крепостное право в Померании. Хотя эта мера имела локально ограниченный характер, она вызвала такое активное противодействие дворян, что Фридрих II вынужден был отказаться от своего намерения. Его увещания против сгона крестьян с земли, который постоянно практиковался землевладельцами, также не имели успеха (король преследовал при этом прежде всего фискальные цели)⁵⁰.

Конечно, отдельные меры, принимавшиеся Фридрихом II для поощрения экономического роста (содействие мануфактурному производству, мелиорация земель, привлечение квалифицированной рабочей силы из других стран), приносили эффект, но в целом его политика в этой области имела консервативный характер и не могла привести к особенно крупным результатам. Для этого необходимы были более решительные меры, которые включали бы не только те или иные технические нововведения, а прежде всего коренное преобразование социальных отношений, начиная с предоставления крестьянам личной свободы и наделения их землей в достаточных размерах.

В работах некоторых буржуазных авторов (из тех, кто рассматривает деятельность Фридриха II с апологетических позиций; есть, впрочем, и весьма критически настроенные по отношению к нему историки) можно встретить утверждения, что Фридрих II создал весьма эффективную систему управления страной⁵¹. В чем-то он ее, конечно, упорядочил, еще более, чем предшественники, поставив чиновничий аппарат на службу нуждам армии и подготовки к войне, которая велась постоянно. Если же говорить о принципах, на которых король основывал управление государством, то он не раз излагал их в своих сочинениях, например, в политическом завещании 1752 года. Он писал, в частности, что «система [управления] может быть придумана лишь одним лицом, и поэтому она должна исходить от государя». Своих министров Фридрих II никогда не собирал. «От большого количества людей, — утверждал он, — нельзя ждать умных суждений. Министры интригуют друг против друга, их ненависть и страсти влияют на государственные дела... и, наконец, при большом количестве участвующих нельзя полностью соблюсти тайну, являющуюся душой [государственных] дел. Лично я сохраняю каждую тайну в себе»⁵².

Король избегал контактов с министрами, но не мог полностью отказаться от встреч с ними; в этих случаях он, по выражению Ф. Меринга, применял «по отношению к высшим служащим государства предельно мыслимый по грубости тон, называя их ослиами, безразличными людьми и особенно — продажными субъектами»⁵³. Вероятно, и министры (их насчитывалось 20, и только один из них был по происхождению бюргером, но служба его у короля оказалась непродолжительной) не очень стремились предстать перед монархом. Текущие дела ему, как правило, докладывал секретарь кабинета, которому Фридрих II диктовал решения по затронутым вопросам; в некоторых случаях он писал их собственноручно (часто не вполне грамотно) на полях документов. Очень сомнительно, что такая система, даже если ее рассматривать как проявление «просвещенного абсолютизма» (а представителем такового считал Фридриха II К. Маркс)⁵⁴, была адекватна условиям переходного, но существ-

⁵⁰ Preussen. Legende und Wirklichkeit. Brl. 1985, S. 65.

⁵¹ См., напр., Hubatsch W. Friedrich der Grosse und die preussische Verwaltung. Köln, etc. 1973. Совершенно другого мнения придерживался К. Маркс, считавший финансовую систему Фридриха II «безобразной»; управление же делами, существовавшее при нем, Маркс характеризовал как «смесь деспотизма, бюрократизма и феодализма» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 743).

⁵² Friedrich II. von Preussen, S. 186.

⁵³ Mehring F. Zur Geschichte Preussens. Brl. 1981, S. 84.

⁵⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 10, с. 443.

ву, времени, когда требовались более продуманные, квалифицированные решения. Что же касается высказывания о тайне как центральном элементе системы управления, то такая точка зрения, конечно, противоречила просветительской идеологии и обнаруживала приверженность короля к мышлению, характерному для монархов феодальной Европы.

Тяжелое финансовое положение, сложившееся после Семилетней войны, не помешало Фридриху II предпринять значительное расширение своей потсдамской резиденции. Было начато строительство Нового дворца, который вместе с дворцом Сан-Суси, возведенным еще в 40-е годы XVIII в., должен был составить комплекс блестящих сооружений, призванных утвердить за прусским королем славу ценителя и покровителя искусств. Ассигнованные на это средства можно было бы израсходовать с гораздо большей пользой, например, на строительство университета в Берлине, но Фридрих II рассудил иначе. Строительство нового пышного дворца обошлось в 10,5 млн. талеров; подсчитано, что этой суммы хватило бы на содержание 5 тысяч школьных учителей (в которых была большая нужда) в течение 10 лет⁵⁵.

Разработкой проекта, а затем его реализацией занимался широко известный в то время архитектор Г. В. Кноббельсдорф, который в свое время построил и дворец Сан-Суси, и оперный театр в Берлине, и некоторые другие здания, украсившие прусскую столицу и королевскую резиденцию. Но теперь рассмотрение проекта и само строительство сопровождалось большими осложнениями, ибо Фридрих II вмешивался во все и стремился навязать архитектору свои вкусы. Сам он являлся горячим приверженцем стиля рококо (был, в частности, пылким поклонником Ватто, чьи полотна скупал, не считаясь с ценами и не сообразуясь с финансовым положением страны). Кноббельсдорф же к концу 60-х годов XVIII в. уже склонялся к более прогрессивному по тем временам стилю классицизма; но убедить короля в том, что стиль рококо отжил, было практически невозможно, ибо его уверенность в том, что он более компетентен (причем во всех областях), чем даже крупные специалисты, была поистине безгранична. А так как строительство такого сооружения, как дворец с его роскошным внутренним убранством, которое требовало приложения огромного труда и искусства множества людей, длилось не один год, то к моменту открытия он уже не мог претендовать на то, чтобы быть «последним криком моды».

Фридрих II был одним из самых образованных людей своего времени; но его пристрастия в области литературы и искусства отличались односторонностью. Он прекрасно знал и высоко ценил античных и средневековых философов, мыслителей нового времени, особенно французов; немецких же, за редкими исключениями, игнорировал, относился к ним с нескрываемым пренебрежением. Это касалось и средневековой немецкой поэзии, и современных ему писателей, в том числе тех, кто принадлежал к крупнейшим представителям немецкой литературы XVIII века. Так, король очень невысоко ставил Г. Э. Лессинга, и известная его пьеса «Минна фон Бархельм», призванная примирить саксонцев с пруссаками, была поставлена в ряде других германских государств — Гамбурге (где вызвала протест прусского резидента), Лейпциге, Вене и лишь позднее — в Берлине. Лессинг одно время добивался места королевского библиотечкаря, но получил отказ.

О службе ходатайствовал также знаменитый ученый и писатель И. Винкельман (живший в Риме); и тот, и другой претендовали на жалованье в 2 тыс. талеров в год. Фридрих II (который положил придворному алхимику 8 тыс. талеров) изрек: «Немцу достаточно и 1 тысячи»⁵⁶. Свое суждение о короле и государственном строе Пруссии Вин-

⁵⁵ Augstein R. Op. cit., S. 106.

⁵⁶ Ibid., S. 90–91, 94–95.

кельман изложил в следующих словах: «Лучше быть обрезанным турком, чем пруссаком... Меня с головы до ног охватывает омерзение, когда я думаю о прусском деспотизме и о палаче народов». Лессинг, во второй половине 60-х годов также покинувший Пруссию и обосновавшийся в Гамбурге, писал, что Пруссия «остается самой рабской страной в Европе»⁵⁷. Прошло 10 лет, и еще один видный писатель, К. Виланд, утверждал то же: «Я признаю, что король Фридрих — крупная личность, но избавь нас, милостивый боже, от того, чтобы жить под его палкой (или скипетром)»⁵⁸.

Король преграждал путь в Академию (которую он после смерти в 1759 г. ее президента француза Мопертюи возглавил сам) лучшим деятелям немецкого Просвещения (в том числе И. Г. Гердеру). В 1781 г. он опубликовал работу «О немецкой литературе, недостатках, в которых ее можно упрекнуть, их причинах и средствах, при помощи которых можно их преодолеть». Выдержанная в менторском тоне (при том, что автор далеко недостаточно знал предмет), она вызвала резкие протесты. Все перечисленные выше писатели (впрочем, как и другие) не были в этом королевском опусе даже названы. Единственный, кто удостоился подобной чести, был Гёте (хотя и фигурировал анонимно), но он был подвергнут поношению за свою драму «Гец фон Берлихинген»⁵⁹. Много позднее, касаясь того, как Фридрих II третирует современных ему немецких литераторов, Г. Гейне отмечал, что «презрение, с которым Фридрих Великий относился к нашей литературе, задевает и нас, внуков»⁶⁰.

Нетерпимость к чужим мнениям и вкусам была характерна и для взглядов прусского короля и на музыкальное творчество и исполнительство. В течение длительного времени придворным цимбалистом был у него старший сын И. С. Баха — Карл Филипп Эммануил; но он так и не сумел привыкнуть к деспотическому нраву монарха и порядкам, установленным им, и, как Лессинг, уехал в Гамбург. С его отцом Фридрих II встретился лишь один раз — будучи неплохим музыкантом, он тем не менее не видел надобности в общении с величайшим из современников.

С течением времени Фридрих II уже не с таким энтузиазмом принимал идеи французского Просвещения, как ранее. Во-первых, в его мировоззрении усилились охранительные тенденции, что вызывалось ростом недовольства со стороны «третьего сословия» — пока даже не столько в самой Пруссии, сколько в более развитой Франции. Во-вторых, и это существеннее, просветительская идеология прогрессировала, и если на первом этапе, в произведениях Вольтера, Ламетри и их единомышленников, она носила по преимуществу абстрактный характер, оторванный от жгучих социальных противоречий «старого режима», то в более поздние годы выступили просветители, которые откровенно звали к переустройству общества на началах справедливости. Одним из них был П. Гольбах, чья книга «Система природы» подводила к революционным выводам. Вот почему она вызвала резкий протест со стороны Фридриха II. В 1770 г. он создал два памфлета, в которых полемизировал с идеями Гольбаха и других поздних французских просветителей⁶¹.

Пока проповедь просвещения народа не могла, по его мнению, нанести ущерб абсолютистскому строю в Пруссии — отсутствовала среда, которая могла бы воспринять соответствующие идеи, а сами они были еще достаточно умеренными, — король-философ выступал их адептом. Но в годы, последовавшие за Семилетней войной, Фридрих II все более скептически смотрел на возможность, да и необходимость всеобщего просвещения. Он уже не считал необходимым нести в народ знания, которые

⁵⁷ Ibid., S. 96; Lessing G. E. Gesammelte Werke. Bd. 9. Brl. 1957, S. 327.

⁵⁸ Friedrich der Grosse im Spiegel seiner Zeit. Bd. 3. Brl. 1904, S. 72.

⁵⁹ Preussen. Legende und Wirklichkeit, S. 93.

⁶⁰ Германская история в новое и новейшее время. Т. 1, с. 127.

⁶¹ Preussen in der deutschen Geschichte vor 1789, S. 274.

помогут ему освободиться от предубеждений и суеверий. В 1766 г. король писал Вольтеру: «Ни Вы, ни все философы мира не освободят человеческий род от суеверий». В другом случае он высказался так: «Предубеждения — это разум народа»⁶². Поэтому Фридрих II был против того, чтобы давать детям низших социальных слоев сколько-нибудь полное образование. Своему министру по делам церкви и школ король наказывал, что для деревенской детворы «достаточно, если они научатся немного читать и писать; если же они получают большие знания, то убегут в города и захотят стать секретарями или чем-нибудь подобным. Поэтому их следует учить лишь тому, что им необходимо знать»⁶³. Король высказывался за то, чтобы дети вместо учебы усердно занимались ткачеством; в результате можно было добиться двух целей — расширить ткацкое производство и помешать «простонародью» приобретать ненужные ему знания.

Таким образом, мировоззрение Фридриха II, особенно во второй половине его царствования, было консервативной разновидностью просветительской идеологии, находившей к тому же мало отражения в практической политике короля. В известной статье «Подвиги Гогенцоллернов» Маркс дал Фридриху II нелицеприятную характеристику: «Творец патриархального деспотизма, друг просвещения с помощью розги»⁶⁴. Вероятно, здесь есть некоторое преувеличение, вызванное полемической направленностью цитируемой работы. Но, с другой стороны, у Маркса были немалые основания столь жестко характеризовать кумира немецких обывателей.

Он был им и благодаря своим завоеваниям (о цене их не хотели думать), и благодаря тому, что сумел (не прибегая к военной силе) заполучить крупную территорию, принадлежавшую Речи Посполитой, положив тем самым начало ее разделу, утере ею более чем на столетие государственности. Враждебные Польше замыслы Фридрих II лелеял давно, но не мог приступить к их осуществлению из-за противодействия других держав, прежде всего России. Свою концепцию присоединения польских земель прусский король изложил в политическом завещании 1752 г., и, хотя ее реализация началась лишь спустя 20 лет, она шла по сценарию, созданному Фридрихом II.

В 1752 г. он отметил, что не считает оружие лучшим средством решения данной задачи. При этом он процитировал слова короля Сардинии Виктора Амедея, обращенные к наследному принцу Карлу Эммануилу: «Сын мой, Милан нужно съесть, как едят артишок, — лист за листом». Фридрих II писал далее: «Надо извлечь пользу из внутренней борьбы (в Польше. — Л. Г.) и, соблюдая нейтралитет, овладеть сначала одним городом, позднее другим, пока все не будет проглочено». Король подчеркнул, что следует избегать войны против России (в Семилетней войне он нарушил собственную рекомендацию с тяжелыми последствиями для себя)⁶⁵.

Первый шаг в направлении будущего раздела Речи Посполитой был сделан в 1764 году. Это было соглашение между Пруссией и Россией, согласно тайной статье которого оба государства, как писал Маркс, приняли обязательство «охранять силой оружия действующую польскую конституцию, — это лучшее средство разрушения Польши, — от всяких попыток реформы»⁶⁶. Но Фридриху II пришлось ждать еще восемь лет; его час пробил, когда Россия глубоко втянулась в очередную войну с Турцией, ее положение осложнилось и она вынуждена была уступить домога-

⁶² Friedrich II. von Preussen, S. 26.

⁶³ K u c z y n s k i J. Geschichte des Alltags des deutschen Volkes. Bd. 2 (1650–1810). Brl. 1981, S. 199–200.

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 6, с. 519.

⁶⁵ Friedrich II. von Preussen, S. 519.

⁶⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 22, с. 23.

тельствам Пруссии насчет Польши (хотя Екатерина II без всякого энтузиазма шла на усиление Пруссии). Третьим партнером явилась Австрия, стремившаяся компенсировать утрату Силезии. Желая замаскировать грабеж суверенного государства, Фридрих II советовал австрийским правителям: «Поройтесь в архивах!» — и сам делал то же. На сообщение, что Мария-Терезия испытывает укоры совести, он реагировал замечанием: «Плачет, но берет»⁶⁷.

По первому разделу Речи Посполитой в 1772 г. Пруссия получила земли по нижнему течению Вислы, соединившие Восточную Пруссию с остальной территорией королевства (лишь Гданьск и Торунь оставались у Польши). Тем самым устранялись трудности, проистекавшие из разъединенности составных частей Пруссии, расположенных в ее восточной части. Но если говорить о далеко идущем значении этого и последующих разделов Речи Посполитой, то они усиливали феодально-милитаристские силы, препятствовали прогрессивному развитию страны. «Всякий знает, — писал Маркс, касаясь активности Фридриха II в этом вопросе, — как он вступил в союз с Россией и Австрией с целью разграбления Польши, которое еще и теперь, после революции 1848 года, остается позорным пятном, не смытым с немецкой истории»⁶⁸.

70-е годы XVIII в. отмечены событием, происшедшим очень далеко от Пруссии и, казалось бы, не имевшим непосредственного отношения к ней. Речь идет о войне за независимость американских колоний Англии — одном из предвестников новой эры, наступление которой Фридрих II игнорировал. Не понял он и значения Американской революции, оценивая то, что было связано с нею, лишь с точки зрения соотношения сил на мировой арене. Была еще одна точка соприкосновения Пруссии с заокеанскими событиями: дело в том, что Англия, у которой не хватало собственных людских ресурсов, вербовала наемников в германских государствах, а для того, чтобы завербованным добраться кратчайшим путем до портов погрузки, необходимо было пересечь территорию Пруссии. Хотя она ответила отказом на предложение Англии предоставить наемников⁶⁹ и ее позиция по отношению к этой стране была в тот момент недружелюбной (как отметил Фридрих II в мемуарах, это обуславливалось «изменой» Англии в Семилетней войне, а также ее сопротивлением присоединению Гданьска к Пруссии во время первого раздела Речи Посполитой), позиция Пруссии в вопросе о транзите наемников не была принципиальной и на протяжении войны США за независимость менялась.

Неприятно встречались в Пруссии попытки американского конгресса установить с ней официальные отношения. Летом 1777 г. представитель колонистов А. Ли отправился из Парижа в Берлин, где настойчиво расписывал выгоды от торговли с Америкой. Но Фридрих II наотрез отказался от встречи, запретил продажу оружия американцам, отверг их просьбу предоставить заем⁷⁰. Сообщая своему послу в Лондоне Мальцану о прибытии Ли, прусский король писал, что, «поскольку их (американских колоний Англии. — Л. Г.) независимость еще не является фактом, Вы поймете мое нежелание вступать с ними в переговоры»⁷¹. Ли продолжал писать прусскому министру Шуленбургу и после отъезда из Берлина; на одном из его посланий Фридрих II начертил: «Отказать с комплиментами». А своему брату Генриху король писал еще откровеннее: «Я предлагаю медлить с этими переговорами и стать на ту сторону, ко-

⁶⁷ Лависс Э., Рамбо А. Ук. соч., с. 484.

⁶⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 6, с. 519—520.

⁶⁹ Adams H. Prussian-American Relations 1775—1871. S. I. 1960, p. 11.

⁷⁰ Kapp F. Friedrich der Grosse und die Vereinigten Staaten von Amerika. Leipzig. 1874, S. 45—46.

⁷¹ Hаwоrth P. L. Frederick the Great and the American Revolution.— American Historical Review, 1974, vol. IX, № 3, p. 466.

торой будет улыбаться судьба»⁷². Дальневидной эту точку зрения не назовешь.

В обращениях американских агентов к прусским властям часто содержалась просьба запретить наемным войскам пересекать прусскую территорию (дело в том, что немецкие наемники играли немаловажную роль в военных действиях, будучи гораздо лучше подготовленными, чем войска США, не имевшие почти никакого военного опыта). До осени 1777 г. Фридрих II не препятствовал подобному транзиту, хотя запрет не угрожал никакими международными осложнениями, чем король обычно аргументировал отказ признать независимость американских колоний, завязать с ними торговые отношения и т. п. В ноябре 1777 г. Пруссия внезапно отказала в пропуске дополнительных контингентов, завербованных в Ансбахе и Ханау, а также нового контингента, набранного в Ангальт-Цербсте (родина Екатерины II).

В письме Мальданау Фридрих II объяснял свое решение нежеланием, чтобы прусская территория стала ареной волнений наемников, как уже бывало ранее. В мемуарах, однако, он толкует свои действия иначе и более близко к истине: «Прусскому королю было не по душе, что империя лишается всех своих защитников, особенно на случай новой войны»⁷³. А такая война с осени 1777 г. действительно назревала. Это было связано с близившейся кончиной баварского короля, не имевшего наследников по мужской линии; реальные претензии на баварский престол предъявил император Иосиф II. Но Пруссия, для которой подобное усиление Габсбургов было нетерпимо, готовилась к войне за «баварское наследство» и нуждалась в потенциальных рекрутах.

Весной 1778 г. Фридрих II, объединившись на сей раз с саксонцами, направил крупные воинские силы в Богемию, чтобы оказать давление на Австрию. Б. Франклин, А. Ли и Дж. Адамс, находившиеся в то время в Париже, с большим удовлетворением сообщали конгрессу о вторжении прусских войск на территорию Австрии⁷⁴. Но вопреки ожиданиям эмиссаров США до вооруженного конфликта дело не дошло: Австрия пошла на попятный, и попытка изменить существовавшее равновесие сил в Европе не удалась⁷⁵. Одновременно отпали причины, вызвавшие запрет транзита наемников через прусскую территорию, и он был отменен. Американцам оставалось утешаться тем, что противодействие Фридриха II планам Австрии развязывает силы Франции, что увеличивает шансы США на получение от нее помощи.

Получив сообщение Ли о капитуляции английского военачальника Бургойна под Саратогой в 1777 г., прусский король не скрывал своего злорадства по отношению к Англии, но вместе с тем поручил передать американскому представителю, что собирается признать независимость США, когда Франция подаст пример⁷⁶. На деле Фридрих II нарушил свое обещание и признал США лишь после окончания войны за независимость и признания ее Англией. Прусский король при всей своей неприязни к Великобритании не хотел, по собственному признанию, множить число своих открытых врагов: «Длительный опыт научил его, что их всегда сколько угодно, даже без каких-либо усилий с твоей стороны»⁷⁷. Следует также иметь в виду, что восставшие жители британских колоний в Северной Америке были в глазах прусского короля, несмотря на его склонность к просветительским идеям, бунтовщиками, а английский король — «законным» монархом.

⁷² Карр F. Op. cit., S. 35, 49.

⁷³ Ibid., S. 62.

⁷⁴ Hanfstaengl E. *America von Marlborough bis Mirabeau*. München. 1930, S. 31.

⁷⁵ *Deutsche Geschichte in 12 Bänden*. Bd. 3. Brl. 1983, S. 31.

⁷⁶ Карр F. Op. cit., S. 51–52.

⁷⁷ Lowell E. *The Hessians and the other German Auxiliaries of Great Britain in the Revolutionary War*. Port Washington. 1965, p. 53.

В целом позиция Фридриха II по отношению к американской революции обнаружила непонимание им возникшего за океаном феномена, недооценку процессов общественного развития, составной частью которых были события, развернувшиеся в американских колониях Англии. Гораздо дальновиднее оказался один из бывших адъютантов короля, участник его войн и его ученик по классу военного искусства Ф. В. Штойбен, который в 1778 г. отправился в Америку сражаться на стороне восставших. Он стал там генералом и сыграл выдающуюся роль как в самих сражениях, так и в обучении армии США эффективным методам ведения войны⁷⁸.

Итоги правления Фридриха II были противоречивы. С одной стороны, он сумел, главным образом в результате кровопролитных военных походов, существенно увеличить территорию своей страны, сделать ее гораздо более компактной. Пруссия окончательно утвердилась в качестве одного из двух сильнейших, наряду с Австрией, германских государств, обеспечила себе статус великой державы. Ее армия с 1740 по 1786 г. (когда умер Фридрих II) выросла с 80 тыс. человек до 195—200 тыс. и представляла собой крупную боевую силу (на ее содержание расходовалось 13 млн. талеров, или $\frac{2}{3}$ бюджета). С другой стороны, это был колосс на глиняных ногах, что продемонстрировали тяжелые поражения Пруссии в ходе наполеоновских войн. Причины разгрома под Иеной носили прежде всего социальный характер и заключались в господстве отсталых порядков, в чем более всего был повинен Фридрих II. Он не желал считаться с процессами, которые развивались в ряде стран, а во Франции уже в 1789 г. привели к великой социальной революции, изменившей облик эпохи. Она вызвала и коренные преобразования военного дела, которым прусская армия, зиждившаяся на феодальных основах, не могла противопоставить ничего, кроме численности.

Общая оценка Фридриха II не проста. Он был человек недюжинного ума, широкого кругозора, разнообразных дарований. Личность незаурядная, он отличался от других прусских королей главным образом особой активностью и наступательностью в достижении целей, которые были общими для всех них. Главной из них было присоединение новых земель, прежде всего территорий других немецких государств и княжеств. Эпитет «просвещенный», с которым связывают абсолютистский режим Фридриха II, мало что определяет в оценке последнего. Лишь считанные аспекты просветительской идеологии нашли отражение в государственной деятельности прусского короля, другие он отбросил.

В Германской Демократической Республике после длительного периода, когда наследие Фридриха II изображалось исключительно в черных тонах, в последние годы наметился поворот в отношении к нему. Это, видимо, связано с необходимостью более полного познания корней позднейших исторических явлений — и не только тех, которые лежат в основе реакционных традиций, но и тех, из которых проистекают иные национальные особенности и черты. Авторы новейших работ о Фридрихе II, рассматривая реакционную сущность главных аспектов его деятельности, отмечая непонимание им ведущих тенденций тогдашнего развития, раскрывают и те ее стороны, которые объективно имели прогрессивное значение. Речь идет, в частности, о веротерпимости короля — ее тогда практически нигде более не было, его приверженности к некоторым другим (передовым для той эпохи) просветительским идеям, совершенствовании им военного искусства, усилиях, направленных на упорядочение правовой ситуации в Пруссии, личном вкладе в развитие немецкой культуры — духовной и материальной. На одной из центральных улиц столицы ГДР — Унтер-ден-Линден вновь возвышается статуя короля.

⁷⁸ Fabian F. Die Schlacht von Monmouth. Brl. 1961; Palmer J. General von Steuben. New Haven. 1937; Doyle J. Frederick William von Steuben and the American Revolution. N. Y. 1970.

ПЕРВАЯ В РОССИИ КНИГА О ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII ВЕКА

Б. С. Итенберг

Находящийся в Женеве Г. В. Плеханов 2 апреля 1893 г. обратился к Ф. Энгельсу: «Дорогой учитель! Податель этого письма — Алексей Воден, молодой русский студент, один из наших друзей, очень прилежный и очень способный... Отправляясь в Лондон, он просил меня рекомендовать его Вам. Я делаю это весьма охотно, так как убежден, что Вам будет интересно встретиться с одним из лучших представителей нашей русской молодежи»¹.

Прибыв в Лондон, А. М. Воден отправил письмо по назначению. Вскоре пришел ответ: Энгельс сообщал, что готов принять русского посланца «в любой из ближайших дней вечером»². Несколько вечеров провел Воден у Энгельса. В центре внимания оказались разногласия между Плехановым и народниками. В этой связи гость воспроизвел нелестные плехановские отзывы о трудах Н. И. Кареева³. Тогда Энгельс подвел Водена к одному из книжных шкафов, вынул монографию Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», изданную в 1879 г. в Москве и полученную Марксом от автора. При этом Энгельс «сказал, что и Маркс и он лично признали этот труд очень добросовестным и eine bahnbrechende Leistung (пролагающим путь произведением)», и посоветовал Водену и Плеханову «принять это к сведению, какова бы ни была неясность почтенного историка в принципиальных и даже методологических вопросах»⁴. Действительно, получив труд Кареева, Маркс писал М. М. Ковалевскому: «Сочинение г-на Кареева превосходно (excellent). Только я не вполне разделяю его взгляд на физиократов»⁵.

Фундаментальный труд русского историка привлек серьезное внимание Маркса. По свидетельству Ковалевского, после смерти Маркса Энгельс показывал ему тетради с выписками умершего друга, в том числе и из книги Кареева. Следы

ИТЕНБЕРГ Борис Самуилович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967, с. 650.

² Воден А. М. Из воспоминаний. В кн.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М. 1969, с. 103.

³ В книге «Наши разногласия» (1884 г.) Плеханов, с одной стороны, привлекал исследование Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» для доказательства процесса разложения крестьянской общины, с другой — критиковал ученого за субъективность (см. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. М. 1956, с. 254, 264). Особенно острой критике субъективные воззрения Кареева подверглись в книге Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (там же, с. 547—549, 617 и др.).

⁴ Воден А. М. Ук. соч., с. 106. Об этом же Воден писал Карееву 5 декабря 1925 г.: «В 1893 году Фридрих Энгельс говорил мне (у себя в Лондоне, где я долго жил), что он считает Ваш труд по крестьянскому вопросу во Франции до революции исследованием, составившим эпоху (bahnbrechende Leistung), и констатировал, что таково же было и мнение Маркса» (цит. по: Далин В. М. Энгельс о книге Н. И. Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». В кн.: Французский ежегодник. 1970. М. 1972, с. 222—223).

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 34, с. 286.

изучения монографии остались на том экземпляре, который принадлежал Марксу, а теперь находится в библиотеке ИМЛ при ЦК СЕПГ⁶. Сохранились отчеркивания Маркса на ряде страниц, касающиеся судьбы общинных земель, которые крестьяне вынуждены были сдавать в аренду или продавать, содержания деревенских наказов, воззрений физиократов, феодальных прав Людовика XVI, владевшего почти пятой частью всех земель Франции, и др. В 1889 г., ознакомившись со статьями К. Каутского из «Neue Zeit» — «Классовые противоречия в 1789 году», Энгельс высказал сожаление, что автор не изучил «лучшую работу о крестьянах» Кареева⁷.

Следовательно, такие строгие критики, как Маркс и Энгельс, высоко оценили значение труда русского ученого. Это и понятно. Историческая диссертация Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» — исследование, выполненное на богатом круге источников, многие из которых не привлекли должного внимания даже французских историков. Прозвучало новое слово в историографии Французской буржуазной революции конца XVIII века.

Николай Иванович Кареев родился в Москве 24 ноября 1850 года. После окончания 5-й Московской гимназии поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Студентом Кареев в 1870 г. познакомился с профессором всеобщей истории В. И. Герье, который первым из университетских преподавателей возглавил изучение Французской революции. Эта тема целиком захватила и Кареева, ставшего учеником Герье. Правда, между учителем и учеником не было полного согласия в оценке событий конца XVIII века. «Общий взгляд проф. Герье на состояние общественного мнения во Франции в 1789 г., — свидетельствовал Кареев, — отличается большим пессимизмом. Рассмотрев очень подробно, как понимали составители наказов различные политические вопросы эпохи, он приходит к следующему печальному выводу: «С такими-то сбивчивыми представлениями о нации и о правах нации составлялись наказания главных бальяжей и городов Франции и выехали в Версаль депутаты для того, чтобы устроить Францию». Эта позиция Герье — взгляд либерала, стремившегося в какой-то мере развенчать революционную сущность Французской буржуазной революции конца XVIII в., доказать, что народовластие отличалось якобы «односторонностью, смутностью и противоречивостью»⁸.

Кареев же был настроен более радикально. Он во многих вопросах находился под влиянием произведений Д. И. Писарева, П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского и стремился понять причины активного участия французского народа в революции, выяснить подлинный характер его требований. Но тогда еще эти разногласия ясно не проявились, и Кареев с должным почтением относился к своему учителю. В 1873 г. он закончил университет, написав кандидатское (дипломное) сочинение по истории французского крестьянства. Оставленный при университете для подготовки к профессорскому званию, Кареев одновременно состоял учителем истории в 3-й Московской гимназии⁹. Но учебник истории И. И. Белярминова, по которому там велось преподавание, не мог удовлетворить передового учителя. «Французская революция, — вспоминал Кареев, — в нем была передана в трех-четырёх строках: безбожные-де французы, развращенные ложными учениями, возмущились против своего благодушного короля и низложили его, после чего чуть не тотчас же явился Наполеон». С таким толкованием Кареев согласиться не мог — он переменял учебник¹⁰.

Но и новый учебник не давал подлинного представления о Французской революции. В России ее история только начинала разрабатываться. Среди тех, кто

⁶ Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1979, с. 79.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 37, с. 125.

⁸ Кареев Н. И. Работы русских ученых по истории Французской революции. — Известия С.-Петербургского Политехнического института, 1904, т. 1, вып. 1 — 2, с. 57.

⁹ Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета. Т. I. СПб. 1896, с. 296.

¹⁰ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (далее — ОР ГБЛ), ф. 119 (Н. И. Кареева), карт. 44, д. 4, л. 4.

посвятил себя этой важнейшей теме, был и Кареев. «В центре общественного внимания,— вспоминал он,— стоял в те годы крестьянский вопрос, о котором так часто и так много говорилось в «Отечественных записках». Вот почему кончая курс, я выбрал темой своего кандидатского сочинения историю крестьян во Франции»¹¹. Посвятив себя изучению крестьян накануне Французской революции, Кареев поставил задачу сбора наиболее достоверных источников, документов, исходивших непосредственно от народа. Для этого и была предпринята научная командировка во Францию. Начались поиски в Национальном архиве страны.

11 ноября 1877 г. Кареев писал из Парижа Герье о том, что поставил перед собой цель «выяснить, в каком положении находился феодальный режим накануне 1789 года». Особенно его интересуют требования крестьян. Сначала Кареев стал исследовать указы третьего сословия, но они оказались «слишком недостаточны для характеристики крестьянских требований»¹². В ходе дальнейших поисков он обнаружил в «громадном сборнике «Archives parlementaires» и в некоторых других изданиях целую массу» крестьянских наказов, которые и стали предметом его тщательного изучения¹³. В письме Герье 6 (18) февраля он сообщал, что одновременно пользуется «и всеми другими документами, насколько они освещают деревенские отношения того времени»¹⁴.

В Париже Кареев познакомился, а вскоре и подружился с проживавшим там П. Л. Лавровым. Они обсуждали диссертационную тему молодого ученого, размышляли над структурой исследования. Богатейшая библиотека русского изгнанника была предоставлена в полное распоряжение Николая Ивановича¹⁵. У Лаврова Кареев познакомился с П. А. Кропоткиным, М. М. Ковалевским, которые с большим интересом отнеслись к научным занятиям диссертанта. История Французской революции, роль в ней народных масс были предметом их всестороннего обсуждения¹⁶.

Общаясь с Лавровым и его друзьями, нельзя было погрузиться только в науку, изолироваться от общественной жизни, от демократического окружения. Уже летом 1878 г. Кареев начал посещать лекции по истории мысли для молодежи, которые читал Лавров. С большими предосторожностями, опасаясь царских агентов, проик он и на банкет, устроенный газетой «Egalite» в годовщину казни Людовика XVI. Сюжет этот был очень близок молодому ученому — пришлось рисковать. На банкете Лавров произнес на французском языке речь. Но она, по воспоминаниям Кареева, «была слишком учена и исторична для собравшейся на банкет рабочей демократии»¹⁷. Между тем кончался срок командировки, позволившей ученому собрать нужный для написания монографии материал. Кареев писал Герье: «Вам, вероятно, уже пришлось прочесть второй том Тэна, который мне очень не понравился. Я только доволен, что Тэн не напал на мой материал архивный, хотя и близко около него ходил»¹⁸.

Завершая диссертацию, Кареев думал вначале дать ей такое заглавие: «Французская революция и крестьянский вопрос». Но опытные люди выразили сомнение в возможности для книги с таким заглавием пройти через цензурные препоны. А В. О. Ключевский прямо спросил автора: «А вы не боитесь, что вас обвинят в социализме?»¹⁹. Тогда было решено издать магистерскую диссертацию под названием «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века».

Во время подготовки диссертации к защите Кареев сблизился с передовой университетской молодежью, в центре которой находился Ковалевский. В своих вос-

¹¹ Цит. по: Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М. 1960, с. 36.

¹² ОР ГБЛ, ф. 70 (В. И. Герье), карт. 46, д. 5, л. 3.

¹³ Там же, л. 3об.

¹⁴ Там же, л. 9об.

¹⁵ См. Кареев Н. Из воспоминаний о П. Л. Лаврове.— Былое, 1918, № 9, кн. 3, с. 14.

¹⁶ Кареев Н. М. М. Ковалевский, как историк Французской революции.— Вестник Европы, 1917, № 2, с. 211.

¹⁷ Кареев Н. Из воспоминаний о П. Л. Лаврове, с. 15.

¹⁸ ОР ГБЛ, ф. 70 (В. И. Герье), карт. 46, д. 5, л. 14.

¹⁹ Там же, ф. 119 (Н. И. Кареева), карт. 44, д. 4, л. 8.

доминанциях Кареев свидетельствовал: «Моя новые знакомые, составившие сплоченную компанию, были юристы или экономисты, что соответствовало моему новому научному интересу к социальной истории, развившемуся на тему о французском крестьянстве. Политическое их направление, более либеральное, чем у старой профессуры, — конституционализм, дополненный социальным реформаторством, — более соответствовало и моему общественному настроению и моим политическим идеям, не бывшим, впрочем, особенно отчетливыми». Эта группа молодых ученых представляла собой «новую фазу в развитии русского либерализма»²⁰ и отличалась от своих предшественников (К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, В. И. Герье) более радикальным образом мышления, своими конституционно-реформаторскими идеями.

Диссертация Кареева представляла собой фундаментальную монографию в 40 печатных листов, с обширным библиографическим указателем и приложением документов, извлеченных из Национального архива Франции. Один из первых экземпляров книги был отправлен в Париж Лаврову. 27 декабря 1878 г. (8 января 1879 г.) он писал Карееву: «Я уже вчера ночью разрезал и перелистал ее, находя там бездну интересного, по, конечно, не прочел еще ее, что, впрочем, не замедлю. Это будет крупный вклад в нашу литературу по одному из важнейших периодов европейской истории. Вы знаете, как специально для меня интересны именно эти исследования»²¹.

Дальнейшее изучение показало Лаврову всю ценность труда, заслуживавшего перевода на французский, о чем он и сообщил Карееву (это осуществилось через 20 лет). А пока Лавров рекомендовал ему составить на французском языке краткий реферат монографии и послать его крупнейшему историку Н. Д. Фюстель де Куланжу. Кареев последовал этому совету. Фюстель де Куланж опубликовал реферат Кареева в Трудах Академии и при этом отметил, что труд Кареева написан на основании подлинных и многочисленных источников, он по-новому освещает предмет исследования и «французы могут многому научиться из этого исследования»²². Директор Национальных архивов Франции А. Морц, знавший русский язык, ознакомил читателей с монографией Кареева, посвятив ей большую статью в «Journal des Savants» (188, VII—IX), в которой указывалось: «То, что французы не сделали, он, русский, не боялся попытаться сделать»²³.

Но все же, судьба диссертации релглась не в Париже, а в Москве. С чем предстояло выступить ученому? Какой труд был представлен членам университетского ученого совета и оппонентам? Содержание исследования раскрывалось в восьми главах. В предисловии автор так определил задачу своего труда: «Представить результаты старого порядка непосредственно перед самым его падением»; выяснить характер и особенности крестьянского вопроса, возникшего в середине XVIII в. и, наконец, изучить «коренной переворот в истории крестьянства», происшедший в канун и в ходе самой революции²⁴.

Концепция Кареева формировалась в процессе преодоления исторических взглядов А. де Токвилля, изложенных в его книге «Старый порядок и революция»²⁵. Одной из центральных идей этой книги было утверждение, что если бы революция не произошла, старый общественный порядок все равно бы пал, постепенно разрушился. Против этого укоренившегося взгляда выступал в своей диссертации Кареев. «Я предпринял эту работу, — писал он, — имея особенно в виду ут-

²⁰ Цит. по: Вебер Б. Г. Историографические проблемы. М. 1974, с. 259.

²¹ Материалы для биографии Лаврова. Вып. 1. Пг. 1921, с. 44. Отношения Лаврова с Кареевым не ограничивались научными интересами. Лавров делился с ним своими личными переживаниями, информировал о своих взглядах на ход общественной жизни России, извещал о судьбе известного революционера Германа Лопатина (там же, с. 47).

²² Там же.

²³ Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. В кн.: Труды комиссии по истории знаний. Ч. I. Л. 1929, с. 157—158.

²⁴ Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М. 1879, с. VI—VII.

²⁵ Кареев Н. И. Памяти двух историков (В. И. Герье и И. В. Лучицкий). — *Анналы*, 1922, № 1, с. 159.

верждения некоторых писателей, будто бы феодальный порядок перед 1789 г. находился в упадке, будто установленные им повинности были более номинальные, чем действительные, будто бы, наконец, уничтожение феодального режима могло совершиться само собою, так сказать, незаметно.

Изучив феодальные трактаты, сочинения юристов, крестьянские наказания и жалобы, ученый доказал, что в конце XVIII в. не было признаков, предвещавших скорое исчезновение феодальных отношений. Больше того, «сеньоры не только не выискали из рук старых феодальных прав, но еще устанавливали новые»²⁶. Хотя крестьяне в массе своей были свободны от юридической власти сеньоров, но находились в зависимости от них «по земле», которой владели или пользовались.

Важно наблюдение автора, что уже накануне вступления на престол Людовика XVI «былые отношения массы к земле изменяются в том смысле, что все резче и резче начинают обозначаться два класса среди крестьян»²⁷. В этой связи автор рассмотрел аграрные и социальные отношения, определявшие «положение крестьян как земледельческого сословия». Кареев показал, что, помимо феодального гнета, французский крестьянин в XVIII в. подвергался эксплуатации буржуазии. Большая часть земель, принадлежавших крупным феодалам, становится достоянием преуспевающих финансистов. Если же «буржуа не находил себе продажного имения или не имел достаточно средств для такой покупки, он мог взять в аренду феода и на откуп все сеньориальные права, с ним соединенные, что, конечно, связывало буржуа с сеньором и делало интересы их солидарными»²⁸.

В диссертации представлена картина бедственного положения крестьян, упадка земледелия, безработицы и голода, нищенства и переселения крестьян в города, роста народных выступлений, обострения крестьянского вопроса. Кареев показывает, как появляются проекты реформ, распространяется литература, содержащая планы реорганизации страны. В одной из глав показана борьба дворянства и буржуазии за влияние на сельских избирателей.

В ходе революции коренным был вопрос об уничтожении феодального режима. Кареев подвергает специальному анализу массовое крестьянское движение. Традиционно утверждалось, что революция начиналась в верхах общества и потом постепенно втягивала в движение народ. Кареев не был сторонником такого взгляда. Показав всю сложность революционного процесса, он убедительно выяснил, что недовольство крестьян, их протест накапливались веками. После взятия Бастилии крестьянские возмущения действительно усилились, но «целые сотни бунтов против косвенных налогов разразились в провинциях за два месяца до 14 июля». Эти волнения, вызванные «нищетой и голодом», имели, как правило, антифеодальный характер, так как «между крестьянами и сеньорами существовали вечные процессы из-за общинных земель, феодальных повинностей и т. д.». Во время выборов в Генеральные штаты эти противоречия еще сильнее обострились и привели к небывалому подъему народного движения. «Как бы то ни было, сам народ напомнил Национальному собранию о своих просьбах, и знаменитое ночное заседание 4 августа, когда в принципе был отменен феодальный порядок, было естественным следствием крестьянских восстаний»²⁹. Можно согласиться с Б. Г. Вебером, что на такое утверждение в 70-х годах прошлого столетия были способны «наиболее впечатлительные и отзывчивые в общественном отношении молодые представители левого крыла тогдашнего русского либерализма в обстановке мощного и высокого демократического подъема»³⁰.

Монография Кареева завершается главой, в которой рассматривается период 1789—1793 гг., когда решался крестьянский вопрос, были отменены феодальные права и победили буржуазные отношения. Феодальный порядок перестал существовать. Обширный документальный материал, понимание классовых противоречий, сложившихся во французской деревне, давали возможность автору сделать вывод и об исторической закономерности, неизбежности революции. Но, будучи учеником

²⁶ Кареев Н. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, с. 85.

²⁷ Там же, с. 486.

²⁸ Там же, с. 480, 102.

²⁹ Там же, с. 399—400, 403, 406.

³⁰ Вебер Б. Г. Ук. соч., с. 275.

Герье, последовательного идеалиста, Кареев испытывал влияние не только революционно-демократических идей, но и либеральной идеологии. Отсюда и противоречивость в концепции молодого ученого.

Признавая феодальный характер власти Бурбонов, Кареев наряду с этим заявлял: «Смотреть на королевскую власть, как на гарантию злоупотреблений, как на орудие в руках привилегированных, слишком односторонне: это значило бы патологические симптомы принять за нормальное отправление органа». И далее: «Нормальной функцией королевской власти было блюсти и внутри и вне страны интересы государства, заботиться о его силе и могуществе, о развитии национального богатства, и если требования государственной необходимости в этом отношении встречались народом недружелюбно, то виноваты в том не солидарность правительства с привилегированными и не употребление им произвольных мер, а то, как понимались требования государства»³¹.

Диссертационный диспут состоялся в Московском университете 21 марта 1879 года. Актовый зал был переполнен. Наиболее полную информацию о защите диссертации поместил журнал «Критическое обозрение», одним из редакторов которого был Ковалевский. О диспуте писали и другие органы печати. «Московские ведомости», например, отметили, что «в предварительной речи г. Кареев высказал мысль, что прежде в исторических исследованиях народной жизни обращали внимание преимущественно на культурный слой народа, в котором зарождались великие творения человеческого духа. Новое же направление, явившееся только в нашем веке, обратило внимание на скрывавшуюся за культурным слоем темную народную массу, в жизни которой открылось великое постепенное движение вперед». В сообщении отмечалось, что Кареев призвал изучить прошлую жизнь других народов, воспользоваться историческими уроками, «тем более что в России 90% населения занимается земледелием и живет вне городов»³².

В качестве первого официального оппонента выступил Герье. Учитель был строг. Он сосредоточил свое внимание на том, «каким образом и каким способом автор пользовался своим материалом». По мнению оппонента, диссертант не всегда относился к своему материалу с «тщательностью и точностью». Герье упрекнул Кареева, в частности, в том, что он неправильно критиковал историка Рихтера, который в труде «Государственное и общественное право Французской революции», как и Кареев в диссертации, указывал на существенное разделение третьего сословия по «классам и интересам». Было сделано и много других конкретных замечаний. Указано и на то, что в работе, посвященной крестьянству, не уделяется должного внимания агрономической науке, несправедливо оценивается труд А. Юнга, посвященный описанию путешествия по Франции накануне революции, и т. д.³³ Значительно меньше возражений было у второго оппонента — преподавателя университета П. Г. Виноградова, который высоко оценил диссертацию, признав ее замечательной «как по значительности положенного на нее труда и массе сообщаемых сведений, так и по искусной группировке богатого материала»³⁴. Было высказано лишь несколько частных замечаний, касающихся природы ценза, характера освобождения крестьян от крепостничества, оценки публицистов XVIII века.

Неофициальным оппонентом выступил доцент юридического факультета М. М. Ковалевский, который выразил удивление, что никто из официальных оппонентов не оценил по достоинству второй части диссертации. «Последняя, — заявил он, — как заключающая в себе много ценных и до сих пор неизвестных историкам фактов, составляет несомненный вклад в историческую науку». Однако Ковалевский не согласился с Кареевым в том, что короли Франции со времени Франциска I и кончая Людовиком XIV «начали поощрять сеньоров в узурпации общинных земель». По мнению оппонента, «если бы г. Кареев был знаком с перепиской интендантов конца XVII века и первой четверти XVIII в., перепиской, хранящейся доселе в центральном архиве в Париже, то он несомненно при-

³¹ Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции, с. 159.

³² Московские ведомости, № 75, 25.III.1879.

³³ Критическое обозрение, № 9, 1.V.1879, с. 31–32.

³⁴ Там же, с. 32.

шел бы к совершенно обратному заключению. Он увидел бы из нее, что правительство Людовика XIV в интересах фискальных, в интересах обеспечения своевременного поступления налогов в казну заботилось об удержании общинных земель в руках крестьян»³⁵. Далее Ковалевский высказал сожаление, что Кареев не изучил ряд касающихся отдельных районов французских монографий, в которых доказывалось, что мелкая собственность задолго до революции постепенно стала уступать место крупной собственности.

Диссертант подробно ответил своим оппонентам. Ряд замечаний он принял, другие отверг, в некоторых случаях уточнил свои позиции. В заключение своего выступления он поблагодарил Ковалевского, отметив, что данные основанных на местном материале монографий могли еще основательнее подтвердить его точку зрения: «Я мог бы этими интересными данными еще лучше осветить процесс обезземеления крестьян, совершившийся, по моему мнению, во Франции XVIII в.»³⁶.

По сути дела, магистерская защита Кареева превратилась в публичный диспут о причинах Французской революции. В условиях демократического подъема, который на рубеже 70–80-х годов XIX в. переживала Россия, это было крупным событием. «Публики,— вспоминал Кареев,— собралось великое множество, встретили и проводили меня рукоплесканиями, но мой учитель в роли платного оппонента был очень немилостив, что и мои реплики делало запальчивыми, конечно, отнюдь не смягчавшими оппонента. Раза два-три мне аплодировали»³⁷.

Готовясь к магистерской защите, Кареев обратил внимание на вышедшую в 1878 г. в Париже книгу провинциального архивиста А. Бабо «История деревни при старом порядке», очень близкую по теме его диссертации. В пространной рецензии на нее Кареев выразил сожаление, что Бабо не сумел увидеть «вещи в истинном свете». По мнению французского автора, жизнь крестьян накануне революции вовсе не была обременительной. Крестьяне «везде поют и танцуют», сеньоры их угощают. Сельское население проявило в войнах патриотизм. Больше того: крестьяне «были совершенно подготовлены для политической свободы, эпоха которой должна была начаться с 1789 г.». «После такой картины,— писал Кареев,— спрашиваешь невольно самого себя: если все было так хорошо, то отчего вспыхнула революция? если крестьяне по своим добродетелям годились в герои романов сентиментального направления, то откуда могла возникнуть «жакерия», начавшаяся в 1789 г. и едва окончившаяся в 1794 г.? если, наконец, масса была подготовлена старой монархией к пользованию политическими правами, то почему во Франции люди, желавшие свободного правления, не нашли поддержки в массе? Автор ответа на это не дает. Читая вообще книгу А. Бабо, на основании которой возможно было нарисовать такую картину, приходишь даже к мысли, что наш автор, вероятно, из тех людей, которые не признают спасения вне Бурбонов». Рецензент подчеркнул необходимость исследования того экономического процесса, «который совершался во Франции перед революцией», а именно: обезземеления крестьян и разделения «их на два класса, класс самостоятельных хозяев (laboureurs) и батраков (manoeuvres), работающих по найму»³⁸.

В 1879 г. в демократических журналах появились рецензии на книгу Кареева. В них содержался ее подробный анализ, приводились большие выдержки из ее текста, высоко оценивалась диссертация русского ученого. обстоятельно рассмотрев книгу Кареева, рецензент журнала «Дело» (П. Лавров) пришел к выводу: «Крестьянский вопрос неудержимо выходил на сцену истории»³⁹. Сущность крестьянского вопроса во Франции еще более обоснованно рассматривалась в «Отечественных записках»⁴⁰. Автор рецензии на книгу Кареева — Н. Ф. Анненский —

³⁵ Там же, с. 34, 35.

³⁶ Критическое обозрение, № 10, 15.V.1879, с. 45—48.

³⁷ Цит. по: Вебер Б. Г. Ук. соч., с. 280.

³⁸ Кареев Н. Новый историк французского крестьянства.— Критическое обозрение, № 6, 15.III.1879, с. 4, 6, 8.

³⁹ Н. П-с к ий. История Франции под пером новых русских исследователей.— Дело, 1879, № 4.

⁴⁰ Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. Историческая диссертация Н. Кареева. М. 1879.— Отечественные записки, 1879, № 6.

обращал внимание на то, что это исследование убедительно показывает, что и до революции и даже когда она началась крестьянский вопрос в «полном своем объеме и значении» не ставился. Правда, революция нанесла решительный удар по «феодалным правам аристократии», но те неблагоприятные для крестьян обстоятельства, «которые поддерживались интересами буржуазии, остались нетронутыми». Рецензия в «Отечественных записках» отражала настроения широкого круга демократических читателей по столь острому для общества крестьянскому вопросу. Сам Кареев писал впоследствии, что интерес к социальной истории, и особенно к истории крестьянства, был «сильно поддержан общим «народническим» направлением «Отечественных записок»⁴¹.

В журнале «Вестник Европы» автор литературного обозрения отмечал, что в книге Кареева рассматривается крестьянский вопрос во Франции, непосредственно же о России в ней не говорится. «Но аналогия между обоими предметами часто так велика, что бросается в глаза сама собою... На чьей стороне симпатии г. Кареева — это ясно из всего сказанного нами до сих пор; но это не мешает ему оставаться верным строго исторической точке зрения и стремиться к объяснению фактов, а не к произнесению оправдательных или обвинительных приговоров»⁴².

Показательна и статья в журнале «Дело», озаглавленная «Французское село в конце XVIII века». Ее автор, явно идя по следам Кареева, писал, что при Людовике XV происходило расслоение крестьян на кулаков и «безземельных батраков, отягощенных непосильными налогами и поборами... Упорство, с которым господствующие классы держатся своих старых традиционных привилегий, только раздражает народ, и негодование его, веками накопившееся, может окончиться общим взрывом»⁴³.

Монография Кареева о крестьянах в эпоху Французской революции, конечно, меньше всего была предназначена для распространения в революционном подполье России. Однако злободневность темы, богатый фактический материал, объективность и глубина исследования привлекли к ней интерес наиболее подготовленных революционеров. 20 марта 1880 г. находящийся в Петропавловской крепости народоволец С. Г. Ширяев рекомендовал (наряду с другими книгами) своей жене, проживавшей под гласным надзором полиции в Уфе, прочесть «Кареева — диссертацию о положении французских крестьян в конце XVIII века»⁴⁴. В программе для занятий с рабочими, распространявшейся пропагандистами в 1886 г. в Петербурге, среди книг по истории Французской революции значилось и исследование Кареева⁴⁵. Оно понадобилось и первым русским марксистам. В 1895 г. В. И. Засулич из Лондона писала Г. В. Плеханову: «Нет ли у вас хоть Кареева о французских крестьянах? В Музее нету. А непременно мне нужно! Всего больше нужно зятья, насколько они еще были крепостными накануне революции. У Тэна — о беспорядках, городе, но не об их положении»⁴⁶.

Исследование Кареева явилось первой, написанной в России, монографией о Французской буржуазной революции конца XVIII века. Оно замечательно тем, что на основе обширного материала (опубликованного и архивного) положило начало подлинному научному изучению роли народа в революции. Такая постановка проблемы была новой не только для своего времени, но и определила последующее развитие отечественной историографии, положило начало «русской школе»⁴⁷.

⁴¹ ОР ГБЛ, ф. 119 (Н. И. Кареева), карт. 44, д. 15, лл. 10, 11.

⁴² Вестник Европы, 1879, май, с. 274—275.

⁴³ Дело, 1879, октябрь, № 19, с. 302 (статья подписана Н. С-вский).

⁴⁴ Баум Я. Д. Тюремные письма С. Г. Ширяева к А. Д. Долгоруковой, — Каторта и сылка, 1931, № 8—9, с. 273.

⁴⁵ Красная летопись, 1923, № 7, с. 281.

⁴⁶ Группа «Освобождение труда». Сб. 4. М.—Л. 1926, с. 295.

⁴⁷ Подробнее об исторических взглядах Н. И. Кареева см.: Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева. Л. 1988.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

В ЗАЩИТУ ВИЦЕ-АДМИРАЛА В. А. КОРНИЛОВА

С. Б. Кузьмина

Имена руководителей обороны Севастополя во время Крымской войны В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, В. И. Истомина и других, отдавших свою жизнь Родине, были написаны золотом на мраморных досках церкви Морского кадетского корпуса, в котором учились будущие флотоводцы. После войны в течение десятилетий страницы русских журналов, альманахов и газет заполняли воспоминания о тех событиях: дневниковые записи и мемуары флаг-офицеров, капитанов, других военнослужащих. Длительное время почти ни один выпуск «Морского сборника» не выходил без публикации, где бы не упоминалось о Корнилове и других адмиралах. Любой новый штрих, оценка, появившиеся в печати, приобретали тогда особое значение и получали широкий общественный отклик.

В 1867 г. в журнале «Русский архив» (№ 12) была напечатана анонимная статья «Из записок севастопольца», содержавшая ряд клеветнических высказываний в адрес героев обороны Севастополя. Она послужила поводом для написания ряда статей, полных негодования и опровержений. «Дерзкое анонимное сочинение, осмеливающееся называть себя историческими записками», «уродливое явление нашей современной литературы», «нашим морякам никогда и в голову не приходило, чтобы было возможно так непочтительно, так дерзко, так оскорбительно относиться к памяти тех из славных защитников Севастополя, именами которых по всей справедливости более всего гордится наша морская семья. Эти имена — имена наших героев, адмиралов Нахимова и Корнилова!» — писал «Кронштадтский вестник» (1868, № 8), первым откликнувшийся на анонимную статью.

Сейчас непросто понять, какие мотивы двигали неизвестным автором, пытавшимся оклеветать лучших представителей Черноморского флота. Дав краткие характеристики его основателям А. С. Грейгу и М. П. Лазареву, аноним «взялся» затем за Корнилова и Нахимова, злопыхательствуя в их адрес и смакуя мещанские сплетни. Начав издали, автор прослеживал служебную деятельность Корнилова и Нахимова и «разрабатывал» их характеры. Первый предстает перед читателями карьеристом и честолюбцем, второй — аморфным, безвольным и бесхарактерным служакой, жертвою честолюбивых помыслов первого.

Автор одной из ответных статей писал, что аноним «делает нас свидетелями той потаенной шахматной игры, которая будто бы разыгрывалась тогда между знаменитыми защитниками Севастополя... Для успеха этой жалкой пьески, очевидно, диктованной чувствами зависти и злости и составляющей самую заметную часть сочинения, автору необходимо было выставить Нахимова... неопасным противником Корнилова, который собирался разыграть «ту увертюру начинавшейся кампании», исполнение которой он якобы предоставлял собственно себе»; лица, описанные анонимом, «вовсе не походят на те, какими были в действительности»¹.

КУЗЬМИНА Светлана Борисовна — факультет журналистики Московского университета.

¹ Капитан-лейтенант Афанасьев. Ответ моряка «Русскому архиву». — С.-Петербургские ведомости, 26.I.1868.

Анонимное выступление вызвало на Черноморском флоте бурю возмущения. «Кто и во имя какого права смеет бросать в эту свежую могилу доблести камень позора? И неужели наши общесознанные в народе заслуги не могут охранить нашу святыню от кощунства?» Такие гневные возгласы были общим местом. Последовала серия контрстатей, различных материалов, воспоминаний и писем. Они пока не использовались специалистами, хотя представляют немалый интерес. Своеобразным манифестом общего негодования стало письмо управляющего Морским министерством Н. К. Краббе издателю и составителю журнала «Русский архив»: «Из возражений, появляющихся в газетах и других периодических изданиях против статьи «Из записок севастопольца», Вам известно, какое сильное всеобщее негодование возбуждено лживыми показаниями этой статьи. Чувство это проявилось еще с большей силой в кругу моряков и особенно в сфере офицеров прежнего Черноморского флота, близко знавших покойных адмиралов: Лазарева, Корнилова и Нахимова, не по одним только служебным отношениям, но и в домашнем их быту... Честь нашего флота и справедливость требуют, чтобы рядом со статьей, выражающей личное воззрение одного неизвестного лица, историк имел перед собой единодушное заявление полнейшего негодования всего русского флота к лживым обвинениям со стороны анонимного автора, тщательно скрывающего свое имя»².

«Кронштадтский вестник» опубликовал 21 января 1868 г. текст заявления офицеров Черноморского флота: «Грустно подумать, что 14 лет после славной защиты Севастополя нашим морякам пришлось защищать память лучших и самых славных из его защитников». Та же мысль увенчала эпитафией «Мертвые срама не имут» статью Афанасьева: «Нельзя, к сожалению, не заметить, что древний военный клич наших предков — «мертвые срама не имут» — в наше время забывается, и находятся такие отщепенцы, которые осмеливаются клеветать на свежую память народных героев». Эти статьи появились сразу же после выхода «Из записок севастопольца». Авторы их подробно разбирали писания анонима, опровергая злобные выпады и противопоставляя им основательные, подтвержденные фактами материалы.

В «Николаевском вестнике» (1868, № 16) было напечатано одно из самых интересных с исследовательской точки зрения опровержений на статью «Русского архива»³, автором его был капитан-лейтенант Ф. Нарбут. Аноним оговорил Корнилова в корыстном стремлении присвоить лавры победы Нахимова при Синопе 18 ноября 1853 г., для чего Корнилов якобы «бросил Нахимова на произвол судьбы». Нарбут приводит доказательства лживости этого обвинения: письма Корнилова, выписки из корабельных журналов. «До войны, — писал аноним, — Корнилов давным-давно метил в командиры портов». Всю свою энергию он подчинил достижению этой цели. «Но вот войной уже сильно пахло... Черное море курилось от дыма пробных выстрелов... У Корнилова сильно зудели руки подраться и, как он надеялся, разбить басурман. Он взял четыре парохода из Севастополя, чтобы лететь с ними якобы «для рекогносцировки турецких берегов», но собственно для того, чтобы свободнее распоряжаться в море и в случае битвы поспеть на место». Тот же аноним писал одновременно о вице-адмирале: «Корнилов, возвышавшийся над всеми образованием, умом и талантами, никогда и не думал состязаться в чем бы то ни было с Нахимовым». Но затем давал такое «уточнение»: «Да и никому из мало-мальски вникавших в дело не приходило и в голову ставить их на одну доску. Если Нахимов при Корнилове даже и после Синопа был почти не виден, что же он был бы во время боя при Корнилове до Синопа!»

В месяцы, о которых идет речь, у берегов Турции крейсировала эскадра под командованием Нахимова, посланная туда по приказу Корнилова. По этому поводу аноним писал: «Корнилова не могло заботить нисколько, что Нахимов разгуливает в море: он знал, что одному Нахимову ничего не сделать. Другие же эскадры постоянно держались вдали, а эскадра Новосильского сидела в Севастополе, вследствие расчетов того же Корнилова, дабы в случае надобности взять эту

² Морской сборник, 1868, № 5. Первоначально появилось в «Николаевском вестнике», 1868, № 17.

³ См. Нарбут Ф. По поводу статьи «Из записок севастопольца». — Морской сборник, 1868, № 2.

эскадру и идти с нею против турок». Если опустить длиннейшее описание «севастопольцем» подробностей «игры в шахматы», то смысл его повествования сводится к следующему: начальник штаба, имевший в своём распоряжении практически всю боеспособную часть Черноморского флота, вероломно поступает со своим соратником вице-адмиралом Нахимовым, не давая ему помощи, в которой тот нуждается, и выкидает случая, чтобы воспользоваться самому находящейся в его распоряжении военной мощью. Корнилов со своей эскадрой ищет турецкий флот в открытом море. Но случилось так, что этот флот, открытый в Синопской бухте малочисленной эскадрой Нахимова, был разбит ею. Корнилов же, опоздав к месту сражения, понял, что «проиграл партию в шахматы». По мнению одного из оппонентов анонима, С. Крашениникова, здесь и «надо искать причину, заставившую автора явиться в печати».

Действительно ли помышления Корнилова были «лишь о своем возвышении и что польза Отечества и долг гражданина и война ему были решительно неведомы»? Уже с весны 1853 г. обстановка была такова, что военные действия могли начаться со дня на день. Как никто другой, понимал это начальник штаба Черноморского флота. Он дорожил буквально каждой минутой для исполнения главного дела — привести флот в полную боевую готовность. Не менее важным было непрерывное наблюдение за передвижениями турецкого и соединенного англо-французского флотов. Для осуществления этой задачи Корнилов направил эскадру Нахимова с предписанием совершать крейсерство у анатолийских берегов. Сам Корнилов с той же целью вышел чуть позднее с эскадрой в район Босфора, где им была обнаружена эскадра турецких военных кораблей, следовавших к кавказским берегам. Тогда он взял курс на Севастополь, откуда через три дня был отправлен специальный фрегат к Нахимову. Корнилов же вышел вновь в район Варны — Бургаса.

Вот что писал сам Корнилов (письмо приведено в статье Нарбута): «Севастополь, 28 октября. Посылаю Вам, любезный Павел Степанович, Крюднера: он, как самовидец, расскажет, что мы с пароходами видели и делали. Кажется, турки не на шутку озлобились; посылаемую ими флотилию в Батум или Сухум Вы расколотите в пух... Я сегодня с кораблями выступаю к Калиакре, дабы встретить эскадру кораблей, о которой Крюднер Вам расскажет... Вероятно, не найду ее ни в Варне, ни в Бургасе; от последнего проберусь к Вам на свидание и тогда расскажем друг другу, что произошло... Желаю победы!»⁴.

Даже за неимением других документов, опровергающих измышления анонима, это письмо может служить доказательством лживости возведенного на вице-адмирала обвинения. Но есть и другие документы. Вот один из них: «В лихорадочной деятельности Владимира Алексеевича, появляющегося почти одновременно в Николаеве и Севастополе и успевающего в то же время выследить турецкий флот, взять приз после упорного боя и затем готовиться к защите Севастополя и Крыма — мы видим только понятное военное честолюбие. Мы даже допускаем мысль, что энергический, умный и талантливый начальник штаба скорбел душой, что ему не удалось принять участия в славном морском сражении, при подготовке которого он сделал так много»⁵.

Два видных флотоводца служили бок о бок, справедливо оценивая обоюдные достоинства, и были связаны дружескими узами. «Никто столько не ценит и не уважает самоотвержения и заслуг вице-адмирала Корнилова, как я...» писал Нахимов. — Он только один после покойного адмирала⁶ может поддержать Черноморский флот и направить его к славе; я с ним в самых дружеских отношениях, и, конечно, мы достойно друг друга разделим предстоящую нам участь»⁷.

По словам капитан-лейтенанта Афанасьева, «Нахимов охотно подчинялся первенству Корнилова в последнее время в ежедневной деятельности по устройству флота и защиты Севастополя, подчинялся столько же по своей прямодушной

⁴ Нарбут Ф. Ук. соч., с. 47.

⁵ Рыкачев Н. По поводу «Записок севастопольца». — Морской сборник, 1868, № 3, с. 40.

⁶ М. П. Лазарева.

⁷ Вице-адмирал Нахимов. Сб. док. М. 1954, с. 378.

скромности, как и по сознанию высоких достоинств и полезных действий Корнилова. Со своей стороны, Корнилов умел понимать эту уступчивость Нахимова и, ценя в нем по справедливости редкие морские дарования, признавал неподражаемость Нахимова во всем, что касается моря и боевой жизни на нем, и уступал ему на этом поле. Вот причина редкого согласия и честного единодушия, ознаменовавшего совокупную деятельность соперничествовавших в славе адмиралов и доставившего нашей истории блестящие страницы Синопа и Севастополя».

Крашениников детально разбирает статью анонима, не оставляя без внимания ни одного ее утверждения: «Корнилов, по словам автора,— пишет Крашениников,— был человек ловкий (пожалуй, бойкий), способный (и весьма), довольно образованный (нет, очень образованный и весьма сведущий), но сухой (скорее серьезный)»; вот еще: «По мнению автора, Корнилов «мог быть хорошим командиром порта, по крайней мере лучше его не было». Корнилов служил 30 лет морским офицером с постоянным отличием во всех чинах и должностях... Так вот какая служба давала Корнилову все права на пост главного командира, а не та пустая причина, что лучше его не было!.. По ходу событий автор берется опять за Корнилова и говорит, что «он был действительно самый способный для управления флотом и всем, однако он был далеко не то, что требовалось тогда Севастополю. Требовался новый, ясный луч озарения этого хаоса, а им-то не мог быть Корнилов,— всосавший в себя с колыбели стародавние русские порядки». Мы поняли это так, что автор находит Корнилова старым для выполнения должности главного командира и что ее бы лучше исправил человек молодой, которому еще некогда было набраться старых русских порядков. Корнилову в конце декабря 1853 г. (время, на котором говорит автор) было 47 лет, по-нашему, это лучшие годы для главного начальника на таком важном посту»⁸.

В марте 1868 г. в «Морском сборнике» появляется статья Н. Рыкачева «По поводу «Записок севастопольца». Рыкачев стремится воссоздать образ Корнилова, «если возможно, из того же материала, которым пользовался автор (аноним.—С. К.)»: «Таким можно изобразить Корнилова, пользуясь красками автора «Записок севастопольца». Из этих отрывочных фраз перед читателем возникает образ необыкновенно энергического, талантливого и способного военного человека. Его военные дарования и необыкновенная деятельность известна всем... Он наследник знаменитого Лазарева и он знает, какую нравственную ответственность берет на себя, вместе с этим наследством... Наследство выпадает ему на долю в минуту самую критическую. Сильно пахнет войною. Черное море курится от дыма пробных выстрелов. Но Корнилов не упадает духом, он работает еще сильнее. Таков портрет после реставрации».

Если Афанасьев обращает внимание прежде всего на государственные и деловые качества Корнилова, то Рыкачев характеризует и чисто человеческие свойства вице-адмирала: «Нам известно положительно, что Корнилов первым отдавал должную справедливость значению Синопского боя. Он не только в Севастополе говорил с увлечением о поведении нашего флота и наших адмиралов в Синопе, но успевал еще при всех своих громадных трудах извещать своих далеких знакомых и друзей о славном сражении, о котором писал сам с увлечением, с восторгом. Такое письмо было написано им вскоре после сражения к командиру фрегата «Диана», капитану С. С. Лесовскому, находившемуся в то время на пути из Рио-Жанейро в Тихий океан». О содержании этого и других писем Корнилова можно судить по его письму жене от 22 ноября 1853 г., где насчет Синопского сражения говорится: «Битва славная, выше Чесмы и Наварина... Ура, Нахимов! М. П. Лазарев радуется своему ученику!»⁹.

Оппоненты анонима недоумевали, зачем ему понадобилось чернить Корнилова, предпочитая к тому же не сообщать свое имя. «Пусть пишут все, кто что знает о знаменитой обороне Севастополя и о деяниях черноморцев,— писал Нарбут,— правда выяснится сама... Но зачем же скрывать свое имя в таком случае?» И, словно в ответ, Рыкачев замечает: «Мне решительно неизвестно, кто автор рас-

⁸ Морской сборник, 1868, № 2, с. 71.

⁹ Вице-адмирал Корнилов. Сб. док. М. 1947, с. 215.

сматриваемой статьи. Но должен быть русский, потому что устыдился подписать свое имя под таким творением». Афанасьев подчеркивал ответственность журнала «Русский архив» за публикацию такого рода материалов: «Это поразительное явление (статья анонима.— С. К.) еще более возбуждает чувство крайней обиды, что оно прикрито знаменем «Русского архива», который, по подстрочному замечанию редакции, признал полезным закрепить печатью эти отрывки в том убеждении, что они будут иметь цену на весах последующей беспристрастной истории. Мы понимаем, что «Русский архив» есть сборник материалов для русской истории, и было бы странно с нашей стороны требовать от него исторической критики для очистки помещаемых в нем статей, но мы совершенно вправе ожидать от всякой редакции деликатности, требовать, чтобы заявлением очевидно ложного отзыва о наших адмиралах без имени автора и, следовательно, на полную ответственность редакций не раздражали в нас чувства справедливости».

Историкам еще предстоит выяснить, кто же стоял за спиной анонима, почему «Русский архив» решил опубликовать «Из записок севаstopольца» и не является ли полемика, возникшая в связи с этим в печати, ограждением борьбы, которая шла тогда по многим вопросам развития пореформенной России.

ДОГОВОР МЕЖДУ НОВГОРОДОМ И ШВЕЦИЕЙ 1611 ГОДА

Г. М. Коваленко

Важное место в дипломатической истории Смутного времени занимают отношения Новгорода со Швецией, определявшие русско-шведские отношения в целом. Вехой в их развитии стал договор между Новгородом и Швецией, заключенный в июле 1611 года. До сих пор он не был предметом специального исследования, нет единого мнения даже относительно точной даты его заключения.

В латиноязычном издании сочинения шведского историка XVII в. Ю. Видекинда помещен текст этого договора, датированный 11 июля¹. Такая датировка была принята и в русских публикациях договора², несмотря на то, что уже У. Далин в «Истории Шведского государства» и Н. М. Карамзин датировали договор 17 июля, а шведский историк Г. Седергрэн указал на то, что в латинское издание сочинения Видекинда вкралась опечатка³.

Вопрос был еще более запутан, когда такая датировка договора была использована В. А. Фигаровским для подтверждения тезиса о предательской роли «лучших» людей Новгорода, которые якобы за пять дней до штурма тайно заключили договор со шведами, а затем, не оказав никакого сопротивления, впустили их в город⁴. Даже такой специалист, как Г. А. Замятин, проявлял колебания: вначале он датировал договор 16 июля и только позднее исправил в рукописи своей не-

КОВАЛЕНКО Геннадий Михайлович — кандидат исторических наук, зав. отделом истории Новгорода Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

¹ Widekind J. Historia belli svenco-moscovitici. Holmiae. 1672, s. 271. О неточности этой датировки свидетельствуют данные самого Видекинда: он писал, что договор был заключен после того, как шведы 16 июля захватили Новгород (ibid., s. 301).

² Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Т. 2. М. 1819, с. 555—563; Памятники истории Смутного времени. М. 1909, с. 73—78.

³ Södergren G. Om Gustav II Adolfs plan att blifva rysk tzar. Stockholm. 1868. Bilagor, s. 8.

⁴ Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. В кн.: Новгородский исторический сборник (НИС). Вып. 2. Л. 1937, с. 64; его же. Отпор шведским интервентам в Новгороде.— НИС. Вып. 3—4. Новгород. 1938, с. 64. Мысль о том, что договор был заключен до взятия Новгорода шведами, высказывали ранее Н. Н. Бавтыш-Каменский (Обзор внешних сношений России. Т. 4. М. 1902, с. 143) и главный редактор Археографической комиссии Я. И. Бердников (Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1841, т. 29, с. 61).

опубликованной работы эту дату на 25 июля⁵. Последнее время исследователи, упоминая этот договор, не называют его точной даты. Решение вопроса затрудняется отсутствием оригинала⁶.

Имеются три основные публикации договора. В «Собрании государственных грамот и договоров» воспроизведен текст из латиноязычного издания Видекин-да с параллельным русским переводом. Этот текст был составлен Видекин-дом на основании русского и шведского оригиналов⁷. В «Собрании государственных договоров Швеции» опубликован немецкий перевод (1613 г.) с русского оригинала⁸; обратный перевод на русский напечатан в сборнике Новгородского общества любителей древности⁹. Еще один текст договора опубликован Видекин-дом в шведоязычном издании его сочинения¹⁰. По всей вероятности, это и есть оригинальный текст договора. Видекинд писал свой труд в то время, когда в Швеции еще жила память об этих событиях, и опирался на документы, часть которых впоследствии была утрачена, в том числе и оригинальные тексты договора.

Договор был заключен после того, как Новгород был взят шведами. Трудно предположить, чтобы его проект был подготовлен в течение одного дня. По свидетельству очевидца событий дьяка И. Тимофеева, выработка проекта договора сопровождалась ожесточенной политической борьбой. Было составлено по меньшей мере два проекта¹¹.

Датой подписания договора следует считать 25 июля. Именно в этот день, как сообщает другой очевидец событий, М. Шаум, «новгородцы совершенно предалися покровительству короля шведского»¹². В пользу этого свидетельствует также тот факт, что хранившийся ранее в Государственном архиве Швеции текст договора был датирован в регистре Рюниеля-Пальмпельда 25 июля 1611 года¹³. Такая датировка договора принята в современной шведской историографии¹⁴ и некоторыми советскими исследователями¹⁵.

Договор был заключен от имени новгородских властей и шведского короля. Преамбула договора содержит ссылку на приговор Земского совета от 23 июня, доставленный в Новгород 2 июля¹⁶. На этот документ постоянно ссылались новго-

⁵ См. Замятин Г. А. Из истории борьбы Польши и Швеции за московский престол в начале XVII в. Юрьев. 1918. Рукопись. Архив Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР, ф. 276, оп. 2, № 90, лл. 212—214.

⁶ Он не обнаружен ни в отечественных, ни в шведских архивах. В описи архива Посольского приказа значились ныне утраченные списки этого договора (см. Опись архива Посольского приказа 1626 г. М. 1977, с. 356).

⁷ Тот же перевод с латинского — в «Памятниках истории Смутного времени» под ред. А. И. Яковлева (№ 33).

⁸ Sveriges traktater med främmande magter. Vol. 1. Stockholm. 1903, s. 200—211.

⁹ Сборник Новгородского общества любителей древности. Т. 5. Новгород. 1911, с. 3—11.

¹⁰ Widekind J. Thet Svenska i Ryssland Tijo åhre Krijgz-Historie. Stockholm. 1671, s. 322—333.

¹¹ Временник Ивана Тимофеева. М.—Л. 1951, с. 331; см. также Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей в архивах Швеции.—Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ТОДРЛ). Т. 17. 1951, с. 460—461.

¹² Шаум М. История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Дмитрием, и о взятии шведами Великого Новгорода. В кн.: Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским. М. 1874, с. 24.

¹³ Sveriges traktater med främmande magter. Vol. 1, s. 211.

¹⁴ Almqvist H. Sverige och Ryssland. 1595—1611. Uppsala. 1907; Sveriges krig. Del. 1. Stockholm. 1936; Den svenska utrikespolitikens historia. 1560—1648. Stockholm. 1960.

¹⁵ Лилеев В. Шведская интервенция начала XVII в.—Исторический журнал, 1940, № 1, с. 108; Черепнин Л. В. Ук. соч., с. 460; см. также комментарий В. Г. Геймана и С. А. Аннинского к подготовленному в Ленинградском отделении Института истории АН СССР в конце 1930-х годов переводу сочинения Видекин-да (Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 276, оп. 1, № 140, comment., л. 53).

¹⁶ Летом 1611 г. положение Первого ополчения ухудшилось. Под Москву пришел Ян Сапега. Попытки ополчения войти в соглашение с ним не увенчались успехом. Сапега заключил договор с Гонсевским и объявил ополчению войну. Стремясь из-

родские власти во время переговоров как со шведами, так и с руководством второго ополчения и правительством Михаила Романова¹⁷.

Договор подтвердил Тязвинский мир 1595 г. и Выборгский договор 1609 года. Новым в нем было то, что Новгород признавал шведского короля Карла IX своим покровителем и предусматривал избрание одного из его сыновей великим князем Новгородского государства, а также Московского и Владимирского государств, если они захотят присоединиться к Новгороду. Особый упор делался при этом на союз против Польши. Граница устанавливалась по Тязвинскому договору, за исключением того, что, в соответствии с условиями Выборгского договора, город Корела с уездом переходил к Швеции.

Договор подтверждал незыблемость прав феодалов на земельные владения и крестьян. Особо оговаривалось сохранение православной религии, церковного и монастырского землевладения и «старшны» в судопроизводстве. На время до прибытия шведского принца в Новгород управление Новгородской землей переходило к шведскому военачальнику Я. Делагарди, а новгородский митрополит Исидор и местный воевода И. Н. Одоевский должны были «держаться с ним совет». Сравнение этого договора с Московским договором от 17 августа 1610 г. показывает отсутствие в нем каких-либо ограничений царской власти в пользу аристократии. Х. Альмквист объяснял это обстоятельство тем, что июльский договор исходил из решения Земского совета, ведущую роль в котором играли провинциальное дворянство и казачество, а также позицией Делагарди¹⁸.

Формально договор отделял Новгород от Русского государства, связывал его обязательствами перед Швецией и не позволял активно участвовать в событиях в стране. В него не был включен пункт о посылке помощи ополчению. Фактически Новгород порывал с освободительным движением. С. Ф. Платонов полагал, что этим договором Новгород был присоединен к Швеции на условиях унии, «яко же усобное государство, яко же Литовское с Польским»¹⁹. Приведенного им выражения, однако, нет ни в одной редакции договора. Оно заимствовано из документа, относящегося к 1614 году²⁰. Есть разница между условиями июльского договора и попытками шведов присоединить Новгород к Швеции после избрания на русский престол Михаила Романова.

Очевидно, ни одна из сторон, заключивших договор, не была в полной мере удовлетворена им. Делагарди не знал, одобрят ли в Стокгольме его план создания новой династии в России и как отнесется ополчение к захвату Новгорода шведами и к заключению договора. Только через месяц известил он Карла IX о завоевании Новгорода и подписании договора. Однако новый шведский король Густав II Адольф не торопился сажать на московский престол своего брата Карла Филиппа и в письмах разъяснял Делагарди, что приносить экспансионистские планы Швеции в жертву династической политике не следует²¹. В то же время новгородские власти сознавали, что, пригласив шведского принца на московский престол, они вышли за рамки своей компетенции, «не свое дело сделали», что им «с боярином и воеводой (Делагарди.— Г. К.) ...посредия было чинить нельзя»²². Поэтому они только через месяц утвердили текст послания шведскому королю и на полгода задержали отправку посольства в Швецию.

Со взятием шведами Новгорода и подписанием договора многие исследователи (С. Ф. Платонов, В. А. Фигаровский, А. И. Козаченко, В. И. Корецкий) связывают

бежать борьбы на два фронта, руководители ополчения вынуждены были вступить в переговоры со шведами, пойти на территориальные уступки и согласиться на избрание одного из сыновей шведского короля царем. Оригинал приговора от 23 июня не сохранился.

¹⁷ Дополнения к Актам историческим (ДАИ). Т. 1. СПб. 1846, №№ 1, 62, 164; Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. 2. СПб. 1836, № 210.

¹⁸ Almqvist H. Op. cit., s. 250.

¹⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М. 1910, с. 523.

²⁰ Ответ новгородских митрополита Исидора, воеводы князя Одоевского и земских чинов шведскому фельдмаршалу Эверту Горну относительно присяги шведскому королю (ДАИ. Т. 2. СПб. 1846, № 32, с. 57).

²¹ Sveriges krig. Del. 1, s. 409.

²² ДАИ. Т. 2, № 32, с. 58.

образование «Новгородского государства». Однако ни в одной редакции договора ничего не говорится о его создании и об отделении его от остальных русских земель. Договор заключался от имени «Новгородского государства» потому, что новгородская феодальная республика вошла в состав державы Ивана III в качестве Новгородского государства, сохранявшего на протяжении длительного времени известную автономию.

В соответствии с существовавшей дипломатической практикой вплоть до начала XVII в. все переговоры России со Швецией велись в Новгороде, а договоры и соглашения заключались новгородскими наместниками и скреплялись печатью, изготовленной в 1565 г. специально для скрепления «перемирных» грамот со Швецией²³. Основываясь на этой традиции, новгородские власти и заключили от имени «Новгородского государства» договор со Швецией. Никакого самостоятельного «Новгородского государства», связанного своим возникновением со шведским завоеванием и подписанием договора 1611 г., в тот период не существовало²⁴.

Итак, договор 1611 г. не был актом об унии между Новгородом и Швецией. Это был договор о мире и союзе, направленный против Речи Посполитой, но заключенный на более тяжелых для русской стороны условиях. Этот договор был следствием шведского завоевания, а не измены или сепаратистских устремлений новгородской верхушки. На позицию новгородских властей, подписавших этот договор, повлияло также решение Земского совета от 23 июня.

О позиции новгородских властей в переговорах со шведами в мае — июне 1611 г. можно судить по сохранившемуся черновику проекта договора, составленного в воеводской канцелярии²⁵. Он предусматривал подтверждение прежних записей о перемирии и Выборгского договора, союз со Швецией и совместные действия против польско-литовских отрядов и «сковского вора». Делаярди должен был очистить Ям, Ивангород, Копорье и Гдов, но не присоединять их к Швеции, а вернуть в состав Русского государства. Особый упор в проекте делался на то, что шведские войска не должны вступать в Новгородскую землю («в Новгородской земле не стояти и пустошати ратным людям не велети»). В качестве вознаграждения за помощь Швеция должна была получить несколько заневских погостов. Примечательно и то, что в проекте нет даже намека на существование планов создания шведско-русской династии.

Договор 1611 г. ограничивал вмешательство Швеции во внутренние дела Русского государства его северо-западными территориями. Новгородцы использовали его в своих интересах: ссылаясь на него, они отказались присягать Густаву II Адольфу, пытавшемуся впоследствии присоединить новгородские земли к шведской короне. За годы их оккупации шведы не смогли добиться покорности местного населения. Его сопротивление и неспособность шведского командования справиться с усилившимися политическими и экономическими трудностями подготовили крах оккупации и завоевательных планов Швеции.

²³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 13, ч. 2. СПб. 1906, с. 396; Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков. 1957, с. 207. Следуя этой традиции, Василий Шуйский послал в 1608 г. в Новгород М. В. Скопина-Шуйского для переговоров со шведами. В ноябре 1608 г. было заключено предварительное соглашение с королевским секретарем М. Пальмом, а в апреле 1609 г. подтвержден Выборгский договор.

²⁴ Вопрос о том, что реально означали шведское завоевание и договор для Новгорода, требует специального исследования по материалам Новгородской приказной избы, вывезенным в Швецию Делаярди и хранящимся теперь в Государственном архиве Швеции (см.: Черепнин Л. В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме. — Проблемы источниковедения, 1961, вып. 9; Шаскольский И. П. Как оказался в Стокгольме новгородский архив XVII в. — Советские архивы, 1968, № 3; Birnbaum H. *Novgorodiana Stockholmensia. I. Scando-Slavica*. X. 1964; Kalnins J. *Ockupationsarkivet å från Novgorod 1611. 1617*. In: *Meddelanden från svenska Riksarkivet för åren 1976–1977*. Stockholm. 1980).

²⁵ Опубликован в ААЭ (т. 2, № 187) и Русской исторической библиотеке (т. 35. Пр. 1917, № 126). Публикаторы ошибочно считают его черновиком июльского договора. На эту ошибку впервые указал Альмквист (*Almqvist H. Op. cit.*, s. 272).

И. Е. Баренбаум

Документировавшая биография книгопечатника Ивана Федорова начинается с 1564 г., когда появилось московское издание «Апостола», где в послесловии приводятся некоторые данные, скупо говорящие о том, что Иван Федоров был дьяконом Николо-Гостунской церкви и что по велению Ивана IV при покровительстве митрополита Макария он напечатал «Апостол» в печатне («доме»), которая была построена также по указанию царя.

Ни в послесловии к московскому «Апостолу», ни в других послесловиях, в частности в наиболее обширном — к львовскому «Апостолу» 1574 г., Иван Федоров ничего не сообщает о своей жизни до начала «изыскания мастерства печатных книг» в Москве. Где Иван Федоров родился, где учился, где работал до того, как стал дьяконом Николо-Гостунской церкви, где обучался искусству книгопечатания, нам неизвестно, как и многое другое из биографии московского первопечатника.

В 1968 г. известный советский книговед Е. Л. Немировский в промоционной книге Краковского университета обнаружил запись о том, что в 1532 г. ученую степень бакалавра получил в нем некий Johannes Theodorus Moscus, иначе — Иван Федоров Москвитин¹. Можно представить себе радость, которая охватила исследователя: реальный документ, из которого мы впервые узнаем, что в Краковском университете в 30-х годах XVI в. учился Иван Федоров Москвитин! Конечно, это он! Кто же еще мог значиться под таким именем? Публикуя сообщения о своей находке, Немировский подчеркивал гипотетичность своего предположения. Действительно, из другого документа, на который обратила внимание научный сотрудник Ягеллонской библиотеки в Кракове, стало известно, что в том же университете в 1529 г. учился некий Johannes Theodori de Phyetkowycze — Иоганн (сын) Теодора из Петкович.

Сравнение обоих документов показало, что речь может идти только об одном человеке, носившем это имя: т. е. и «Москус» и «из Петкович» — одно и то же лицо. Но почему в таком случае «Москус» из каких-то Петкович? В послесловии к львовскому «Апостолу» Иван Федоров пишет, что «сия убо нас от земля и отчества и от рода нашего изгна и в иные страны незнаемы пресели». В незнаемы страны? Значит, Литва, Польша и даже Белоруссия были для Ивана Федорова ранее неизвестными землями? Как тут быть? Это ведь свидетельство самого первопечатника, которое, кстати, ни в одном последующем документе, исходящем из его рук, не было опровергнуто.

Возвращаясь к своей находке в последующих работах, Немировский, однако, с каждым разом все более утверждает в своем первоначальном предположении. Сомнения и оговорки он уравнивает иными умозаключениями, а Иоганн Теодор Москус из Петковичей все более идентифицируется у него с Иваном Федоровым. Отсюда естественное желание уточнить и дату рождения первопечатника, умершего в 1583 году. Сопоставив время пребывания Иоганна Теодора из Петковичей в Краковском университете со сроком обучения и возрастом обычного контингента слушателей, Немировский пришел к выводу, что Ивану Москусу при поступлении в университет было 15—18 лет. Появилась и новая дата — «около 1510 года», как это и обозначено на титульном листе одной из работ Немировского. Не приходится удивляться, что на выставке в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, посвященной юбилею Ивана Федорова, было указано еще более категорично: «Иван Федоров. 1510—1583».

И все же остаются сомнения, связанные с заявлением самого Ивана Федорова, что он не был в Литве и Польше до своего ухода туда в 1565—1568 годах. Оста-

БАРЕНБАУМ Иосиф Евсеевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой книговедения Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской.

¹ Немировский Е. Л. Первopечатник Иван Федоров в Краковском университете. — Советское славяноведение, 1969, № 1. Запись была опубликована в XIX в., но оставалась неизвестной специалистам.

ются сомнения и насчет Иоганна Теодора из Петковичей. Почему «Москус» — и вдруг из Петковичей? Немировского поразило прежде всего совпадение данных (Иоганн Теодорус Москус — Иван Федоров Москвитин). Но и тут не все ясно. Иван Федоров стал именовать себя Москвитином, по-видимому, лишь после переезда в Литву, да и то не сразу.

Впервые это прозвище появилось в 1570 г. в послесловии Заблудовской псалтыри. Именуя себя Москвитином, Иван Федоров тем самым подчеркивал свою связь с Русью, с Московским государством, с делом, начатым по повелению русского царя. Кстати, фамилии первопечатника мы не знаем, Федоров — не фамилия, а отчество, т. е. Иван сын Федоров, или Федорович. Когда, публикуя предисловия и послесловия первопечатных книг, М. В. Щелкина пишет в переводе со старославянского — «Иваном Федоровым сыном, Москвитиным», то, на мой взгляд, правильно вводит запятую после слова «сыном», подчеркивая этим, что «Москвитин» это лишь указание на происхождение — из Москвы².

Иоганн Теодор — двойное имя, характерное для западных жителей. Москус — значит «Московский», «Москвитин». В данном случае «Москус» можно рассматривать уже как фамилию. Ведь Иоганн из Петковичей, а Петковичи вроде бы никакого отношения к Москве не имели (в лучшем случае речь могла идти о Белоруссии, где Иван Федоров до ухода из Москвы не был, что принимает во внимание и Немировский, указывающий на существование многочисленных Москвитиных, живших в XVI—XVII вв. как в Русском государстве, так и в Великом княжестве Литовском³). Кстати, в его работах встречается различное воспроизведение имени краковского бакалавра: Johannes Theodori, Johannes Theodorus, Joannes Theodori, Joannes Theodorus.

В публикуемых Немировским подлинниках промоционной записи и записи в метриках первое имя читается одинаково Joannes, второе имеет неясное окончание (в промоционной записи похоже на s, в метриках — на i). Для отождествления имен это существенно. К тому же если бы настоящий Иван Федоров учился в Краковском университете, вряд ли пришла бы ему идея именовать себя «Москвитин», что он сделал уже вполне сознательно после того, как покинул Москву.

Если Иван Федоров родился в 1510 г., то в 1563 г., когда он приступил к набору московского «Апостола», ему было уже 53 года. По тем временам (да и по нынешним) это был далеко не молодой человек. И вот именно ему, человеку почтенному, поручает Иван Грозный большое, сложное, новое для Москвы дело — завести книгопечатание. Почему же так задержалось гражданское, творческое становление Ивана Федорова? Почему царь выделяет этого пожилого дьякона из числа прочих и поручает ему ответственное и хлопотное государственное дело? Если даже согласиться, что Иван Федоров работал в «анонимной» типографии, то и в этом случае он опять-таки был не молод. Но то, что Ивану Федорову в 1563 г. было около 53—54 лет, это всего лишь допущение, основанное на определенном толковании краковских документов. Возможно, что все было и не так и Иван Федоров был энергичным, исполненным сил энтузиастом, на которого не случайно пал выбор царя. В литературе высказывалось мнение, что, когда Иван Федоров приступил к устройению печатного дела в Москве, ему было лет 30⁴. Этот возраст в свете сказанного более правдоподобен.

У Ивана Федорова был сын — Иван, по прозвищу Переплетчик (имеются сведения и о других детях, более молодых). Сколько ему было лет, когда Федоров работал в Москве, неизвестно. Но мы знаем, что при нем в Заблудове, а затем во Львове был сын Иван, помогавший отцу после ухода из Москвы. Иначе говоря, Федоров стал отцом, очевидно, незадолго до того, как приступил к набору «Апостола». О том, что Иван Переплетчик был молод при жизни Ивана Федорова, свидетельствует следующий факт. Когда Иван Федоров составлял завещание,

² У истоков русского книгопечатания. М. 1959, с. 247.

³ Немировский И. Л. Иван Федоров в Белоруссии. М. 1979, с. 6—8; его же. Иван Федоров. Около 1510—1583. М. 1985, с. 15, 19.

⁴ Булгаков Ф. И. Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. СПб. 1889, с. 215.

то назначил опекуна над имуществом и детьми — львовского водопроводного мастера Юрия. В 1584 г. последний снял с себя обязанности опекуна ввиду того, что Иван Иванович был уже совершеннолетним⁵. А. А. Сидоров имел, таким образом, все основания писать, что Иван Федоров умер, «оставив еще не взрослых детей, очевидно не старым»⁶.

Если Ивану Федорову действительно было перед отъездом из Москвы не менее 50 лет, приходится предположить, что Иван Переpletчик родился, когда отец был уже пожилым человеком. Если же реальный Иван Федоров был моложе своего однофамильца из Петковичей, то все становится на свои места.

Предположив, что Иван Федоров учился в Краковском университете, мы должны признать, что он многие годы имел дело с печатными книгами, как польскими, так и иными — латинскими, греческими, западноевропейскими. Знал он и об искусстве книгопечатания, возможно, не раз наблюдал за работой университетской или иной краковской типографии, видел и книги, напечатанные кириллицей. Интерес к книгопечатанию у него мог развиваться, таким образом, именно здесь, в Кракове. Немировский даже готов предположить, что типографскому искусству «Иван Федоров обучился в Кракове, где в ту пору работали типографии Флориана Унглера, Мациея Шарфенбергера и Иеронима Виетора»⁷.

Если это так, то, переехав в Москву, работая, возможно, в т. н. анонимной, а затем в государственной типографии, он должен был внедрить хорошо знакомую ему европейскую технологию печати. Как известно, издания анонимной типографии и собственные издания Ивана Федорова печатались отличным от этой технологии способом. Это в первую очередь касается двухцветной печати, технологией которой была своеобразной, иной, чем европейская, но и, что очень важно, более громоздкой, сложной (метод однопрокатной двухкрасочной печати)⁸. Применялся и метод двухпрокатной печати, заимствованный у мастеров славянского книгопечатания, но и он был трудоемким. К тому же «анонимные» издания не знают приема выключки строк. Вряд ли в данном случае можно согласиться с Немировским, что это могло быть вызвано целями «имитации внешнего облика рукописной книги»⁹. Налицо другое — неопытность первопечатника.

Отмечая безусловно «оригинальный, русский» характер московской типографской традиции, Сидоров делает вместе с тем вывод, что «наборно-печатная техника Ивана Федорова была вообще не такая, как на Западе»¹⁰. Способ двухцветной печати, применяемый Иваном Федоровым, он характеризует как «трудоемкий». «Все технологические изыскания доказывают, — пишет Сидоров, — что московское книгопечатание самобытно и если похоже на какое-либо зарубежное, то на южнославянское»¹¹.

Если же считать, что и «анонимная» типография, и государева московская строились русскими умельцами, знавшими о технологии европейской печати лишь понаслышке, от лиц сведущих, из книг и т. д., но не благодаря личному опыту работы в европейских типографиях, то особенности московских изданий делаются понятнее. У московских первопечатников не было западных учителей, а попытки Ивана Грозного завести книгопечатание с помощью специалистов, выписанных из Европы (В. Готан, Г. Шлитте, Г. Миссингейм), успехом не увенчались. Ознакомить московских умельцев с искусством книгопечатания мог Максим Грек, который долгое время жил в Венеции, был знаком со знаменитым печатником Альдом Мануцием; кстати, большинство типографских терминов начального периода русского книгопечатания восходят к итальянским, кроме единственного слова «друкарня» (от немецкого drucken)¹².

Немировский считает, что Иван Федоров сначала ориентировался на русскую рукописную традицию оформления книг, а затем «начинает осознать, что поли-

⁵ Немировский Е. Л. По следам первопечатника. М. 1983, с. 98.

⁶ Сидоров А. А. История оформления русской книги. М. 1964. с. 63.

⁷ Немировский Е. Л. Иван Федоров. Около 1510—1583, с. 20—21.

⁸ См. Сидоров А. А. Ук. соч., с. 58.

⁹ Немировский Е. Л. Иван Федоров. Около 1510—1583, с. 86.

¹⁰ Сидоров А. А. Ук. соч., с. 60.

¹¹ Там же, с. 62.

¹² См. Булгаков Ф. И. Ук. соч., с. 217, прим. 96.

графическая техника вносит новое в изготовление книги и что печатная книга не должна следовать рукописной»¹³. Но если Иван Федоров прошел учебу в Краковском университете, то вряд ли ему понадобилось бы несколько десятков лет, чтобы осознать это.

Итак, в биографии Ивана Федорова до московского периода его деятельности по-прежнему много неясного. Постепенно обнаруживаются отдельные документы, позволяющие пополнить наши сведения о позднем периоде жизни Ивана Федорова. Хотелось бы надеяться, что будут уточнены и сведения о времени его рождения. Возможно, появятся новые аргументы и в пользу версии, выдвинутой Немировским. Пока же, думается, в отношении даты «около 1510 года» должна быть проявлена осторожность.

¹³ Немировский Е. Л. Иван Федоров. Около 1510—1583, с. 104.

ХАЙМАТКУНСТ, ХАРОНЦЫ И ПАНГЕРМАНИЗМ

Л. Н. Сорокина

Объединение немецких земель в империю под властью прусских Гогенцоллернов, осуществленное первым рейхсканцлером О. Бисмарком, стало определяющим фактором политической, экономической, общественной и культурной жизни Германии. Главной целью «железного» канцлера, а затем его преемников являлось создание мощного государства, способного тем же образом, которым было достигнуто единство Германии, — «железом и кровью» — завоевать себе место под солнцем. Для этого, помимо усиленного развития военной промышленности и реорганизации армии по прусскому образцу, необходимо было насадить во всех областях империи прусские государственные порядки и прусский дух в идеологии.

Вот почему в кайзеровской Германии придавалось большое значение воспитанию верноподданнических чувств. Были проведены реформы средней и высшей школ, после которых чинопочитание, карьеризм, культ грубой силы и превращение учащихся в бездумных исполнителей приказов оказались словно вписанными в учебные программы. О подобной роли школы говорили тогда крупнейшие писатели: Г. Манн в романах «Учитель Унрат» и «Верноподданный», Т. Манн в «Будденброках», Г. Гессе в повести «Под колесами».

Оживляется средневековая теория «Великой Германии», учащаются в выступлениях кайзеровских идеологов напоминания о ее былом величии. Г. Шённерер выдвигает в 1880-е годы идею присоединения Австрии к Германии. Постепенно формируется политическая доктрина, получившая название пангерманизма. В 1891 г. возникает шовинистический Пангерманский союз, целью которого было дальнейшее объединение под эгидой Пруссии всех земель, где проживают «потомки германских племен». Чтобы «сплавить вместе прусский и германский дух», требовалось содействие интеллектуалов, которые могли помочь победить «холодное равнодушие к политической жизни со стороны людей, чувствительных к вопросам интеллектуальным и эстетическим»¹.

Чтобы заставить творческую интеллигенцию участвовать в политической борьбе и верно служить интересам правящих классов, по ней наносится массированный удар. Средства воздействия на нее избирались самые разнообразные: подкуп, травля, остракизм, игра на патриотических чувствах, демагогические разглагольствования о благополучии и процветании нации. Многие публицисты сдали тогда прогрессивные позиции. Так, П. Эрнст, принимавший активное участие в рабочем движении, в 1896 г.

СОРОКИНА Людмила Николаевна — доцент Казахского университета (Алма-Ата).

¹ Бюлов Б. Державная Германия. Пг.— М. 1915, с. 232—233.

вышел из рядов социал-демократической партии, затем стал ярим противником интернационализма. Показательно название одного из его эссе — «Крах марксизма». В другом своем произведении, «Прусский дух», писатель прославлял войну. В эпохе «Императорская книга» он в духе Пангерманского союза славил идею «Великой Германской империи». Произведения авторов, трезво оценивавших обстановку в стране, не печатались. «Дельные статьи, в которых... не упомянуто о величии Германии и не предсказано ее великое будущее, вообще не имеют теперь никаких шансов на опубликование в наших полулитературных журналах»², — писал в 1901 г. австрийский поэт Р. М. Рильке, живший одно время в Германии.

Под давлением властей, страхась преследования или в погоне за сиюминутным успехом, славой и гонорами, многие авторы превращались в «маленьких Дизраэли» из Пангерманского союза (А. Штейн, Ф. Блэй, Э. Ревентлов); они использовали опыт английского политического деятеля и писателя в «сплочении империи», в методах оглушения масс за счет соединения агрессивной пропаганды и колониальной политики с демагогией. Утверждению пангерманизма, насаждению прусского духа способствовало творчество Ф. Дана, выступившего в роли проповедника шовинизма и империализма. Ряд его произведений служил своеобразной иллюстрацией к высказываниям представителей Пангерманского союза, к речам и книгам Б. Бюлова. Бюлов писал, что Пруссия стала для Германии тем же, чем был Рим для древнего мира.

Дан, изучавший юриспруденцию, философию, историю и ставший профессором, использовал свои знания и литературные способности, чтобы исторически обосновать высшее предназначение Пруссии и воспевать вильгельмовскую Германию. В его балладах и романе «Борьба за Рим» утверждается идея «избранной судьбы» германцев. Ту же задачу выполняли сочинения Э. Гейбеля, известного пропрусскими настроениями и сентенциями типа: «Когда-нибудь мир должен будет выздороветь благодаря немецкой сущности». Гейбель был удостоен звания «Герольд империи».

Активную роль в общественной борьбе конца XIX — начала XX в. играли представители т. н. отечественного искусства (хайматкунст). Подчеркивая вложенный в этот термин смысл — воспевание немецкого края, в качестве его замены использовали и выражение «областическая литература». Однако хайматкунст не ограничивался восхвалением патриархальных уголков страны, противопоставлением идиллической жизни в деревне хищническому грондерству, беспокойному существованию в капиталистическом городе-молохе с его контрастами и противоречиями. Для подлинных представителей хайматкунста была характерна агрессивная, откровенно шовинистическая позиция, что стало особенно очевидно после того, как они сгруппировались вокруг основанного в 1900 г. журнала «Heimat». Уже в № 1 своего органа они открыто заявили, что поддерживают новый курс правительства, а главной своей задачей считают воспитание националистических чувств в соотечественниках, пробуждение в них «интенсивно окрашенного немецкого чувства»³.

Одна из задач хайматкунста — создание «истинно немецкого искусства». Для этого необходимо отказаться от каких бы то ни было чужеземных влияний и усвоения традиций зарубежных авторов, даже если это такие всемирно известные мастера, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Г. Ибсен, Э. Золя, и описывать красоту и богатство только немецкого пейзажа, особенности и преимущества только немецкого образа жизни. Истинно немецкий писатель должен был, по мнению Э. Вахлера, изучать и воспевать прошлое Германии, а также славить ее современность. Проф. Боннского университета О. Вальцель с иронией писал о подобного рода попытках убедить людей в том, что в других местах и пиво, и колбаса плохие.

«Отечественное искусство» сознательно «уходило в тесноту мелких областей немецкой земли. Оно избегало больших городов; оно охотно выскивало немцев самородной чеканки, теснее сближая человека с его средой; оно поощряло всякую

² Рильке Р. М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М. 1971, с. 181—182.

³ Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur (1890—1910). Stuttgart. 1981, S. 337.

поэзию, в которой чувствовался запах почвы отдельной области Германии)⁴. Однако Вальцель назвал только одну сторону, медали, осуждая национализм хайматкунста. Но его представители не только воспевали отдельные уголки страны вроде Ф. Лиехарда, выразившего в «Песнях эльзасца» хвалу отторгнутому в 1871 г. от Франции Эльзасу. Они желали властвовать над миром, и им была по душе идея пангерманизма, пронизывавшая исторические баллады того же Лиехарда. Националистические устремления уживались в хайматкунсте с прямым шовинизмом. Э. Вахлер, Ю. Лангбен, Л. Якововски славили силу, смелость и величие «всенемецкого корня», доказывали превосходство «немецкой сущности».

«Певцы отечества» спокойно относились к тому, что пели они с чужого голоса. Голос главного солиста — Бюлова был легко узнаваем, и не только в произведениях типичных представителей хайматкунста (Л. Гангхофера, А. Бартеля, Э. Вахлера, Ф. Лиехарда, Г. Френссена), но и в сочинениях авторов, не принимавших их ортодоксальности. Антиславянские высказывания позволял себе австрийский поэт и литератор П. Розеггер как раз в ту пору, когда Бюлов с неприязнью писал о славянах и французах, называя их непокорными и грубыми учениками немецкого «учителя высшей культуры»⁵. Розеггер в некоторых своих статьях, романах «Богоискатель» и «Мой рай» прямо повторял тезисы Бюлова.

Одна из наиболее сложных фигур в хайматкунсте — О. Флаке. В 1910-х годах он сблизился с экспрессионистами, проповедовавшими идею непротivления злу насилем, а после первой мировой войны выступил в роли миротворца и в 1924 г. издал сборник очерков с названием «К добрым европейцам», где призвал, в частности, к политическому и культурному сотрудничеству Франции и Германии. Но в начале XX в. он полностью был во власти идей пангерманизма. В статье «Германский форум» Флаке подчеркивал необходимость «признания империализма», «политики силы и богатства», выступал за установление мирового господства Германской империи. Посетовав на то, что меньшая по населению Франция имела почти на 100 млн. национального дохода больше Германии, Флаке выделил в качестве основных направлений политики и экономики империи приобретение рынков сбыта для ведения мировой торговли, строительство флота, захват колоний. Восхвалению «эры Вильгельма» были посвящены сочинения Р. Герцога (роман «Те, что с Нижнего Рейна» и др.). О необходимости завоевания колоний шла речь в расказе «Поездка Петера Моора на Юго-Запад» Френссена.

Приверженцы хайматкунста считали полезным обращение к журналистской деятельности. Так, Герцог редактировал «Berliner Neuesten Nachrichten» и «Hamburger Neuesten Nachrichten». После начала первой мировой войны Гангхофер, заслуживший прозвище «верного барда» империи, стал, несмотря на свои 60 лет, первым корреспондентом в кайзеровской армии. Недаром Бюлов называл их вожаками нации, пробудившими национальное самосознание. Сочинения представителей хайматкунста выходили миллионными тиражами. Общий тираж сочинений Гангхофера составил 30 млн. экземпляров, его книги были экранизированы более 30 раз. Одновременно, в угоду вкусам обывателей, эти авторы все чаще создавали романы полубульварного типа — «китч», тривиальную литературу. Многим произведениям Гангхофера («Молчание в лесу», «Деревенский апостол», «Майская гроза») присущи признаки низкопробного чтива, примитивность, грубоватый юмор, сладкая сентиментальность, шаблонность ситуаций, однообразие характеров, сглаживание социальных конфликтов, идеализация действительности.

Мутная волна шовинизма вынесла на поверхность общественной жизни Германии и группу «Хароп», сформировавшуюся в 1904 году. На словах харонцы проповедовали отстраненность от внешнего мира, а на деле активно проводили в жизнь, как и хайматкунст, идеи пангерманизма. В программной статье они провозгласили сначала: «Мы не хотим ничего». Но вскоре выяснилось, что они стремились стать «духовным государством нового типа», «новым культурным центром». Не случайно в качестве названия своей организации и журнала они выбрали имя мифологического перевозчика душ мертвых в царство теней, назвав его «посредником

⁴ Вальцель О. Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии. Пг. 1922, с. 71.

⁵ Бюлов Б. Воспоминания. М.—Л. 1935, с. 39.

двух миров». Харонцы не скрывали интереса к потустороннему, таинственному и загадочному миру. Но их все больше интересовала «простая действительность», жизнь людей: «Мы хотим природы,.. естественности»,— заявляли они.

И вот они уже пишут о корнях родной земли, питающих их творчество и патриотизм, в откровенно националистическом духе; призывают создать новых немецких богов, тот «немецкий миф», в котором нуждается «цветущая немецкая душа» (Р. Паульсен). Затем харонцы попытались создать «особый «немецкий ритм» (О. цур Линде), названный ими «физиологическим». Этот ритм, по их мнению, отвечал историческим особенностям германцев, обладавших «особой физической выносливостью и особой, исключительной силой духа».

Постепенно творчество хаймааткунста и харонцев, несмотря на некоторые различия между ними, свелось к общему политическому знаменателю: пангерманизму. Общей у них оказалась и вина перед своим народом, так как произведения и тех и других способствовали нагнетанию националистических и шовинистических страстей, созданию в Германии взрывоопасной духовной ситуации, в конечном итоге — ускорению развязывания первой мировой войны. Их наследие продолжало оказывать разрушительное действие и в последующие годы. Пангерманизм стал идеологической базой возникновения национал-социализма. Не случайно почти все представители хаймааткунста и харонцы рассматривались гитлеровскими сочинителями как предшественники их взглядов, творцы литературы «крови и земли».

ЯНТАРНЫЙ ПУТЬ

В. Н. Дряхлов

Крупные торговые пути имели очень важное значение для социально-экономического и культурного развития и взаимодействия народов в древности. К числу таких торговых маршрутов, действовавших не одно столетие, принадлежал янтарный путь, связывавший в период древности и раннего средневековья средиземноморский мир с юго-восточным побережьем Балтики, где добывался янтарь, занимающий среди самоцветов первое место по красоте расцветки. Благодаря прозрачности, возможности полировать его и подвергать пластической обработке янтарь еще с палеолита использовался для изготовления подвесок, бусинок, фигурок людей и животных.

С середины II тыс. до н. э. в ходе контактов между прибрежными племенами Балтики янтарь и изделия из него распространяются в отдаленные районы. С начала I тыс. до н. э. в результате трансальпийской торговли этрусков с племенами Центральной Европы янтарь поступает в средиземноморский регион. Расцвет этой торговли пришелся на VIII—VII вв. до н. э.¹ Через альпийские горные проходы этрусские товары переправлялись в долины Рейна и Эльбы. Археологи обнаружили их в Польше, Дании, Южной Скандинавии.

Янтарный путь того времени проходил из Восточной Прибалтики к Ютландии и далее по Эльбе к верхнему течению Дуная, оттуда по р. Инн через долину Адидже в Северную Италию (здесь янтарь обнаружен в ряде погребений VII в. до н. э.)². Конечной точкой пути с севера был порт Спина на Адриатике — центр торговых контактов этрусков с греческим миром. Изделия из янтаря, называвшегося у греков «электроном», упомянуты, в частности, в «Одиссее»³. Дру-

ДРЯХЛОВ Владимир Николаевич — преподаватель Кировского педагогического института.

¹ Szilágyi J. C. Zur Frage des etruskischen Handels nach dem Norden.— Acta Antiqua, Budapest, 1952, № 1, S. 419ff; Немировский А. И. Племена Италии во II тысячелетии до нашей эры.— Вестник древней истории, 1957, № 1, с. 104.

² Sturm E. Der ostbaltische Bernsteinhandel in der vorchristlichen Zeit. In: Com-mutationes Balticae. Bd. I. Bonn. 1954, S. 198f.

³ Hom. Odys., IV, 73; XV, 460; XVIII, 295—296.

гое ответвление янтарного пути действовало с VI в. до н. э. Оно вело от Эльбы к истокам Рейна и затем через Восточную Галлию долиной Роны к греческой колонии Массалия (Марсель).

Наивысший расцвет янтарного пути приходится на римскую эпоху. Для дальней периферии римское влияние опосредовалось торговлей, которая основывалась на прямом обмене товарами. Для римлян существенное значение имело получение экзотических предметов (янтарь, дикие звери для цирка, меха, мыло, белокурые женские волосы для париков).

После завоевания земель по Нижнему Рейну и в Придунавье римляне приблизились к местам добычи янтаря. Непосредственные контакты с Балтикой осуществлялись и через Северное море, где на Ютландских островах римляне обнаружили янтарь. Но наиболее интенсивное его поступление наметилось через придунайские провинции.

Гай Плиний Секунд Старший в 70-х годах I в. сообщал: «Недавно было точно установлено, что от Карнунтума в Паннонии 600 тысяч римских шагов (около 900 км.— В. Д.) до того берега Германии, откуда ввозится к нам янтарь. И поныне жив еще римский всадник, посланный туда для приобретения янтаря Юлианом, ведавшим устройством гладиаторских игр при императоре Нероне; он обошел местные торговые пункты и берега и привез такое огромное количество янтаря, что сетки, защищавшие балкон от диких зверей, скреплены были янтарем, а вся арена и носилки для убитых гладиаторов и все прочее снаряжение, необходимое для игр, были сделаны из янтаря, чтобы создать разнообразие в самой пышности каждого отдельного дня этих игр. Самый крупный кусок янтаря, доставленный этим всадником в Рим, весил 13 фунтов»⁴.

Янтарный путь римского времени вел от Земландского п-ва к Висле, затем по рекам Нотец и Просна к Одре и далее до Моравы, впадавшей в Дунай у Карнунтума⁵. Поскольку последний близок к Виндобоне (Вена) — крупному военно-политическому центру римлян на Дунае, этот маршрут именовался «виндобонской стрелой». Основная часть янтаря поступала через Скарабантию (ныне Сомбатхей, Венгрия), Саварию (Шопрон, Венгрия), Поэтовиион (Птуй, Югославия) и Эмону (Любляна, Югославия) в Аквилею, где изготовляли янтарные изделия для всей южной части империи. Западные провинции получали их из Колонии Агриппины (Кёльн) на Рейне⁶.

В Риме янтарь использовался для отделки ожерелий, браслетов, брошей, диадем, изготовления флаконов и чаш для питья. При раскопках нередко попадаются изящные янтарные безделушки: фигурки амуров, зверей, птиц. Поскольку янтарю приписывались магические и целебные свойства, распространенными были амулеты с янтарными вкладышами. Он шел также на отделку посуды, рукоятей мечей, ножей и кинжалов. В Олимпии находилась статуя императора Августа, сделанная из янтаря⁷.

Существовал стойкий интерес к проблеме его происхождения и добычи. Плиний Старший собрал все известные тогда мнения о природе янтаря. Подвергнув критике несовершенные гипотезы, древний ученый высказал предположение, что янтарь возникает от затвердения сосновой смолы под влиянием холода и морской воды. Его версию поддержал Корнелий Тацит, писавший о германцах: «Вопросом о природе его и как он возникает, они, будучи варварами, не задавались и ничего об этом не знают; ведь он долгое время лежал вместе с тем, что выбрасывает море, пока ему не дала имени страсть к роскоши. У них самих он никак не используется; собирают они его в естественном виде, доставляют нашим купцам таким же необработанным и, к своему изумлению, получают за него деньги»⁸.

Янтарная торговля была посреднической и осуществлялась в несколько эта-

⁴ Plin. Nat. Hist., XXXVII, 46.

⁵ Wielowiejski J. Na drogach i szlakach Rzymian. Warszawa. 1984, s. 175, 186.
⁶ Follmann A.-B. Bernstein in der römischen Provinzen. — Reallexicon der germanischen Altertumskunde. Bd. 2. Brl. 1976, S. 296.

⁷ Paus. V, 12, 7.

⁸ Tac. Germ., 45.

пов⁹. В 1936 г. возле Вроцлава (Бреслау) был обнаружен клад необработанного янтаря, весом около 27 ц, второй половины I в. до н. э. После второй мировой войны клад в 300 кг янтаря был найден в Басонии (Люблинское воеводство, Польша), датированный III—IV веками¹⁰. Такое скопление могло быть характерно для перевалочных пунктов янтарного пути.

В среднем в год ежегодно балтийские волны выбрасывали на берег до 38 т янтаря¹¹. Немалая его часть переправлялась в Римскую империю. В обратном направлении шли римские ремесленные изделия и монеты. Они доходили сплошь и рядом до племен в устье Вислы¹². С обработкой янтаря связаны и различные факты проникновения римской ремесленной технологии в соседние земли. Имеются находки обточенной деревянной посуды и точеных бус в поселениях северных германцев, открыты несколько мастерских по обработке янтаря на территории Польши. Предполагается, что именно людьми, работавшими в имперских мастерских, было занесено на родину употребление токарного станка¹³.

Наиболее крупные клады римских монет на территории Польши тоже связаны с янтарным путем¹⁴. При этом янтарные бусы, удобные для пересчета, могли играть роль предметов, обладавших функцией денег. Той же дорогой попадали в Рим неизвестные географические сведения, колониальные товары и вместе с ними новые слова, обогащавшие латинский язык: *sapo* (мыло), *gelo* (шкура), *glæsum* (янтарь). В свою очередь, соседние народы заимствовали у римлян термины — *aquagium* (кувшин), *sauro* (торгаш), *mango* (нечестный продавец)¹⁵.

Несмотря на войны на Дунае и Рейне с середины II в., поступление янтаря в империю не прекращалось. Известны крупные находки янтарных изделий III—IV вв. в Аквилее и Карнунтуме. Янтарь упоминают в описании быта императора Элагабала (218—222 гг.)¹⁶. Хотя с началом Великого переселения народов торговые связи в Дунайском регионе нарушились, янтарный путь частично действовал. Янтарь поступал в Центральную Германию, на датское и фризское побережья, на Дунай (там он обнаружен в погребениях гепидов и лангобардов) и по-прежнему в Италию: в 523—526 гг. король остготов Теодорих в послании к эстиям (предки эстонцев) благодарил их за присылку янтаря¹⁷. Недаром основная масса остготской серебряной монеты концентрируется вдоль водного пути по Рейну, в ту пору — главного канала связи с Северной Европой¹⁸. Только под воздействием бурных миграций VII—VIII вв. янтарный путь окончательно пришел в упадок, а основные поставки янтаря в другие страны Европы стали осуществляться морем. Наконец, после захвата немецкими феодалами в X—XII вв. поморских земель и введения рыцарскими орденами монополии на сбор и продажу янтаря установилось длительное владычество иноземцев над «янтарным берегом».

По своему значению янтарный путь может быть поставлен в один ряд с такими торговыми артериями античности и раннего средневековья, как Великий шелковый путь, путь «из варяг в греки» и транссахарский маршрут.

⁹ Shlette F. Formen des römisch-germanischen Handels. In: Römer und Germanen in Mitteleuropa. Brl. 1975, S. 125.

¹⁰ Bohnsack D. Bernsteinhandel. In: Reallexicon der germanischen Altertumskunde. Bd. 2, S. 293.

¹¹ Сребродольский Б. И. Янтарь. М. 1984, с. 84.

¹² История Литовской ССР. Вильнюс. 1978, с. 17.

¹³ Tempelman-Maczińska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der früher Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz. 1985, S. 134.

¹⁴ Рухаренко Ю. В. Археология Польши. М. 1969, с. 111.

¹⁵ Wild J. P. Loanwords and Roman Expansion in North-West Europe. — World Archaeology, 1976, vol. 4, № 1, p. 57.

¹⁶ Swoboda E. Carnuntum. Graz — Köln. 1958, S. 83; Scriptorum Historiae Augustae, Vita Elag., 31.8.

¹⁷ Csallany D. Archäologische Denkmäler der Gepiden in Mitteldonaubecken (454—568 u. Z.). Budapest. 1961, S. 272f.; Friesinger H., Adler H. Die Zeit der Völkerwanderung in Niederösterreich. St. Pölten — Wien. 1979, S. 27—29, 50; Cassiodori Senatoris Varia, V, 2.

¹⁸ Werner J. Fernhandel und Naturalwirtschaft im östlichen Merovingerreich nach archäologischen und numismatischen Zeugnissen. — Bericht der römisch-germanischen Kommission, Bd. 42, Brl., 1962, S. 320—321, 339.

ИСТОРИОГРАФИЯ

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ КНИГ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

В. А. Кучкин, Б. Н. Флоря

В последние годы разработка истории русской средневековой церкви не велась в том объеме, какого она заслуживает. В преддверии 1000-летия введения христианства на Руси в издательстве Московского университета увидели свет две монографии на эту тему¹. Каждая из них посвящена особой сфере деятельности церкви: одна — прежде всего ее политическим акциям, другая — важной стороне ее идейной деятельности — установлению и пропаганде культа святых.

В советской историографии есть капитальные исследования о культах отдельных святых, дающие научное объяснение их канонизации, но обобщающего труда нет. Дело в том, что подавляющее большинство соответствующих источников (многие сотни рукописей) до сих пор остается неопубликованным или не имеет критического научного издания. Между тем освещение этой проблематики требует от исследователя специальных знаний, мастерства в анализе церковных источников с их своеобразным преломлением исторической реальности, что отмечал еще В. О. Ключевский. От А. С. Хорошева требовалась большая смелость, чтобы в скромной по размерам книге осветить историю канонизации православных святых за 600 с лишним лет. Правда, автор ограничился только политической стороной канонизационного процесса, не рассматривая других его аспектов. Под канонизацией же он понимает самые разнообразные явления. Хотя во введении и дается определение «канонизации» (с. 8), очень близкое к старой трактовке Е. Е. Голубинского, но в тексте исследования к ней отнесены перезахоронение останков (с. 33, 43, 48, 59 и др.), запись в синодик (с. 44), обретение мощей (с. 62), подробный летописный рассказ о смерти (с. 64), оценка в источнике XVI в. погибшего в XIII в. князя как мученика (с. 76), возобновление интереса к старому сюжету о «чудесах» иконы (с. 139) и т. д. Политический характер такой «канонизации» проявлялся, по А. С. Хорошеву, в том, что подобные перезахоронения, обретения мощей, записи и т. п. случались исключительно в связи с той или иной конкретной политической ситуацией, а лица, которых это касалось, были при жизни активными политическими деятелями.

Нетрудно заметить, что при таком подходе к решению вопроса, носила ли и в какой степени канонизация святых в русской церкви политической характер (а некоторые примеры, в частности канонизация Михаила Ярославича Тверского в 20-е годы XIV в., царевича Дмитрия Углицкого в 1606 г., бесспорно свидетель-

КУЧКИН Владимир Андреевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

ФЛОРЯ Борис Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М. 1986. 207 с.; Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М. 1986. 206 с.

ствуют об этом), происходит, во-первых, подмена проблемы. К канонизации приравниваются самые различные церковные акции и писания. Во-вторых, всем таким действиям заранее приписывается политический смысл, причем их направленность определяется интересами не церкви, а прежде всего светской власти. Между тем для того, чтобы выяснить, носила ли та или иная канонизация политический характер, следует точно установить дату возникновения нового культа, проанализировать содержание текстов, где мотивировалось его учреждение, и сопоставить полученные результаты с общей обстановкой установленного времени. Для решения первых двух вопросов необходимо источниковедческое исследование широкого круга памятников агиографии, как изданных, так и хранящихся в архивах.

К сожалению, ссылки на неизданный материал в книге отсутствуют, автор не работал в архивах, да и опубликованных текстов Хорошев самостоятельно не сравнивает, не обосновывает времени возникновения какого-либо культа святого, целиком полагаясь на те данные в виде выводов или гипотез, которые смог найти в литературе. Испытывая при таком отношении к источникам дефицит сведений о причинах причисления к лику святых, автор широко пользуется приемом *post hoc ergo propter hoc*, когда создание культа (определяемое по дате) толкуется как следствие сложившейся к этому времени ситуации. В книге данный принцип обосновывается на с. 181: «Единственно возможный путь компенсации сведений — обращение ко времени объявления новоявленных святых». Налицо, таким образом, своеобразная презумпция политического характера каждого канонизационного акта. Сами политические причины, которые, по мнению автора, влияли на канонизацию, сведены им к междукняжеским и межгосударственным отношениям, что не дает ему возможности раскрыть влияние специфических интересов церкви как особого института феодального общества. Но и те политические отношения, которые более всего занимают автора, сужены им до сиюминутных интересов того или иного правителя, что, может быть, и позволило бы объяснить появление какого-либо культа в определенный момент, но исключает возможность вскрыть причины его упрочения и распространения.

Исследование практически сводится к сопоставлению известных по литературе данных о времени канонизации и о жизни святого с политической ситуацией, в результате чего выводы книги, по сути дела, лишены прочной основы и превращаются в догадки. Так, вслед за М. Х. Алешковским Хорошев утверждает, что возникновение культа и канонизация первых русских святых Бориса и Глеба, погибших в 1015 г., состоялись только в 1072 г., когда их мощи были перенесены в новую церковь в Вышгород (с. 15–20). По словам автора, «мощи Бориса до акта 1072 г. находились в деревянной раке» и этот «примечательный факт» указывает на отсутствие официального почитания князя до 1072 г., потому что «при канонизации одним из обязательных условий было перенесение мощей святого в новый саркофаг — каменную или серебряную гробницу» (с. 20). Эти утверждения автора ни на чем не основаны. Но даже если принять авторское разъяснение, то как расценить свидетельство той же статьи 1072 г. о переносе мощей Глеба в каменной раке? Как свидетельство его канонизации до 1072 г.? К сожалению, Хорошев замалчивает указанный факт. Об отсутствии культа Бориса и Глеба до 1072 г. говорит также, по мнению автора (здесь он повторяет Алешковского), то обстоятельство, что именами Бориса и Глеба, в крещении Давида и Романа, Ярослав Мудрый не называл своих сыновей (с. 20). Между тем, как показал А. Поппэ, родившиеся в 1045–1055 гг. внуки Ярослава, дети его сына Святослава, носили имена Глеб, Давид и Роман. Другой внук Ярослава, сын Вячеслава Ярославича (умер в 1057 г.), был назван Борисом, а сын Игоря Ярославича (умер в 1060 г.) получил имя Давид. На основании этих фактов Поппэ сделал вывод о почитании Бориса и Глеба уже в 50-е годы XI в. и обосновал тезис о создании культа этих князей Ярославом Мудрым и митрополитом Илларионом².

Итак, искусственной оказывается декларируемая Хорошевым связь между канонизацией Бориса и Глеба и борьбой среди Ярославичей за киевский стол (с. 22–

² Poppe A. Opowieść o męczeństwie i cudach Borysa i Gleba.— *Slavia orientalis*, 1969, № 3–4; e j u s d. La naissance du culte de Boris et Gleb.— *Cahiers de civilisation médiévale X—XII siècles*, Poitiers, 1981, A. 24, № 1.

23). Культ князей-братьев в действительности появился тогда, когда никаких открытых конфликтов в киевской княжеской семье не было. После смерти Ярослава Мудрого упорным противником его сыновей выступил полоцкий князь Всеслав. Если руководствоваться представлениями о решающей роли политической конъюнктуры, как предлагает Хорошев, то Всеслав должен был заявить себя противником борисоглебского культа, насаждаемого Ярославичами. Между тем Всеслав пазвал своих сыновей Борис, Глеб, Давид и Роман. Очевидно, что историческая роль культа связана не с той или иной преходящей политической ситуацией, а с более глубокими политическими и идеологическими процессами, отвечавшими потребностям целых классов или общественных групп на протяжении длительного времени³.

Вопреки логике из факта существования княжеских союзов Хорошев извлекает данные о времени причисления того или иного лица к лику святых, а затем объясняет, какое значение для политики имела канонизация. «Вслед за Голубинским Хорошев утверждает, что местное почитание черниговского князя Игоря Ольговича было установлено с момента переноса его останков из Киева в Чернигов в 1150 году. Поскольку тогда существовал союз Юрия Долгорукого с черниговскими князьями, канонизация Игоря принимала «характер церковного благословения политики черниговских князей» (с. 59). Между тем никаких данных о канонизации Игоря Ольговича в 1150 г. не обнаруживается. Голубинский основывался на упоминании Игоря в числе русских святых в Слове в субботу сыропустную, написанном в домонгольское время⁴, но отсюда вовсе не следует, что канонизация Игоря имела место в 1150 г., а не позже. Хорошев не только не анализирует, но даже не упоминает это Слово. Что же касается «благословения политики черниговских князей», то эта фраза ничего не объясняет, поскольку хорошо известна существовавшая в середине XII в. вражда между различными ветвями черниговского дома.

Столь же голословны утверждения Хорошева о канонизации в Чернигове в 1153 г. митрополита Константина, которая «определилась потребностями светской власти» (с. 60). Речь должна идти о событиях не 1153 г., а 1159 года⁵. Никаких «чудесных» явлений у тела Константина, о которых пишет Хорошев, черниговский епископ Антоний не организовывал. Летопись о них ничего не сообщает. Объясняя причины позднего (в 1549 г.) причисления к лику святых ростовского архиепископа Иакова (1386—1392 гг.), Хорошев пишет, что тот «сыграл немаловажную роль в организации монастырской колонизации Севера, чем обеспечил победу Москвы в схватке с Новгородом за Двинские земли» (с. 174). Однако о поддержке монастырями московского великого князя в его столкновении с Новгородом в 1397 г. за земли по Двине источники не говорят. Нет решительно никаких сведений и обосновании монастырей Иаковом на русском Севере.

Умерший в 1427 г. основатель монастыря Успения богородицы на Белоозере Кирилл был канонизирован, по утверждению Хорошева, в 1447 году. Он был причислен к лику святых, во-первых, потому, что Кирилл был из тех лиц «ростовского происхождения», кто положил «далекие земли к ногам Москвы» (с. 129—157); во-вторых, здесь сыграли роль не подвиги святого, а мощна монастыря, «из которой был кредитован» Василий Темный в 1446 г. (с. 122). Чем отличались «подвиги» Кирилла от его деятельности, положившей «земли к ногам», Хорошев не разъясняет и противоречий в собственных заключениях не видит. Заключение же эти неверны. Кирилл Белозерский был не ростовского, а московского происхождения. На Белоозеро он попал из основанного московскими великими князьями и подчинявшегося им Симонова монастыря. Монастырь, где началствовал Кирилл, также был ктиторским. Ктиторм являлся сын Дмитрия Донского Андрей;

³ Лихачев Д. С. Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI—XIII вв.— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ТОДРЛ). Т. 10. М.—Л. 1954. Эта работа осталась вне поля зрения А. С. Хорошева.

⁴ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М. 1903, с. 58, прим. 3.

⁵ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М. 1962, стб. 349.

ему по завещанию отца досталось Белоозеро. Никакие земли «к ногам Москвы» Кирилл не клал, они были присоединены к Москве до его приезда на Белоозеро. К началу 1448 г. Кирилл уже признавался святым⁶. Но это не может объясняться финансовой поддержкой, оказанной в 1446 г. Кирилло-Белозерским монастырем Василию Темному. Предположение о такой поддержке было выдвинуто Л. В. Черепнинным, который, впрочем, не настаивал на нем, зная, что ни прямые, ни косвенные сведения об этом не говорят. Хорошев же превратил эту догадку в факт и таким путем объяснил догадку собственную.

Определение в источнике начала 1448 г. Кирилла Белозерского как святого, казалось бы, не противоречит указанной Хорошевым дате канонизации Кирилла. Однако никаких свидетельств в ее пользу нет. 1447 год выбран им потому, что тогда происходил съезд некоторых высокопоставленных русских церковных деятелей. Но единственным известным актом этого съезда является послание от 29 декабря 1447 г. Дмитрию Шемяке. Канонизационная деятельность съезда выводится Хорошевым из того обстоятельства, что ровно через 100 лет собор 1547 г. занимался вопросами канонизации, а «полностью исключить предумышленность «совпадения» мы не можем». Что же касается отсутствия «каких-либо указаний о наличии канонизационного вопроса в повестке дня собора» 1447 г., то, на взгляд Хорошева, оно «может быть объяснено плохой организацией канонизационного делопроизводства того времени» (с. 122). Все это никак нельзя считать научными доказательствами.

Приписав канонизацию Кирилла Белозерского собору 1447 г., автор этим не ограничивается и относит на его счет канонизацию митрополита Алексея, Сергия Радонежского и Дмитрия Прилуцкого (с. 122). Если было так, то почему в документе начала 1448 г. в качестве святых упомянуты только Сергей и Кирилл, а из митрополитов назван лишь один Петр? Между тем существование в 1446 г. иконы Сергия Радонежского свидетельствует о его более раннем церковном почитании. Алексей был канонизирован при митрополите Ионе, т. е. не ранее конца 1448 года. Что касается Дмитрия Прилуцкого, то его местное епархиальное почитание установилось, согласно Голубинскому, лишь в конце XV века. Таким образом, канонизационные мероприятия собора 1447 г., представляющиеся автору одним из наиболее крупных мероприятий русской церкви, — не более как цепь догадок.

Особая глава монографии посвящена политическим взаимоотношениям митрополии и московских великих князей в XIV—XV веках. В литературе сюжет этот разобран подробно, но Хорошев и тут делает «открытия», утверждая, что внутренняя политика Дмитрия Донского была направлена на борьбу с могущественным боярством (с. 109, 112—113), что церковь желала объединить русские княжества под своей властью, и даже высказывает предположение, будто таким церковным монархом должен был стать Сергей Радонежский (с. 120—121). При этом автор не упоминает, что Сергей был одним из духовников Дмитрия Донского, чем и объясняется участие Сергия в некоторых политических акциях. Нет ни малейших намеков на стремление Сергия занять великокняжеский стол.

Через всю III главу автор проводит мысль об обособлении «отношений митрополии от политических действий великокняжеской власти» (с. 104), о стремлении русской церкви с 70-х годов XIV в. по 40-е годы XV в. заменить собой светских государей в деле объединения Руси (с. 116—117). А на с. 119 можно узнать, что в 70-х годах XIV в. церковь стремилась к сохранению «государственной раздробленности Руси». На с. 128 дается оценка деятельности в 80—90-х годах XIV в. Стефана Пермского — деятельности, которая «служит примером сотрудничества московской великокняжеской власти с церковными кругами». Далее, на с. 137 Хорошев соглашается с мнением С. М. Соловьева: «Зависеть от митрополита значило зависеть от Москвы», характеризовавшим московско-новгородские церковные отношения второй половины XIV—XV века. Приведенные взаимоисключающие суждения Хорошева не позволяют понять, что же было на самом деле: совершенно разные политические линии митрополии и великокняжеской власти или фактиче-

⁶ Духовные и договорные грамоты великих князей XIV—XV вв. М.—Л., 1950, с. 151.

ски одна и та же липия; к чему конкретно вела политика церкви — к объединению или к сохранению обособленности русских княжеств?

Многие факты, приводимые в книге, неточны, искажены, а иногда и просто придуманы. Одного из первых русских святых — князя Бориса — автор вслед за «Сказанием» называет ростовским князем, не объясняя, как мог Владимир незадолго до своей смерти из далекого Ростова послать Бориса против печенегов. Но все делается понятным, если учесть древнейшее известие о месте княжения Бориса: в «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора стольным городом Бориса назван не Ростов, а Владимир-на-Волыни. На с. 21 указывается, будто в 1067—1068 гг. в Новгороде, Белоозере и Киеве появляются язычники-волхвы, «предвещающие большие перемены». Однако в эти годы никаких выступлений волхвов не было. Летопись сообщает о них под 1071 г., объединив рассказы о событиях 1069 г., после 1069 г., 1073—1074 годов.

События 1146—1147 гг., приведшие к убийству князя Игоря Ольговича киевлянами, воспроизведены в книге с крупными ошибками. После смерти в Киеве князя Всеволода не Игорь Ольгович присягал киевлянам, а они ему. Ненавидистые тиуны и мечники были ставленниками Всеволода, а не Игоря, как получается у Хорошева, к тому же речь должна идти не о тиунах, а о тиуне. Улеб и Ивип Воитишич (а не Воитишинич, как на с. 58) посылали посольство не в Переяславль, а в Дерновой, где с войсками стоял Изяслав Мстиславич. Захваченный в плен Изяславом, Игорь Ольгович был сначала отправлен в Выдубицкий монастырь и только позднее посажен в поруб, причем не в Киеве, как следует из текста книги, а в Переяславле. Только потом он был возвращен в Киев и пострижен в Федоровском монастыре. Ни о каком «чудесном» выздоровлении Игоря после стрига источники не говорят.

Нет ни прямых, ни косвенных данных об «экономическом подъеме вотчины» при Андрее Боголюбском, чем Хорошев объясняет возвышение Владимирского княжества при этом князе (с. 60). На с. 64 можно прочитать о воссоединении Ростовской и Владимирской епархий в 1227 г. с кафедрой в Ростове. На самом деле эти епархии продолжали существовать раздельно, а в 1227 г. на владимирскую кафедру был поставлен Митрофан, позднее погибший в подоженном Батыем владимирском Успенском соборе. К домонгольскому времени отнес Хорошев (с. 70) канонизацию новгородского владыки Ильи (Иоанна). Однако в действительности до 1440 г. этот святой в Новгороде не почитался⁷.

Расходится с источниками утверждение автора: «Только в 1250 г. на русскую кафедру был поставлен... Кирилл» (с. 73). Митрополит Кирилл упоминается уже в летописном рассказе 1243 года. Сарайская епархия была учреждена не в 1263 г. (с. 74), а в 1261 (или в самом начале 1262 г.). Ее основание было связано с отвоеванием Михаилом Палеологом у крестоносцев Константинополя, вновь ставшего резиденцией патриарха, а не с «удвоенной и утроенной» жаждой борьбы русских пленников в Орде, как пытается объяснить возникновение Сарайской епископии Хорошев. Одним из посредников на переговорах 1319 г. по поводу перевода останков Михаила Ярославича из Москвы в Тверь выступал князь Ярослав Стародубский, а не ярославское духовенство, как интерпретирует имя Ярослав автор (с. 94). При этом никакой отсылки гроба с телом жены московского князя Юрия Агафьи-Кончаки из Твери в Москву, вопреки тому, что пишет Хорошев, не было. Кончака была похоронена в Ростове не позднее февраля 1318 года.

К 1365 г. Хорошев относит факт передачи «при помощи церковных мер» Нижнего Новгорода суздальскому князю Дмитрию (с. 98). Такая передача действительно состоялась, но не в 1365, а в 1363 г. и при помощи не церковных мер, а московской рати. Митрополит Алексей не посылал в 1365 г. в Нижний Новгород Сергия Радонежского, и тот церковью там не закрывал. Никакого отлучения тверского князя Михаила Александровича от церкви митрополитом Алексеем, на чем настаивает Хорошев (с. 99), не было. Нет в источниках даже малейших на-

⁷ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л. 1973, с. 96.

меков на то, что московско-литовское соглашение 1371 г. было оформлено митрополитом Алексеем (с. 99).

В книге искажены взаимоотношения Дмитрия Московского с митрополитами в 1375–1380 гг. (с. 100–102). Как мог быть Алексей противником ставленника Дмитрия Митяя, если еще при жизни Алексея в Константинополь к патриарху были посланы грамоты с просьбой утвердить Митяя преемником Алексея⁸? К тому же события 1375–1380 гг. восстанавливаются зачастую (и Хорошевым в том числе) по летописному рассказу о Митяе и Житию Сергия Радонежского – памятникам, написанным не в XIV, а в XV в., когда конец карьеры Митяя был известен и церковь на примере Митяя старалась доказать недопустимость и тщетность прямого вмешательства светской власти в церковное управление. Глухое известие летописи о какой-то ссоре в 1413 г. великого князя и митрополита Фотия под пером Хорошева превращается в «дискуссию по вопросу о неприкосновенности и неотчуждаемости церковных имуществ», перешедшую в «открытый конфликт» (с. 104). После смерти Фотия русскую митрополию возглавлял митрополит Герасим, ставленник великого князя литовского Свидригайло, а не митрополит Исидор, как утверждает Хорошев (с. 105).

А вот как описывается в книге один из самых трагичных эпизодов феодальной войны 30–50-х годов XV в.: «1446, год, февраль. Василий попытался укрыться от врагов в Троице-Сергиевом монастыре, но попал в ловушку. При участии монастырских властей Василий Васильевич был выдан заговорщикам и ослеплен. Троицкие монахи включены в состав стражи, сопровождавшей Василия Темного в ссылку» (с. 106). Источники же рисуют дело в совершенно ином свете. В Троицкий монастырь великий князь отправился на богомолье. Монастырские власти не выдавали Василия его политическим врагам. Василий II сам открыл двери Троицкой церкви, когда услышал голос своего двоюродного брата, с которым он незадолго до этого заключил соглашение как раз в Троицком монастыре. Характерно, что власти монастыря не выдали хоронившихся в монастыре сыновей Василия II. Великого князя повезли не в ссылку, а в Москву; везли в простой телеге, куда был посажен один троицкий чернец, а не троицкие монахи-стражи. Ослепление совершилось в Москве, через два дня после ареста Василия. Что касается участия троицких старцев в заговоре против Василия II, то упоминание о них встречается лишь в одном из сводов конца XV в., и Хорошеву надо было бы доказать достоверность этого позднего известия. Излагая далее события 1446 г., автор утверждает, что Дмитрий Шемяка собирался привезенных к нему сыновей Василия II «топити... в реце Волзе, в мехи ошивши» (с. 107). В литературе указывалось на недостоверность этого известия, придуманного в конце XV в. для компротации Шемяки.

Последний московский тысяцкий В. В. Вельяминов умер не в 1373 г., а 17 сентября 1374 года. После его смерти борьбу с Дмитрием Московским начали сын Вельяминова Иван и Некомат-сурожанин, а не «некоторые» московские купцы, как туманно пишет автор (с. 109). Разрыв отношений с Мамаем произошел не в 1375 (с. 110), а в 1374 году. В связи с этим событием, а не рождением сына Юрия у московского князя (как считает Хорошев), и состоялся съезд русских князей в Переяславле. Захват Булгара имел место не в 1376, а в 1377 г., причем это не был акт борьбы с Мамаевой ордой: Булгар тогда принадлежал Сараю. Битва 1377 г. на р. Пьяне (а не на р. Пьянь) была не с Арабшахом, действия которого описывает Хорошев, а с Мамаем (с. 110). В 1378 г. Нижний Новгород сжигают все не отряды Мамая, а татары из Сарая. Поход 1378 г. на русские княжества Бегича автор характеризует как «набег», но это был серьезный поход, закончившийся крупным разгромом ордынцев на р. Воже. Значение этой победы было высоко оценено еще К. Марксом⁹, сводить ее к отражению «набега» – значит преуменьшать ее действительное историческое значение.

Первым князем Тверского княжества был не Ярослав (с. 134), а его брат Александр. Новгородский архиепископ Евфимий II вовсе не «в течение шести лет»

⁸ Русская историческая библиотека. Т. 6, ч. 1. СПб. 1908, прил., с. 206.

⁹ См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. VIII, с. 151.

пробыл священником (с. 138): он был избран на владычный стол 13 ноября 1429 г. (а не в 1428 г.) и поставлен в архиепископы в мае 1434 г., т. е. не через шесть лет, а через четыре с половиной года. Евфимий II установил отмечать 4 октября память не архиепископа Ильи (Иоанна), а князя Владимира Ярославича и его матери (с. 139). В доказательство, что поход на Новгород в 1477 г. был предпринят Иваном III с согласия боярской думы, Хорошев приводит цитату из источника: «Братии свое думаю» (с. 149). Но слова эти означают «по мысли своих братьев», которых у Ивана III к тому времени было трое, а не по постановлению боярской думы. Обострение новгородско-псковских отношений в 1192 г. иллюстрируется участием новгородцев и псковичей... в совместном походе на немцев (с. 154)!

Признаки плохого знания автором фактов XI–XVI вв. можно перечислять и далее. Дело в том, что о политических событиях в Древней Руси мы узнаем преимущественно из летописей, а они содержат разные детали в описании одних и тех же событий, причем детали, иногда придуманные летописными сводчиками столетия спустя после самих событий. При пользовании летописью надо знать, когда она составлена и насколько достоверно передает факты, место летописи в общей схеме русского летописания; этого-то и не обнаруживается в книге. Неверный рассказ о князе Игоре Ольговиче объясняется передачей его автором по Лаврентьевской летописи, между тем как более ранний текст содержится в Ипатьевской и Московском своде 1479 года. Не учитывая соотношения сводов, содержащих самые ранние летописные тексты, Хорошев пишет о перенесении в 1007 г. в киевскую Десятинную церковь «каких-то неназванных по именам святых» (с. 48), не замечая при этом, что «открывает» самых первых древнерусских святых, ставших таковыми даже до убийства Бориса и Глеба. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях действительно под 1007 г. читается «стии» (под титулом; раскрывается как «святини»). Но более ранний текст содержится в Новгородской I летописи младшего извода, где читается «си» и относится к двум полоцким князьям, умершим за несколько лет до переноса их останков в Десятинную церковь.

Одного «святого» XIII в. А. С. Хорошев представляет так: «Рязанский князь Роман Ольгович убит в Орде в 1270 г.: «Отрезаша ему язык и заткоша уста его убрсом, и начаша резати его по суставам и метати розно, персты все обрезаша и у ног, и у рук, и устие, и уши, и прочая суставы разрезаша, и яко оцася труп еди, они же отодраша кожу от главы его и на копие воткнуша». Казенный по обвинению в хуле на ордынскую веру и после отказа принять ее, он называется в летописи «новым мучеником» (с. 76). Цитата взята из Никоновской летописи, хотя автор сослался на совсем другие источники. Первоначальный же текст статьи 1270 г. сохранила Симеоновская летопись. Там гибель князя Романа никак не связывается с вероисповедными распрями. Описание убийства иное. Нет первых четырех слов цитаты, нет текста от слов «персты все» до слов «суставы разрезаша»¹⁰. Очевидно, убийшение гибели Романа Ольговича за веру дано сотрудниками митрополита Даниила, составлявшими в XVI в. Никоновскую летопись: церковные историки добавили подробности в описание казни Романа, сознательно изобразив ордынцев более жестокими, чем они показали себя на самом деле. Хорошев же все это целенаправленное домысливание прошлого принимает за реальные факты XIII столетия!

И уж совсем плохо, когда автор переписывает куски текста у своих предшественников, не ссылаясь на их работы. В этом легко убедиться с помощью параллельных текстов. Слева – выдержки из работы А. С. Хорошева.

«Владыка торжественно подготовливается к акту «экзгумации»: велит игумену монастыря и всей братии молиться и поститься в течение трех недель. Саркофаг первого хутынского игумена Евфимий осматривал с настоятелем монастыря, при этом присутствовал еще один человек – «подьяк... Караимап

«Он заранее торжественно приготавливается к этому действию: велит игумену монастыря и всей братии молиться и поститься в течение трех недель. Гробницу святого Евфимий осматривал с игуменом монастыря, кроме них присутствовал еще один человек – «подьяк... Караимап именем Иоанн». Помолит-

¹⁰ ПСРЛ. Т. 18. СПб. 1913, с. 73.

именем Иоанн». Помолившись, сняли с гробницы верхнюю каменную плиту «и яко открыша гроб и видеша мощи чудотворца Варлаама на верху земли лежаща целы и ничем не вреждены и не разрушима, и весь образ его и браду видеша, яко же на иконе написан» (с. 144).

«Так в Пскове появился литовец Довмонт, который в 1265 г. въехал «со всемъ родомъ своимъ», став организатором псковских боевых сил, вождем их борьбы с Орденом и Литовским княжеством, руководителем псковской политики» (с. 154).

«Шемяка взял с Василия Темного присяжную запись и передал ему в отчину Вологду. Крестное целование Василия II было закреплено в присутствии влиятельных князей церкви, бояр, детей боярских «проклятыми грамотами» (т. е. клятвой в верности, скрепленной поручительством епископов)» (с. 107).

Текст на с. 156 от слов «Миссия Константина в Ярославль» до слов «мощей новых святых» заимствован из той же книги Л. В. Черепнина (с. 826–827).

«Иван Васильевич Стрига-Оболенский, выступающий в Ермолинской летописи под псевдонимом «Иоанн Агафонович Суцей» (с. 156).

пись, сняли с гробницы верхнюю каменную плиту, «и яко открыша гроб и видеша мощи чудотворца Варлаама на верху земли лежаща целы и ничем же вреждены и не разрушима, и весь образ его и браду видеша, яко же на иконе написан» (Дмитриев Л. А. Ук. соч., с. 54).

В 1265 г. явился в Псков беглецом литовский князь Довмонт «со вѣсмъ родомъ своимъ», стал организатором псковских боевых сил, вождем их борьбы с Литвой, руководителем местной псковской политики» (Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг. 1918, с. 72).

«В сентябре 1446 г. Дмитрий Шемяка взял с него присяжную запись... и передал ему «в отчину» Вологду... «Крестное целование» Василия II Дмитрию Юрьевичу Шемяке было закреплено в присутствии влиятельных князей церкви, бояр, детей боярских «проклятыми грамотами» (т. е. клятвой в верности за поручительством епископов)». (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М. 1960, с. 798–799).

«князь Иван Васильевич Стрига-Оболенский, выступающий в Ермолинской летописи под псевдонимом «Иоанн Агафонович Суцей» (там же, с. 828).

В целом же в разработку весьма непростого вопроса канонизации святых в русской церкви автор не сумел внести новых, серьезно обоснованных положений. Причина – в явно недостаточном знании источников, неумении их анализировать, выявлять факты, определять степень их достоверности и репрезентативности, в слабости обобщений и заданности выводов. Это ставит работу Хорошева вне традиций отечественной историографии феодальной Руси, немало сделавшей для создания действительной истории русской церкви в средние века.

* * *

Несколько более благоприятное впечатление производит монография И. С. Борисова. Автор лучше, чем его коллега, знаком с литературой по исследуемой проблеме. Заслуживают внимания его наблюдения, касающиеся деятельности митрополита Алексея (1354–1378 гг.), судьбы на Руси кельотских монастырей и монастырей-киновий, постепенной утраты русской церковью как феодальной организацией суверенитета по отношению к государству. Борисовым поставлен вопрос об идеологическом значении выбора дат закладки и освящения церковных храмов в русских землях XIV–XV веков. При этом выводы автора о политическом значении тех или иных культов справедливы далеко не всегда, но сама постановка вопроса привлекает внимание. Однако общая концепция автора, выбор данных для анализа, приемы работы с источниками не могут не вызывать серьезных замечаний.

XIV – XV вв. в истории Северо-Восточной Руси – период преодоления феодальной разобщенности и подчинения существовавших независимых княжеств, Новгородской феодальной республики, а также уделов представителей московского кня-

жеского дома одному московскому великому князю, обретения единым Русским государством, сложившимся как сословная монархия, суверенитета (1480 г.). Важно оценить политику в это время такого крупного феодального института, как русская митрополия; данной теме и посвящена монография Борисова. Правда, заглавие книги шире ее содержания. В ней, например, не рассмотрена деятельность новгородской церкви, игравшей существенную роль в феодальных столкновениях XIV—XV веков.

В основе концепции автора лежит представление о создании единого Русского государства как о деле «общенародном»: оно строилось «не молитвами «преподобных» старцев, а тяжким трудом крестьянина, мастерством ремесленника, ратным подвигом воина» (с. 6, 197). Внешне процесс централизации выражался в объединении земель вокруг Москвы. Русская церковь в лице митрополитов не оказывала (за редкими исключениями) московским князьям поддержки в деле объединения. Лишь когда этот процесс вступил в решающую стадию, церковь как феодальный институт вынуждена была подчиниться великому князю. Из предложенной схемы естественно вытекает вывод об отрицательной роли церкви в создании единого Русского государства. В обосновании такой схемы Н. С. Борисов усматривает свой вклад не только в научную разработку вопроса, но и в дело атеистической пропаганды.

Однако с исходными положениями этой схемы трудно согласиться. Образование единого Русского государства стало результатом вовсе не «общенародной» деятельности. Народные массы не имели отношения к созданию государства, обеспечивавшего прежде всего защиту интересов феодалов, существовавших за счет эксплуатации этих масс. Не все феодалы поддерживали московских великих князей в борьбе за верховенство, но без поддержки со стороны основной их части не могло быть и речи о политическом объединении русских земель. У духовных феодалов не было причин занимать в этом процессе принципиально иную позицию по сравнению с феодалами светскими. Русская церковь едва ли приобрела бы на протяжении XIV—XV вв. свои огромные движимые и недвижимые богатства, находясь, согласно концепции Борисова, в постоянной оппозиции к верховной светской власти и феодальному обществу в целом. Таким образом, теоретическая схема, намеченная в книге, оказывается весьма уязвимой. В какой же мере она соответствует фактам?

Прежде всего речь должна идти о данных, свидетельствующих о взаимоотношениях митрополитов Киевских и всея Руси с главами государств, на территории которых были расположены подчинявшиеся митрополитам епархии. Сохранение территориального единства митрополии было одной из важнейших задач русских митрополитов на протяжении XIV и большей части XV века. Другой важной задачей являлось укрепление положения митрополитов как глав церковной организации, что предполагало усиление их роли при назначении епископов и расширение права вмешиваться в деятельность последних. Как глава духовенства на территории собственного диоцеза митрополит был заинтересован в подчинении ему расположенных тут церквей и монастырей, которые находились под патронатом светской власти. Существенной стороной деятельности митрополитов являлась защита церковных владений от посягательств различных светских государей и сохранение за митрополией и русской церковью в целом тех податных и судебных привилегий, которые были получены еще в домонгольское время, и по возможности их расширение.

Решать эти политические задачи в условиях феодальных усобиц XIV—XV вв., борьбы Москвы с Литвой и Ордой, Литвы с Польшей было чрезвычайно сложно; русская церковь, естественно, стремилась к устойчивым ситуациям, что предполагало ее сотрудничество с государственной властью. Однако в зависимости от конкретных условий те или иные интересы церкви начинали преобладать над остальными, и это накладывало отпечаток на отношения митрополии к светской власти. Автор, поставив вопрос о несовпадении интересов церкви и великокняжеской власти, тем не менее четко не объяснил, в чем же заключались эти особые церковные интересы. Поэтому на многие данные, характеризующие участие русской церкви в политической борьбе XIV—XV вв., он не обращает внимания.

Рассматривая фактическую основу работы Борисова, приходится констатировать, что, как и Хорошев, он использует только опубликованные источники. Вряд же случаев было остро необходимо знакомство с архивными материалами, в частности с рукописными житиями митрополита Петра первой редакции, Сергия Радонежского, Пафнутия Боровского, с Софийской I летописью старшего извода, Карамзинским списком Новгородской IV летописи. Кое-что упущено и из печатного материала. «Памятники древнерусского канонического права» цитируются автором по изданию 1880 г., тогда как второе издание (1908 г.) содержит дополнительный материал, в том числе важнейшие «Записки о поставлении русских епископов» 1328–1347 гг., так и не проанализированные Борисовым. Для характеристики событий XIV в., связанных с Псковом, могли быть полезны «Псковские летописи». Не использованы «Послания» Иосифа Волоцкого, содержащие ценные сведения о взаимоотношениях светской и духовной власти в конце XIV–XV в., труды византийского историка Никифора Григоры, дающие представление о взаимоотношениях константинопольского патриархата с русскими митрополитами и московскими великими князьями XIV в., документы Флорентийского собора 1437 г. и другие публикации.

Обращаясь к тому или иному источнику, Борисов не придает значения его происхождению, общей идейной направленности, времени возникновения, соотношению редакций, если памятник сохранился в нескольких списках и переработках. Особенно это касается летописных материалов. Так, на с. 178 говорится об особой близости известного русского церковного деятеля XV в. игумена монастыря Рождества богородицы в Боровске Пафнутия к Ивану III, в связи с чем «сообщение о кончине Пафнутия было внесено в официальную великокняжескую летопись». При этом автор ссылается на тома VI и VIII Полного собрания русских летописей. Но в т. VI напечатана Софийская II летопись – памятник не великокняжеского, а митрополичьего летописания. В т. VIII издана Воскресенская летопись – свод, отразивший позицию боярского правительства 40-х годов XVI века.

Без какой-либо критики заимствуются факты из летописного повествования о кандидате в русские митрополиты Михаиле-Митяе (Митяй, вопреки мнению автора, производное не от Дмитрия, а от Михаила), хотя рассказ о Митяе составлен автором из окружения его врага – митрополита Киприана и носит тенденциозный, памфлетный характер. По Никоновской летописи, составленной в конце первой трети XVI в. под руководством митрополита Даниила и тенденциозно искажавшей прошлое в угоду митрополичьей кафедре, Борисов излагает события 1311, 1336, 1345–1346, 1357, 1404 гг. (с. 45, 64, 67, 80, 81, 137). Последний факт – поставление Киприаном епископа в Перемышль – не подтверждается и Никоновской летописью. Между тем имеются значительно более ранние своды XV в., где те же факты описываются более точно.

Ссылаясь на А. В. Экземплярского, Борисов утверждает, что в 1290 г., к недовольствию ростовских князей, «из Ростова в Устюг был вывезен колокол Тюрик» (с. 38). Источник же (причем источник уже переработанный) говорит о посылке этого колокола в качестве дара на Устюг ростовским князем, а в ранней редакции памятника упоминания о Тюрике вообще нет¹². Представление об особенностях работы автора с летописными источниками дает его мнение о двух посольствах московского правительства в Нижний Новгород в 1363 и 1365 гг. (с. 82–83). На самом деле было только одно посольство. Известие 1365 г. есть лишь в поздних летописных сводах (известия 1363 г. там нет), оно является переработкой известия 1363 г. более ранних сводов, где, в свою очередь, отсутствует сообщение под 1365 годом.

Использование материала из вторых рук приводит автора к ошибкам, которых можно было избежать. Так, на с. 61 он указывает, что в 1272 г. в московском Даниловом монастыре была построена Спаская церковь и что одноименный храм стоял в 30-е годы XIV в. и в Галиче. Однако источники этих сведений не содержат. Оба утверждения – не более чем ошибочные догадки исследователей прошлого столетия. К числу таких же догадок принадлежит заключение некоторых попу-

¹² ПСРЛ. Т. 37. Л. 1982, с. 31, 74; ср. с. 111.

ларизаторов о пребывании в Ростове в 1363 г. Сергия Радонежского (с. 82). Ни его Житие, ни летописи об этом не сообщают. П. М. Строев в свое время спутал двух настоятелей московских монастырей: Ивана Непеицу и Ивана Пегровского. Не проверив его данные по источникам, Борисов констатирует, что Иван Непеица в 1379 г. ездил в Константинополь (с. 125, прим. 5). С. Б. Веселовский ошибочно написал, будто нижегородский Благовещенский монастырь был передан митрополичьей кафедре Василием Темным. Борисов опирается на его мнение как на бесспорный исторический факт и делает из него выводы общего характера (с. 159 и с. 189, прим. 10).

Происхождение некоторых фактов, приведенных в книге, установить просто невозможно. Так, автор пишет, что к концу XV в. церкви принадлежало «около $\frac{1}{3}$ всех обрабатываемых земель в России» (с. 3). Цифра фантастическая, поскольку никаких писцовых описаний всей Руси XV в. не существует. Другие утверждения автора порождены недостаточным знанием материала. Так, он полагает, что Суздальская епархия была открыта митрополитом Феогностом (с. 68), а Чернигово-Брянская возобновлена Алексеем (с. 97–98, прим. 36). Но летописи сообщают о смерти суздальского епископа Иоанна в 1314 г. (за 14 лет до поставления Феогноста), а во втором издании «Памятников древнерусского канонического права» помещен документ о поставлении при митрополите Феогносте в 1332 г. черниговского епископа Павла.

Взаимоотношения Феогноста с московскими великими князьями автор рассматривает как основополагающие («своего рода образец») в деятельности других митрополитов — выходцев из Византии Киприана и Фотия (с. 57), но в книге данному сюжету не повезло. Единственным примером «открытой поддержки митрополитом Феогностом борьбы московских князей с их политическими соперниками» автор считает эпизод 1327 г., когда Феогност пригрозил интердиктом противникам Калиты — псковичам и укrywшемуся у них Александру Тверскому. Но и этот пример Борисов отвергает, т. к., по его мнению, Феогност действовал по наущению не Ивана Калиты, а хана Узбека (с. 63). О влиянии последнего на Феогноста источники молчат, и в русской истории вообще нет примеров того, чтобы ханы когда-либо воздействовали на митрополитов, добиваясь от них церковных отлучений. А псковские летописи, подробно освещающие события 1327 г., прямо говорят о том, что именно Калита «намолвил митрополита Феогноста»¹³.

О других фактах сотрудничества Феогноста с московской великокняжеской властью автор умалчивает. В его книге ничего не говорится об участии митрополита в походе русских князей во главе с Симеоном Гордым на Новгород в 1340 г.; о помощи в 1347 г. Симеона Гордого Феогносту в ликвидации Галицкой митрополии; о разрешении Феогноста на преследовавший политические цели брак племянницы Симеона с литовским великим князем Ольгердом, который был язычником; о крещении в 1349 г. Феогностом сына Симеона Михаила; об общем посольстве в 1352 г. от Феогноста и Симеона Гордого в Царьград с просьбой утвердить на русской митрополии Алексея. Характеризуя архимандрита московского Спасского монастыря, находившегося под патронатом великих князей, Иоанна, поставленного Феогностом на ростовскую кафедру, как креатуру Ивана Калиты (с. 48, прим. 9; ср. с. 61), Борисов, однако, от естественного в свете таких данных заключения о союзе митрополита с великим князем почему-то воздерживается. Напрашивается вывод: отрицание автором существования союза между церковью и великокняжеской властью (с. 73) противоречит фактическому материалу, кстати, давно введенному в научный оборот.

Приведя не все факты, позволяющие раскрыть интересующую его проблему, автор в то же время насыщает свою книгу свидетельствами, не имеющими прямого отношения к теме. При этом некоторым таким свидетельствам придается какое-то мистическое значение. Так, фразу из духовной Симеона Гордого «чтобы не перестала память родители нашихъ и наша, и свеча бы не угасла» Борисов предлагает понимать как «богословский символ», ибо, по его мнению, упомянутая в

¹³ Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л. 1944, с. 17.

духовной «свеча» на самом деле символизирует богородицу (с. 70–71). Отливка в Москве в 1346 г. мастером Борисом именно пяти колоколов объясняется «сложными соображениями из области религиозной символики» Симеона Гордого (с. 66). В итоге изучение политической роли церкви в XIV–XV вв. перебивается изложением (без логической последовательности) того, что вообще автор знает о церкви этого периода.

Казалось бы, при резком возрастании с начала XV в. количества источников политическая деятельность русской церкви в XV столетии могла получить значительно более широкое и разностороннее освещение. Но в книге, напротив, изложение становится все более суммарным, анализ текстов почти исчезает, его заменяют ссылки на литературу, чаще всего на труд Голубинского. В итоге читатель получает выборочную компиляцию уже известных сведений, но более бедную в фактическом отношении по сравнению с прежними исследованиями. Так, характеристики политической деятельности митрополитов Киприана, а затем Фотия, по существу, повторяют то, что сказано о них в книге А. Е. Преснякова об образовании Русского государства, а значительная часть фактов, собранных этим ученым и существенных для раскрытия темы, опущена.

Особого сожаления заслуживает то, что автор лишь упомянул комплекс церковных уставов, отредактированных в самом конце XIV в., подтвержденных затем при Фотии, но не проанализировал их содержание и не сопоставил с теми статьями докончания Киприана и Василия Дмитриевича, в которых регулировались взаимоотношения кафедры с подчиненным ей духовенством (доказательство далеко зашедшего вмешательства светской власти в церковные дела). В условиях политического полицентризма важным критерием сотрудничества между митрополитами и великокняжеской властью была практика поставления епископов в те политические центры Северо-Восточной Руси, которые не входили в состав владений московских князей. Ряд интересных данных на этот счет имеется и в источниках начала XV века. Так, известно, что митрополит Фотий в 1410 г. поставил епископом в Рязань Сергия Азакова, архимандрита великокняжеского Симонова монастыря, а после его смерти — Иону, монаха того же монастыря. Эти и другие факты подобного рода важны для понимания отношения митрополитов к централизаторской политике московских великих князей, но Борисовым они не отмечены и не оценены.

Предлагая свое объяснение ряда известных фактов истории русской церкви XV в., автор, к сожалению, не уделяет внимания высказанным предшественниками аргументированным точкам зрения. Так, он полагает, что поставление в митрополиты грека Фотия после смерти Киприана было связано с тем, что «бродячий иерарх — чужеземец» более устраивал великого князя, чем представитель местного духовенства (с. 139). Однако уже Пресняков показал, что в условиях, когда великий князь литовский Витовт выдвинул на митрополичий стол полоцкого епископа Феодосия, у московского правительства не было иного выхода, как согласиться на кандидата, предложенного константинопольским патриархом. При этом Фотий вовсе не был «бродячим иерархом». Другой пример еще более выразителен. Автор полагает, что промедление в 1432–1437 гг. с посылкой в Константинополь Ионы, нареченного на митрополию после смерти Фотия, было связано с тем, что «и Василий II, и Юрий Звенигородский предпочитали видеть церковь обезглавленной» (с. 142). Однако уже давно установлено, что в 1432 г. общерусским митрополитом был поставлен по просьбе литовских властей смоленский епископ Герасим.

Почти совсем выпала из книги тема участия и роли церкви (как отдельных старцев, церковных иерархов, монастырей, так и собора епископов как органа, выражавшего общие интересы церкви) в событиях феодальной войны второй четверти XV века. О сотрудничестве «заволжских старцев» с Василием II сказано на с. 148. Но такой важный документ, как послание собора епископов князю Дмитрию Шемяке (1447 г.), автор даже не упоминает. Это тем более странно, что вопрос о роли церкви на заключительном этапе феодальной войны ставился и рассматривался в работах Л. В. Черепнина, пришедшего к выводу о полной поддержке русским епископатом великокняжеской власти.

Говоря о митрополите Ионе (1448–1461 гг.), автор отмечает особенности его

характера, предпринятое им строительство в Кремле, но собственно политическая деятельность Ионы получила в книге предельно обобщенную характеристику: «Своими политическими акциями – посланиями, угрозами отлучения, дипломатическими миссиями – Иона деятельно помогал Василию II в его борьбе с Шемякой, Новгородом и другими феодальными центрами» (с. 158–159). Послания Ионы позволяют представить его политическую деятельность гораздо подробнее по сравнению с предшественниками по кафедре. К тому же приведенная характеристика Ионы не согласуется со сформулированным в конце главы выводом, будто «митрополичья кафедра не оказала великому князю эффективной поддержки в его централизаторской политике» (с. 188). Утверждается также, что не Василий II, а митрополит Иона был подлинным главой московского правительства (с. 157), но сколь-нибудь серьезных доказательств этого не приведено.

70–80-е годы XV в. были, как известно, переломным моментом в процессе создания Русского государства. В работах А. Н. Насонова, Я. С. Лурье, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, С. М. Каштанова прослежено развитие конфликтов между светской и церковной властью в тот период; определены те направления в политике великокняжеской власти, которые затрагивали интересы церковных кругов и вызывали их сопротивление: сокращение иммунитетных привилегий владениям церкви, вмешательство во внутрцерковные дела путем установления судебной юрисдикции великого князя над приходским духовенством, частичная секуляризация церковных имуществ. Выявлены памятники летописания второй половины XV в., связанные с разными церковными центрами, в результате чего в науке возникли споры о характере политических взглядов, отраженных в этих памятниках. Подходя с позиций уже сделанного советскими исследователями к соответствующему разделу работы Борисова, следует отметить, что великокняжеская политика охарактеризована в ней очень неполно (сказано о секуляризации церковных имуществ лишь в Новгороде). Что касается определения характера летописных сводов второй половины XV в. и отражения в них политических устремлений церкви, то и этот вопрос, и связанную с ним дискуссию автор обошел молчанием.

Подводя итог рассмотрению двух книг, по необходимости приходится напоминать о том, что самые оригинальные и интересные мысли и гипотезы не имеют для науки ценности, если их авторы не всегда знают публикации и исследования по теме, не стремятся ввести в научный оборот новые источники, неясно представляют себе характер источников и взаимоотношения между ними, предпочитают источниковедческому анализу догадки или используют факты выборочно; наконец, если четко не сформулирована проблема и отсутствует правильная методика ее исследования. Указанные недостатки присущи обеим книгам (в большей мере работе А. С. Хорошева), которые не позволяют заполнить сохраняющиеся до сих пор пробелы в истории русской церкви. Появление этих книг подтверждает обоснованность беспокойства по поводу замечающегося снижения уровня профессионализма исторических исследований, выраженного на заседании «круглого стола» в редакции «Вопросов истории» (1988, № 3),

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ РАБОТА О ТВОРЧЕСТВЕ Н. М. ЛУКИНА

Актуальность книги, написанной доктором исторических наук ведущим научным сотрудником Института истории СССР АН СССР В. А. Дунаевским и доктором исторических наук заведующим кафедрой всеобщей истории Челябинского педагогического института А. Б. Цфасманом и изданной в серии «Научные биографии» с предисловием заслуженного деятеля науки РСФСР профессора И. С.

Галкина¹, определяется большим интересом советской общественности к жизни и творчеству акад. Н. М. Лукина, одного из основоположников советской исторической науки, чье имя незаслуженно было вычеркнуто из истории нашей науки и страны в целом.

¹ Дунаевский В. А., Цфасман А. Б. Николай Михайлович Лукин. М. Наука. 1987, 192 с.

В книге убедительно раскрыто воплощенное в личности Лукина органическое единство революционера и ученого, большевика-ленинца и историка-марксиста. Авторы показывают, как слились воедино и неразрывно приверженность Лукина марксизму, неприятие им различных форм идеалистического историзма в науке и его политическая борьба с царизмом на стороне большевиков. Активный участник событий российской революции 1905–1907 гг., видный представитель Московского комитета РСДРП, известный в большевистском подполье как «товарищ Антон», Лукин стал автором первой в России марксистской работы о Французской буржуазной революции конца XVIII в. «Падение Жиронды», которую он представил в 1909 г. в Московский университет в качестве своего выпускного сочинения. Авторам принадлежит заслуга обнаружения в Центральном государственном архиве г. Москвы этой работы, до сих пор считавшейся безвозвратно утерянной. В этом сочинении 23-летний ученый оригинально поставил важную проблему демократического блока во Франции весной 1793 г., попытался охарактеризовать классовую подоплеку партийной борьбы Горы и Жиронды.

Правда, авторы несколько преувеличивают зрелость этой студенческой работы, утверждая, в частности, что в ней Лукин сумел преодолеть и «немарксистскую концепцию» Ж. Жореса, и вульгарный схематизм, присущий книге немецкого социал-демократа Г. Кунова «Борьба классов и партий в Великой Французской революции 1789–1794 гг.» (с. 28). С этим трудно согласиться, поскольку Лукин упрощенно трактовал победу Горы над Жирондой 2 июня 1793 г. как триумф мелкой буржуазии и мелкобуржуазной политики, неравномерно рассматривал позицию Марата и Робеспьера в борьбе с Жирондой как умеренную (хотя известно, что в апреле 1793 г. Марат призывал к восстанию против Жиронды и к изгнанию жирондистов из Конвента).

В книге получила отражение многогранная редакционно-публицистическая, научная, научно-организаторская и преподавательская деятельность Лукина, которая началась сразу после Великого Октября. Вместе с М. Н. Покровским и В. П. Волгиным Лукин стоял у истоков советской исторической науки, был одним из ее создателей. Авторы справедли-

во обращают внимание на то, что Лукин первым из советских историков дал марксистскую трактовку Французской революции конца XVIII в. как буржуазной и Парижской Коммуны 1871 г. как пролетарской революции без пролетарской партии. В этой связи они самым тщательным образом анализируют содержание его работ «Максимilien Робеспьер» (1919 г.), «Парижская Коммуна 1871 г.» (1922 г.) и «Из истории революционных армий» (1923 г.). В них наиболее ярко проявились качества Лукина-ученого: большевистская партийность, бескомпромиссная защита исторической истины, эрудиция, глубокое проникновение в смысл и значение событий.

При анализе оценки книги «Максимilien Робеспьер» В. А. Дунаевский и А. Б. Цфасман, говоря о неудовлетворительном состоянии имевшейся в то время литературы о Французской революции (с. 66), утверждают, что в этой книге в той или иной степени преодолеваются недостатки, присущие работам Жореса, Кунова и других зарубежных авторов. Но насколько это оправданно? Несколько раньше В. А. Дунаевский писал: «Книга Лукина явилась первым шагом к созданию советской историографии Французской революции. Однако, признавая большие достоинства работ Лукина, необходимо отметить, что на первых порах в них по ряду вопросов (оценка движения «бешеных», характеристика отдельных партийных группировок, трактовка вантозовских декретов и др.) некритически воспринимались некоторые идеи Ж. Жореса, Г. Кунова и А. Матьеза, труды которых неоднократно издавались в СССР в послереволюционные годы»². Эта оценка, очевидно, более соответствует истине.

Особое место в книге отводится раскрытию научной и общественной значимости двух крупнейших работ Лукина «Новейшая история Западной Европы» (1923 г.) и «Очерки по новейшей истории Германии, 1890–1914 гг.» (1925 г.). Они вызвали в свое время большой общественный резонанс, стали первыми в нашей стране марксистскими учебниками по западноевропейской истории. Авторы детально рассматривают не только достоинства названных работ, но и отме-

² Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М. 1968, с. 45.

чают неточные, а порой и неверные положения, содержащиеся в них. Было бы целесообразно в этой связи показать, как Лукин усвоил ленинскую теорию империализма и насколько удачно он сумел ее применить к истории Германии конца XIX — начала XX века. Конечно, в целом вывод авторов, что и в изучении новейшей истории эпохи империализма Лукин был первопроходцем в советской исторической науке, глубоко обоснован.

В отличие от монографии И. С. Галкина «Н. М. Лукин — революционер, ученый», где сравнительно мало говорится о научно-организаторской и педагогической деятельности Лукина после Великого Октября, В. А. Дунаевский и А. Б. Цфасман показали роль ученого в создании Большой Советской Энциклопедии, в работе по подготовке кадров историков-марксистов, по развитию советской исторической науки. Авторы особо останавливаются на лекциях и семинарах, которые Лукин вел в Московском университете, Институте красной профессуры, Институте истории РАНИОН. В этих семинарах принимали участие А. Э. Манфред, В. М. Далин, Н. Е. Застенкер, А. В. Ефимов, Э. А. Желубовская и другие. В книге удачно использованы воспоминания участников семинаров, создающие образ Лукина-педагога: умного, чуткого, пунктуального и требовательного, дававшего слушателям не только знания в области конкретной истории, но и воспитывавшего у них умение разбираться в методологических вопросах (с. 118):

Большой интерес представляет характеристика научной и научно-организаторской деятельности Лукина в 30-е годы, когда он становится директором Института истории АН СССР, главным редактором журнала «Историк-марксист», заведующим кафедрой новой истории в Московском университете. Авторы убедительно раскрывают значение последних исследований Лукина по истории Французской буржуазной революции конца XVIII в., Парижской Коммуны, герман-

ской социал-демократии, по некоторым вопросам методологии истории. Эти работы нацеливали советских историков на преодоление схематизма и начетничества, на овладение научными принципами марксистско-ленинского историзма. Внимание читателя привлечет содержащийся в книге материал о дискуссии по истории социал-демократии Германии, которая проходила в 1930 г. в Институте истории Комкадемии с участием Лукина.

Авторы нарисовали в целом объективную картину состояния советской исторической науки и исторического образования в 30-е годы. Вместе с тем представляется, что она не является еще достаточно полной. Следовало бы, очевидно, сказать о сложной обстановке, в которой приходилось работать ученому в 30-е годы. Так, после опубликования известного письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» (октябрь 1931 г.) Лукин вынужден был выступить в журнале «Борьба классов» (1932, № 4) с критикой ошибок немецких «левых радикалов» начала XX века. Особенно тяжело Лукину работалось в обстановке массовых репрессий во второй половине 30-х годов. В 1936 г. были оклеветаны и объявлены «врагами народа» его ученики и товарищи В. М. Далин, Г. С. Фридрих, некоторые другие. В 1938 г. был расстрелян по сфабрикованному обвинению Н. И. Бухарин, с которым Лукина связывали родственные отношения. Затем и сам Лукин был обвинен во «вредительстве». В 1938 г. его арестовали. Вплоть до 1956 г. работы его были изъяты из научного обращения. Только после XX съезда КПСС его доброе имя было восстановлено и возвращено науке и стране. В рецензируемой книге об аресте Лукина упоминается лишь бегло, без объяснения его причин. В атмосфере широкой гласности пора сказать полную правду и об этом,

*В. А. Гавриличев,
И. И. Шарифжанов*

КНИГА О СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ЭСТОНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В советской историографии проблемы формирования и взаимоотношений классов и партий, складывания и борьбы основных политических лагерей в период буржуазно-демократической революции в России уже получили определенное отражение¹. Тем не менее остаются еще недостаточно разработанными вопросы социально-экономической и политической структуры национальных регионов, соотношения и взаимоотношения в них основных общественных сил, национальной политики царизма и национальных программ различных партий, без изучения которых общая картина расстановки классов и их борьбы на российской политической арене выглядит неполной. В этом плане монография профессора Таллинской консерватории доктора исторических наук Т. Карьяхярма об эксплуататорских классах Эстонии², их взаимоотношениях с самодержавием в ходе борьбы вокруг буржуазных реформ в Прибалтике представляет несомненный интерес.

Задача исследователя осложняется тем, что сама по себе история прибалтийской, и в частности эстонской, буржуазии, местного дворянства изучена весьма отрывочно, в существующих методических приемах при рассмотрении отдельных социальных групп и слоев налицо разноречивость и несогласованность, крайне затрудняющая интегрирование полученных

данных (нет, например, единых критериев в определении принадлежности к буржуазии, ее внутренней структуры и т. п.) Сложности эти, в значительной мере отражающие общую слабость методического инструментария при исследовании социально-экономической проблематики, усугубляются особенностями региона, ярче всего проявившимися в «остзейском особом порядке», засилье в крае немецко-прибалтийских баронов.

Главное авторское положение сводится к тому, что в Эстонии, как и в целом в России, на политической арене боролись три лагеря — правительственный, буржуазно-либеральный и революционно-демократический. Однако, являясь составными частями основных всероссийских политических сил, по своей внутренней структуре, характеру взаимоотношений, борьбе и т. д., они, по крайней мере первые два, не были полным аналогом великороссийского вектора сил. Определялось это прежде всего спецификой социально-экономического развития региона, его особым положением в Российской империи. Анализируя эти обстоятельства, автор констатирует, что в начале XX в. Эстония была одним из наиболее экономически развитых районов империи, с более четкой, чем в целом по стране, буржуазной социальной структурой, с крупной промышленностью, руководящие позиции в которой принадлежали монополиям и банкам, сильным влиянием иностранного капитала, что свидетельствовало о включении региона в единую народнохозяйственную и мировую капиталистическую систему.

К сожалению, интеграционные процессы, обусловившие втягивание Эстонии в общероссийскую систему, в книге только декларированы, но фактически не раскрыты, так же, как и противоречия между национальной и монополистической буржуазией. Т. Карьяхярм не остановился на этих вопросах подробно, видимо, потому, что в сфере крупного бизнеса позиции национального капитала были крайне слабы. Более заметное его влияние имело место в средней и особенно мелкой промышленности, торговле, владении городской недвижимостью, хотя и здесь, преоб-

¹ См.: Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад. М. 1967; Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М. 1968; его же. Царизм и IV Дума. М. 1981; его же. Распад третьеиюньской системы. М. 1985; Дякин В. С. Буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л. 1968; его же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л. 1978; Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М. 1976; Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М. 1977; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. М. 1977; Шацкило К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М. 1984; и др.

² Карьяхярм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905—1917 гг. Таллин, Ээсти раамат. 1987, 312 с.

ладая количественно, эстонская буржуазия уступала по размерам капиталов предпринимателям из прибалтийских немцев.

Довольно высоким был и уровень аграрного развития края, где капиталистическая система уже к концу XIX в. стала преобладающей. Эстонская деревня в период империализма была капиталистически глубоко дифференцированной. Учитывая отличительные черты освобождения местного крестьянства, оказавшегося в большинстве обезземеленным, автор считает, что здесь сложилась особая модель «прусского» пути аграрно-буржуазного развития (с. 145). Местные помещики вели рациональное, высокоинтенсивное хозяйство, сочетавшее сельскохозяйственное производство с промышленной переработкой собственной продукции, широко применяя наемный труд. Но одновременно они широко использовали различного рода кабально-отрабочные формы эксплуатации как ландскнехтов полужернников, так и окрестных крестьян, используя для ведения собственного хозяйства лишь около четверти своей земли (с. 67).

Капиталистическая перестройка помещичьих имений происходила в условиях искусственной поддержки царизмом феодальной монополии их владельцев на землю и к 1917 г. так и не завершилась. Вместе с тем самодержавие и здесь пыталось сохранить крестьян в качестве самостоятельных производителей (на их долю приходилось до 2/3 сельскохозяйственного производства). В результате национальный путь развития капитализма в Эстонии, как и в стране в целом, окончательно не утвердился, продолжалась борьба двух путей буржуазно-аграрной эволюции (с. 145–146). Таким образом, и для данного региона характерны были основные типичные для России противоречия эпохи, породившие две социальные войны. Однако эта общая для всей страны картина была здесь осложнена национальными противоречиями, что значительно затрудняет задачу разграничения политических лагерей, которую автор решает достаточно убедительно.

Правительственный лагерь в Эстонии основывался на классовом союзе прибалтийско-немецких помещиков и царизма. Ядро его составляли помещики-латифундисты, бывшие одновременно и крупнокапиталистическими предпринимателями, и землевладельцами феодального типа,

Причем здесь их земельная монополия и политическое засилье, особенно в области местного управления и самоуправления, ощущались даже сильнее, чем в великорусских губерниях. Будучи экономически менее дифференцированным, это ядро представляло собой малочисленную (вместе с членами семей — около 4 тыс. человек), но весьма влиятельную сословно-кастовую группу. Ее корпоративная организация — рыцарств, объединявшие особо привилегированных матрикулованных дворян, владельцев рыцарских имений, — также была более активной и обладала большими полномочиями и правами, чем дворянские общества центральной России. К ней примыкали прибалтийско-немецкая городская буржуазия, духовенство и реакционные пронемецкие элементы национальной буржуазии.

В 1905 г. для борьбы с революцией эти силы создали монархическую Прибалтийскую конституционную партию, игравшую весьма активную роль и в регионе (в 1910 г. был создан Союз прибалтийских конституционных партий), и на всероссийской политической арене — в Государственной думе. Одновременно в составе рыцарств помещики были представлены в Объединенном дворянстве — крайне правой политической организации страны. Прибалтийское дворянство пользовалось влиянием и в дворцовой камарилье, а также в Государственном совете.

Структура буржуазно-либерального лагеря в Эстонии, окончательно сформировавшегося в годы первой российской революции, существенно отличалась от великороссийского. Если в России его составляли более или менее крупная умеренно-либеральная буржуазия — либеральные помещики, предприниматели, буржуазная интеллигенция и т. п., то в Эстонии, как доказывает автор, главную силу этого лагеря, его костяк составляла сельская буржуазия, она действовала при политическом руководстве интеллигенции (как правило, из интеллигентов первого поколения, выходцев из среды сельской буржуазии), давшей оппозиционному лагерю политических лидеров и сформулировавшей его цели и лозунги.

В рассматриваемый период эстонская буржуазия окрепла экономически и политически, обзавелась сетью различного рода организаций, создала в 1905 г. свою политическую партию — Эстонскую на-

родную партию прогресса, получила в свое распоряжение средства воздействия на народные массы — газеты, журналы, издательства и т. п. К 1917 г. в ее руках оказалось большинство городских управлений, преобладающее влияние в крестьянских волостных органах самоуправления. В то же время в политическом плане эстонская буржуазия не была единой, распадаясь на ряд группировок (например, таллинская и тартуская группы либеральной буржуазии, национальные организации кадетской и октябристской партий).

Революционно-демократический лагерь не является в монографии объектом специального исследования, но его роль и общее воздействие на ход политических событий и функционирование политической структуры раскрываются на материале взаимоотношений правительственного и либерального лагерей. В центре этих отношений и борьбы находились важнейшие проблемы того времени — форма правления, аграрный и национальный вопросы, местное земское и церковное самоуправление и т. п., которые рассматриваются автором главным образом на материалах Государственной думы. В ходе подготовки и проведения буржуазных реформ, на которые царизм вынужден был пойти, чтобы удержать свои позиции, по ряду вопросов национальные партии и организации присоединялись к общероссийским партиям и их думским фракциям, но в ряде случаев отстаивали собственные интересы, усугубляя кризис самодержавного режима.

Характерная черта книги — диалектический подход к рассмотрению позиций правительственного и либерально-монархического лагерей. Автор проводит анализ в двух взаимосвязанных направлениях: в плане выяснения, во-первых, взаимодействия и противоборства этих лагерей и, во-вторых, эволюции их стратегического и тактического курса. При этом наиболее осязаемые результаты достигнуты в разработке первого направления, уже давно ставшего традиционным в советской литературе.

Приведенный в книге фактический материал позволяет дать аргументированный ответ на два вопроса: какова была объективная основа для сближения и сотрудничества между помещиками и буржуазией? Каковы были главные причины их конфронтации и открытого

противоборства? Автор показывает, что консолидационные тенденции были обусловлены самой логикой капиталистического развития региона, стремлением господствующих классов в какой-то степени смягчить социальные антагонизмы и в конечном счете не допустить повторения революции. В этой связи подробно рассматривается целый комплекс социально-экономических реформ, выясняются позиции лагерей в период революции 1905—1907 гг., столыпинской реакции и периода нового революционного подъема и первой мировой войны. Итоговый вывод: разногласия между правительственным и либерально-монархическим лагерями носили в основе принципиальный характер и в конечном счете оказались непреодолимыми (с. 80, 260).

Разрабатывая другое направление, которое в литературе еще не получило подробного освещения, автор обратился к анализу идеологии, программы, стратегии и тактики каждого из лагерей, вскрыл противоречия и разногласия между политическими группировками. Наиболее полно и развернуто это сделано применительно к тартуской и таллинской группировкам эстонского либерализма. обстоятельно освещены в книге ход и итоги выборов в Прибалтике в I—IV Государственные думы, позиция эстонских депутатов в ходе думских дебатов по наиболее важным политическим и социально-экономическим вопросам общероссийского и регионального характера.

Ряд проблем, поставленных в книге, нуждается в дальнейшей разработке. Это прежде всего вопрос о классификации группировок эстонского либерализма, и в частности о месте в системе политических сил партии эстонских прогрессистов. В книге содержатся противоречивые характеристики программы и тактики этой партии, которая применительно к разным периодам оценивается как близкая то к кадетам, то к октябристам. Судя по приведенным Т. Карьяхармом материалам, партия эстонских прогрессистов представляла некий промежуточный тип либерально-монархических партий, нечто среднее между кадетами и октябристами и напоминала партию мирнообновленцев. Программа прогрессистов по аграрно-крестьянскому и национальному вопросам подтверждает это предположение.

Автором собран и проанализирован обширный материал о взаимоотношениях эстонских либералов с кадетами и октябристами, особенно при выработке думских законопроектов, а также их участия в общероссийских съездах партии «народной свободы». Однако отношения названных партий на региональном уровне (между местными комитетами кадетов и октябристов и комитетами национальных партий и организаций) раскрыты все же недостаточно. Гораздо большего внимания заслуживало освещение вопросов общего и особенного в составе, идеологии, программе, тактике между общероссийскими и националь-

ными партиями и организациями. При чем это касается не только либерально-буржуазных (материал по ним в книге имеется), но и черносотенных партий и организаций.

Книга, посвященная своеобразному и сложному аспекту большой проблемы — истории классов и политических партий в России в начале XX в., — послужит важным стимулом к дальнейшему и углубленному изучению позиций трех политических лагерей, истории партий в национальных районах России.

*А. П. Корелин,
В. В. Шелохаев*

АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИК О Т. Н. ГРАНОВСКОМ

Рецензируемая книга профессора Католического университета Америки (Вашингтон) П. Р. Рузвельт¹ — не первая ее работа по истории общественной мысли России XIX века. Ранее были изданы другая ее книга о Т. Н. Грановском² и серия статей по истории культуры России дореформенного времени. Именно в творчестве этого историка, его лекциях, сохранившихся в записях студентов, читавших любимого профессора, славу Московского университета в 40–50-е годы XIX в., американская исследовательница находит аргументы в подкрепление своего представления о традициях русской общественной мысли, приведшей в конечном результате к победе пролетарской революции в октябре 1917 года.

Рузвельт восприняла многое в концепции своего идейного учителя Л. Шапиро. В выступлении на конференции в Гарвардском университете и в своих многочисленных работах он выражал сожаление, что в России ни самодержавие, ни Временное правительство не смогли использовать либеральные силы для формирования прогрессивной партии в условиях страны, лишенной демократических традиций. «Постоянный отказ русского самодержавия оказать поддерж-

ку десяткам тысяч умеренных реформаторов, готовых сотрудничать с ним, помешал созданию в России прогрессивной партии, которая обеспечила бы условия, при коих триумф большевиков оказался бы невозможным»³. В то же время Шапиро упрекает либералов, что и они не проявили достаточной гибкости в отношениях с «исторической властью», видит их вину в том, что русский народ оказался неподготовленным к демократическому образу жизни. Повторяя тезис Н. А. Бердяева⁴ о преемственности линии «Нечаев — Ткачев — большевики», Шапиро, как и многие исследователи его круга, развивал в своих работах концепцию «русского экстремизма». Обратной стороной этой точки зрения стала весьма тенденциозная концепция русского либерализма, ведущего якобы свое начало еще с дореформенных времен.

Свойственному советской историографии представлению о Грановском — поборнике просвещения, гуманизма, исторического оптимизма противопоставляется во многих западных трудах призрачный образ основателя либеральной, а иногда и консервативно-либеральной концепции истории. Шапиро в книге об И. С. Тургеневе⁵ зачисляет и ее героя,

¹ Roosevelt P. *Apostle of Russian Liberalism: Timofei Granovsky*. Oriental Research Partners. Newtonville (Mass.) 1986. 234 p.

² Roosevelt P. *Granovsky at the Lectern: a Conservative Liberal's Vision of History*. Brl. 1981.

³ Shapiro L. *The Origin of the Communist Autocracy*. Lnd. 1956, p. 9.

⁴ Бердяев Н. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж. 1955.

⁵ Schapiro L. *Turgenev. His Life and Times*. Oxford. 1978, p. 19.

и Грановского в лагерь либералов, крайне преувеличивая влияние на них немецкой идеалистической философии. Оно, несомненно, имело место, но в условиях крепостничества гегельянство играло своеобразную роль, объединяло в общий, оппозиционный лагерь прогрессивно мыслящей интеллигенции передовую дворянскую молодежь различной степени радикальности.

Работа Рузвельт выгодно отличается от столь нарочитого подхода. Она рисует образ юного романтика Грановского: его детство, увлечение В. Скоттом, восхождение «от гусара к историку», становление своего рода «рыцаря без страха и упрека» (с. XII). Идиллическое повествование о Грановском, может показаться, не выходит за рамки объективного жизнеописания. С привлекательной мягкостью, не уклоняясь от исторической правды, автор ставит, однако, акценты на вполне определенных фактах творческой биографии Грановского, отвечающих общему представлению о преобладании либерального начала в русской общественной мысли XIX в.⁶ и проследживает те ее проявления, которые остаются за бортом «русского экстремизма». Повторяя слова Шапиро о Грановском — «наиболее блестящая звезда во всем «замечательном десятилетии» 40-х годов XIX в.», американская исследовательница носителем революционной мысли противопоставляет приверженцев реформ, и прежде всего Грановского, «лучшего представителя либеральной интеллигенции своего времени» (с. XII).

Переходя к разбору мировоззрения историка, автор прочтается с романтическим настроением. Она считает, что исторической концепции Грановского свойствен рационализм, он испытывает влияние философии разума, признает прогресс в истории человеческого общества (с. 192). Очевидные и естественные колебания его расцениваются как проявление дуализма, неизменно приводящего Грановского к плюрализму (с. 193), признающему множественность духовных ценностей, духовных течений в обществе. Так ли это? Оставаясь последовательным идеалистом в филосо-

фии, Грановский в области философии истории шел значительно дальше.

По мнению Рузвельт, для Грановского идеалом будущего является плюралистическое общество, признающее независимость множества общественных тенденций, мирное их сосуществование. Это утверждение, однако, привнесено извне: перед нами иллюстрация того самого приема, который был отвергнут автором с самого начала как попытка перепроверять историю, «пропуская через политическую призму других эпох». Налицо несомненная модернизация политических взглядов Грановского. Однако следует и отдать должное автору. Она тщательно изучает творческий путь русского историка на всех его этапах: в Орле, Москве, Петербурге, Берлинском университете, снова в Москве, где ему принесли славу блестящие лекции перед студентами и публикой. Как раскол дворянской партии понимает Рузвельт споры между западниками и славянофилами; особо рассмотрены ею сложные и не всегда ясные разногласия Грановского с Герценом. Верная изначально взятому романтическому ключу, она останавливается перед дилеммой личности Грановского: Байрон или Дон Кихот? Герой книги глубоко симпатичен автору, и в этом обаяние ее труда, исполненного искренности и доброго отношения к предмету исследования.

Тем интереснее поспорить с автором об исторических взглядах Грановского. Отмечая оригинальность его исторического метода, Рузвельт в то же время считает его философию истории «синтетической» (с. 191). Между тем Грановский был одним из первых русских историков, специально уделявших внимание теоретическим вопросам. Он выработал самостоятельную методологию, что отчетливо проявилось, например, в его полемике с Л. Ранке (см. с. 28–36, 43–44, 97, 187), в частности, по поводу оценки монархической власти. Обвинения Грановского в абсолютистских тенденциях глубоко несправедливы. Он считал государство выразителем «общенародных интересов». Он ставил вопрос о роли народного начала в верховной государственной власти средневековья. Трактовка им национальных монархий во Франции, Англии и Испании основывается на примате верховной государственной власти.

⁶ Именно такая концепция формулировалась Шапиро (см. Shapiro L. Rationalism and Nationalism in Russian Nineteenth Century Political Thought. New Haven, 1967, p. 72).

Свои симпатии Грановский отдавал сословно-представительным институтам, о чем свидетельствуют его разбор Великой хартии вольностей и оценка средневекового парламента. Он оставался человеком своей эпохи, когда абсолютистские тенденции подвергались критике. Соглашаясь с этим, Рузвельт считает, что «взгляды Грановского на задачи русской интеллигенции и роль монархии были близки классическим взглядам русского либерализма. Мыслители Замечательного Десятилетия пришли к идее взаимодействия между интеллигетической и прогрессивной монархией и не их вина в том, что, как и предсказал Белинский при Николае, они с этим своим представлением были всего лишь фактомами... их цель оказалась, тем не менее, недостижимой, пока все не исчезло в 1917 г.» (с. 192). Политический вывод сделан в иной плоскости по сравнению с научной сущностью предшествующих рассуждений автора об исторической концепции Грановского.

Особую позицию занимает Рузвельт по вопросу о взаимоотношениях Герцена и Грановского. Этот вопрос теснейшим образом связан с проблемой революционного и эволюционного путей развития России. Эволюционный путь автор считает единственно правильным: «История склоняет нас к тому, что только эволюционный последовательный процесс народного просвещения под твердой и законной властью управления может породить истинно плюралистическое общество» (с. 193—194). Разумеется, у Грановского автор обнаруживает лишь эволюционный метод исторического развития. Твердая государственная власть — также важнейший принцип в исторической концепции Рузвельт, а по ее словам, и Грановского. «Белинский, — пишет она, — самый радикальный представитель 1840-х гг., в конце жизни согласился с умеренным Грановским, что Россия воистину нуждается во втором Петре Великом. Даже десятилетие спустя Герцен, который, подобно Белинскому, обладал бурным темпераментом, несмотря на долгую ненависть к автократии, проявил кратковременную симпатию к Александру II» (с. 193).

При таком истолковании политических позиций Герцена и Грановского не может удивить, что, по мнению автора, позиция Грановского «была лучшей

(и единственной) надеждой для монархии и для интеллигенции», которая обладала развитым самосознанием к 60-м годам прошлого столетия (с. 193). Мечта Грановского об альянсе монархии с интеллектом пережила его. Как полагает Рузвельт, значение Грановского ограничивалось тем, что он способствовал развитию исторической науки в России, «что он был отважен в своей гражданской задаче, направлял свой дух, темперамент на то, чтобы разрушить барьеры, противостоять правительственным репрессиям» (с. 194). Безоговорочное зачисление Грановского в лагерь либералов, который, кстати сказать, оформился в России значительно позже, лишь в годы первой революционной ситуации, — несомненно, результат упрощения его сложных, но удивительно последовательных взглядов.

Далеко не негативно относился Грановский к проблеме революции. Его отношение к Нидерландской революции, недавно опубликованные лекции⁷ об Английской революции XVII в., наконец, его позитивная оценка буржуазной революции во Франции конца XVIII в., которую признает сама Рузвельт (с. 117), — все это свидетельства его внимания, а в большой степени и понимания исторической неизбежности революционных переворотов. Да, несомненно, революция 1848 г. во многом разобщила бывших друзей, Герцена и Грановского; если для Герцена этот год стал годом «духовной драмы», то у Грановского разгром революции вызвал чувство «удивления», но и он писал о «страшной для западного общества године»⁸.

При всем различии взглядов Герцена и Грановского именно Герцен лучше других понимал своего московского товарища, именно он в «Московских ведомостях» восторженно отозвался о публичных чтениях Грановского; он так высоко поднял общественное значение его выступлений, что вторая часть статьи не увидела света в годы николаевской реакции и, лишь недавно обнаруженная в материалах цензурного комитета, вошла в 30-томное собрание сочинений Герцена.

⁷ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М. 1936, с. 226—238.

⁸ См. Мипаева Н. В. Грановский в Москве. М. 1963, с. 85—86.

Книга Рузвельт интересна и как своеобразное приглашение к спору. Трудно согласиться, что Грановский и в конце жизни остался «байронистом и шиллеррианцем», еще труднее принять ее тезис о Грановском — «апостоле либерализма». Бесспорно большое значение этого ученого в культурной истории России XIX века. Его след в развитии русской общественной мысли излагали. Нака-

нуне первой революционной ситуации он смело и убежденно пропагандировал антикрепостнические идеи, выступал сторонником конституционного ограничения самодержавия. В числе других деятелей тогдашнего русского общества он созидал общественное мнение, избрав методом воздействия просветительство.

Н. В. Минаева

ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Курс истории южных и западных славян, введенный в университетах в 1947 г., долгое время занимал второстепенное место в системе исторического образования. Среди причин, которые обусловили такое положение, не последнюю роль сыграло отсутствие учебного и методического обеспечения. Правда, учебник по данному курсу издавался трижды (последний раз как курс лекций в 1979 г.). Однако каждый вузовский курс, помимо основного учебника, должен обеспечиваться также несколькими пособиями по источниковедению, историографии, хрестоматиями, разного рода практикумами, методическими разработками.

В 1987 г. в решении этой проблемы произошел существенный сдвиг. Вслед за первым томом хрестоматии по истории южных и западных славян вышло учебное пособие по историографии для студентов исторических специальностей вузов¹, подготовленное кафедрой истории южных и западных славян Московского университета при участии специалистов из Института славяноведения и балканистики АН СССР и работников ряда других вузов². При написании по-

собия широко использовался опыт преподавания одноименного курса на Историческом факультете МГУ.

Авторский коллектив предпринял попытку создать очерк мировой исторической славистики. Аналогов подобного издания нет и за рубежом. Кроме того, пособие может служить справочным изданием, дающим ориентиры для знакомства с наиболее существенными историографическими проблемами, содержащим информацию о наиболее крупных ученых, сведения об исторических институтах, периодических изданиях и т. п.

Большинство авторов стремилось раскрыть социально-политические условия и предпосылки формирования и развития историографии южных и западных славян, отразить идейную борьбу, определить методологические принципы различных направлений, течений, школ, отдельных ученых. В пособии показаны основные этапы и охарактеризованы научно-организационные основы развития славяноведения. Особенно важно то, что книга позволяет проследить взаимосвязь историографии и общественной мысли.

В книге охарактеризованы: национальная историография славянских стран, русское дореволюционное и советское славяноведение, историческая славистика в ведущих странах Европы и США. Развитие славяноведения рассматривается по этапам, которые выделяются в соответствии с принципами периодизации исторического процесса. Материал излагается синхронно по отдельным странам, что позволяет проследить как общие черты, так и национальные особенности в славистических исследованиях и концепциях на разных этапах общественного развития.

¹ Историография истории южных и западных славян. М. Изд-во Московского университета. 1987, 261 с.

² Авторский коллектив: В. И. Владимирская, Е. Л. Валева, Л. В. Горина, А. Н. Горяинов, В. А. Дьяков, Л. А. Запкильняк, Ю. Ф. Иванов, В. Г. Карасев, Л. П. Лаптева, И. И. Лещиловская, Е. С. Макова, Г. Ф. Матвеев, Л. Б. Милькова, А. С. Мыльников, З. С. Ненашева, Д. И. Польшвинный, Д. Ф. Поплыко, Б. М. Руколь, И. В. Созин, В. А. Тесемников, С. В. Туманова, Е. Ф. Фирсов, Х. Х. Хайретдинов, И. В. Чуркина, Г. И. Чернявский. Редакционная коллегия: Л. В. Горина, В. Г. Карасев, Г. Ф. Матвеев, З. С. Ненашева (отв. секр.), И. В. Созин (отв. ред.).

Две трети книги посвящены национальным славянским историографиям. Авторы считают, что историческая наука у зарубежных славянских народов берет свое начало в конце XVIII века. Но здесь необходимо было сказать и о предистории славистики. Ведь историография нового времени возникла не на пустом месте: ей предшествовали хроники, исторические трактаты - целого круга авторов XVI—XVIII вв., которые не только поддерживали в славянских странах определенный уровень исторического сознания, но и оказали заметное воздействие на деятелей национального возрождения, наложили отпечаток на формирование исторической науки. М. Орбини, Ю. Крижанич, Г. Бранкович, И. Вальвасор, В. Гаек, Мацей из Мехова - вот только некоторые имена предтеч исторической славистики.

Авторскому коллективу удалось раскрыть основные линии, по которым шло развитие историографии славянских народов: проблематику, источниковую базу, научные методы. Конечно, пособие не дает, да и не может дать полного охвата и характеристики всех исследований. Основное внимание сосредоточивается на творчестве крупных ученых, ставших, как правило, основателями школ или направлений. Из конкретно-исторических трудов отбираются только наиболее характерные, типичные для изучаемой эпохи. Разумеется, некоторые утверждения, выводы и оценки авторов могут вызвать возражения или несогласие у специалистов. Так, нам представляется неполной оценка романтического направления. В книге главным образом подчеркивается демократическая основа романтизма, его связь с идеей освободительной борьбы, положительное воздействие на формирование национального самосознания и т. п. Но нельзя забывать и того, что романтизм нанес немалый ущерб истории как науке, допуская произвольное толкование источников и даже прямую их фальсификацию, идеализацию прошлого вплоть до его мифологизации и пропаганды национальной нетерпимости. Обо всем этом необходимо сказать прямо и обстоятельно, ибо романтические предрассудки оказались на редкость живучими и дают о себе знать до сегодняшнего дня.

Итоговой целью историографического изучения является (воспользуясь опре-

делением А. М. Сахарова) установление и анализ концепции, т. е. системы взглядов и оценок исторических явлений и процессов. Именно концептуальный разбор (по необходимости весьма конспективный) составляет наиболее ценную и интересную сторону пособия. К сожалению, в ряде глав этот принцип не выдержан до конца. Прежде всего это относится к разделу «Исследование национальной истории в зарубежных славянских социалистических странах». В нем рассматриваются в основном организационные аспекты развития науки: создание научных учреждений, исторических обществ, музеев, периодических журналов, публикаторская деятельность. Здесь же называются имена видных историков и обозначены сферы их научных интересов, отмечаются важнейшие обобщающие труды и самые значительные монографии. Что же касается концепций, споров, дискуссий, то все это в значительной степени остается за пределами изложения. А между тем, если взять, к примеру послевоенную болгарскую историографию, не составляет труда выделить несколько важнейших тем, которые вызвали и продолжают вызывать наибольший интерес историков: проблема этногенеза и болгарской государственности, оценка романского периода, национальное возрождение, македонский вопрос и комплекс болгаро-сербских отношений, сущность политического строя в межвоенный период, характер и периодизация революционного процесса 40-х годов и др. Аналогичную работу можно сделать и по историографии других стран, выделив узловые, очень актуальные, а вместе с тем и не до конца решенные, а зачастую и весьма спорные вопросы.

В этом же разделе весьма непростая проблема методологии сведена к тезису о более или менее быстром и успешном освоении в исторической науке зарубежных славянских стран марксистской методологии. Отдельные оговорки относительно влияния наследия буржуазной науки, а также упоминания об имевших место схематизме, цитатничестве, эмпиризме и фактографии не могут заменить анализа этой проблемы. В результате создается упрощенная картина теоретических основ современной исторической науки, в частности в Югославии и Польше. Здесь заметно сказались та практи-

ка, которая сложилась в советской историографии, когда наука социалистических стран оставалась закрытой для критики, когда те или иные концепции, официально признанные в братских странах, или автоматически переносились в труды наших историков или же, напротив, замалчивались.

При рассмотрении главных направлений историографии зарубежных славянских народов в дореволюционной России и СССР авторам удалось нарисовать обобщенную картину развития отечественного славяноведения, выделить основные этапы и дать их сжатую характеристику. Здесь приводятся некоторые малоизвестные факты, излагаются новые идеи. Так, начало научной славистики у нас в стране авторы относят ко второй половине XIX в., тогда как традиционно считалось, что славяноведение как научная дисциплина возникло в России еще в XVIII веке.

В пособии излагается и обосновывается точка зрения о существовании в русской исторической славистике вплоть до начала XX в. трех основных направлений: славянофильского, народнического и позитивистского, каждое из которых руководствовалось своим пониманием общей идеи славянской истории, собственным методом исследования и отношением к источникам. Такой подход опять-таки не совпадает с общепринятым в тогдашней историографии делением на официально-охранительное, буржуазно-либеральное и революционно-демократическое направления. Вероятно, эти новые трактовки станут предметом обсуждения в среде специалистов. Заметим только, что представления об отечествен-

ной славистике без имен В. Татищева, М. Ломоносова, Н. Бантыш-Каменского, Ю. Венелина, П. Кеспена и других ученых все-таки обеднены.

При характеристике историографии ГДР, ФРГ, Англии, Франции и США авторы вынуждены были ограничиться самым общим обзором. Но наиболее принципиальные вехи европейской и американской исторической славистики в книге обозначены, указаны ее методологические основы, а в ряде случаев даны характеристики отдельным конкретно-историческим концепциям (особенно это удалось в отношении английской и немецкой историографии). Удивляет лишь однозначно отрицательное суждение о крупном немецком историке Л. Ранке и, в частности, категоричность утверждения, что «декларируемые им принципы объективности исследования не соблюдались в его трудах» (с. 213). Ведь широко известные работы Ранке по истории Сербии, в том числе дважды упомянутая в пособии «Сербская революция», признавалась едва ли не классическими произведениями, неоднократно переиздавались и оказали положительное влияние на развитие сербской исторической науки. Вообще, в нашей историографии существует некоторая недооценка воздействия немецкой (и австрийской) историографии на славянских, в частности югославянских историков.

Рецензируемое пособие является первым опытом создания целостной картины излучения мировой наукой истории южных и западных славян, и в этом главная заслуга его авторов.

Ю. В. Костяшов

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ПРОТОКОЛОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО КОНВЕНТА 1787 ГОДА

В 1987 г. издательство Йельского университета опубликовало дополнительный том протоколов федерального конвента 1787 года¹. В нем помещено около 300 страниц документов и около 200 страниц указателей ко всему изданию, выпущенному в свое время под редакцией

¹ Supplement to Max Farrand's «The Records of the Federal Convention of 1787». New Haven. 1987 (далее сноски на это издание даются в тексте),

М. Фарранда². В основу новой публикации легла протокольная запись делегата конвента от штата Нью-Йорк Дж. Лансинга, дополненная документами из частных собраний (преимущественно перепиской делегатов конвента). Редактор тома — глава рукописного отдела Библиотеки конгресса Дж. Хатсон.

² The Records of the Federal Convention of 1787, Vol. 1—4. New Haven. 1937.

Том состоит главным образом из документов, обнаруженных после 1937 г., т. е. со времени опубликования последнего при жизни Фарранда издания Протоколов конвента, которое состояло из четырех томов. В силу неудовлетворительной подготовки последнего из них решено было в издании 1986—1987 гг. его не воспроизводить, заменив дополнительным томом.

Прошло 200 лет со времени выработки конвентом в Филадельфии федеральной конституции США, которая после ратификации ее штатами вступила в силу и действует поныне, являясь старейшей в мире писаной конституцией. Неудивительно, что по сей день, и особенно в связи с юбилеем, обсуждается вопрос о характере этого документа, его политических принципах и их практическом применении. В этих дискуссиях важное место занимают не только общие проблемы эволюции американского государства и принципы действия его политического механизма, но и вопрос о происхождении, а также достоверности документов, относящихся к истории конвента 1787 г., выработавшего текст конституции. Как это ни странно, но по прошествии 200 лет этот вопрос все еще продолжает оставаться предметом острых споров. Об этом со всей очевидностью свидетельствует и публикация Хатсона.

Заседания по выработке конституции велись, как известно, за закрытыми дверями. Конвент запретил предавать огласке выступления его участников, что создавало условия для политически окрашенных выступлений, в которых звучало настойчивое требование установить «законность и порядок», поставить барьер против выступлений масс³. В дальнейшем, в ходе ратификации конституции, между ее сторонниками и противниками развернулась ожесточенная борьба, сопровождавшаяся нападками на деятельность филадельфийского конвента⁴. По этой причине публикация его материалов задержалась на долгое время. Только в 1819 г., т. е. спустя 32 года, по решению конгресса США были из-

даны официальные протоколы конвента, которые велись его секретарем У. Джексоном (этот документ был передан председателю конвента Дж. Вашингтону сразу же после окончания его заседаний).

Протоколы, которые вел Джексон, оказались краткими и малосодержательными. Гораздо более полной была запись Дж. Мэдисона, нареченного «отцом конституции», но эта запись увидела свет лишь в 1840 г., через 4 года после его смерти. Ход дебатов на конвенте записывал также делегат от штата Нью-Йорк Р. Ейтс, заметки которого были опубликованы в 1821 году.

До недавнего времени записи Мэдисона и Ейтса, которые и были помещены Фаррандом в 1 и 2 томах его публикации протоколов, выпущенной в 1911 г., являлись главным источником о работе федерального конвента. В 1937 г. они были дополнены еще двумя томами. Издание Фарранда считается классическим, и при использовании протоколов конвента принято ссылаться именно на него. Однако были и другие публикации. Известный американский историк Ч. Тэнзил подготовил в серии материалов конгресса США объемистый том, также включавший записи Мэдисона и Ейтса⁵. Еще раньше Г. Хант и Дж. Скотт выпустили книгу, в предисловии к которой Хант писал, что «недоверчивый исследователь» вправе заподозрить, что Мэдисон мог внести поправки в свои первоначальные записи, исказив правду или придав собственную окраску имевшим место дебатам⁶.

Эта идея была подхвачена и развита профессором Чикагского университета У. Кроски. Как вспоминает один из его студентов, во время чтения лекционного курса по американской истории Кроски пообещал слушателям доказать, что Мэдисон совершил подлог и в угоду своим политическим амбициям и в интересах партийной борьбы переделал первоначальные записи на конвенте (с. XXI). Но в своей книге Кроски сформулировал это положение в более осторожной форме, высказав, однако, и на этот раз пред-

³ Jensen M. The American People and the American Revolution.— The Journal of American History, June 1970, pp. 5—7.

⁴ Main J. T. The Antifederalists. Chapel Hill. 1964; Rutland R. A. The Ordeal of the Constitution. Boston. 1966.

⁵ 69-th Congress 1-st Session. House Document № 398. Documents Illustrative of the Formation of the Union of the American States. Washington. 1927.

⁶ Hunt G., Scott J. M. The Debates in the Federal Convention of 1787. N. Y. 1920, p. XXI.

положение, что Мэдисон сознательно искажал ход дебатов на конвенте, поместив в своих заметках «поддельные диалоги» для того, чтобы подкрепить перемену своих взглядов на более поздних ступенях политической карьеры⁷.

Появление работы Кроски вызвало противоречивую реакцию. Одни соглашались с ним, другие обвиняли его в маккартизме, заявляя, что он оклеветал Мэдисона. В более поздней работе 1968 г. и посмертно изданной книге в 1980 г. Кроски настаивал на том, что Мэдисон сфабриковал свои записи, опустив неудобные части дебатов на конвенте 1787 года⁸. Этот вывод нашел отражение в монографии Кр. и Дж. Кольеров о Конституционном конвенте, утверждавших, что после 1800 г. Мэдисон захотел показать, что ему принадлежат гораздо большие заслуги, чем это было на самом деле, и с этой целью изменил содержание собственных речей, усовершенствовал их аргументацию и сократил доводы оппонентов. Мэдисона обвиняли в том, что он изменил свой текст после публикации официальных протоколов Джексона и записей Ейтса.

Ни одно из этих обвинений, однако, не выдерживает критики. Еще в публикации Фарранда по этому поводу были высказаны веские аргументы, а проверка, проведенная ныне Хатсоном, результаты которой излагаются в дополнительном томе, не оставляет на этот счет каких-либо сомнений. Во-первых, экземпляр официальных протоколов Джексона был получен Мэдисоном от Вашингтона задолго до публикации — в 1789 г., и тогда же он смог внести незначительные уточнения в свои записи. Во-вторых, экспертиза бумаги, на которой составлялись записи Мэдисона, показала, что делались они на английской и частично на французской бумаге производства до 1794 года. Причем бумага, на которой произведены записи дебатов, в точности совпадает с той, что использовалась Мэдисоном в его частной переписке того времени. Сопоставление по датам протокольных записей и писем по дням отправления показало, что сор-

та бумаги, на которой они делались, были идентичны (с. XXIII). Наконец, в-третьих, обнаруженные в конце 1970-х годов в архиве Массачусеттского исторического общества копии записей Мэдисона, сделанные для Т. Джеффферсона в 1791 или 1793 г. его племянником Дж. У. Эппингом, полностью совпадают с опубликованным оригиналом⁹. Так спустя 200 лет после конституционного конвента и 150 лет после публикации записей Мэдисона была в результате полувекowego научного спора доказана их подлинность.

После смерти Ейтса в 1801 г. его вдова передала хранившиеся у нее записи мужа Дж. Лансингу — тоже делегату конвента от штата Нью-Йорк. Он переписал их, оставив оригинал у себя, а копию вернул вдове (с. 311). Некоторое время спустя (примерно в 1808 г.) французский посланник Э. Жене купил эту копию и в 1821 г. издал под сенсационным заголовком «Секретные протоколы дебатов на конвенте в Филадельфии 1787 года». Розыск подлинника записей Ейтса продолжается. Что же касается публикации Жене, то сопоставление ее текста с копией, сохранившейся в его архиве, находящемся в рукописном отделе Библиотеки конгресса, показало, что Жене допускал сокращения и перефразировал записи Ейтса. Поэтому Хатсон считает, что опубликованный вариант записей Ейтса нельзя считать «достоверным источником» (с. XXV).

В дополнительном томе к публикации Фарранда Хатсон поместил записи Дж. Лансинга. Они сопровождаются недавно обнаруженными Хатсоном документами участников конвента 1787 года.

Хотя заметки Лансинга существенно уступают по подробности изложения записям Мэдисона, они представляют значительный интерес. Лансинг участвовал в заседаниях конвента лишь со 2 июня 1787 г., тем не менее его записи начинаются с 25 мая, т. е. с первого дня работы конвента. Как следует из записи, сделанной им 1 июня, он скопировал эти сведения у Ейтса сразу же по прибытии в Филадельфию. Данная копия представляет особый интерес, т. к. позволяет сопоставить ее с публи-

⁷ Crosskey W. W. *Politics and Constitution in the History of the United States*. Vol. 1. Chicago. 1953, p. 313.

⁸ Crosskey W. W., Jeffres W. *Politics and the Constitution of the United States*. Vol. 3, Chicago. 1980, pp. 388–409.

⁹ *The Papers of Thomas Jefferson*. Vol. 19. Princeton. 1974, pp. 549–551.

кацией Э. Жене. В публикации Хатсона отмечены расхождения между этими документами, что подтверждает мнение о серьезных дефектах издания Жене. В целом же значение записей Лансинга заключается в том, что исследователь имеет возможность сопоставить их с записями как Эйтса, так и Мэдисона, подкрепляя уже известные сведения дополнительным свидетельством участника конвента. По своему характеру заметки Лансинга — краткая протокольная запись, но она содержит перечень обсуждавшихся вопросов, лиц, участвовавших в дебатах, содержание внесенных ими предложений и итоги голосования.

Другие документы, включенные в рецензируемый том, дополняют уже известную картину новыми штрихами. Хатсон, как это видно из вводной статьи и всей публикации, стремился предоставить в распоряжение исследователей новые данные для сопоставления с другими ранее опубликованными записями, в том числе заметками Мэдисона.

В заключительных строках предисловия к записям на конституционном конвенте, продиктованного Мэдисоном в 1836 г. незадолго до смерти, говорилось: «Никогда в истории не собирались люди для выполнения столь великой и трудной задачи, никогда не руководствовались они столь чистыми побуждениями, и не были столь сознательно преданы достижению поставленной перед ними цели». Эти слова адресовались возможным критикам Мэдисона, тем, кто сохранял недоверие к процедуре выработки конституции. Комментируя их, профессор Стэнфордского университета Дж. Раков отмечает, что Мэдисону хотелось, чтобы его соотечественники одобрительно отнеслись к работе конвента. «В значительной степени мы следовали этому пожеланию, — пишет Раков, — и нас просят делать это снова [сейчас] во время двухсотлетнего юбилея. Однако большую часть нынешнего столетия это популярное представление о создании (конституции. — А. Ф.) сосуществовало с другим менее героическим портретом, выгравированным историками со времен Чарльза Бирда, опубликовавшего в 1913 г. [книгу] «Экономическая интерпретация Конституции»¹⁰.

¹⁰ Rakove J. N. Philadelphia Story. — Wilson Quarterly. Spring 1987, p. 105.

В советской литературе много писалось о значении школы Бирда¹¹. Ни один другой историк не оказал такого большого влияния на развитие историографии в США, как Бирд. Между его последователями и противниками и поныне ведутся острые споры по вопросу о происхождении американской революции и конституции США. Последователи Бирда значительно расширили рамки начатой им работы. Противники обвиняют его в том, что он вульгаризировал историю, изобразив конституцию как документ экономического характера. Но это утверждение неверно уже по той причине, что Бирд писал об экономической интерпретации конституции, т. е. об одном из ее аспектов.

Конституция США устанавливала правила сбора налогов, чеканки денег, уплаты долгов, регулирования торговли и промышленности, сделав эти функции прерогативой центральной власти. В основу же создаваемой федеральной системы был положен принцип разделения властей на исполнительную во главе с наделенным широкими полномочиями президентом, законодательную — с двухпалатным конгрессом и судебную во главе с Верховным судом США. Бирд и его последователи подчеркивали, что создание этой системы было делом рук богатой верхушки американского общества. И этого пока никому не удалось опровергнуть. По подсчетам Бирда, из 55 делегатов 50 были собственниками и большинство из них крупными¹². Подсчеты, проводившиеся позднее, пытались перевести эту статистику в иную плоскость. «Одно ясно, — отмечает Раков, — все 55 делегатов филадельфийского конвента не были сделаны из одного теста: 6 участвовали в подписании Декларации независимости, 14 были земельными спекулянтами, 21 участник войны за независимость, по меньшей мере 15 — рабовладельцы, 24 являлись

¹¹ Дементьев И. П. Об исторических взглядах Чарльза Бирда. — Вопросы истории, 1957, № 6; Болховитинов Н. Н. Некоторые проблемы историографии американской революции XVIII века. — Новая и новейшая история, 1973, № 6; и др.

¹² Beard Ch. An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N. Y. 1913, pp. 149—151, 324.

делегатами конгресса. 34 человека представляли юридическую профессию»¹³.

Однако никакие пересчеты не в состоянии отменить тот факт, что на конвенте, пользуясь выражением известного американского политолога Дж. М. Бэрнса, как бы «незаметно отсутствовали» «бедные, люди из глубинки, сельские должники, т. е. те, кто не имел образования и избирательных прав, конечно, женщины, индейцы, негры». По образному определению Бэрнса, конвент состоял из «знатных, сытых, образованных и выгодно женившихся», т. е. представлял собой в социальном отношении од-

нородную массу, состоящую из имущих слоев общества, его элиты»¹⁴.

Выработанная конвентом в Филадельфии конституция 1787 г. была важным шагом на пути консолидации сил молодой буржуазной республики. Она закрепила ее независимость. Для своего времени это была самая передовая конституция, но из этого не следует, что она осталась эталоном демократического развития на все времена, как это нередко можно было услышать в юбилейных речах в честь ее 200-летия.

*Член-корреспондент АН СССР
А. А. Фурсенко*

¹⁴ Burns J. M. The Vineyard of Liberty. N. Y. 1982, pp. 33.

¹³ Rakove J. N. Op. cit., pp. 105–106.

Н. И. БУШИН. *Социально-культурное развитие села на современном этапе* (На материалах Украинской ССР). Киев. Вища школа. 1987. 248 с.

В книге анализируется социально-культурное развитие современного села Советской Украины, преемственность, последовательность и основные направления этого процесса; в контексте выдвинутой XXVII съездом КПСС стратегической задачи совершенствования социализма освещается руководящая роль Коммунистической партии в обеспечении социального и культурного прогресса на селе.

Исследованию предпослан краткий обзор литературы, отражающей тенденции и динамику социальных преобразований на селе на разных этапах социалистического строительства. Опираясь на решения XXVII съезда КПСС, Н. И. Бушин раскрывает социальную политику как действенное средство подъема экономики страны, трудовой и общественно-политической активности трудящихся масс, как важный фактор политической устойчивости общества. Социально-культурное развитие села автор рассматривает в связи с социальным прогрессом советского общества.

Крутой поворот в социальной политике партии на селе, пишет Н. И. Бушин, ознаменовал апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС. При выработке и осуществлении программы по социально-культурному преобразованию партия исходила из взаимообусловленности и взаимозависимости экономического и социального развития страны. Н. И. Бушин приводит многочисленные цифровые и другие фактические данные, свидетельствующие об укреплении материальных основ социально-культурной жизни села, росте благосостояния, улучшении условий жизни сельского населения, развитии системы образования и профессиональной

подготовки молодежи, расширении сети культурно-просветительных учреждений на селе.

Автор рассматривает основные особенности социально-культурного процесса на современном этапе, выделяет главную из них – последовательное укрепление взаимосвязи и взаимодействия происходящих социальных и культурных преобразований. Этот тезис подтверждается ссылками на опыт Днепропетровской, Полтавской и Черкасской областей (с. 46–63). Социально-культурное развитие села, подчеркивает Н. И. Бушин, обеспечивается укреплением материальных основ этой сферы жизни сельского населения, а они, в свою очередь, определяются ростом производительных сил деревни. Все это подкреплено анализом конкретно-исторического и статистического материала (с. 67–72).

В монографии показано, как совершенствование материально-технической базы и общественных отношений на селе способствует дальнейшему развитию личности, росту ее общеобразовательного и культурного уровня, как этому содействует укрепление взаимосвязи системы образования и трудовой деятельности. Без осуществления необходимых организационно-экономических мер по дальнейшему ускорению социально-культурного развития современного советского села, отмечается в монографии, невозможно повысить производительность труда сельских труженников, приобщить их к достижениям науки, поднять их творческую активность.

Автор обращается к вопросам, которые, по его мнению, пока еще не исследованы в достаточной степени: помощь рабочего класса селу, социально-экономи-

ческая и культурная роль аграрно-промышленной интеграции в преодолении различий между городом и деревней и др. На этапе совершенствования социализма, подчеркивает он, возможности рабочего класса в оказании помощи в социально-культурном развитии села значительно расширяются (с. 146). В то же время внимательно анализируется в книге проблема роста социальной активности тружеников села.

Рассматривая проблему управления социально-культурным развитием села, Н. И. Бушин характеризует роль партийных органов, общественных организаций в обновлении села, задачи трудовых коллективов.

Первостепенное значение для дальнейшего социально-культурного прогресса села, по мнению Н. И. Бушина, призваны обеспечить следующие факторы: развитие агропромышленного комплекса, воздействие научно-технического прогресса на социально-культурное развитие села, максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей сельского населения, повышение его социальной активности, совершенствование системы бытового, торгового, медицинского и культурного обслуживания тружеников села.

Г. А. Архипова

Н. К. ПЕТРОВА. *Интернациональные связи рабочего класса СССР.*
М. Мысль. 1987. 251 с.

В трудах советских обществоведов об интернациональном сотрудничестве рабочего класса СССР с трудящимися других стран наименее разработаны производственные аспекты этого сотрудничества, особенно в послевоенный период. Восполняют этот пробел работа Ю. А. Львунина, охватывающая 1921–1939 гг.¹, и книга Н. К. Петровой, посвященная 60–80-м годам.

Источниковая база работы – материалы из советских и зарубежных архивов, партийных документы, международные договоры и соглашения, пресса.

Н. К. Петрова раскрывает количественную сторону развития не только производственных связей советского рабочего класса, она анализирует также интернациональные связи рабочих других стран, дает общую картину интернационализма международного рабочего движения. В книге раскрыта интернациональная роль советского рабочего класса в мировом революционном процессе, его взаимодействие с рабочими социалистических государств, контакты с трудящимися развивающихся стран и рабочим движением в капиталистическом мире.

Интернационалистскую политику КПСС Н. К. Петрова характеризует как высшую форму интернациональных связей рабочего класса СССР (с. 25). В книге показана международная деятельность профсоюзов, комсомола, Комитета защиты мира, Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами; освещается борьба советских рабочих за мир путем проведения массовых кампаний, участия в Фонде мира. Вместе с тем при исследовании интернациональных производственных связей следовало бы рассмотреть интернационализм как одну из сторон обще-

ственного бытия рабочего класса², выявить специфику положения советских рабочих, выделить, исходя из этого, основные направления их интернационального сотрудничества и определить место и роль в них производственных контактов. Теоретическое обоснование этих аспектов проблемы способствовало бы лучшему пониманию процесса углубления интернационального единства международного рабочего движения.

В книге раскрывается роль различных субъектов интернационального сотрудничества внутри мирового социализма: государств, предприятий, трудовых коллективов, отдельных рабочих. Исследование позволяет раскрыть некоторые новые стороны проблемы, недостаточно активно освещаемые теоретически: о коллективных субъектах интернациональной деятельности, о характере и особенностях интернациональных трудовых коллективов. Автор прав, когда заключает, что интернациональные связи рабочего класса в производственной сфере являются важной составной частью социалистической экономической интеграции, ее ускорения (с. 233–234), однако о Комплексной программе научно-технического прогресса в книге лишь упоминается. Этот важный документ заслуживал бы более подробного рассмотрения.

Анализируя проявление интернационализма по отношению к антиимпериалистической борьбе развивающихся государств, Н. К. Петрова показывает значение ее поддержки со стороны рабочего класса СССР, героический труд его представителей в этих странах, подготовку квалифицированных кадров специалистов для них. В книге раскрывается процесс создания в них промышленной базы в рабочем классе – носителя интернацио-

¹ Львунин Ю. А. Интернационализм в действии. М. 1985.

² См. Революционный процесс: национальное и интернациональное. М. 1985, с. 227.

нальной солидарности, подтверждается, что благодаря помощи советских рабочих трудящиеся этих государств «получили возможность на практике воспринять идеи интернационализма, мира и дружбы между народами» (с. 195).

Но большой материал, которым располагал автор, позволял, вероятно, осуществить и более глубокий теоретический анализ вопроса о носителях интернационализма в антиимпериалистической борьбе народов освободившихся стран. Далеко не однозначны отношения со странами социалистической ориентации, прогрессивными буржуазными государствами или с теми из них, которые идут в фарватере империалистических держав. Очевидно, необходимо выделять группы и типы стран, выявлять специфику интернациональных отношений с трудящимися каждой из них.

Рассматривая контакты советских рабочих с рабочим классом капиталистических держав, Н. К. Петрова анализирует зависимость этих связей от межгосударственного сотрудничества СССР с конкретными странами, освещает формы взаимоотношений трудящихся двух различных социальных систем. Правильно ее

вывод, что интернациональная солидарность рабочих СССР и капиталистических стран является необходимым условием для решения кардинальных проблем современности, для усиления борьбы за мир и выживаемость человечества (с. 230–231). Автор полагает: если между СССР и конкретными капиталистическими странами «нет достаточно развитых межгосударственных связей, то практически невозможны и контакты рабочих» (с. 197), однако с этой посылкой трудно согласиться. Ведь отношения КПСС с компартиями упомянутых стран представляют собой несомненное проявление интернациональных связей с их рабочим движением.

Книга свидетельствует о том, что изучение проблемы должно быть продолжено. Дальнейшая систематизация и осмысление фактического материала, собранного Н. К. Петровой, создает основу для более глубокого решения конкретно-исторических и теоретических проблем пролетарского, социалистического интернационализма.

*Г. И. Всемихова,
А. В. Маньжик*

М. Н. ПЕТРОВ. *Хранить вечно.* Из истории борьбы с контрреволюционными выступлениями на Новгородчине. Л. Лениздат. 1987. 222 с.

Эта книга рассказывает о событиях 1918 – первой половины 30-х годов. Автор обстоятельно прослеживает основные этапы борьбы против антисоветских сил, анализирует применявшиеся с учетом конкретной обстановки формы и методы подавления контрреволюции, обеспечения безопасности Советского государства. На многочисленных примерах в книге показана гуманность Советской власти, применявшей в отношении большинства участников антисоветских выступлений весьма мягкие наказания, неизменно отделявшей обманутых или заблуждавшихся рядовых мятежников от главарей контрреволюционных банд, заговоров и организаций.

М. Н. Петров анализирует специфику борьбы с контрреволюцией в Новгородской губернии, выявляет ее трудности, связанные прежде всего с преобладанием в крае мелкобуржуазного, в основном крестьянского, населения и сравнительной малочисленностью пролетариата. Большое внимание уделено при этом расстановке классово-политических сил в годы гражданской войны и в условиях мирного строительства. Правоммерно подчеркивается значимость для успешной защиты завоеваний Октября в крае близости Петрограда, сознательности и сплоченности рабочих Новгородчины и основной массы солдат местных гарнизонов.

Книга основана на малоизвестных, часто впервые вводимых в научный обо-

рот документах и фактах. Она содержит интересное повествование о создании в губернии органов борьбы с контрреволюцией, о подавлении контрреволюционных мятежей и заговоров, бандитизма и белогвардейского террора, а также биографические сведения о первых местных чекистах. Обстоятельно рассказывает автор о настоячивых и последовательных действиях большевиков, направленных на укрепление своего влияния в массах, против антисоветских акций и выступлений представителей правого крыла мелкобуржуазных партий, перешедших на контрреволюционные позиции. В книге подчеркивается, что в исследуемый период партия направляла в ВЧК – ГПУ наиболее испытанных и политически зрелых своих членов, отличившихся высокой нравственностью и идейной убежденностью.

Не обошел автор и такой важный аспект темы, как борьба чекистов с контрреволюционным подпольем в 20-е – начале 30-х годов, с засылаемыми в нашу страну шпионами и белогвардейскими эмиссарами, против диверсий и террористических актов. Такие факты, как бесчинства на Новгородской земле бандитской группы подручного Савинкова белогвардейского полковника Павловского, переросшейной через польско-советскую границу, дополняют наши представления о контрреволюции и белом терроре.

Рассказывается в книге и о деятельности отрядов особого назначения

(ЧОН), активном участии чекистов в ликвидации детской беспризорности, шефстве над домами для детей-сирот из голодающих губерний, о противодействии должностным преступлениям, злоупотреблению служебным положением, махинациям и хищениям.

Характеризуя подавление органами безопасности кулацкого террора в условиях коллективизации, автор, однако, не упоминает о допущенных тогда отступлениях от ленинской политики по отношению к крестьянству, о приведших к губительным последствиям перегибах в борьбе с кулачеством, тяжело сказавшихся, в частности, на судьбах значительной части середняков. В работе (особенно в заключительных ее разделах) не удалось, к сожалению, избежать

односторонних оценок и схем, бытовавших ранее в нашей литературе о борьбе с контрреволюцией. Автор мог бы, очевидно, предметнее показать не только успехи, но и упущения, промахи в деятельности ОГПУ, проанализировать, в какой степени оказывала воздействие на работу чекистов формировавшаяся административно-командная система.

Изучение актуальных проблем защиты завоеваний социалистической революции должно быть продолжено. Приведенные в книге факты могут помочь специалистам в дальнейшей научной разработке этой проблемы на материале всей страны.

*Н. С. Сташкевич,
Г. И. Ильязук*

Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ. *Армия и флот в России в начале XX в.* Очерки военно-экономического потенциала. М. Наука. 1986. 237 с.

Л. Г. Бескровный много сил и времени отдал исследованию истории армии и флота России в XVIII—XIX вв. По его планам рецензируемая работа должна была завершить цикл его монографий, которые всегда основывались на широкой источниковой базе. Смерть помешала ему довести работу до необходимых кондиций, но оставшаяся после него рукопись имела научный интерес и решение издать ее было правильным, хотя она не была завершеной и содержала немало фактических неточностей, которые, надо полагать, были бы исправлены автором в процессе доработки и творческих обсуждений.

Один из читателей книги, севастопольец Г. Н. Рыжовок, обратился в Институт истории СССР АН СССР и в редакцию некоторых газет с большими и обстоятельно аргументированными письмами, в которых указывал на фактические ошибки, допущенные Л. Г. Бескровным в разделе о русском флоте. Замечания эти касаются судовой состава Черноморского и Балтийского флотов, числа линейных кораблей, находившихся в строю к началу войны, тактико-технических данных кораблей, их классификации и организации, обучения офицерского состава флота. Указание на эти ошибки беспорно, и досадно, что его сделал читатель, а не два авторитетных рецензента, значащихся на титуле книги, и сектор Института истории СССР АН СССР, который готовил эту публикацию к печати.

Со своей стороны отметим и другие сомнительные утверждения автора. Вряд ли можно согласиться с тем, что казенные оружейные заводы были оснащены хорошими станками и обладали достаточной энергетической базой (с. 72), что патронные заводы «были обеспечены хорошим оборудованием» (с. 83) и с другими комплиментами в адрес казенных

заводов. Для таких утверждений нет оснований, так же как и для заявления, что военное ведомство «неохотно привлекало частные заводы», и все же «к помощи частной промышленности пришлось прибегнуть уже через полгода после начала войны» (с. 112).

Исследования показывают, что частная военная промышленность уже в годы нового промышленного подъема сложилась в самостоятельную отрасль народного хозяйства, на развитие которой банками было ассигновано накануне войны более 100 млн. рублей. В начале 1915 г. действительно началась широкая мобилизация частной промышленности для «работы на оборону», но это не значит, что к ее помощи не прибегали в довоенные годы.

Накануне первой мировой войны империалистический мир прошел через ряд острейших политических кризисов. Только у границ России разразились три войны (Балканские и Итало-турецкая), во время которых дважды миниоровались Черноморские проливы, имевшие для России первостепенное экономическое значение. В 1912 г. отношения России и Австро-Венгрии крайне обострились, а вскоре разразился конфликт с Германией из-за миссии Лимана фон Сандерса. Все это давало ясно понять царскому правительству, что война не за горами и надо готовить свои ослабленные в результате русско-японской войны и революции 1905—1907 гг. вооруженные силы к борьбе за передел мира. Слабая казенная военная промышленность, ее плохая оснащенность и экономическая неэффективность заставили правительство обратиться к помощи частного капитала.

Накануне первой мировой войны в России был создан трест «Наваль-Руссуд», захвативший в свои руки строительство Черноморского флота, начали

строить крупнейшие в Европе артиллерийский завод в Царицыне и пороховой во Владимирской губернии, было создано общество «Ноблессерн», получившее преобладающую роль в строительстве подводного флота, и ряд других крупных частных предприятий, производивших сухопутное и морское вооружение. Возникшие на рациональной капиталистической основе, они в ряде случаев оттеснили казенную военную промышленность на второй план и в отличие от нее работали эффективно и рентабельно, создавая неплохое вооружение, отдельные виды которого служили даже в годы Великой Отечественной войны.

Можно привести и другие недостатки работы, указать на ее известную структурную рыхлость и хронологическую непоследовательность, при которой имеющиеся лакуны не дают возможности получать сопоставимые данные или непрерывную линию исследования от рубежа XX в. до начала первой мировой войны. Так, численный состав армии дан только на 1901—1905 гг. (с. 11), хотя в ряде случаев автор приводит сведения вплоть до 1917 года. Будем помнить, однако, что мы имеем дело с работой, которую автор не успел завершить, и оценивать ее по тому вкладу, который он успел сделать. А он все же весом и бесспорен.

Автором впервые даны сведения не только о составе, организации и комплектовании армии, ее боевой подготовке и боевом управлении, личном составе и подготовке офицерских кадров высшей квалификации (числе слушателей академий генерального штаба, артиллерийской, инженерной, военно-юридической и медицинской), но и сведенные воедино разбросанные в различных работах данные о производстве и обеспечении

войск вооружением и боеприпасами, о состоянии железнодорожного и автомобильного транспорта, связи, самолетостроении и производстве в России дирижаблей.

Вместе со сведениями о производстве и обеспечении войск вооружением и боеприпасами читатель получает довольно полное представление о военно-экономическом потенциале царской России, ему становится понятнее, что кризис вооружения, охвативший армию вскоре после начала первой мировой войны, был не результатом упущений отдельных генералов и бюрократов, а неизбежным следствием всей самодержавной системы в стране, которая явно отставала от подготовки к войне, планируемой царским правительством к 1917—1919 гг. (именно к этому времени должны были быть закончены основные и совершенно необходимые мероприятия, намеченные военными и военно-морскими программами).

Противники царизма не стали сидеть сложа руки и, опережая в развитии своих вооруженных сил царскую Россию, напали на нее тогда, когда сочли это более выгодным для себя. «Удивительно ли, что два разбойника (Германия и Австро-Венгрия.— *К. Ш.*) напали раньше, чем *трое* (Англия, Франция и Россия.— *К. Ш.*) успели получить заказанные ими новые ножи?»¹. В наполнении конкретным содержанием этой лапидарной ленинской формулы и состоит одно из главных достоинств труда покойного Л. Г. Бескровного.

К. Ф. Шаццлло

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 122.

Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора.

Первая половина XVII в. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов.

Методические рекомендации. М. 1986. 84 с.

Небольшая книжечка кандидата исторических наук И. В. Поздеевой (МГУ), специалиста по средневековой книге, является вкладом в развитие науки по истории русской культуры. Предисловие не только знакомит составителей каталогов с методическими вопросами — по своей насыщенности новым фактическим материалом, характеру его анализа оно представляет собой компактно изложенное исследование.

Богатые источники выявлены автором в результате изучения архива Приказа книжного печатного дела. Архив Печатного двора ранее был предметом изучения многих выдающихся специалистов — книговедов и историков. И тем не менее

И. В. Поздеевой, обратившейся к пригодно-расходным книгам 1620—1752 гг., удалось ввести в научный оборот сведения, ранее неизвестные в литературе. А. А. Покровский, например, писал, что в архиве нет «точных указаний на то, в каком количестве вышла та или иная книга и кто ее печатал»¹. В книге приведены точные тиражи более чем 150 изданий, при этом в большинстве случаев названы тираж фактический и по указу.

Изучение архива позволило автору выявить 25 ранее неизвестных изданий.

¹ Покровский А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII века. М. 1913, с. 12.

Удачно взяв за основу каталог А. С. Зерновой², автор вносит в его хронологический ряд описания 25 старопечатных книг, уточняет, дополняет архивными сведениями другие описания. Помимо тиража в описаниях изданий можно найти себестоимость книги, ее продажную цену с прибылью и без прибыли, даты работы над изданием, указание на помещение, где печаталась конкретная книга, количество станов и имена мастеровых людей — наборщиков, руководивших работой.

При описании ряда книг в научный оборот введены важные уточнения. Так, был весьма сложным и длительным процесс издания первой четверти Трефологиона 1642 года. Книгу начали печатать в 1633—1634 гг., но тираж пострадал во время пожара 1634 г.; отдельные листы допечатывались в разные годы, откуда и получилось расхождение выходных данных, достигающее 8 лет. Установлено также, что Уложение 1649 г. имело два издания с интервалом в 7 месяцев, каждое тиражом в 1200 экземпляров. В целом новые данные освещают весь процесс организации и техники работы по изданию книг с момента покупки оригинала, подготовки с него рукописи до исправления ошибок в напечатанных тетрадях и подготовки экземпляров «в поднос царю и патриарху».

Обоснован и в историко-политическом отношении значим вывод И. В. Поздее-

² Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М. 1958.

вой о деятельности Печатного двора в первой половине XVII в. как идеологического центра Русского государства. Развернутую аргументацию этой формулировки автор дает в другой своей работе, тесно связанной с рецензируемым изданием³. Впервые в советской литературе И. В. Поздеева рассматривает богослужебные книги как ценный источник, поскольку в условиях средневекового общества они являлись «главным средством идейной борьбы и политической пропаганды» (с. 17). Отсюда ясно, насколько прав автор, призывая историков, изучающих средневековую идеологию, использовать в синтезированном или аналитическом виде литургические тексты. Мысль совершенно верная, ибо идеи официальной идеологии и христианских догм были направлены прежде всего на создание социально-психологического единства русского общества, что содействовало укреплению государственной власти.

«Новые материалы» — и ценный справочник для историков и всех интересующихся книжной культурой первой половины XVII в. и важное практическое пособие для книговедов, библиографов, музейных работников.

М. В. Кукушкина

³ Поздеева И. В. Русские литургические тексты как источник изучения русской государственной идеологии XVII в. (к постановке вопроса). В кн.: Исследования по истории общественно-го сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск. 1984.

В. И. УКОЛОВА. *«Последний римлянин» Бозций.* М. Наука, 1987. 161 с.

Знаменитому древнеримскому государственному деятелю и ученому конца V — начала VI в. Аницию Манлию Торквату Северину Бозцию в советской специальной литературе не повезло. Человек, чьи сочинения оказали сильнейшее воздействие на представления средневековых мыслителей и чье произведение «О философском утешении» было на протяжении доброго тысячелетия в Западной Европе наиболее читаемым после Библии, не удостоился даже справки в Советской исторической энциклопедии. Сравнительно мало говорилось о нем и в общих трудах. Лишь в связи с 1500-летним его юбилеем, отмечавшимся мировой общественностью в 1980 г., его творения стали чаще, хотя и походя, упоминаться в наших исторических, математических, литературоведческих, философских и музыковедческих исследованиях.

Доктор исторических наук В. И. Уколова (Институт всеобщей истории АН СССР) принадлежит к числу тех немногих советских специалистов, кто неодно-

кратно обращался к «бозтике». В ее книге обобщены результаты ряда ее публикаций и дополнены новыми материалами, полученными в результате изучения наследия Бозция и литературы, посвященной «отцу средневековья», как столетиями именовали его потомки.

Книга дает наглядное представление о выходе из знатнейшего патрицианского рода, приобретшем великолепное образование, консуле, распорядителе финансов в Остготском королевстве, первом лице в его сенате, близком советнике повелителя Италии Теодориха и плодовитом ученом, казненном по обвинению в тайных связях с Византийской империей. Рассказ автора о его стихотворениях, переводах с греческого, трудах по математике, педагогике, музыке и философии (логика, теология, схоластика) перемежается характеристиками различных сторон тогдашней южноевропейской культуры.

Один из аспектов книги связан с научной оценкой творчества Бозция. Пикогда прежде вклад этого мыслителя в

развитие многих наук и искусств не характеризовался у нас столь детально и взвешенно.

В. И. Уколова затрагивает также перспективы изучения общественной мысли поздней античности и раннего средневековья. Согласно давней традиции, она называет Боэций «последним римлянином» (подразумевается как бы финишная черта, подведенная тогда на Западе под идеологией античной эпохи). Это верно, но не до конца. Ведь Боэций был не единственным лицом такого рода. К плеяде деятелей того же ряда, хотя

и с определенными оговорками, можно причислить Филострата, Плотина, Августина Гиппонского, Кассиодора, Иоанна Дамаскина, некоторых других. В. И. Уколова пишет о них, по в ином качестве, попутно. Здесь трудно согласиться с автором. Предпочтительнее было бы расширительное толкование понятия «последние римляне». В этой связи встает вопрос о необходимости более обстоятельного исследования этого яркого пласта древней культуры.

Ф. Г. Фанин

J. GALANDAUER. *Od Heinfeldu ke vzniku KSČ. České dělnické hnutí v letech 1889—1921.* Praha. Svoboda. 1986. 377 s.

Я. ГАЛАНДАУЭР. *От Хайнфельда к возникновению КПЧ. Чешское рабочее движение 1889—1921 гг.*

Как указывает автор во введении, целью его работы было не фактологическое изложение, а анализ идейно-политического развития чешского рабочего движения, борьбы разных течений и направлений в нем, кристаллизация левых сил под влиянием Великой Октябрьской революции и образование на их основе Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ).

Центральное место в исследовании занимает история чешского рабочего движения в тесной взаимосвязи и переплетении с общеавстрийским. Автор главное внимание уделяет взаимоотношениям немецких и чешских социал-демократов и справедливо считает, что эти взаимоотношения оказали решающее влияние на судьбы того, что в исторической науке получило название «малый австрийский интернационал». Одним из важных аспектов монографии является анализ национальной проблемы в Австро-Венгрии и ее воздействия на рабочее движение, выработка проектов и программа ее решения разными отрядами многонационального рабочего движения Габсбургской империи.

Автор привлек ряд архивных материалов, чехословацкие, австрийские и немецкие публикации, протоколы съездов австрийской и чехославянской социал-демократических партий, ряда конгрессов II Интернационала, труды лидеров австрийской и чехославянской социал-демократических партий, мемуары, рабочую прессу того времени и практически всю современную литературу вопроса. Особенно тщательно изучены и использованы им работы В. И. Ленина.

Освещение событий начинается со съезда австрийской социал-демократической партии в Хайнфельде 1889 г. и завершается маем 1921 г. — образованием КПЧ. Но основной вопрос в монографии — сложная эволюция австрийской социал-демократической рабочей партии

от игнорирования самой сущности национального вопроса в монархии Габсбургов в конце XIX в. до перехода на позиции социал-шовинизма в годы первой мировой войны.

Исследуя чешское рабочее движение в 1889—1914 гг., Я. Галандауэр указывает, что оно было составной частью рабочего движения Австрии, которое «развивалось организационно, политически и идейно как единое целое, — даже если это целое не было внутренне единым и однородным» (с. 23). Это объясняется тем, пишет автор, что социал-демократы без различия национальностей жили в одном и том же государстве и встречались с одними и теми же политическими проблемами. И хотя отношение к ним было иногда различным, в понимании конечной цели борьбы, способов ее достижения они были едины — сохранение преобразованной в федеративное демократическое государство Австро-Венгрии.

В книге рассматривается вопрос: почему национальная проблема в монархии Габсбургов оказалась неразрешимой для руководства как австрийской (немецкой), так и чехославянской социал-демократических партий. Из суммы причин автор справедливо выделяет главную: марксизм для лидеров партии не стал мировоззрением, методом анализа, руководством к действию. И поэтому национальный вопрос ими просто недооценивался, как и значение прогрессивной роли национально-освободительных движений. Национальный вопрос показан автором и как важнейший элемент становления теории австромарксизма — не только идейной основы австрийской социал-демократии, но и влиятельного течения в международном рабочем движении. Отвергая революционный путь уничтожения эксплуататорского строя, игнорируя справедливые требования угнетенных наций, «австромарксизм стал

идеологическим оправданием реформистской практики социал-демократических партий, ядром международного центризма и противником Великой Октябрьской социалистической революции» (с. 103).

Отсутствие правильного марксистского подхода к национальной проблематике, преобладание в рабочем движении того времени буржуазно-националистических тенденций вели к расколу в рядах австрийской социал-демократии. Собранный автором большой фактический материал свидетельствует о серьезных разногласиях, которые в первом десятилетии XX в. существовали между двумя основными отрядами рабочего движения Австро-Венгрии — немецкоязычным и чешским. В июне 1912 г. чешская и ряд других организаций социал-демократии Австро-Венгрии объявили о своем разрыве с венским руководством и образовании собственных независимых партий. Это было результатом отсутствия у лидеров австрийской (немецкой) социал-демократической партии подлинно интернационалистского подхода к законным требованиям чешского меньшинства.

Начало первой мировой войны, пишет автор, не только довершило раскол рабочего движения монархии Габсбургов, но и усилило дифференциацию его национальных отрядов. С Октябрьской революцией автор связывает начало нового подъема чешского и словацкого рабочего движения. Она воспринималась как наилучший способ прекращения войны и решения проблем национального освобождения. Однако в чешском рабочем движении в целом, в его руководстве в особенности, в то время отсутствовали идейные и политические предпосылки для понимания всей глубины социального переворота в России в октябре 1917 года. Идейное богатство Великого Октября не отразилось в практике и действиях руководства партии. «Отсутствие революционной рабочей партии было основной причиной того, что чешская буржуазия в дни распада Австро-Венгрии удержала в своих руках политическую гегемонию и инициативу в национально-

освободительной борьбе» (с. 234). А левая оппозиция в партии до образования Чехословацкой республики еще не сформировалась в единое политическое течение.

Укрепляясь идейно и организационно в процессе развития политической жизни буржуазной республики, преодолевая идейные и политические ошибки в огне классовых боев пролетариата, получая неоценимую помощь Ленина и Коминтерна, подчеркивается в книге, левая группа постепенно превращалась в действительно самостоятельную массовую организацию революционного рабочего класса. Таким образом, влияние идей Великого Октября и опыта революционной борьбы ленинской партии на рабочее движение Чехословакии, на передовую часть чешской и словацкой социал-демократии Я. Галапдауэр рассматривает как фактор, ускоривший образование марксистской левой и создание на ее основе Коммунистической партии Чехословакии. Отмечая значение этого события, автор приводит слова Б. Шмерала, сказанные им в 1922 г.: «Коммунистическая идея и коммунистическая партия являются одновременно великим будущим всего интернационального объединенного пролетариата Чехословакии» (с. 356).

Монография написана живо, интересно, снабжена обстоятельной библиографией. Затронутые в ней проблемы разнообразны и не исключают возможности более углубленного исследования некоторых из них. Тем более что не все они получили одинаковое освещение в книге. Рабочее движение Цислейтании в 1889—1914 гг. исследовано автором менее обстоятельно, нежели за 1914—1921 годы. Определенным упущением автора является отсутствие в книге раздела об историографии вопроса. В целом же монография содействует освещению сложных процессов внутривнутриполитической жизни монархии Габсбургов в конце XIX — начале XX века.

Ю. И. Пон

M. KING. *Being Pakeha. An Encounter with New Zealand and the Maori Renaissance.* Auckland, London, Sydney, Toronto. 1985. 214 p.

М. КИНГ. *Взгляд пакеха. Встреча с Новой Зеландией и возрождение маори.*

Решительность антиядерного внешнеполитического курса лейбористского правительства Д. Лонги вызвала повышенный интерес мировой общественности к Новой Зеландии. История этой страны традиционно является объектом внимания со стороны буржуазной историографии, которая подчеркивает особый характер государства «передовой

демократии», и в частности решенность в нем проблемы национальных и расовых отношений. Своеобразным источником для изучения теории и практики национальных отношений в Новой Зеландии на современном этапе является книга новозеландского ученого и журналиста М. Кинга.

Имя его широко известно в Новой Зе-

лапдии. Оп автор ряда оригинальных исследований по истории маори¹. Отдельные его работы посвящены деятельности бывшего премьер-министра страны П. Фрезера, участии ее во второй мировой войне. Кинг играет активную роль в общественной жизни Новой Зеландии, занимаясь публицистической и журналистской практикой. Исследовательскую работу он творчески сочетает с преподаванием в учебных заведениях Гамильтона, Веллингтона, в университете Папуа — Новая Гвинея.

Книга его выполнена в форме очерков этническо-биографического характера. Автор осмысливает настоящее и будущее национальных отношений в Новой Зеландии, анализирует место маори в современном обществе, рассматривает характер взаимоотношений маори и пакеха, предлагает различные модели новозеландской национальной общности (с. 7).

Проблема изучения национальной ситуации традиционна для новозеландской историографии. С момента колонизации островов выходцы из Европы (пакеха) предсказывали постепенное исчезновение маори с лица земли. Однако данные демографических исследований показали рост населения маори во второй половине XX в. (ныне 8,8% населения Новой Зеландии), а также изменения в их социальном составе, образе жизни, политической структуре, что и позволило Кингу говорить о таком явлении, как «возрождение маори». Он не останавливается специально на причинах этого феномена, хотя и отмечает отдельные моменты (влияние второй мировой войны, практика административной политики государства в отношении маори).

Изменения в положении маори привели к распространению различных точек зрения на их роль в формировании новозеландской национальной общности. Кинг называет концепцию этнической ассимиляции, которая определяется им как поглощение национального меньшинства этническим большинством (с. 109); указывает на развитие концепции интеграции, понимаемой как «соединение ценностей и учреждений двух и более культур» (с. 104). В практике Новой Зеландии названная система взглядов, по замечанию автора, всегда была равносильна ассимиляции. Кинг не разделяет обеих точек зрения, «утверждающих монокультурный исторический опыт Новой Зеландии», подчеркивая, что она «перестанет быть собой, если оста-

нется исключительно с англо-саксонским наследством» (с. 159). Сам автор сторонник концепции многокультурного сообщества, которое характеризуется как «существование народов с сохранением их отличий и взаимным уважением» (с. 105).

Представленные Кингом данные о месте маори в современном новозеландском обществе подтверждают мысль о том, что маори являются одним из народов Новой Зеландии и хотя бы прежде всего маори, а новозеландцами, во-вторых. Книга позволяет увидеть различные социальные слои маорийского населения, познакомиться с образом жизни и бытом сельских общин и горожан, представить их политические симпатии в лице национальных лидеров Те Пуа, Апирана Нгата, Те Ранги Хироа и общественных активистов. Работа Кинга расширяет наши знания о культуре, истории, традициях, национальных чертах характера маори.

Позиция автора отразила черты традиционного либерального мышления (с. 74), что нашло яркое проявление в понимании Кингом путей и средств формирования сообщества равноправных народов. Он апеллирует к представительной системе буржуазного государства, которому предлагается осуществить ряд мер, обеспечивающих равноправное положение маори (с. 173). Кинг обращается к англо-новозеландскому большинству страны, призывая его проникнуться интересом к культуре маори. При этом самим маори рекомендуется «еще потерпеть, чтобы обрести свое равноправие» (с. 174).

Осознание необходимости широких мер для улучшения положения маори, пропаганду их культуры и языка нельзя не приветствовать. Но вряд ли условия буржуазной демократии смогут обеспечить фактически равное положение маори в обществе. Автор вынужден признать, что явления расовой предвзятости к «грязным маори» еще не изжиты в среде англо-новозеландцев (с. 175). А доступ на верхнюю ступень политической надстройки получают лишь отдельные избранные представители маори. До сих пор для маори в стране существует отдельная система избирательных округов.

Книга хорошо оформлена. Она содержит многочисленные фотографии, словарь терминов и выражений на языке маори, карту родовых территорий. Завершает свой труд Кинг выражением оптимизма в отношении создания общества равноправных народов. Он непримирим к идеям национализма и расизма, осуждает фашизм.

¹ King M. Moko — Maori Tatooing in the XXth Century. Wellington. 1972; ejusd, Te Puea. A Biography. Lnd.—Okland. 1977.

В БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ

15 сентября 1988 г. на заседании Бюро Отделения истории АН СССР был заслушан доклад чл.-корр. АН СССР Ю. А. Полякова «Погас ли факел? О современных концепциях истории советского общества». Основные положения доклада опубликованы (Вопросы истории КПСС, 1988, № 9).

На том же заседании было заслушано сообщение руководителя Московской археологической экспедиции (МАЭ) С. З. Чернова «О берестяной грамоте, найденной в Москве, и работе МАЭ». Он рассказал, что 28 июля 1988 г. в Москве, в проезде между зданиями Исторического музея и Центрального Музея В. И. Ленина без согласования с органами охраны памятников были начаты работы по реконструкции дорожного покрытия Красной площади, которые создали угрозу разрушения фундаментов Воскресенских ворот Китай-города 1538—1680 гг., часовни Иверской Богоматери 1745 г., других памятников архитектуры и археологии. В результате оперативных действий МАЭ и Управления госконтроля охраны памятников истории и культуры г. Москвы 30 июля строительные работы были частично приостановлены, а на территории Исторического проезда развернуты археологические раскопки, охватившие площадь более 2 тыс. кв. метров.

В верхнем культурном слое, датированном XVI—XVII вв., выявлены деревянные мостовые. После снятия вымостки Красной площади (XVI в.) обнаружены залежавшие в материковой глине основания срубов. В их заполнении встречены стеклянные браслеты и перстни, самшитовые гребни, ключи, яптарные пательные кресты, шиферное пряслице, золотоордынская керамика, другие вещи XIII—XIV веков. 27 августа при разборке заполнения сруба XV в., расположенного близ восточного пилона Воскресенских ворот, была найдена первая в Москве берестяная грамота. Она представляет собой столбец с текстом из 17 строк по 4—5 знаков в каждой. Размеры грамоты — 16 на 3 см; это фрагмент большого документа, который написан поперек прожилков бересты и поэтому разорван необычным образом. Реставрация грамоты проведена сотрудником Новгородской археологической экспедиции

Московского университета В. И. Поветкинским. По мнению чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина, который ознакомился с документом, употребление в грамоте слова «господине» свидетельствует о том, что налицо письмо. Грамота написана полуставом с элементами скорописи, а датируется по своим палеографическим особенностям второй половиной XV века. Наконец, в северной части Исторического проезда исследован бревенчатый крепез берега р. Неглинной, который являлся частью конструкций въезда на Красную площадь с моста, возведенного через Неглинную в 1602 году.

Учитывая, что комплекс обнаруженных памятников расширяет хронологические рамки истории Красной площади на три столетия, Моссовет 6 сентября 1988 г. принял решение о консервации этих памятников и разработке проекта их подземного музейного показа. Исследования на Историческом проезде широко освещались центральной прессой и телевидением, что было не случайно. Произошедшее показало, к каким невосполнимым утратам национального культурного наследия может привести противоправная практика ведения строительных и инженерных работ без предварительных археологических раскопок. Охрана культурного слоя столицы требует обязательного согласования земляных работ в Москве с государственными органами охраны памятников и с Институтом археологии АН СССР. В настоящее время готовится решение Моссовета по археологии Москвы. Предлагается ввести обязательное согласование всех земляных работ и создание археологической службы, в которую должны войти МАЭ, экспедиции государственных музеев московского Кремля, Музея истории Москвы, института «Спецпроектреставрация», объединения «Союзреставрация» и Государственная археологическая инспекция Управления госконтроля охраны памятников г. Москвы. Археологическую службу следует сформировать в короткий срок, поскольку в 1989 г. начнется осуществление широкого фронта работ по реконструкции исторического центра Москвы.

Для обеспечения научно-методического уровня раскопок, их систематичности

п комплексного характера представляет необходимым создать в Институте археологии АН СССР научное подразделение по археологии Москвы. Подобные подразделения уже существуют в Киеве, Минске, городах прибалтийских республик, их эффективность доказана на практике. Целью подразделения станет разработка научной программы, которая нацелит охранные изыскания на решение историко-культурных и градостроительных проблем истории Москвы. Постановка подобных задач еще на стадии планирования охранных раскопок позволит в ходе их осуществления достичь качественно новых результатов при тех же затратах средств и времени. Основ-

ные блоки этой программы: история формирования Москвы в XI—XVII вв. (археологическая локализация древнего посада, сел, слобод, их историческая интерпретация); происхождение культуры ранней Москвы; стационарное исследование функционирования древних и средневековых антропогеосистем Москвы и Подмоскovie, разработка методики охраны, проектирования и реставрации памятников археологии и исторического ландшафта; исследование и проектирование музейного показа архитектурно-археологических памятников Москвы.

А. III.

О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

13 июля 1988 г. в Институте военной истории МО СССР состоялся «круглый стол», посвященный обсуждению социально-политического характера второй мировой войны. В нем участвовали сотрудники Института военной истории, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а также ряда институтов АН СССР — всеобщей истории, истории СССР, международного рабочего движения, научной информации по общественным наукам, другие ученые.

Дискуссия не ограничилась определением социально-политического характера второй мировой войны. Был затронут и ряд других важнейших вопросов, относящихся к генезису и предыстории войны, ее характеру и итогам, которые вызывают споры и различные оценки исследователей. Выход в свет многотомных изданий по истории Великой Отечественной войны и истории второй мировой войны не только не снял многочисленных спорных вопросов, относящихся к предыстории и истории второй мировой войны, но в еще большей степени обострил дискуссии в среде историков. Дополнительным стимулом к оживлению споров по названным проблемам явилась подготовка нового, 10-томного издания по истории Великой Отечественной войны.

Участники обсуждения справедливо подчеркивали, что определение характера войны — исключительно трудное дело. Некоторые участники дискуссии полагают, что вопрос о социально-политическом характере второй мировой войны уже решен нашей исторической наукой, другие — что он требует более углубленного изучения в духе нового политического мышления, третьи — что этот вопрос ранее решался ошибочно и поэтому необходимо, наконец, в условиях гласности и демократии дать подлинно научную оценку рассматриваемой проблеме.

Так, М. И. Семиряга, который остановился на анализе предыстории войны, считает, что до середины 1939 г.

Советское правительство стремилось установить военное сотрудничество именно с западными странами, а не с Германией. Поворот в политике СССР произошел после подписания 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении и особенно в первый период войны (с сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.). Говоря об участниках войны, он отметил, что со стороны стран фашистского блока — Германии, Японии, Италии и их сателлитов вторая мировая война на всем протяжении была несправедливой, захватнической, империалистической. Что же касается Англии, Франции, США и других буржуазных стран — противников фашистского блока, то для них она с самого начала в основном и главным образом приобрела объективно справедливый и освободительный характер вопреки субъективным империалистическим устремлениям реакционных кругов этих стран. Вступление в войну СССР резко усилило ее освободительный характер и ограничило (но не устранило полностью) возможности реакционных кругов западных держав реализовать свои империалистические замыслы.

В завоевании победы над фашизмом были заинтересованы все правительства и народы стран антигитлеровской коалиции. Вот почему, по мнению М. И. Семиряги, попытки реанимировать в настоящее время концепцию социально-политического характера второй мировой войны, согласно которой с сентября 1939 г. война с обеих сторон, со стороны фашистской Германии и западных стран, была войной империалистической, агрессивной, захватнической, появившуюся как дань советско-германскому договору 1939 г., являются несостоятельными как в научном, так и в политическом плане.

С. А. Тюшкевич не согласился с утверждением, что Англия и Франция с самого начала вели справедливую, освободительную войну. Этого не могло быть потому, считает он, что, во-первых,

империализм в целом является виновником войны. Социально-классовое содержание его агрессивности было в своей основе антисоветским, антикоммунистическим. Поэтому правящие круги Англии и Франции пытались направить фашистскую агрессию против СССР. Во-вторых, и после начала войны ее социально-политический характер со стороны Англии и Франции не претерпел изменений. Объявив войну Германии, они продолжали проводить в жизнь антисоветскую политику. Однако под воздействием разнообразных факторов социально-политического характера войны со стороны Англии и Франции стал меняться, что подтвердило мысль Ленина о том, что и при империализме в определенных условиях и при наличии некоторых факторов одни капиталистические государства могут вести справедливую войну против других капиталистических государств¹. И, наконец, в-третьих, нельзя считать справедливой войну со стороны Англии и Франции и с точки зрения правовой, моральной и общечеловеческой. Ведь правящие круги этих стран отказались от ведения активных военных действий против Германии («странная война»), продолжали стремиться к созданию единого антисоветского фронта, нарушали принятые на себя обязательства по отношению к другим, прежде всего малым странам и т. д.

Дальнейший ход дискуссии в основном определялся отношением участников «круглого стола» к тем концепциям, которые наиболее отчетливо прозвучали в выступлениях М. И. Семияги и С. А. Тюшкевича. Так, назвав выступление М. И. Семияги интересным и аргументированным, В. Л. Мальков остановился на отношении правящих кругов западных стран к проблемам войны и мира, на причинах антисоветской политики «умиротворения» и ее эволюции по мере роста агрессивности фашистской Германии, подчеркнув, что расстановка сил, возникшая после заключения советско-германского договора от 23 августа 1939 г., нападения Германии на Польшу и начала второй мировой войны, не опровергает вывод об оборонительном, антифашистском и справедливом характере войны для тех стран, которые оказались вовлеченными в нее на стороне жертв агрессии.

Говоря о характере второй мировой войны, нельзя ограничиваться определениями «справедливая» и «несправедливая», сказал В. М. Кулиш. Если со стороны фашистского блока она была от начала и до конца агрессивной, несправедливой, то со стороны западных держав, целью которых в войне являлось сохранение колоний, сфер влияния, она была преимущественно оборонительной. И после разгрома в 1940 г. Франции и даже после нападения Германии на

СССР, когда сложилась антигитлеровская коалиция и они стали союзниками СССР, это не изменило характера войны, которую они вели. Для западных стран она так и не стала подлинно народной.

Вторая мировая война, сказал С. З. Случ, была выражением двух групп наиболее острых противоречий — с одной стороны, между буржуазно-демократическими и агрессивными, фашистскими государствами, а с другой — между капитализмом и социализмом как общественными системами. Вооруженное сопротивление державам фашистского блока на любом этапе войны несло объективно прогрессивный, освободительный характер. Вместе с тем империалистические тенденции в политике западных держав сохранялись на протяжении всей войны, усиливаясь или ослабевая в зависимости от хода войны, от степени угрозы самому национально-государственному существованию этих стран. Однако определяющее значение имела вооруженная борьба с державами фашистского блока, носившая с самого начала прогрессивный, освободительный характер.

В свое время, сказал Ю. Н. Панков, руководство Коминтерна определило начавшуюся вторую мировую войну как империалистическую. До лета 1940 г. позиция Коминтерна имела тактический характер, обусловленный в первую очередь заключением советско-германского пакта 1939 года. Вместе с тем Коминтерн признавал, что в странах, захваченных Гитлером, линией компартий могла быть только борьба за независимость. Братские компартии возглавили антифашистскую борьбу, хотя на начальном этапе второй мировой войны позиции Коминтерна и ряда компартий, например, ФКП, расходились. Со стороны народов, подвергавшихся агрессии фашистских держав, война с самого начала была справедливой, освободительной.

Л. И. Гинцберг подчеркнул, что прежние представления о характере второй мировой войны плохо согласуются с хорошо известными фактами или даже прямо противоречат им. Точка зрения, изложенная М. И. Семиягой, хотя некоторые ее положения нуждаются в доработке (например, причины «странной войны», реальное значение сепаратных переговоров и др.), в целом в гораздо большей степени отвечает исторической правде, чем господствующая ныне в литературе концепция. Главный вопрос, на который ее сторонники не могут дать ответа, — это куда «исчезли» после 22 июня 1941 г. империалистические, антисоветские черты политики западных держав, которые будто бы определяли ранее характер войны с их стороны? Ограничение причин войны лишь стремлением переделить колониальные владения оставляет без внимания главное — смертельную угрозу существованию этих стран, исходившую от фашистских держав. Она была столь очевидна, что не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30, с. 5—8, 81, 84.

только народы, но и правители западных держав не могли долее не реагировать на нее. Вот этим в первую очередь и определялся характер войны с их стороны.

Определение характера второй мировой войны, которое утвердилось в нашей литературе, сказала Н. С. Лебедева, не в полной мере соответствует исторической правде и духу нового мышления. Правы те, кто говорит о наличии двух тенденций в политике правящих кругов Великобритании, Франции и США в годы войны — империалистической, выражавшей их узкоклассовые интересы, и антигитлеровской как общенациональной задачей. Соотношение между этими тенденциями, удельный вес каждой из них в политике западных держав менялись накануне и в ходе войны. Отсюда и тот интерес, который проявили Англия и Франция к переговорам с СССР летом 1939 года. Таким образом, альтернатива советско-германскому пакту имела. В то же время трудно согласиться, что с сентября 1939 г. правящие круги западных держав вели справедливую, освободительную войну. Превалирование империалистической тенденции в политике власть имущих привело тогда к тому, что в течение нескольких месяцев военные действия на Западе практически не велись, осуществлялись контакты и переговоры с нацистскими эмиссарами о возможном прекращении конфликта. Но по мере возрастания угрозы независимому существованию западных держав, в политике их правящих кругов возрастал удельный вес тенденции, выражавшей общенациональные интересы. И к лету 1940 г. война со стороны противников держав «оси» окончательно приобрела освободительный, справедливый характер.

Б. А. Тома н обратил внимание на то, что в начале 1939 г. и в советской печати, и в выступлениях политических деятелей давался дальновидный прогноз относительно характера будущей войны. При его определении необходимо выделять преобладающие факторы, тенденции, иметь в виду, что интересы правящих кругов и государств не всегда совпадали, а интересы народов, общественное мнение оказывали порой решающее воздействие на политику правящих кругов. Не возражая против утверждения, что вторая мировая война генетически была империалистической, представляется правомерным поставить вопрос: не являлась ли борьба народов против фашизма генетически освободительной, справедливой? Но если это так, то и вторая мировая война приобретает такой характер с того момента, когда интересы государств, определяемые возросшей активностью народных масс под воздействием угрозы фашизма, выразились в конкретных действиях правительств, в тот или иной момент отказавшихся от политики выжидания и перешедших рубикон.

При рассмотрении характера второй

мировой войны и его эволюции мы должны, сказал О. А. Р ж е ш е в с к и й, руководствоваться следующими положениями: война явилась результатом продолжения предшествующей политики противоборствующих группировок империалистических государств и их антисоветской политики, а следовательно, по своему происхождению была несправедливой с обеих сторон; народы стран, выступивших против Германии и ее союзников, рассматривали свое участие в войне с первых дней ее как борьбу против агрессии; решающим фактором перерастания войны в справедливую со стороны всех сил, противостоявших фашистской агрессии, явилось вступление в войну Советского Союза. При анализе эволюции характера войны со стороны англо-французской группировки необходимо учитывать, что, во-первых, война ряда малых и средних стран — союзников Англии и Франции (например, Польши, Югославии, Греции) против гитлеровского нашествия с первых дней имела справедливый, освободительный характер, а это оказывало существенное влияние на характер войны со стороны государств антигерманской коалиции в целом. Во-вторых, эволюция характера войны, которую вели Англия и Франция, была диалектически связана с изменением целей войны со стороны Германии и ее союзников — от восстановления позиций, утраченных в результате первой мировой войны, до завоевания европейского и мирового господства, уничтожения независимости суверенных государств, угрозы самому существованию целых народов. Важнейшим рубежом в этой эволюции стало наступление фашистских войск на Западе в апреле — мае 1940 г., когда Англия и Франция объективно уже вели войну не только за сохранение имперских позиций, но и в защиту независимости своих стран и других народов, подвергшихся фашистской агрессии. Война США против Японии, будучи также несправедливой по своему происхождению с обеих сторон, результатом предшествующей межимпериалистической борьбы за господство на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии, в силу сложившихся конкретно-исторических условий (вступление к этому времени во вторую мировую войну СССР, решение США о поддержке борьбы советского народа, других стран антигитлеровской коалиции) изначально имела со стороны США справедливый, освободительный характер. Вместе с тем в политике США, особенно на завершающем этапе войны, нарастали имперские и антидемократические тенденции, которые противоречили интересам народов.

По мнению Г. А. К у м а н е в а, вторая мировая война в ее начальный период для Англии и Франции носила двойственный характер. Правящие круги этих стран стремились защитить свои империалистические интересы, на которые покушался гитлеровский блок, и в то же

время направить фашистскую экспансию на Восток, чтобы уничтожить СССР. Вместе с тем в содержании второй мировой войны с самого начала проявилась и справедливая, освободительная тенденция, что нашло выражение в том, что Англия и Франция, объявив 3 сентября 1939 г. войну Германии, так или иначе встали на сторону Польши, народ которой вел справедливую войну. Прогрессивная тенденция вскоре нашла выражение и в разрывании движения Сопротивления поработанных фашизмом народов, в позиции трудящихся Англии, США и других стран.

Процесс перерастания войны в справедливую со стороны западных держав усилился со второй половины 1940 г.,

а решающим актом и завершением этого перерастания стало вступление в войну Советского Союза. Однако империалистическая тенденция в политике западных держав не исчезла. Она нашла свое проявление и в их саботаже с открытием второго фронта, в срыве военно-экономических поставок, в секретных переговорах с фашистской Германией в 1945 г. и других фактах.

Итоги обсуждения подвел начальник Института военной истории Д. А. Волкогонов, отметивший, что наиболее ценным в дальнейшем было бы выявление объективных критериев в оценке характера войны.

А. С. Гроссман

К ЧИТАТЕЛЮ — ЧЕРЕЗ ЧИТАТЕЛЯ

Процесс обновления, происходящий в нашем обществе, в значительной степени застал историческую науку врасплох, и пока ей не удастся полностью удовлетворить голод на знания о прошлом, пробужденный в обществе потоком литературных произведений и публицистики. О том, что планирует предпринять для преодоления этого отставания редакция журнала «Вопросы истории», шла речь 16 сентября 1988 г. на встрече с членами редколлегии журнала, прошедшей в Политехническом музее под девизом «Революционное обновление общества и историческая наука». В ней приняли участие академик-секретарь Отделения истории АН СССР акад. С. Л. Тихвинский; директор Института археологии АН СССР акад. В. П. Алексеев; члены-корреспонденты АН СССР — Н. Н. Болховитинов, директор Института истории СССР АН СССР А. П. Новосельцев; доктора исторических наук В. П. Данилов, В. И. Кузищин, Б. А. Левшин, О. А. Ржешевский, В. В. Шелохаев, зам. главного редактора журнала И. В. Созиин.

Открывая встречу, главный редактор журнала член-корреспондент АН СССР А. А. Искендеров так охарактеризовал основную линию журнала в условиях перестройки, гласности и растущей тяги к историческим знаниям: «Оставайтесь журналом научным, мы должны больше учитывать спрос читателей, их потребность в исторической правде, в ответах на острые вопросы, которые наша наука в застойное время обходила». Такие встречи, как и поступающие в редакцию письма, подчеркнул он, очень важны, так как помогают формировать планы, находить новые повороты в казалось бы освоенных темах, подсказывают иные формы подачи материала.

Какие же проблемы интересовали собравшихся? Прежде всего, конечно, «белые пятна» в истории СССР, но многие касались более широких проблем перестройки в исторической науке. Например, будут ли пересмотрены диссертации

прошлых лет, носившие откровенно конъюнктурный характер? «В каждом отдельном случае, если работа основана на фальсифицированных диссертантом источниках, этот вопрос надо решать индивидуально», — заметил С. Л. Тихвинский. — Несомненно, научная общественность должна влиять на ВАК, и сейчас идет работа по пересмотру состава экспертного совета по историческим наукам и пленума ВАК».

По мнению многих, работу специалистов затрудняет современное положение архивного дела, в частности тот факт, что у нас в стране до сих пор нет закона об архивах, который бы регламентировал передачу всех документов из ведомственных архивов по истечении определенного срока в общесоюзархивные. «Главное архивное управление в настоящее время предпринимает попытки выработать такой закон», — сообщил Б. А. Левшин. — Был даже готов его первоначальный вариант, но он был составлен недостаточно радикально для нашего времени». Архивные документы — национальное достояние нашего народа, подчеркнул он, следовательно, должны быть доступны каждому.

Процесс обновления затронул и сам журнал. Изменился состав редколлегии: дискуссия в ходе встречи показала, что ныне ни члены редколлегии, ни авторы журнала не уходят от самых острых тем и вопросов. Изменилось и содержание журнала. Введена рубрика «Исторические портреты», причем она включает не только деятелей минувшего времени, но и наших современников, начала публикация архивных документов. Впервые на страницах журнала в русском переводе увидит свет работа К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века», представляющая собой не просто интересный историографический материал, но дающая новое представление о методологии анализа внешней политики. В качестве эксперимента будет опубликован цикл статей церковных историков

по истории русской православной церкви, с комментариями светских специалистов по данной проблеме.

Многие вопросы так или иначе касались той роли, которую журнал намерен играть в общественной жизни, в развитии исторической науки, в помощи преподавателям, оказавшимся безоружными в такой важный для жизни общества момент. В этом смысле «Вопросы истории» видят свой долг в выполнении своего рода социального заказа — публикации очерка истории советского общества в новом освещении, который готовится нашими ведущими специалистами. Журнал примет также активное участие в подготовке Всесоюзного совещания историков, мобилизуя не только академическую, но и вузовскую науку, краеведение.

Живо интересовалась аудитория и тем, что собирается сделать журнал для молодых историков. Отвечая на этот вопрос, А. А. Искендеров сказал, что редакцию интересует не возраст авторов, а содержание их материалов, и если в статье есть оригинальная мысль, она будет опубликована. Но, отметил он с сожалением, анализ представленных в редакцию работ молодых авторов показал, что достойных публикации среди них пока мало.

Встреча еще раз показала: наука явно отстала от литературы в освещении «белых пятен», о чем свидетельствовали такие вопросы, как мнение историков о «Детях Арбата» А. Рыбакова и «Мужиках и бабах» Б. Можая. Большой интерес вызвали два выступления В. П. Данилова на страницах «Правды» о коллективизации. Как сказал автор, в публикации прошлого года без его ведома были выброшены некоторые тексты. «С тем большим интересом я отнесся к новому предложению газеты,— заметил он.— И здесь были споры с редакцией. Но опубликованный текст полностью соответствует тому, что я хотел сказать о коллективизации в контексте нынешних споров».

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о событиях, связанных с советско-германским пактом о ненападении 1939 г., и, надо сказать, О. А. Ржепешевскому пришлось достаточно трудно, особенно когда на первый план была выдвинута проблема нравственности социалистической внешней политики. Та же проблема была поднята автором еще одной записки: «Неужели понятие моральности, столь важное для Карамзина, чуждо внешней науке?» Действительно, нравственную сторону мы пока показываем недостаточно, и журналу следовало бы, вероятно, заняться этим.

Аудитория проявила интерес и к «белым пятнам» во всеобщей истории. В этой связи Н. Н. Болховитинов сообщил, что в Институте всеобщей истории АН СССР будут проведены «круглый стол», посвященный 200-летию французской буржуазной революции, и Всесоюзная конференция по «белым пятнам» всеобщей истории. В частности, он при-

звал к пересмотру подходов к американской истории. «Мы сейчас много говорим о новом мышлении,— заметил Н. Н. Болховитинов,— и все же даже в работах, увидевших свет в 1988 г., можно встретить характеристики Декларации независимости, американской конституции, билля о правах, только как документов буржуазно ограниченных, как закрепивших власть торжествующей буржуазии и т. д. Между тем Декларация независимости выражала не только интересы буржуазии, но и общечеловеческие, в билле о правах есть немало верного и вполне приемлемого...»

Было поставлено вопрос: существуют ли в советской науке различные концепции исторического процесса? В основе марксистского понимания исторического процесса лежит теория общественно-экономических формаций К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако они сформулировали теорию в целом, не давая какого-либо списка формаций. Но, как отметил А. П. Новосельцев, в советской науке утвердился «пяточленка» — пять формаций как обязательных для прохождения всеми обществами, введенная в оборот «Кратким курсом» истории ВКП(б). Тенденция к отходу от старых представлений, затруднявших исследование, наметилась в 70-х годах, но коснулась в основном давно минувших времен. Сейчас в Институте истории СССР идет подготовка однотомника «История СССР», где, возможно, по некоторым спорным вопросам будут даны различные оценки.

«Когда у нас будет опубликован доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС?» — один из часто звучащих на подобных встречах вопросов. Как сказал В. В. Шелохаев, «целесообразнее это сделать в контексте всех документов съезда. Сейчас в Институте марксизма-ленинизма идет подготовка публикации документов XIV съезда». Несомненно, что публикация доклада в настоящее время имела бы огромное не только политическое, но и моральное значение. Если же мы будем соблюдать странную в таком важном деле очередность, придется еще долго ждать опубликования столь важного документа.

Не меньший интерес общественности вызывают страницы прошлого, например, недавняя археологическая находка — первая «московская» берестяная грамота. «Прежде всего следует выделить моральное значение находки,— подчеркнул В. П. Алексеев.— Раньше бытовало мнение, что на Руси существовали развитые во всех отношениях города, как Новгород, а Москва находилась на задворках культуры. Конечно, это пока что единственная подобная находка. Но в этой связи следует помнить, что культурный слой Москвы из-за халатности руководителей многих столичных ведомств находится в ужасающем состоянии. Улучшить положение смогла бы создаваемая сейчас Московская археологическая комиссия, но статус ее пока что остается неясным. Дол-

жен признать, пока что Моссовет и Институт археологии находятся по разную сторону баррикад».

Известно, что общественность проявляет большой интерес к дискуссиям, ведущимся среди историков. На встрече нередко звучала фамилия Ю. Н. Афанасьева, на которого ссылались как на бесспорный авторитет в истории, особенно советского периода. Отвечая на один из вопросов, А. А. Искендеров сообщил, что Ю. Н. Афанасьев передал в редакцию свою статью по проблемам французской истории, написанную в соавторстве, которая принята к публикации.

В целом беседа членов редколлегии с собравшимися в Политехническом музее оказалась живой и острой, к сожалению, спор порой перерастал в перепалку. Мы только учимся демократии, и в ходе подобных встреч дают себя знать стремление некоторых с порога отвергнуть точку зрения специалиста, априори видя в нем

защитника старого, рассматриваемого как заведомо ложный взгляд на ту или иную проблему, или эгоизм, когда, желая высказать свою не всегда убедительную концепцию, пренебрегают мнениями остальных собравшихся. Смелость в постановке вопросов зачастую сочетается с трусостью, когда человек отказывается назвать свое имя и род занятий. Между тем это отнюдь не правдивое любопытство и уж тем более не соглядатайство: именно анализируя социальный, профессиональный, возрастной состав читателей и вообще людей, интересующихся историей, журнал корректирует свою линию. Как верно заметил В. П. Данилов, «мы сейчас находимся в стадии движения». Коррективы подвергаются наши взгляды, казалось бы, устоявшиеся, общественное мнение по ряду проблем и вопросов нашего прошлого, а вместе с ними меняются и журнал.

В. М. Седых

ОБСУЖДЕНИЕ РАБОТЫ ЖУРНАЛА В ТОМСКЕ

17 сентября 1988 г. в рамках VII Западносибирской региональной конференции по методологии истории, историографии и источниковедению состоялась встреча представителя редакции с читателями журнала «Вопросы истории». О планах и проблемах, решаемых журналом, рассказал Р. Е. Кантор. Было задано много вопросов: как редакция и редколлегия понимают главное направление деятельности журнала и его место на современном этапе перестройки исторической науки, о трудностях при подготовке материалов, содержащих новые подходы, в том числе острые проблемы, о соотношении в авторском активе столичных и периферийных ученых, а в портфеле журнала материалы по отечественной и зарубежной истории и др.

Было подчеркнуто, что «Вопросы истории» призваны сыграть существенную роль не только в перестройке исторической науки, но выполнить очень ответственную функцию в формировании современного общественного сознания советского народа (А. И. Нечухрин — Гродно, Н. С. Талашова — Иваново). Подавляющее большинство участников встречи высказались за то, чтобы журнал не замыкался узкоакадемическими рамками, а больше удовлетворял общественный интерес к истории.

Н. С. Талашова призвала редакцию и впредь публиковать интересные для разных категорий читателей материалы, не скатываясь при этом на путь сенсаций. Фундаментальные публикации и теоретические статьи нельзя противопоставлять научно-популярным материалам. Необходимо обеспечивать высокий научно-методический уровень всех публикаций. В. П. Булдаков (Москва), под-

держав стремление редакции найти свое лицо, говорить с читателями на интересном и понятном им языке, заметил: «Все жанры хороши, кроме плохих и скучных». Курс, выбранный редакцией, одобрил и Е. И. Чапкевич (Воронеж). Журнал должен быть рассчитан и на историков-специалистов, и преподавателей вузов, и учителей средней школы (о необходимости помощи со стороны журнала этой категории читателей говорили и другие выступавшие), и на широкий круг любителей истории.

О необходимости изучать и учитывать состав и интересы читателей говорил Б. Г. Могилянички (Томск). По его мнению, редколлегия в своем нынешнем составе настолько авторитетна, что может и должна выработать и реализовать перспективную, долговременную «программу-максимум», предусматривающую публикацию фундаментальных статей по магистральным направлениям исследований в области как отечественной, так и зарубежной истории. Было обращено внимание редакции и редколлегии на необходимость освещать историю СССР как часть мировой истории, на более глубокое раскрытие всемирных аспектов исторического процесса.

Читатели ждут от журнала серьезных, аргументированных, основанных на глубокой научной разработке выступлений, развенчивающих псевдоисторические мифы, проникающие в массовое сознание (В. Г. Тамиллов, А. И. Нечухрин). Журналу необходимо откликаться и на многочисленные публицистические произведения, затрагивающие историческую тематику, которые в большом количестве появляются на страницах различных периодических изданий. Историки могли

бы оказать в этом отношении реальную помощь журналистам, добиваться объективности их публикаций, полноты и всесторонности в воссоздании исторической правды и ликвидации «белых пятен» на основе последовательного историзма.

Почти все выступавшие говорили об особой актуальности и значимости методологических материалов, в том числе и носящих дискуссионный характер. Необходимое условие перестройки исторической науки — разработка ряда принципиальных общетеоретических проблем. Без этого невозможно выработать новые подходы и к традиционной исторической тематике, и к новым сюжетам, оказывающимся в поле зрения историков. На встрече подчеркивалось, что здесь требуется высокая ответственность, смелость, компетентность, готовность к преодолению догматизма и схоластических схем, получивших распространение в прошлые годы, всесторонний анализ и учет реального историкографического опыта. Только в этом случае теоретико-методологические публикации помогут историкам в определении новых, актуальных направлений исследований, будут стимулировать научный поиск.

В числе тем и сюжетов, предложенных участниками встречи, были: вопросы истории культуры, общественной мысли в России, исторический опыт и оценка ранних буржуазных революций, социалистических революций в странах Европы, советско-китайские отношения в годы второй мировой войны и народной революции, советско-финляндская война 1939—1940 гг. и многие другие темы, ждущие своего освещения на базе новых источников и подходов. Были высказаны замечания по некоторым публикациям (в том числе напечатанным в рубрике «Исторические портреты») и одновременно сделаны конкретные предложения о расширении материалов этих рубрик. Предлагалось, в частности, ходатайствовать перед соответствующими инстанциями о публикации в журнале до-

клада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности И. В. Сталина.

Многие историографические материалы, указывалось на встрече, отличаются невысоким уровнем и зачастую носят случайный характер. Эти публикации не должны замыкаться на собственно историографической проблематике, а призваны реально способствовать развитию исторической науки, и в первую очередь на основе объективного и комплексного историографического анализа выдвигать перед историками новые и актуальные проблемы исследовательской деятельности. Рецензии, заметил Л. Н. Хмылев (Томск), могут стать действенным способом участия журнала в управлении исторической наукой, но для этого следует поднимать их качество, выходить на уровень тех требований к профессионализму и рецензентов, и авторов, которые существуют в мировой исторической науке. Надо резко увеличить число рецензий, в частности за счет сокращения их объема, преодоления аннотационности и реферативности. Эту мысль энергично поддержал и В. П. Булдаков.

Высказывались упреки журналу в недостаточной оперативности публикаций, как рецензионных, так и статейных материалов. Б. Г. Могильницкий подчеркнул, что это особенно нетерпимо в условиях, когда происходят такие бурные процессы в развитии исторического сознания масс и самой исторической науки.

С. В. Вульфсон (Томск) и другие призывали редакцию больше внимания обращать на вопросы организации исторической науки, шире освещать деятельность ученых, работающих в вузах, обобщать опыт работы проблемных лабораторий, существующих в ряде университетов. Большие надежды возлагают читатели и на анонсированную журналом «Трибуну молодого историка».

Р. Е. Кантор

ВСТРЕЧИ В РЕДАКЦИИ

8 сентября 1988 г. редакцию журнала «Вопросы истории» посетил Дж. Кип (Швейцария), известный своими работами по истории России и современной советской историографии. Состоялась беседа о перестройке исторической науки в СССР и путях ее дальнейшего развития. При этом были затронуты вопросы, касающиеся состояния современной зарубежной историографии по СССР. В ходе беседы высказывалось обоюдное разделяемое мнение о необходимости расширять и сделать более регулярными обмены

информацией о деятельности историков наших стран, об укреплении между ними творческого сотрудничества. Дж. Кип обратил внимание на ряд публикаций, появившихся в последних номерах «Вопросов истории» («круглые столы», конференция «Историки и писатели о литературе и истории» и др.), и заметил в этой связи, что зарубежные специалисты внимательно следят за появляющимися в журнале новыми материалами и исследованиями.

История СССР

Альшиц Д. Н. *Начало самодержавия в России*. Государство Ивана Грозного. Л. Наука. 1988. 244 с. (Страницы истории нашей Родины). 100 000 экз. 50 коп.

В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII в. Аписимов Е. В. Россия в середине XVIII века; Эйделъман Н. Я. Грань веков. М. Мысль. 1988. 607 с. 155 000 экз. 3 руб. 90 коп.

Горшков М. К. *Общественное мнение*. История и современность. М. Политиздат. 1988. 383 с. 20 000 экз. 1 руб. 70 коп.

Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1986 г. М. Наука. 1988. 264 с. 4200 экз. 3 руб. 30 коп.

Еременко А., Подыма К. *Именем России нареченный*. М. Советская Россия. 1988. 365 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Естественнонаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия. М. Наука. 1988. 320 с. 13 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Зимин А. А. *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в.* М. Наука. 1988. 349 с. 16 000 экз. 2 руб. 10 коп.

И на Тихом океане... 1920—1922: Народно-революционная армия ДВР в освобождении Приамурья и Приморья. Сборник документов. Сост. В. О. Дайнес и др. Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1988. 358 с. 5000 экз. 95 коп.

Историко-партийная наука в Казахстане: некоторые проблемы истории географии. Сост. В. И. Коваль, В. П. Осипов. Алма-Ата. Казахстан. 1988. 200 с. 3000 экз. 1 руб. 20 коп.

Исторические записки. Т. 116. М. Наука. 1988. 331 с. 2350 экз. 4 руб. 70 коп.

История Казани. Кн. 1. Казань. Татарское книжное изд-во. 1988. 352 с. 28 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Казакьявичюс В. *Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Латвии*. Вильнюс. Мокслас. 1988. 160 с. 1000 экз. 2 руб. 30 коп.

Как была крещена Русь. М. Политиздат. 1988. 383 с. 200 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Картавенко М. *Костер полковника Корчагина*; Рахманкулова Э. *Такое было время...* М. Молодая гвардия. 1988. 256 с. (Летопись Великой Отечественной). 75 000 экз. 95 коп.

Латвия на грани эпох. Кн. 3. Рига. Авотс. 1988. 176 с. с илл. 30 000 экз. 35 коп.

Ленин с нами. Сборник. Сост. В. П. Якименко, Е. С. Каминская. Симферополь. Таврия. 1988. 160 с. с илл. 15 000 экз. 70 коп.

Московский летописец. Сборник. Вып. 1. Сост. Ю. Н. Александров. М. Московский рабочий. 1988. 352 с. с илл. 100 000 экз. 90 коп.

На рельсах огненной дуги. Воспомина-

ния железнодорожников. Сост. Н. В. Рыльцов. Харьков. Прапор. 1988. 231 с. с илл. 10 000 экз. 85 коп.

О Степане Шаумяне. Воспоминания, очерки, статьи современников. Сост. Ф. Г. Сейранян. М. Политиздат. 1988. 272 с. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Павлюченко Э. А. *Женщины в русском освободительном движении*. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М. Мысль. 1988. 271 с. с илл. 25 000 экз. 1 руб. 40 коп.

По воле народа. Из истории образования БССР и создания Коммунистической партии Белоруссии. Документы и материалы. Сост. М. Ф. Шумейко и др. Минск. Беларусь. 1988. 256 с. 3000 экз. 85 коп.

Рядовые революции. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии и рассказы о революционерах. Сост. В. Н. Верхоглядов. Петрозаводск. Карелия. 1988. 191 с. 10 000 экз. 75 коп.

Радаев Н. В., Моглов П. С. *От Чебоксар до Кёнигсберга*. Эпизоды боевого пути 324-й Верхнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии. Чебоксары. Чувашское книжное изд-во. 1988. 141 с. с илл. 15 000 экз. 65 коп.

Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. — 1987 г.). Ростов н/Д. Книжное изд-во. 1988. 510 с. с илл. 3000 экз. 1 руб. 80 коп.

Строки надежды и мужества. Письма харьковчан, 1941—1945. Сост. А. И. Бурик и др. Харьков. Прапор. 1988. 246 с. с илл. 10 000 экз. 85 коп. На русск., укр. яз.

ТАСС сообщает... Сост. Д. П. Горюнов, Л. Ю. Зубкова. М. Политиздат. 1988. 287 с. с илл. 75 000 экз. 1 руб. 70 коп.

Шкадов И. Н. *Озеро Хасан*. Год 1938. М. Воениздат. 1988. 96 с. (Героическое прошлое нашей Родины). 50 000 экз. 30 коп.

Всеобщая история

Белокреницкий В. Я. *Капитализм в Пакистане*. История социально-экономического развития (середина XIX — 80-е гг. XX в.). М. Наука. 1988. 307 с. 1000 экз. 3 руб. 70 коп.

Галкина Л. А. *Гильдейский социализм*. Критический анализ. М. Наука. 1988. 255 с. 1100 экз. 2 руб. 90 коп.

Евсюков В. В. *Мифология китайского неолита*. По материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск. Наука. 1988. 128 с. (История и культура Востока Азии). 3700 экз. 3 руб. 70 коп. Ершова Е. Н., Новикова Э. Е. *СССР—США: женщина и общество*. Опыт сравнительного анализа. М. Профиздат. 1988. 287 с. 28 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Жуков В. В. *Китайский милитаризм, 10—20-е годы XX в.* М. Наука. 1988. 167 с. 1900 экз. 1 руб. 50 коп.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и

первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия, Египет. М. Наука. 1988. 623 с. с илл. 25 000 экз. 4 руб. 50 коп.

Ковельман А. Б. *Риторика в гени пирамид*. Массовое сознание римского Египта. М. Наука. 1988. 192 с. с илл. (По следам исчезнувших культур Востока). 30 000 экз. 75 коп.

Мартынова М. Ю. *Хорваты*. Этническая история XVIII—XIX вв. М. Наука. 1988. 166 с. 1500 экз. 1 руб. 40 коп.

Михайлов М. И. *Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма*. М. Наука. 1988. 264 с. 1150 экз. 4 руб. 10 коп.

Стрежнева М. В. *Великобритания и Западная Европа: политические аспекты*. М. Наука. 1988. 190 с. 2000 экз. 2 руб.

Тихвинский С. Л. *Китай и всемирная история*. М. Наука. 1988. 589 с. 5000 экз. 4 руб. 60 коп.

Филоненко А. Н. *Материальный базис мира*. Проблемы экономических отношений Восток — Запад. Киев. Политиздат Украины. 1988. 136 с. 7000 экз. 30 коп.

Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М. Наука. 1988. 223 с. (Свод этнографических понятий и терминов). 3300 экз. 1 руб. 60 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Калипина Т. М. *Сведения ранних ученых Арабского халифата*. Тексты, пер. с араб. и др., коммент. М. Наука. 1988. 180 с. 5000 экз. 1 руб. 40 коп.

Книга Орудж-бека Байата — Дон-Жуана Персидского. Пер. с англ., введ., коммент. О. Эфендиева, А. Фарзалиева. Баку. Язычы. 1988. 216 с. 30 000 экз. 2 руб.

Олива де Коль Х. *Сопровождение индейцев испанским конкистадором*. Пер. с исп. М. Прогресс. 1988. 247 с. 35 000 экз. 95 коп.

Таксиль Л. *Священный вертеп*. Пер. с франц. Изд. 2-е. М. Политиздат. 1988. 528 с. (Б-ка атеистической литературы). 200 000 экз. 2 руб. 50 коп.

Фрицц М., Юрза Г. *Да здравствует жизнь!* Пер. с нем. М. Политиздат. 1988. 208 с. 100 000 экз. 35 коп.

SUMMARIES OF ARTICLES

O. A. GLAGOLEVA. Andrei Bolotov, a Scholar and Writer of Encyclopaedic Interests

The author takes as her subject the life and varied activities of Andrei Bolotov (1738–1833), a prominent figure in Russian culture. His works and memoirs present him as a man of progressive scientific and cultural ideas and, at the same time, of mystic views and monarchist convictions.

M. N. BOBRIK. Revolution of 1917 and Poland's Independence

The Polish people which had been preserving its national identity throughout the divisions of Poland, early in the 20th century felt with an acute urgency that it needed an independent state. During the First World War Joseph Pilsudsky emerged as a symbol of Polish hope of independence. This happened due to an intricate combination of objective and subjective factors. The army under Pilsudski's command was an active proponent of these hopes. The Polish question rapidly moved towards its solution following the 1917 revolution. This year had launched the process which brought about the revolutions in Austria-Hungary and Germany and had determined the defeat of the Central Powers. The victory of the October Revolution and Soviet Russia's democratic foreign policy, including the right of nations to self-determination and reunification of the Polish lands, promoted the international situation in which the Polish state became a reality in November 1918.

A. M. VASILIEV. Egypt: from Revolutionary Democracy to Bourgeois-Authoritarianism.

The author looks at the changes in the socio-economic and political orientation and structure the last forty years have brought Egypt. The revolutionary transformations of the 1950s and 1960s pushed the country from the bourgeois-landlord pseudo-liberal model of the political structure with certain elements of semi-colonial dependence to the revolutionary-democratic model. At the turn of the 80s, after the counter-revolution won in the early 70s, an authoritarian and capitalist-oriented political structure came into being. It was camouflaged with the "controlled democracy" elements. This political evolution of a highly specific and unique country anticipated much of what happened in other Asian and African countries.

CONTENTS

Articles: **O. E. Glagoleva**. Andrei Bolotov, a Scholar and Writer of Encyclopaedic Interests; **M. N. Bobrik**. Revolution of 1917 and Poland's Independence; **A. M. Vasiliev**. Egypt: from Revolutionary Democracy to Bourgeois Authoritarianism. Letters to the Editors: **K. V. Chistov**. What We Need Today is a Conception of Soviet Cultural Development. Publications: Letters by Academician Anna Pankratova. Historical Profiles: **Y. V. Sokolov**. Alexei Brusilov; **L. I. Gintsberg**. Frederick II. Communications: **B. S. Itenberg**. The First Russian Book of the French Bourgeois Revolution of the Late 18th Century. People, Events, Facts: **S. B. Kuzmina**. Apologia of Vice-Admiral V. A. Kornilov; **G. M. Kovalenko**. The 1611 Treaty between Novgorod and Sweden; **L. N. Sorokina**. Highmatkuns, Charons and Pan-Germanists. Historiography: **N. S. Borisov**. The Russian Church and the Political Struggle in the 14th and 15th cc. **A. S. Khoroshev**. Political History of Russian Canonisation (the 11th-16th cc.). An Important Work about Nikolai Lukin's Work; A Book on the System of Political Forces in Estonia in the Early 20th c.; An American Historian about Timofei Granovski; Historiography of the Southern and Western Slavs. A textbook; A New Publication of the Minutes of the 1787 Federal Convent, etc. **Chronicle of Academic Events**. New Books in the USSR and abroad.

SOMMAIRE

Articles: **O. E. Glagoleva**. A. T. Bolotov, savant, écrivain, esprit encyclopédique; **M. N. Bobrik**. L'année révolutionnaire de 1917 et l'indépendance de la Pologne; **A. M. Vasiliev**. L'Égypte: de la démocratie révolutionnaire vers l'autoritarisme bourgeois. Courrier de la rédaction: **K. V. Tchistov**. On a besoin de la conception scientifique du développement de la culture soviétique. Ecrits inédits: Letters de Anna Mikhaïlovna Pankratova. Portraits historiques: **Y. V. Sokolov**. Alexei Alexévitch Broussilov; **L. I. Guintsberg**. Frédéric II. Communications: **B. S. Itenberg**. Un livre édité le premier en Russie sur la révolution bourgeoise française de la fin du XVIIIe siècle. Hommes, événements, faits: **S. B. Kouzmina**. Pour la défense du vice-amiral V. A. Kornilov; **G. M. Kovalenko**. Un traité de 1611 entre Novgorod et la Suède; **L. N. Sorokina**. Heimatkunst, les charoniens et les pangermanistes. Historiographie: **N. S. Borissov**. L'Eglise russe et la lutte politique des XIVe-XVe siècles; **A. S. Khoroshev**. L'histoire politique de la canonisation russe (XIe-XVIe siècle); Un ouvrage pertinent sur l'œuvre de **N. M. Loukine**; Un livre sur le système des forces politiques en Estonie du début du XXe siècle; **T. N. Granovski** vu par un historien américain; Un manuel sur l'historiographie des Slaves occidentaux et méridionaux; Une nouvelle édition des Protocoles de la Convention fédérale de 1787 et autres. **Chronique de la vie scientifique**. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

SUMARIO

Artículos: **O. E. Glagóleva.** A. T. Bólotov, científico, escritor, enciclopedista; **M. N. Bóbrik.** El año revolucionario 1917 y la independencia de Polonia; **A. M. Vasfliev.** Egipto: de la democracia revolucionaria al autoritarismo burgués. Cartas a la Redacción: **K. V. Chistov.** Es necesaria concepción científica de desarrollo de la cultura soviética. Publicaciones: Cartas de Anna Mijáilovna Pankrátová. Retratos históricos: **Yu. V. Sokolov.** Alexéi Alexéevich Brusílov; **L. I. Guíntsberg.** Federico II. Comunicaciones: **B. S. Itenberg.** El primer libro de Rusia sobre la Revolución Francesa burguesa de fines del siglo XVIII. Hombres, sucesos, hechos: **S. B. Kuzminá.** En defensa del vicealmirante V. A. Kornílov; **G. M. Kovalenko.** El Tratado de Nóvgorod con Suecia de 1611; **L. N. Sorókina.** Heimatkunst, caronianos y pangermanistas. Historiografía: **N. S. Borísov.** La Iglesia rusa y la lucha política de los siglos XIV y XV; **A. S. Joróshev.** Historia política de la canonización rusa (siglos XI a XVI); Trabajo enjundioso sobre la obra de **N. M. Lukín;** Libro sobre el sistema de las fuerzas políticas en Estonia a comienzos del siglo XX; Historiador norteamericano sobre **T. N. Granovski;** Manual de historiografía de los eslavos meridionales y occidentales; Nueva edición de Protocolos de la Convención Federal de 1787, etc. Crónica de la vida científica. Nuevos libros en la URSS y en el exterior.

Редакционная коллегия: А. А. ИСКЕНДЕРОВ (главный редактор), В. П. АЛЕКСЕЕВ, Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ, П. В. ВОЛОБУЕВ, А. С. ГРОССМАН, В. П. ДАНИЛОВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. А. ДЬЯКОВ, М. С. КАПИЦА, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, В. И. КУЗИЩИН, В. А. КУМАНЕВ, Б. В. ЛЕВШИН, А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ, О. А. РЖЕШЕВСКИЙ, К. И. СЕДОВ, И. В. СОЗИН (зам. главного редактора), С. Л. ТИХВИНСКИЙ, А. Я. ШЕВЕЛЕНКО, В. В. ШЕЛОХАЕВ, В. А. ШИШКИН, В. Л. ЯНИН.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 04.10.88.	Подписано к печати 11.11.88.	А 11825	Формат 70×108 ^{3/16} .
Высокая печать.	Усл. печ. л. 16,80.	Усл. кр.-отт. 17,33.	Учетно-изд. л. 19,08.
	Тираж 19 000 экз.	Заказ 2097.	

НОВЫЕ КНИГИ

O'HALPIN E. **The Decline of the Union.** British Government in Ireland, 1892—1920. Goldenbridge. Dublin. Gill and Macmillan; Syracuse (N. Y.), Syracuse Univ. Press. 1987. XI, 258 p.

LOUGHLIN J. **Gladstone, Home Rule and the Ulster Question, 1882—93.** Goldenbridge. Dublin. Gill and Macmillan. 1986. 369 (10) p.

GÓMEZ MOLLEDA M. D. **La masonería la crisis española del siglo XX.** Madrid. Taurus. 1986. 537 p.

La crisis de la Restauración. España, entre la primera guerra mundial y la Segunda República. Il Coloquio de Segovia sobre historia contemporánea de España dir. por Manuel Tuñón de Lara, A. Elorza, L. Arranz, F. del Rey et al. Ed. al cuidado de José Luis García Delgado. Madrid. Siglo XXI. 1986. IX, 429 p.

TUSELL J. **Los hijos de la sangre. La España de 1936 desde 1986.** Madrid. Espasa Calpe. 1986. 278 p.

VILAR S. **La década sorprendente, 1976—1986.** La construcción de la democracia entre la euforia, el desencanto, la modorra y los sobresaltos. Barcelona. Planeta. 1986. 208 p.

GEROSA G. **Il generale. Vita di Giuseppe Garibaldi.** Pref. di Bettino Craxi. Torino. ERI. Ed. RAI. Novara. Ist. geogr. de Agostini 1986. 326 (6) p., (12) f. ill.

LAZZATI G. **Chiesa, laici ed impegno storico.** Scritti (1947—65) riediti in memoria. Pubbl. della Univ. cattolica. Milano. Vita e pensiero. 1987. XI, 298 p.

MUGHINI C. **Compagni, addio.** Lettera aperta alla Sinistra. Milano. Mondadori. 1987. 143 p.

ZANGHERI R. **Bologna.** Roma-Bari. Laterza. 1986. 488 p.

GRANATSTEIN J. L. **Canada, 1957—1967.** The Years of Uncertainty and Innovation. Toronto (Ont.). McClelland and Stewart. 1986. XV, 375 p.

GROSS B. H. **Freiendly Fascism: the New Face of Power in America.** Montréal. 1985. Black Rose Books. XXVIII, 410 p.

Common Cause. Essays in Australian and New Zealand Labour History. Ed. by Eric Fry. Wellington etc. Allen and Unwin. Port Nicholson Press. 1986. XVI, 187 p.

Diccionario histórico y biográfico del Perú. s. XV—XX. Dir., producción, epígrafes, diagramación y ed.: Carlos Milla Batres. T. 1: A—B. XVI, 416 p.; T. 2: B—C. XVI, 416 p.; T. 3: C—E. XVI, 400 p.; T. 4: F—H. XVI, 408 p.; T. 5: H—M. XVI, 400 p.; T. 6: M—O. XVI, 400 p.; T. 7: O—R. XVI, 400 p.; T. 8: R—T. XVI, 400 p.; T. 9: T—Z. XVI, 432 p. Lima. Milla Batres. 1986.

LOUREIRO J. J. **Memórias políticas, 1834—1844.** Estudo introd. de Maria de Fátima Bonifácio. Lisboa. Rolim. 1986. 198 p.

FILOMENA MONICA M. **Artesãos e operários.** Indústria, capitalismo e classe operária em Portugal (1870—1934). Lisboa. Ed. do Ins. de Ciências Sociais da Univ. de Lisboa. 1986. 228 p. (12) f. il.

AUSTIN E. W. **Political Facts of the United States since 1789.** With the Ass. of Jerome M. Clubb. New York. Columbia Univ. Press. 1986. XII, 518 p.

EISENHOWER D. **Eisenhower: at War, 1943—1945.** New York. Random House. 1986. XXVII, 977 p. (16) l. il.

GLENAPP W. F. **The Origins of the Republican Party, 1852—1856.** New York. Oxford. Oxford Univ. Press. 1987. XI, 564 p. (9) l. fig.

DITTBERNER J. **FDP — Partei der zweiten Wahl.** Ein Beitr. zur Geschichte der liberalen Partei u. ihrer Funktionen im Parteiensystem der Bundesrep. Opladen. Westdt. Verl. 1987. 210 S.

ENGELMANN B. **Wir hab'n ja den Kopf noch fest auf dem Hals.** Die Deutschen zwischen Sunde Null u. Wirtschaftswunder. Köln. Kiepenheuer und Witsch. 1987. 257 S.

Normalität oder Normalisierung? Geschichtswerkstätten u. Faschismusanalyse. Hrg. von Heide Gerstenberger u. Dorothea Schmidt. Münster. Westfälisches Dampfboot. 1987. 222 S.

Suomen turvallisuuspolitiikka. Helsinki. Otava. 1987. 240 s.

JOKIPII M. **Jatkosodan synty.** Tutkimuksia Saksan ja Suomen sotilaallisesta yhteistyöstä 1940—41. Helsinki. Otava. 1987. 748 s.

Les ennemis de la décolonisation de l'Empire colonial français. Colloque organisé par l'I.H.T.P. les 4 et 5 oct. 1984. Inst. d'histoire du temps présent. Sous la dir. de Charles-Robert Ageron. Paris. Ed. du CNRS. 1986. 564 p.

QUOY-BODIN J.-L. **L'armée et la franc-maçonnerie.** Au declin de la Monarchie sous la Révolution et l'Empire. Préf. d'Andre Corvisier. Paris. Economica. EDIC. 1987. XX, 344 p.

TROTIGNON Y. **La France au XX-e siècle.** T. 1. Jusqu'en 1968. 447 p. T. 2. Depuis 1968. 5. éd. actualisée. 315 p. Paris. Dunod. 1986.

FRANZEN N.-O. **Undan stormen. Sverige under första världskriget.** Stockholm. Bonnier. 1986. 379 s.

MELLBOURN A. **Bortom del starka samhället.** Socialdemokratisk förvaltningspolitik, 1982—1985. Stockholm. Carlsson. 1986. 127 s.

344 - 44

Цена 90 коп.

Индекс 70145

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Расчетный чек Сберегательного банка СССР применяется для:

— расчетов за любые промышленные товары стоимостью свыше 100 рублей, приобретаемые в магазинах государственной и кооперативной торговли, а также на лесоторговых базах и тароремонтных предприятиях системы Госснаба СССР;

— оплаты услуг, предоставляемых предприятиями бытового обслуживания и общественного питания, а также станциями автотехобслуживания;

— оплаты иностранной валюты, стоимости туристского обслуживания и проездных билетов, приобретаемых советскими туристами, выезжающими за границу;

Расчетный чек является именованным денежным документом. Он выдается на сумму от 100 до 10 000 рублей за счет средств, хранящихся на счете по вкладу или внесенных в Сберегательный банк наличными деньгами. Чек действителен в течение двух месяцев и принимается к оплате на всей территории страны, независимо от места его выдачи.

Безналичные расчеты чеками удобны, они освобождают трудящихся от необходимости иметь при себе крупные суммы наличных денег для оплаты товаров и услуг.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР